

ДИАНА ГЭБЛДОН

БАРАБАНЫ ОСЕНИ

КНИГА 2

ЗАГАДКИ
ПРОШЛОГО

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ -
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

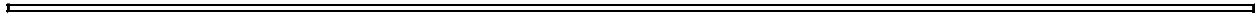
Annotation

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, – завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Брианна отправляется в прошлое вслед за матерью, чтобы разыскать отца, которого никогда не видела. Но счастливую встречу с родителями омрачает ужасная новость. Ее возлюбленный Роджер, который тайно последовал за ней в прошлое, попал в плен. Ради спасения любимого Брианна готова на все, но времени у нее остается все меньше: неожиданно она узнает, что беременна, а значит, необходимо спешить обратно в будущее.

- [Диана Гэблдон](#)
 -
 - [Часть восьмая](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Часть девятая](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Часть десятая](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)

- [Глава 50](#)
 - [Часть одиннадцатая](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Часть двенадцатая](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

Диана Гэблдон

Барабаны осени. Книга 2. Загадки прошлого

Diana Gabaldon

drums oF autumn

Copyright © 1997 by Diana Gabaldon

© Бабурова Г.Ю., Парахневич Е.В., перевод на русский язык,
2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Часть восьмая

Beaucoup^{[\[1\]](#)}

Глава 30

Как в воду канул

Оксфорд, апрель 1971 года

– Нет, – решительно заявил Роджер. Прижимая к уху телефонную трубку, он повернулся к окну, за которым хмурилось унылое серое небо. – Не могу. Я ведь говорил, на следующей неделе еду в Шотландию.

– Родж, ну пожалуйста, – упрашивала Дин. – Это как раз по тебе. К тому же твои планы не слишком сдвинутся, в этом же месяце попадешь в Шотландию и сможешь охотиться там на оленей, сколько пожелаешь. И вообще, ты мне сказал, что твоя девушка приедет только в июле.

Роджер скрипнул зубами, как всегда, когда Дин отпускала шпильки в адрес шотландцев, и открыл было рот, чтобы ответить «нет», но не успел.

– К тому же это американцы, а у тебя отлично получается с ними ладить... – Фыркнув, она добавила: – Например, обсуждать девчонок.

– Послушай, Эдвина, у меня есть планы на отпуск. В них не входят экскурсии по лондонским музеям.

– Нет-нет, – заверила она, – мы нашли сопровождающих для экскурсий и заплатили им, тебе нужно будет заниматься только самой конференцией.

– Да, но...

– Мы хорошо заплатим, Родж, – мурлыкнула Дин, бросая на чашу весов последний, самый серьезный довод. – Я же сказала, это американцы. Ты понимаешь.

Дин выдержала паузу, чтобы Роджер смог осознать, сколь внушительную сумму заработает всего лишь за неделю, сопровождая группу американских студентов, куратор которых неожиданно заболел. По сравнению с его обычной зарплатой сумма просто астрономическая!

– О... – Роджер сам почувствовал, что колеблется.

– Я слышала, ты намерен жениться этим летом? Ну, так закажешь для гостей побольше телячьего рубца.

– Эдвина, кто-нибудь говорил тебе, что ты коварная искусительница?

– Никто, – хмыкнула она и деловитым тоном продолжила: – Увидимся в понедельник и обсудим.

Она повесила трубку.

Может, затея и неплохая, уныло подумал Роджер. Если честно, деньги

не слишком его волновали, но конференция поможет отвлечься от грустных мыслей. Он взял смятое письмо, что лежало у телефона, и разгладил его; глаза, по-настоящему не вчитываясь, побежали по абзацам, содержащим слова извинений.

Ей очень жаль, писала Брианна. Она получила приглашение на конференцию в Шри-Ланке (о господи, американцы разъезжают по конференциям все лето!), там будет возможность завязать полезные знакомства, пройти собеседование (собеседование, боже правый, – она никогда не вернется, он так и знал!). Ужасно жаль. Увидимся в сентябре. Я напишу. С любовью.

– Ну да, конечно!.. С любовью.

Роджер снова скомкал письмо и бросил его на комод. Комок бумаги отскочил от уголка серебряной рамки, в которой стояла фотография, и упал на ковер.

– Неужели нельзя сказать прямо: мол, встретила человека!..

Он схватил фотографию в серебряной рамке, желая то разбить ее вдребезги, то прижать к сердцу. Раздираемый противоречивыми чувствами, постоял, глядя на нее, и аккуратно поставил на место.

– Прости, – сказал он, – таков уж я.

Май 1971 года

Роджер вернулся в колледж в последний день конференции – усталый и сытый американцами по горло. У стойки портье стояла адресованная ему посылка – пять деревянных ящиков с международной маркировкой.

– Что это? – спросил Роджер, одной рукой принимая расписку в получении у курьера, а другой нашаривая в кармане несколько монеток дать на чай.

– Откуда я знаю, – огрызнулся курьер, утирая пот со лба. Он только что вошел со двора, со стуком взгромоздив последний из ящиков на остальные. – Тебе видней, приятель.

Роджер подтолкнул верхнюю коробку: в ней не книги, а свинец. От толчка ящик немного сдвинулся, и показался конверт, приклеенный снизу. Роджер оторвал конверт и распечатал его.

«Однажды твой отец сказал мне, что у всего должна быть своя история, – гласила записка внутри. – Это моя. Сохранишь ее вместе со своей?» Ни приветствия, ни подписи. Только заглавная буква «Б» в углу, написанная угловатым почерком.

С минуту Роджер смотрел на лист бумаги, затем свернул его и вложил обратно в конверт, который спрятал в карман рубашки. Присев, он приподнял верхний ящик. Боже, до чего тяжелый, фунтов шестьдесят, не меньше!

Обливаясь потом, Роджер затащил ящик к себе домой и прошел в крошечную спальню. Порывшись в столе, достал отвертку и, прихватив бутылку пива, вернулся в гостиную. *«Сохранишь ее вместе со своей?»* Разве девушка отправит все свое добро парню, с которым намерена порвать?

Внутри ящика, набитого мягкой стружкой, обнаружился второй. Открыв его, Роджер нашел внутри множество коробок и свертков. Он вытащил наугад коробку из-под обуви и заглянул внутрь. Фотографии – старые, с завернутыми углами, и новые, глянцевые и цветные. На большом студийном снимке была запечатлена Клэр Рэндалл такой, какой Роджер видел ее в последний раз – ласковый взгляд янтарных глаз из-под копны темно-каштановых кудрей, легкая улыбка на пухлых нежных губах. Он бросил снимок обратно в коробку, чувствуя себя убийцей.

В одном из газетных свертков оказалась набитая соломой кукла по имени Реггеди Энн, героиня одноименной рисованной истории. Краски с лица почти стерлись, остались только пришитые глаза-пуговицы, глядевшие хмуро и с угрозой. Платье на кукле было порвано, затем аккуратно заштопано, тряпичное тело чисто выстирано, но на нем все же остались неотмывшиеся пятна.

Маска Микки Мауса, через дырочки возле ушей до сих пор протянута тонкая розовая резинка. Дешевенькая музыкальная шкатулка, игравшая при открывании *«Где-то над радугой»*. Потертая плюшевая собака. Вылинявшая красная толстовка мужского кроя размера «М» – наверняка принадлежала Фрэнку. Поношенный шелковый халат шоколадного цвета... Повинуясь порыву, Роджер прижал его к лицу. Запах Клэр. Перед глазами возник четкий образ, вызванный слабым ароматом мускуса и свежей зелени, и он в смятении потянул за галстук, чтобы ослабить петлю.

Среди пустяков нашлись и довольно ценные вещи: ящик был таким тяжелым, потому что на самом дне лежали три плоские коробки, в которые упаковали три обеденных сервиза из серебра, обернув каждый из предметов мягкой тканью. В каждой коробке лежал листок с отпечатанным текстом, содержащим краткую справку о происхождении серебра.

На французском сервизе с витыми краями стояло клеймо «DG»; приобретен Уильямом С. Рэндаллом в 1842 году. Старинный английский сервиз времен короля Георга III; приобретен Эдвардом К. Рэндаллом в 1776

году. Сервиз работы Чарльза Бойтона; приобретен Квентином Ламбертом Бичемом в подарок к бракосочетанию Фрэнклина Рэндалла и Клэр Бичем в 1903 году. Семейное серебро.

С возрастающим удивлением Роджер вынимал предмет за предметом и аккуратно складывал их на полу рядом с ящиком. Ценности и безделушки, заключавшие в себе историю Брианны Рэндалл.

Затем в голове Роджера мелькнула тревожная мысль, и он схватил крышку, желая проверить адрес на наклейке. Оксфорд. Да, она отправила их именно сюда. Но почему, ведь она полагала, что он пробудет в Шотландии все лето? Он бы уехал, если бы в последнюю минуту не согласился участвовать в конференции.

В углу ящика обнаружилась шкатулка для драгоценностей. Внутри лежали несколько колец, броши и сережки. Был там и дымчатый топаз, который он подарил ей на день рождения. Цепочки и ожерелья. Не хватало двух вещей.

Серебряного браслета, который он тоже дарил ей, и жемчуга, принадлежавшего ее бабушке.

– Боже милосердный!

Он вытряхнул все из шкатулки и заново перебрал украшения. Ожерелье из жемчужин, обрамленных старинным золотом, пропало.

Взять его с собой на конференцию в Шри-Ланку она не могла. Брианна вообще редко его надевала. Ожерелье было единственной связью с...

– Ты ведь не сделала этого! – воскликнул Роджер. – Боже, скажи мне, что нет!

Он положил шкатулку на кровать и бросился вниз по лестнице к телефону.

Пришлось ждать целую вечность, пока соединяли с оператором международных звонков. В трубке раздалось потрескивание, и вот наконец пошли гудки. Один, второй... Щелчок, кто-то снял трубку. Сердце Роджера радостно ухнуло. Она дома!

– Приносим свои извинения, – произнес в трубку приятный бездушный женский голос, – номер отключен от сети или не обслуживается.

Господи, она ведь не могла! Или могла?.. Да, могла, черт возьми! Чем она только думала, идиотка!

Роджер беспокойно барабанил пальцами по бедру. Он закурил, слушая треск в трубке, пока устанавливалось соединение с номером по ту сторону океана. Ему пришлось столкнуться с бесконечным множеством секретарей-

тугодумов и с их любезными просьбами подождать, пока в трубке не раздался нужный голос:

– Джозеф Эбернети.

– Доктор Эбернети? Это Роджер Уэйкфилд. Вы знаете, где Брианна?

– С вами. Разве нет? – удивленно переспросил голос.

Роджер похолодел и сдавил трубку, словно пытаясь выжать из нее желанный ответ.

– Нет. – Он изо всех сил старался сохранить спокойствие. – Она собиралась приехать осенью, когда получит степень и съездит на какую-то конференцию.

– Не может быть. Она сдала работу в конце апреля – я приглашал ее на ужин, чтобы отпраздновать, – и сказала, что не станет дожидаться официальной церемонии и поедет в Шотландию. Погодите, дайте подумать... Да, мой сын Ленни отвозил ее в аэропорт! Когда же это было?.. Точно, во вторник, двадцать седьмого. Хотите сказать, она не добралась? – заволновался доктор Эбернети.

– Не знаю, добралась она или нет. – Роджер сжал свободную руку в кулак. – Она не сказала мне, что приедет. – Он замолчал и перевел дыхание. – А куда она полетела? В какой город? В Лондон? Или в Эдинбург?

Конечно, может быть, ей захотелось сделать сюрприз и нагрянуть неожиданно. Но вряд ли Брианна решила так поступить.

В голове промелькнули сцены похищения, затем терактов, учиненных ирландскими республиканцами. Все что угодно могло случиться с девушкой, которая отправилась в большой город совсем одна. И это «все что угодно» было бы лучше, чем то, что произошло на самом деле, как подсказывало Роджеру нутро. Чертова баба!

– В Инвернесс, – раздался в трубке голос доктора Эбернети. – Из Бостона в Эдинбург, а затем на поезде в Инвернесс.

– О, господи! – Одновременно и упрек, и молитва. Если она вылетела из Бостона во вторник, значит, до Инвернесса добралась в четверг. А в пятницу было тридцатое апреля – канун Белтайна, древнего праздника костров, когда шотландцы разводят костры на вершинах холмов, как символ очищения и плодородия. В этот день, возможно, откроется магический портал на вершине холма Крейг-на-Дун.

Эбернети взволнованно бубнил в трубку, что-то спрашивая. Роджер попытался сосредоточиться.

– Нет, – с трудом проговорил он. – Я не знал. Я еще в Оксфорде.

Воцарилось звенящее молчание, наполненное ужасом. Роджер глубоко

вдохнул – каждый вдох давался ему с трудом – и перехватил трубку другой рукой, вытерев о брюки вспотевшую ладонь.

– Доктор Эбернети, возможно, Брианна последовала за своей матерью, Клэр. Скажите, вы знаете, где она?

– Ох, – нехотя произнес доктор Эбернети, – боюсь, что нет. Точно не знаю.

Точно не знает... Отличный способ увильнуть от ответа.

– Хорошо, спрошу так: вы когда-нибудь слышали о Джейми Фрейзере? – осторожно поинтересовался Роджер.

Трубка накалилась от неловкого молчания, затем Джозеф Эбернети испустил стон.

– Пресвятые угодники! – выдохнул он. – Она сделала это.

«Вы поступили бы иначе?»

Вот что сказал ему Джо Эбернети после долгого разговора, и этот вопрос пульсировал у Роджера в висках, пока он вел машину на север, в пелене дождя едва замечая дорожные знаки, что проносились мимо.

«Вы поступили бы иначе?»

– На ее месте я поступил бы так же, – сказал доктор Эбернети. – Если бы вы ничего не знали о своем отце, – и вдруг случайно выяснили, где он находится... Разве вам не захотелось бы встретиться? Лично мне было бы очень любопытно.

– Вы не понимаете, – ответил Роджер, растерянно утирая лоб, – это не та ситуация, когда приемная дочь узнала имя настоящего отца и тут же бросилась за порог.

– А мне кажется, именно та. Бри удочерили, верно? По-моему, она отправилась бы в путь гораздо раньше, если бы не чувствовала, что это несправедливо по отношению к Фрэнку.

Роджер покачал головой, совсем забыв, что доктор Эбернети его не видит.

– Одно дело, «броситься за порог». И совсем другое – путь в прошлое... Бри рассказывала вам, как прошла его Клэр?

– Рассказывала, – подтвердил Джо с иронией. – По ее словам, это не совсем то, что пройти через вращающуюся дверь.

– Мягко говоря.

От воспоминания о каменном круге на Крейг-на-Дун Роджера бросило в холодный пот.

– Мягко говоря? То есть вам известно, как это происходит? – поинтересовался доктор Эбернети.

– Известно, черт возьми! – рявкнул Роджер. Он перевел дыхание. – Простите. Слушайте, мне трудно объяснить... Те камни... Не каждый их слышит. Клэр слышала. Бри тоже. И я. И для нас...

Клэр прошла через круг на Крейг-на-Дун два с половиной года тому назад в первый день ноября на Самайн – древний праздник костров. Роджера бросило в дрожь.

– То есть пройти через круг может не всякий? А вы можете? – спросил Эбернети с любопытством, и, кажется, в его голосе слышалась зависть.

– Не знаю. – Роджер пригладил волосы. – Наверное, могу. Дело в том... – начал он, пытаясь совладать с голосом, а вместе с ним и со страхом, – дело в том, что если она даже пройдет через камень, нельзя предугадать, где и когда она окажется.

– Понимаю. – Голос американца утратил оживление. – Выходит, вы понятия не имеете, куда попала Клэр...

Роджер снова покачал головой, ясно представив перед собой Джо Эбернети. Доктор Эбернети, крупный чернокожий мужчина с густыми короткими волосами, носил очки в тонкой золотой оправе и излучал надежность и уверенность; в его присутствии сразу становилось спокойно. Как ни странно, это ощущение передавалось даже по телефону, и Роджер был более чем благодарен ему за это.

– Нет. – Нужно заканчивать. Не может он обсуждать подобные вещи по телефону с почти незнакомым человеком. – В то время появлялось не очень-то много заметок о простых женщинах, если только с ними не происходило чего-нибудь необычного – например, их сжигали на костре, как ведьм, или вешали за убийство. Или убивали.

Доктор Эбернети невесело усмехнулся.

– По крайней мере однажды ей это удалось. Она прошла через круг и вернулась обратно.

– Так и есть. – Роджер попытался найти утешение в этом факте, но в то же время в уме проносились тысячи других вероятностей. – К сожалению, мы не знаем, удалось ли это Брианне. Даже если она прошла через камень и осталась жива... Вы хоть представляете, до чего опасное время это было? Восемнадцатый век!

– Тем не менее Клэр справилась.

– Она осталась в живых, – согласился Роджер. – Но это вовсе не походило на увеселительную прогулку. Она сказала, что ей повезло.

По крайней мере, однажды.

Джозеф Эбернети издал нервный смешок.

– Что ж, значит, Брианна ушла. Полагаю, вы правильно догадались,

куда именно. Думаю, что я на ее месте поступил бы так же. А вы?

«А вы?»

Роджер обогнул грузовик со светящимися фарами, продолжая поездку в тумане. «Я на ее месте поступил бы так же», – звучал у него в ушах уверенный голос Эбернети.

«Инвернесс, 30» – гласил придорожный указатель. Роджер повернул руль крохотного «Морриса», шины скрипнули по мокрому асфальту. По дороге барабанил дождь, у обочины земля размокла, превратившись в слякоть.

«А вы?» Роджер потрогал нагрудный карман на рубашке, где хранил маленькую фотографию Брианны. И медальон матери, который в последний момент захватил с собой наудачу.

– Наверное, я тоже, – пробормотал он, уставясь в лобовое стекло, по которому скребли дворники. – Но я обязательно предупредил бы тебя, что собираюсь пройти сквозь камень. Ради бога, почему ты мне не сказала?

Глава 31

Возвращение в Инвернесс

В коридоре висел запах мебельной полироли, воска для пола и свежей краски. И все же этот насыщенный запах – результат хозяйственного рвения Фионы – не мог затмить умопомрачительных ароматов, идущих с кухни.

– А вы говорите, «Домой возврата нет», мистер Вулф, – усмехнулся Роджер, глубоко вздохнул и поставил чемодан на пол. Конечно, хозяева сменились, но, даже превратись старый дом в пансион для постояльцев, привычный дух был неистребим.

Фиона встретила его очень тепло, Эрни проявил чуть меньше энтузиазма. Тем не менее Роджера поселили в его прежнюю комнату под самой крышей, и он тут же погрузился в расследование. Это было несложно; шотландцы всегда проявляли любопытство по отношению к приезжим, поэтому высокая рыжеволосая девушка должна была привлечь внимание местных жителей.

Она прибыла в Инвернесс из Эдинбурга, – ее видели на вокзале. Также Роджер знал, что высокая рыжеволосая девушка взяла такси и попросила водителя отвезти ее в деревню. Водитель затруднялся определить, где именно она вышла; она просто остановила его по дороге: «Спасибо, это здесь».

– Она сказала, что собирается с друзьями в поход, – пожал плечами водитель. – С рюкзаком, и одета была, как для похода. Погода паршивая, но вы же знаете, до чего упрямы эти американские туристы.

Что ж, Роджер прекрасно знал, до чего упряма именно эта американская туристка. Черт возьми ее рыжую упертую голову, если она решилась, то почему не сказала?! «Потому что не хотела, чтобы ты знал, вот почему!» Ему было неприятно думать, отчего так произошло.

Итак, удалось выяснить, куда она отправилась; для того, чтобы последовать за ней, оставался единственный выход.

Клэр настаивала, что портал открывался в дни праздников солнца или огня. Похоже, это на самом деле было так – в первый раз она прошла через него на Белтайн, первого мая, второй на Самайн, первого ноября. А теперь Брианна последовала за матерью снова на Белтайн.

Однако Роджер не собирался ждать до ноября – одному богу известно, что может произойти за пять месяцев! Белтайн и Самайн – праздники огня,

а между ними был еще праздник солнца.

Через четыре недели, двадцатого июня, наступит праздник летнего солнцестояния. При мысли о том, что все же придется ждать, Роджер стиснул зубы. Тем не менее, если он, как верный рыцарь, попытается пройти через портал теперь и погибнет, Брианне это не поможет. Роджер не обманывал себя насчет природы каменного круга, он все видел и слышал.

Потихоньку он начал готовиться. А по вечерам, когда с реки спускался туман, пытался отвлечься от тяжелых дум: играл в шашки с Фионой, ходил в паб с Эрни или в качестве последнего средства шел в гараж и разбирал старые коробки.

Гараж, похоже, заколдовали – коробок почему-то становилось все больше, они плодились с невероятной скоростью; каждый раз, когда он открывал дверь, их все прибывало. Скорее всего, его вынесут вперед ногами прежде, чем он закончит разбирать отцовские вещи, подумал Роджер. И все же нудная работа отвлекала его от тягостных мыслей, не позволяла раскиснуть. Он даже иногда спал ночами.

– У тебя на столе фотография... – Фиона не смотрела на него, уставившись на тарелки, которые мыла.

– Их там много. – Роджер осторожно отхлебнул чай: крепкий, свежий и необжигающий. – Подарить тебе какую-нибудь? Там есть снимки твоей бабушки, можешь взять, только оставь мне один.

Фиона удивилась.

– Бабушка? Спасибо, папе будет приятно на них взглянуть. Но я имела в виду большую.

– Большую? – Роджер напряженно шевелил мозгами, пытаясь понять, что она имеет в виду. Большинство черно-белых фотографий были маленькими, снятыми на старый фотоаппарат фирмы «Брауни», который принадлежал его преподобию, но имелось и несколько снимков большего формата, снятых в студии, – на одном были запечатлены его родители, на другом бабушка его преподобия, облаченная в бомбазин и похожая в нем на птеродактиля: снимок сделали по случаю столетия пожилой леди. Вряд ли Фиона имела в виду именно ее.

– С той женщиной, что сначала убила мужа, а потом уехала.

– С той, что... А! – Роджер сделал еще глоток чая. – Ты имеешь в виду Джиллиан Эдгарс?

– С той, – упрямо повторила Фиона. – Зачем тебе ее фото?

Роджер отставил чашку, взял утреннюю газету и ответил, стараясь, чтобы голос звучал спокойно:

– Кто-то дал.

– Кто?

Сестра всегда была настойчива, но редко действовала напрямик. Что ее так взволновало?

– Миссис Рэндалл, супруга доктора Рэндалла. А что?

Фиона не ответила, только поджала губы.

Тем временем Роджер потерял к газете всякий интерес и отложил ее в сторону.

– Ты знала Джиллиан Эдгарс?

Фиона попыталась увильнуть от ответа.

– Джойси сказала, ты поднимался на Крейг-на-Дун. Ее Альберт видел тебя в четверг, когда проезжал мимо.

– Да, поднимался. А что, это запрещено?

– Плохое место. Как все каменные круги. И не надо говорить, что ты полез туда, чтобы полюбоваться видом.

– Я и не говорю.

Роджер откинулся на спинку стула, наблюдая за сестрой. Ее темные кудрявые волосы были взъерошены, она все время трепала их, когда нервничала, а сейчас она, несомненно, нервничала.

– Ты ее знаешь. Точно, Клэр говорила.

Искра любопытства, которая вспыхнула, когда он упомянул о Джиллиан Эдгарс, разгорелась.

– Как я могу ее знать, если она мертва. – Фиона схватила из подставки пустую яичную скорлупу, внимательно разглядывая трещинки. – Разве не так?

Роджер подошел к ней и накрыл рукой ее ладонь.

– А разве так?

– Говорят, что мертва. Полиция не нашла ни единого следа. – В ее устах слово прозвучало как «полисия» из-за мягкого шотландского акцента.

– Может, они не там искали?

Вся краска тут же схлынула с круглого румяного лица сестры. Роджер сжал ей руку сильнее, потому что Фиона попыталась освободиться. Господи, она что-то знала.

– Расскажи мне, Фиона, – попросил Роджер, – пожалуйста, расскажи. Что ты знаешь о Джиллиан Эдгарс и о камнях?

Фиона освободила руку, но не ушла, осталась стоять, крутя яичную скорлупу вверх и вниз, словно переворачивала песочные часы. Роджер поднялся со стула, и она, всполошившись, отпрянула.

– Предлагаю сделку. Ты мне расскажешь, что тебе известно, а я

расскажу, почему миссис Рэндалл дала мне фотографию и зачем я поднимался на Крейг-на-Дун.

– Надо подумать.

Фиона поспешно нагнулась, подхватила поднос с грязной посудой и выскользнула прочь, прежде чем Роджер успел ее остановить.

Он медленно сел. Завтрак был превосходный – Фиона вообще отлично готовила, – но вся еда вдруг стала в желудке холодным, словно кусок мрамора, недвижимым комом.

Не стоит так переживать. Конечно, он взволнован. Ему интересно, что могла знать Фиона о женщине, которая называла себя Джиллиан, а впоследствии Гейлис. Любое упоминание о ней будоражило любопытство...

Роджер снова притянул к себе чашку и глотнул из нее, не разбирая вкуса. Что, если он заключит сделку и в самом деле все расскажет Фионе? Не только о Клэр, но и о нем самом, и о Брианне?

Мысль о Бри камнем упала в душу, оставляя на поверхности круги страха. «Она мертва, – сказала Фиона о Джиллиан, – разве не так?»

«А разве так?» – ответил он, живо представляя зеленоглазую женщину с распущенными волосами, готовую пройти через внезапно распахнувшуюся дверь во времени.

Нет, она не умерла. По крайней мере, тогда. Клэр встретила с ней... Или встреча лишь предстояла? Раньше? Позже? Она не умерла, но мертва?

К черту рассуждения!.. Слишком взбудораженный, чтобы оставаться на одном месте, Роджер поднялся и прошел в гостиную. У дверей кухни он замедлил шаг. Фиона стояла у раковины, глядя в окно. Она услышала его шаги и обернулась, сжимая в руках тряпку для посуды, которую так и не пустила в ход.

– Я не хотела говорить, однако рассказать нужно. – Фиона вздохнула и выпатила подбородок, словно пекинес, готовый дать отпор настоящему льву. – Мама Бри, милая миссис Рэндалл, спросила меня о бабушке, она знала, что бабушка была... была танцовщицей.

– Танцовщицей? Ты имеешь в виду, танцевала у камней? – Роджер был немного обескуражен. Клэр говорила ему при первой встрече, и все же он не до конца поверил, что миссис Грэхэм принимала участие в ритуальных танцах на майской лужайке.

Фиона тяжело вздохнула.

– Значит, тебе известно.

– Я не знал. Просто миссис Рэндалл – супруга доктора – говорила мне, что видела женщин, которые танцевали у камней на Белтайн. Твоя бабушка

была среди них.

Фиона покачала головой.

– Не просто среди них. Бабушка была заклинательницей.

Роджер прошел в кухню и вынул тряпку для посуды из Фиониной руки.

– Садись. – Он взял ее под руку и усадил за стол. – Расскажи мне, что значит заклинательница.

– Та, что велит солнцу сесть. – Фиона покорно села на стул. Роджер понял, что она решилась. – Бабушка владела древним языком, языком солнца. Сначала мы танцуем в кругу, а потом заклинательница становится лицом к расколотому камню и поет... Это не совсем песня... Напоминает проповедь, что читает священник на кафедре, звучит так же размеренно. Начинать нужно, когда солнце занимается над морем, а к концу песни лучи как раз проходят через камень.

– Ты помнишь слова? – В Роджере проснулся ученый, интерес исследователя возобладал над смущением.

Фиона не очень походила на бабушку, однако взгляд, которым она его смерила, до жути напоминал взгляд миссис Грэхэм.

– Я знаю их наизусть. Теперь заклинательница я.

Роджер понял, что стоит с отвисшей челюстью, и прикрыл рот. Фиона потянулась за жестяной банкой с печеньем.

– Тебе знать слова ни к чему, – ворчливо заметила она. – Ты спрашивал о миссис Эдгарс, вот о ней я и расскажу.

Фиона была знакома с Джиллиан Эдгарс, та тоже была танцовщицей, только новенькой. Она все расспрашивала более опытных, чтобы научиться как следует. Еще она хотела выучить песню солнца, но слова песни необходимо держать в тайне, их знают только заклинательница и ее преемница. Некоторые танцовщицы – те, что слышали песню из года в год, – запомнили их, но, разумеется, не все, а еще они не знали, когда следует начинать и как рассчитать время, чтобы финальные слова совпали с лучами солнца.

Фиона замолчала, уставившись на сложенные на коленях руки.

– Только женщины знают об этом, мужчин мы не допускаем, им нельзя рассказывать. Ни за что.

Роджер накрыл ладонью ее руки.

– Фиона, ты правильно сделала, что сказала, – мягко произнес он. – Пожалуйста, договаривай.

Она с глубоким вздохом вытянула ладони и вперилась в него взглядом.

– Тебе известно, куда она отправилась? Брианна?

– Туда же, куда и Джиллиан. Ведь так?

Фиона смотрела на него по-прежнему молча. Роджеру на миг показалось, что все это сон. Разве мог он на самом деле обсуждать с Фионой ритуальные танцы у камней и путешествия во времени, удобно расположившись на стуле и прихлебывая чай из чашки с профилем королевы? С Фионой, боже мой, с Фионой, которая интересовалась только тем, как ублажить Эрни и сэкономить на домашнем хозяйстве!

То есть он так думал.

Роджер взял чашку, сполоснул ее и вытер полотенцем.

– Я должен пойти за ней, Фиона, если это осуществимо.

Она покачала головой, явно встревоженная.

– Не знаю. Раньше проходили только женщины. Вдруг только женщины могут?

Роджер вертел в руках солонку. Это то, чего он и опасался.

– Что ж, выход один – проверить. – Перед глазами невольно встал грозный черный камень на фоне розового рассветного неба.

– У меня ее записная книжка, – прошептала Фиона.

– Чья? Джиллиан Эдгарс? Она что-то записывала?

– Записывала. Есть одно место... – Фиона посмотрела на него потемневшими глазами и облизнула губы, – мы храним там все вещи, необходимые для ритуала. Она оставила ее там, а я забрала... потом...

После того как муж Джиллиан погиб в каменном круге, подумал Роджер.

– Возможно, книжка понадобилась бы полиции, – продолжила Фиона, – но мне не хотелось ее отдавать, к тому же я решила, что к убийству она не имеет отношения. Понимаешь, ее собственная записная книжка...

– Это была ее тайна, – сказал Роджер.

Фиона кивнула и перевела дыхание.

– Я прочла ее.

– И поэтому ты знаешь, куда она отправилась?

Фиона испустила тяжкий вздох и глянула на него со смущенной улыбкой.

– Ну, полиции эти записи все равно не помогли бы.

– А мне помогут?

– Надеюсь, – проронила она и выдвинула ящик буфета, достав небольшой блокнот, обернутый в зеленую ткань.

Глава 32

Колдовская книга

«Это колдовская книга ведьмы Гейлис. Не важно, как называли меня при рождении, важно только то, кем я стала и кем еще смогу стать.

Кем же? Я узнаю, только пройдя мой путь до конца. Пройдя мой путь – путь власти.

Говорят, беспредельная власть развращает. Если да, то как? Власть не может быть беспредельной, ибо мы смертны, ты и я. Плоть и кости, что нащупываются под кожей, докажут тебе, что я права.

Но и в плену плоти можно достичь многого. Что произойдет, если избавиться от сего плена – мне неизвестно, это чужая территория. В том-то и разница между мной и теми, кто ушел в Черное Королевство, теми, кто ищет власть в магии и в связи с духами зла.

Я выбираю тело, а не душу. Отрицая душу, я выбираю собственную власть, не поручая себя покровительству неких неизвестных сил. Я не взываю ни к помощи дьявола, ни к помощи бога – я в них не верю. Ни бог, ни дьявол над тобой не властны; для той, что выбрала жизнь во плоти, не имеет значения, кто из них, в конце концов, одержит верх.

Наша власть длится лишь мгновение, и все же для нас это мгновение и есть вечность. Тонкая непрочная нить связывает землю и пространство. Жизнь нам дается один раз, однако эти годы мы можем провести в разном времени – во многих временах?

Если ты берешь власть, тебе предстоит выбрать для себя и время, и место. Когда тень камня упадет к твоим ногам, вот тогда и в самом деле распахнутся ворота судьбы».

– Она сбрендила, – пробурчал Роджер. – Да и стиль ни к черту.

В кухне никого не было, и он говорил, чтобы подбодрить самого себя. Не помогло.

После вступления шел второй раздел: «Праздники солнца и праздники огня», там, собственно, все они перечислялись: Имболк, Альбан Эйлир, Белтайн, Лита, Лугнасад, Альбан Эльфед, Самайн, Альбан Артан. К каждому шел абзац с пояснениями, а рядом на полях стояло по несколько крестиков. Это еще, черт возьми, что такое?

Взгляд Роджера упал на абзац, посвященный Самайну, с шестью крестиками на полях:

«Первый праздник мертвецов. В ночь Самайна души героев выходили из могил. Героев мало. Многие ли из них родились в час, когда звезды стоят, как надо? И многие ли осмелились взять власть, которая принадлежала им по праву?»

Даже если Джиллиан выжила из ума, ее бред носил характер систематического: все было изложено вполне логично и не лишено поэтического флера. Основной раздел в записной книжке носил название «Частные случаи», и если от первого раздела у Роджера зашевелились волосы на затылке, то от второго кровь заледенела в жилах.

Он представлял собой четкий список с указанием времени и места, а также с перечислением тел, которых когда-либо находили вблизи каменного круга. В нескольких словах описывалась внешность и обстоятельства, при которых нашли тело.

«14 августа 1931 года, Сюр-ле-Ман, Бретань. Тело мужчины, не опознано. Возраст: около сорока пяти. Найден у подножия ближайшего к северу камня. Никаких признаков насильственной смерти, сильные ожоги рук и ног. В описании одежды указано только «лоскуты». Фотографии нет.

Возможные причины неудачи: 1) мужчина; 2) неправильная дата – 23 дня с последнего праздника солнца.

2 апреля 1650 года, Кастлериг, Шотландия. Тело женщины, не опознано. Возраст: около пятнадцати. Найдена за кругом. На теле многочисленные рваные раны; возможно, из круга тело оттащили волки. Описания одежды нет.

Возможные причины неудачи: 1) неправильная дата – 28 дней до праздника огня; 2) недостаточная подготовка.

5 февраля 1953 года, Калланиш, остров Льюис. Тело мужчины, опознано: Джон Маклеод, ловец крабов, 26 лет. Причиной смерти названо обширное кровоизлияние в мозг, в коронерском расследовании перечислены следующие признаки: ожоги второй степени на лице и конечностях, сожженная одежда. Вердикт коронера – смерть от удара молнии. Вряд ли.

Возможные причины неудачи: 1) мужчина; 2) почти в день Имболка, но, скорее всего, не совсем точное время; 2) неправильная подготовка – на фотографиях в газете рубашка жертвы растегнута, на шее виднеется

небольшой ожог, возможно, от нательного креста, – изображение слишком нечеткое, чтобы сказать наверняка.

1 мая 1963 года, Томнахурич, Шотландия. Тело женщины, опознано: Мэри Уокер Уиллис. Коронерское расследование зафиксировало ожоги на лице, сгоревшую одежду, постановили смерть от сердечной недостаточности – разрыв аорты. Указано, что мисс Уокер была одета в лохмотья.

Возможные причины неудачи: эта знала, что делает, но ей не удалось. Возможно, ошиблась с жертвоприношением».

Гейлис обнаружила двадцать две жертвы, начиная с середины семнадцатого по середину двадцатого века в Шотландии, Северной Англии и в Бретани, в местах, где остались доисторические каменные круги. Некоторые погибли по случайности, – люди ступили в круг, не подозревая об опасности, которую таили в себе камни.

По всей видимости, только двое или трое знали, на что шли, потому что на них была подходящая одежда. Возможно, однажды переход удался, и они захотели попытать счастья вновь, но их поджидала неудача.

В животе у Роджера клубком свернулась холодная змея. Клэр была права, это совсем не то, что пройти через вращающуюся дверь.

Еще были исчезновения... Она внесла их в отдельный список, обозначив дату, возраст и пол пропавшего. Краткие заметки об обстоятельствах исчезновений говорили Роджеру куда больше, чем было написано. Так вот что значили крестики на полях – сколько человек пропало в каждый праздник. Пропавших было больше, чем погибших; впрочем, возможно, Гейлис не располагала достаточной информацией. А знаки вопроса Гейлис ставила, точно не зная, связано ли исчезновение в окрестностях каменного круга именно с переходом во времени.

Роджер перевернул страницу и вдруг замер, словно его ударили под дых.

«1 мая 1945 года, Крейг-на-Дун, Инвернесс, Шотландия. Клэр Рэндалл, 27 лет, домохозяйка. В последний раз ее видели рано утром; она заявила, что отправится к камням, чтобы отыскать какие-то редкие семена. К вечеру не вернулась. Машину нашли припаркованной у подножия холма. Следов в кругу не обнаружено, как и признаков преступления».

Получается, Клэр неумышленно предоставила Джиллиан Эдгарс сведения о ее переходе, которые та впоследствии использовала, чтобы совершить переход самой. Интересно, нашла ли Гейлис какую-то информацию о возвращении Клэр три года спустя?

Очевидно, нет, заключил Роджер, перелистав страницы. А если и нашла, то не записала.

Фиона принесла ему чай и тарелку с ореховым печеньем, которое так и осталось нетронутым с того часа, когда он открыл блокнот. Больше из чувства признательности, нежели от голода, он схватил печенье и откусил кусочек, но крошки встали комом в горле, и Роджер закашлялся.

Последний раздел в записях был озаглавлен «Техника перехода и необходимые приготовления».

«Наверное, смысл в том, что камни живут куда дольше, чем люди. И хранят свою силу. В старинных преданиях говорится о «линиях земли» и о власти, которая в них заключена. Я уверена, что назначение камней как-то связано с линиями. Искажают ли камни линии, пересекая их, или просто показывают, где те пролегают?»

Роджер все быстрее пробежал глазами страницы и наконец откинулся на спинку стула, захлопнув блокнот. Он прочтет последний раздел потом, и не раз. Теперь нужно выйти на воздух. Неудивительно, что Фиона так расстроилась из-за этой книжки.

Он стремительно шел по улице, ведущей к реке, несмотря на то, что начал моросить дождь. Было уже поздно, церковный колокол звал к вечерне, и на мостах сталолюдно – страждущие пытались пробраться к пабам. Однако сквозь колокольный звон, и гомон, и топот ног в голове Роджера отчетливо звучали заключительные слова, будто сама Гейлис нашептывала их ему на ухо:

«Поцеловать тебя, мальчик? Поцеловать тебя, мужчина? Но за мягкими губами у меня острые зубы. Я могу убить тебя столь же легко, сколь заключить в объятия. Вкус власти – это вкус крови. Сталь во рту и сталь в моей руке.

Нужна жертва».

Глава 33

Праздник летнего равноденствия

20 июня 1971 года

На день летнего равноденствия в Шотландии солнце и луна видны на небе одновременно. Летнее солнцестояние, праздник Лита, Альбан Эйлир. Почти минула полночь, молочно-белый свет потускнел.

Роджер почувствовал камни задолго до того, как увидел их. Клэр и Гейлис были правы, нужная дата играла большую роль. Когда он бывал здесь прежде, камни казались зловещими, но немymi. Теперь он их слышал, и не с помощью слуха, а кожей – низкий вибрирующий звук, как будто раздувались меха волынки.

Роджер и Фиона поднялись на вершину холма и замерли в тридцати футах от круга. Внизу простиралась долина, таинственная в мерцающем свете восходящей луны. Раздался короткий жалобный вздох, и Роджер вдруг понял, что Фиона серьезно напугана.

– Слушай, тебе вовсе незачем оставаться, – предложил он. – Если боишься, иди обратно, со мной все будет хорошо.

– Бестолочь, я не за себя волнуюсь. – Она сунула руки, сжатые в кулаки, поглубже в карманы и упрямо опустила подбородок, выставив лоб, совсем как молодой бычок. – Идем уже.

Роджер задел плечом ольховую ветку. Раздавшийся шорох заставил его вздрогнуть, и по спине пробежал холодок, несмотря на то, что он укутался, как мог. Наряд внезапно показался ему нелепым: длинное пальто, теплый шерстяной жилет, бриджи и шерстяные чулки. В колледже ставят пьесу, сказал он портному, который шил костюм.

– Бестолочь, точно, – пробормотал он себе под нос.

Фиона вошла в круг первой; она не позволила Роджеру ни пойти с ней, ни наблюдать. Он послушно повернулся спиной, предоставив ей возможность сделать все, что необходимо.

Она взяла с собой пакет, в котором, по-видимому, лежали принадлежности для ритуала. Роджер спросил, что в нем, но Фиона отрезала, чтобы не совал нос, куда не следует. Она нервничала так же, как он, подумал Роджер.

Гул раздражал его, отдавался не в ушах, а где-то внутри, в теле – под

кожей. Кости рук и ног словно превратились в натянутые струны, а кровь зудела в жилах, отчего ему постоянно хотелось чесаться. Фиона гул не слышала – Роджер специально уточнил, желая убедиться, что она в безопасности, прежде чем пустить ее в круг.

Наверное, так и есть: только те, кто слышат камни, способны пройти через них. Он никогда не простит себе, если что-нибудь случится с Фионой. Впрочем, во время праздников она сто раз заходила в круг, и ничего страшного не произошло. Роджер украдкой взглянул через плечо, увидел маленький огонек у подножия высокого расколотого камня и тут же отвернулся.

Фиона пела тихим высоким голосом. Слов было не разобрать. Все остальные путешественницы во времени были женщинами; удастся ли ему переход?

Возможно. Если способность проходить сквозь камни является врожденной, чем-то вроде способности сворачивать язык в трубочку, то почему нет? Клэр могла, могла и Брианна. Брианна была дочерью Клэр. А он был потомком другой путешественницы во времени, последней, кого он знал – ведьмы Гейлис.

Роджер затопал ногами и встряхнулся, как лошадь, отгоняющая мух, пытаясь избавиться от гула. Боже, его как будто муравьи искусили! От пения Фионы гул усилился.

Он яростно почесал грудь, пытаясь избавиться от раздражения, и тут почувствовал тяжесть небольшого круглого медальона, принадлежавшего его матери и взятого с собой на удачу, а еще из-за того, что он был инкрустирован гранатами. У Роджера оставались сомнения по поводу инструкций Гейлис – он не собирался попробовать кровь, хотя костер Фиона все же развела. Но, в конце концов, драгоценные камни не могли причинить вреда, а уж если они помогали... Боже правый, Фиона совсем не торопится? Роджер нервно трясся под одеждой, словно желая скинуть ее с себя вместе с кожей.

Чтобы отвлечься, он снова похлопал нагрудный карман, нащупав медальон. Лишь бы сработал, лишь бы помог... Эта идея пришла Роджеру в голову совсем недавно, когда возможность, которую предлагали камни, трансформировалась в четкий план. Если бы только все получилось... Роджер вертел в пальцах небольшой круглый предмет, и из темных глубин сознания вдруг проступило лицо Джерри Маккензи.

Брианна ушла, чтобы разыскать отца. Способен ли он сделать то же самое?..

Боже, Фиона!.. Ему становилось все хуже; саднили десны, кожа

горела. Началось головокружение; возникло чувство, что череп распадается на части.

И вот она появилась: маленькая фигурка подошла, схватила его за руку и повела в круг, тревожно что-то бормоча. Что именно, Роджер не слышал, внутри стоял гул куда более сильный; звенело в ушах и в голове, в глазах потемнело, спину свело от боли, как будто между позвонков кто-то вбивал клин за клином.

Стиснув зубы, он часто заморгал, чтобы прогнать с глаз дурманящую пелену. Его взгляд остановился на круглом лице Фионы, перекошенном от страха.

Роджер быстро наклонился и поцеловал ее в полные губы.

– Не говори Эрни, – произнес он, затем повернулся и вошел в камень.

Легкий летний ветерок принес с собой запах гари. Откуда запах?.. Пламя вспыхнуло и расцвело на вершине соседнего холма, огненная роза в честь праздника летнего солнцестояния.

Над головой виднелись бледные звезды, частично скрытые мчащимися по небу облаками. Не хотелось ни думать, ни двигаться. Роджер чувствовал странную легкость, он словно стал бестелесным, растворенным в небе, а в голове пульсировал звездный свет, похожий на круги, расходящиеся от поплавка на рыбацкой удочке. В ушах стоял тихий, мелодичный гул – далекая песня звездных сирен. И пахло кофе.

В идилию вторглось смутное ощущение, что что-то идет не так. Как от булавочного укола, внутри побежали крошечные болезненные искры. Роджер попытался прогнать неприятное ощущение, желая только лишь плыть в свете звезд, но попытка привела к тому, что он проснулся. Он снова обрел тело, и телу было больно.

– Роджер! – завопила звезда ему прямо в ухо. Жгучая боль пронзила грудь, и он похлопал ладонью по саднящей ране. Кто-то схватил и отвел прочь его руку, но он успел почувствовать под ладонью влагу и шелковисто-шероховатый слой пепла. Кровотечение?

– Ох, слава богу, ты очнулся! Давай, давай, умница. Тебе полегче, да? – говорило облако.

Сбитый с толку Роджер заморгал, и облако обрело очертания Фиониного профиля, темнеющего на фоне неба. Он попытался подняться, больше инстинктивно, чем осознанно.

Вернувшись, тело отомстило. Роджер чувствовал себя безнадежно больным, в ноздрях стоял невыносимо гадкий запах кофе и горелого мяса. Он поднялся на четвереньки, его вырвало, он рухнул на траву...

Руки Фионы гладили, успокаивали, вытирали лицо и рот.

– Ты как? – Она спрашивала, должно быть, в тысячный раз.

Теперь он нашел в себе достаточно сил, чтобы ответить:

– Нормально. Все хорошо. А что...

Ее голова придвинулась ближе, закрыв половину звездного неба.

– Не знаю. Ты пошел и исчез, а потом что-то вспыхнуло, смотрю – ты лежишь в кругу, и пальто на тебе тлеет. Я тебя облила из термоса.

Вот почему пахло кофе, а на груди оказалось сырое пятно. Он поднял руку, ощупывая грудь. На влажной ткани пальто была дыра около трех дюймов в диаметре. Кожу на груди тоже опалило; через отверстие в ткани Роджер почувствовал странно онемевшие пузыри. Медальон матери исчез.

– Что такое, Родж? – Фиона сидела рядом на корточках. Ее лицо было едва различимо в темноте, однако Роджер заметил блестящие дорожки, оставшиеся от слез. То, что он сперва принял за костер в честь праздника летнего солнцестояния, оказалось пламенем свечи в руках Фионы, которая почти догорела. Господи, сколько же он пролежал без сознания?

– Я... – Роджер начал было говорить, но умолк, не зная, что сказать. – Дай мне немного подумать, хорошо?

Он уронил голову на колени, вдыхая запах мокрой травы и горелой ткани.

Как описать подобные вещи? Это было не видение, и все же он четко запомнил образ отца. Ни звука, ни прикосновения, и все же он слышал и чувствовал. Кажется, тело наделило вещи собственным смыслом, переводя сверхъестественные метаморфозы времени в конкретные ощущения.

Роджер поднял голову с колен и глубоко вздохнул.

– Я думал об отце. Когда я проходил через камень, то думал, что если все сработает, интересно, смогу ли я разыскать его. И я... я нашел...

– Ты нашел? Отца? Ты что, видел призрак?

Роджер почувствовал мерцание свечи, – Фиона перекрестилась, чтобы отогнать дьявола.

– Нет. Не совсем. Я... Я не могу объяснить. Но я встретил его, я узнал его. – Чувство умиротворения по-прежнему еще трепетало где-то внутри. – Случилось что-то вроде взрыва, я могу описать это только так. Меня что-то ударило здесь. – Пальцы Роджера коснулись ожога на груди. – И меня словно выбросило... Вот и все, а потом я проснулся. – Он ласково притронулся к ее лицу. – Спасибо, Фиона, ты спасла меня, я бы сгорел.

– Ох, да ладно. – Фиона нетерпеливо отмахнулась. – Знаешь, Родж, то, что сказано в ее книжке, ну, что драгоценные камни могут защитить... В медальоне твоей мамы было несколько камней, ведь так? Может, если бы

не они, ты бы не выжил. Она ведь писала о тех, кто не выжил. Они обгорели, и у тебя тоже ожог – там, где был медальон.

– Да. Не исключено. – Роджер начал приходить в себя и с любопытством взглянул на Фиону. – Ты всегда говоришь «она». Почему ты никогда не зовешь ее по имени?

Кудри Фионы затрепетали на ветру, когда она повернулась, чтобы взглянуть на него. Уже достаточно рассвело, чтобы Роджер сумел рассмотреть в ее чертах непреклонное выражение.

– Не стоит никого звать, если не хочешь, чтобы он пришел. Ты должен бы понимать, ведь к тебе явился отец.

Волосы на руках у Роджера встали дыбом, несмотря на теплую рубашку и пальто.

– Раз уж ты сказала, – протянул он, пытаясь говорить шутливым тоном. – Я не проговаривал имя отца, хотя возможно... Миссис Рэндалл говорила, что думала о муже, когда возвращалась.

Фиона кивнула, нахмурившись. Теперь он четко видел ее лицо, и понял, что скоро рассветет. Небо на востоке заалело.

– Боже правый, уже почти утро! Пора идти!

– Идти? – Фиона смотрела на него с ужасом. – Ты собираешься попробовать еще раз?!

– Я должен. – Во рту пересохло, и Роджер пожалел, что Фиона извела весь кофе. Он подавил растущее чувство пустоты в желудке и встал. Колени подкашивались, но идти он мог.

– Ты с ума сошел, Родж? Ты погибнешь!

Он покачал головой, не сводя глаз с высокого расколотого камня.

– Нет. Нет, я знаю, что пошло не так. Это больше не повторится.

– Ты не можешь знать наверняка!

– Знаю. – Роджер оторвал ее руку от рукава и задержал в своих ладонях, небольшую и холодную. Он улыбнулся Фионе, хотя лицо странно онемело. – Надеюсь, Эрни еще не успел вызвать полицию на розыски. Тебе лучше поспешить домой.

Она нетерпеливо передернула плечами.

– Да он на рыбалке вместе с Нилом, двоюродным братом, до вторника!.. Почему ты говоришь, что это больше не повторится, что ты имеешь в виду?

Как объяснить? И все же он обязан попытаться.

– Когда я сказал, что думал об отце, я думал не о нем самом, а о том, каким я его запомнил. А помнил я его по фотографиям – на них он в форме либо с мамой. Дело в том... Я родился в это время, понимаешь? – Роджер

испытующим взглядом посмотрел на маленькое круглое лицо и увидел, как Фиона медленно заморгала, постигая смысл его слов. Она вздохнула со смесью страха и удивления.

– То есть ты встретил не только отца?

Он молча покачал головой. Ни видения, ни звука или запаха, или прикосновения. Нельзя было передать ощущения от встречи с самим собой.

– Мне надо идти, – тихо повторил он и сжал ее руку. – Я... не знаю, как мне отблагодарить тебя.

Фиона смотрела на него, поджав нижнюю губу, глаза блеснули. Затем она сняла с пальца обручальное кольцо и вложила ему в руку.

– Камень маленький, но это настоящий бриллиант. Надеюсь, поможет.

– Я не могу его взять! – Роджер хотел вернуть кольцо, но Фиона отступила на шаг и спрятала руки за спину.

– Не волнуйся, оно застраховано. Эрнн большой спец по части страховки. – Фиона попыталась улыбнуться, хотя слезы так и текли по ее лицу. – И я тоже.

Возразить было нечего. Роджер положил кольцо в карман пальто и взглянул на большой расколотый камень, чьи черные грани поблескивали в лучах рассветного солнца. Роджер все еще слышал гул, но теперь он ощущался больше пульсацией сердца где-то внутри.

Слов не было, да они и не были нужны. На прощание Роджер губами легонько коснулся ее лица и пошел к камню, немного пошатываясь.

Фиона ждала долго, пока солнце не оказалось у вершины камня.

– *Slan leat, a charaid chmir*, – тихо промолвила она. – Удачи тебе, дорогой друг.

И медленно, не оглядываясь, пошла вниз по склону.

Глава 34

Лаллиброх

Шотландия, июнь 1769 года

Коня звали Брут; к счастью, это не описывало его характер. Он был работягой, он был сильным и верным – даже если не верным, то, по крайней мере, покорным. Он нес ее через летнюю зелень пологих долин и горных ущелий, поднимаясь все выше по хорошим дорогам, проложенным английским генералом Уэйдом лет пятьдесят тому назад, и плохим дорогам, проложенным после его отставки, преодолевая колючие заросли и забираясь все выше к местам, где дороги превращались в оленьи тропинки, пролегающие через болота.

Брианна отпустила поводья, давая Бруту отдохнуть от последнего подъема, и обвела взглядом раскинувшуюся внизу долину. Большой белый дом, выложенный серым камнем, уютно пристроился посреди бледно-зеленых полей овса и ячменя; обнесенный стеной огород и многочисленные хозяйственные постройки гнездились рядом, словно цыплята вокруг большой белой курицы.

Брианна никогда не видела его раньше, только слышала описания Лаллиброха от матери. Это был единственный большой дом на много миль вокруг; за последние три дня пути ей не встречалось другого жилья, лишь крошечные фермерские домишки со стенами из мелкого речного камня, причем многие из них стояли пустыми и покосившимися, а от некоторых вообще осталось одно пепелище.

Из трубы поднимался дым. Был почти полдень; возможно, в доме обедали.

Брианна судорожно сглотнула, во рту пересохло от волнения и тревоги. Кто там внутри? Кого она встретит в первую очередь? Иэна? Дженни? И как они отреагируют на ее появление?

Она решила просто сказать правду, кто она и что здесь делает. Мать говорила, что Брианна очень похожа на отца; ей придется рассчитывать на это сходство. Шотландцы, с которыми она встречалась до сих пор, настороженно относились к ее внешности и странной речи; возможно, Мюррей не поверят. Потом Брианна вспомнила о доказательстве и ощупала карман пальто. Они поверят; в конце концов, ей есть, чем подтвердить свои

слова.

От неожиданной мысли засосало под ложечкой. А может, сейчас здесь они? Джейми Фрейзер и ее мать? Раньше эта мысль не приходила ей в голову. Брианна была уверена, что они в Америке, но ведь это не обязательно так. Да, в 1776 году они были в Америке, однако о том, где они теперь, никакой информации не было.

Брут вскинул голову и громко заржал. Позади раздалось ответное ржание, и Брианна дернула поводья, развернув коня. Он вытянул голову и принялся – на повороте показалась красивая гнедая лошадь, верхом сидел высокий мужчина в коричневом костюме.

Мужчина заметил их и придержал лошадь, затем прищепил ее и подъехал к Брианне. Она успела рассмотреть, что наездник молод. Его лицо было покрыто загаром, заметным, несмотря на шляпу; наверное, он много времени проводил на свежем воздухе. Подол пальто был измят, а чулки покрыты пылью и колючками.

Незнакомец подъезжал осторожно, кивнув, когда приблизился настолько, что можно было заговорить. Брианна заметила, как от неожиданности вытянулось его лицо, и улыбнулась.

Только теперь он понял, что Брианна – женщина. Мужская одежда никого не смогла бы обмануть вблизи; «мальчишеская» – последнее слово, которым можно описать ее фигуру. Впрочем, наряд служил достаточно хорошо – в нем удобно было ездить верхом, и, учитывая ее рост, издали она выглядела как мужчина.

Незнакомец приподнял шляпу и поклонился ей. Он не был красавцем, но обладал приятной внешностью – волевое лицо с густыми, в данный момент удивленно приподнятыми бровями и ласковые карие глаза из-под пышной шапки темных блестящих кудрей.

– Мадам, я могу вам чем-то помочь?

Брианна сняла шляпу и улыбнулась.

– Надеюсь, это место называется Лаллиброх?

Незнакомец кивнул. К удивлению в его взгляде прибавилась настороженность, когда он услышал ее странный акцент.

– Верно. Вас привело сюда какое-то дело?

– Да, – твердо сказала она, – дело. – Брианна выпрямилась в седле и набрала воздуха в легкие. – Меня зовут Брианна... Фрейзер.

До чего странно было произносить это вслух; раньше она никогда себя так не называла.

Настороженность в его взгляде исчезла, но удивление осталось.

– К вашим услугам, мэм! Джейми Фрейзер Мюррей, – добавил он,

учтиво поклонившись, – из Брех-Туараха.

– Юный Джейми, – пылко воскликнула Брианна, – вы – юный Джейми!

– В семье меня зовут именно так, – сухо сказал он, давая понять, что возражает против того, чтобы его так называла незнакомая чуждаковатая женщина в немыслимых одеждах.

– Приятно познакомиться, – бесстрашно сказала Брианна и протянула руку, подавшись вперед. – Я – ваша кухня.

Брови юного Джейми, опустившиеся было во время обмена приветствиями, снова поползли вверх.

– Мой отец – Джейми Фрейзер, – сказала Брианна.

У него отвисла челюсть. Он оглядел ее с головы до ног, внимательно рассмотрел лицо, а затем широкая улыбка медленно расползлась от уха до уха по его собственному.

– Черт возьми, а ведь и правда! – воскликнул он и сжал ее ладонь так, что кости хрустнули. – Как две капли воды!

Джейми-младший рассмеялся, и его лицо, потеплев, преобразилось.

– Боже правый, – сказал он, – да у мамы глаза на лоб полезут!

На ветвях шиповника, разросшегося у двери, набухли сотни крошечных зеленых бутонов, готовых вот-вот распуститься. Брианна посмотрела на деревянную досочку над дверью.

«Фрейзер, 1716» было выстругано на ней. Брианна слегка вздрогнула и задержалась.

– Что случилось, кухня? – Джейми-младший недоуменно обернулся.

– Все в порядке. – Она поспешила за ним, машинально пригнув голову у порога, хотя в этом не было необходимости.

– У нас почти все высокие, кроме мамы и крошки Китти, – улыбнулся Джейми, заметив ее движение. – Мой дед, в смысле, и твой дед тоже, он выстроил этот дом для своей жены, а она была очень высокой. Наверное, это единственный дом в Шотландии, куда ты можешь войти прямо, не стукнувшись головой о притолоку.

«И твой дед тоже»... От случайно оброненных слов на душе стало тепло, несмотря на прохладный полумрак, царивший в прихожей.

Фрэнк Рэндалл был единственным ребенком в семье, как и ее мать, так что близких родственников у нее не было: в Англии оставались только пара пожилых двоюродных теток, а несколько дальних, наверное, троюродных, сестер жили в Австралии. Отправляясь на поиски, Брианна думала только о том, чтобы разыскать отца, и даже не представляла, что обретет целую

семью.

Большую семью, к тому же. Когда она вошла в прихожую, дверь распахнулась, и из комнаты выбежали четверо ребятишек, а за ними вышла высокая молодая женщина с копной каштановых кудрей.

– Бегите, крошечные рыбки, – воскликнула она, вытянув руки и шевеля ими, как клешнями, – бешеный краб сейчас ка-ак проглотит вас! Клац-клац!

Дети неслись по коридору с гомоном, смехом и криками, оглядываясь назад и пища от ужаса и восторга. Один из них, маленький мальчик лет четырех или около того, заметил Брианну и младшего Джейми, стоявших у входа, и мгновенно свернул в сторону, промчавшись по коридору, словно локомотив, крича:

– Папа, папочка!

Мальчик бросился к юному Джейми. Тот ловко подхватил на руки сияющего кроху.

– Ну-ка, малыш Мэтью! Где твои манеры, которым тебя учила тетя Джанет? Что подумает новая кузина, глядя, как ты носишься, словно ополоумевший цыпленок?

Мальш громко хихикнул, вовсе не обращая внимания на строгий тон отца. Он посмотрел на Брианну, поймал ее взгляд и быстро уткнулся в плечо отцу. Потом медленно поднял голову и снова посмотрел на нее широко распахнутыми голубыми глазами.

– Папа, это что, леди?

– Конечно, я же говорю, это твоя кузина.

– Но на ней бриджи, – Мэтью удивленно таращился на нее, – а леди не носят бриджи!

Молодая женщина тоже смотрела на Брианну так, словно полностью была согласна с сыном. Впрочем, она твердо прервала расспросы и приняла мальчика из рук отца.

– Что ж, думаю, у леди были на то свои причины, и вообще, нехорошо обсуждать людей в их присутствии. Давай-ка ты сходишь умоешься, ладно?

Она поставила мальчика на пол и слегка подтолкнула в сторону двери. Мэтью даже не пошевелился, наоборот, продолжил разглядывать Брианну.

– А где твоя бабушка, Мэт? – спросил у него отец.

– В гостиной вместе с дедушкой, с какой-то леди и с каким-то мужчиной, – без запинки отрапортовал мальчик. – У них два кофейника, поднос с булочками и целый кекс с изюмом, но мама говорит, что они нарочно сидят и сидят, в надежде на обед. И удачи им, так она сказала, потому что сегодня у нас только каша и чуть-чуть мяса, и будь она

проклята... Ой! – Мальчик прижал ладонь ко рту, виновато глядя на отца. – И она ни за что не подаст им пирог из крыжовника, пусть хоть до вечера просидят.

Юный Джейми, прищурившись, испепелил сына взглядом и повернулся, вопросительно глядя на сестру:

– Какая-то леди и какой-то мужчина?

Джанет скорчила недовольную гримасу.

– Гризлер с братом.

Юный Джейми хмыкнул.

– Мама обрадуется, что нашелся повод ускользнуть от них. – Он кивнул Мэтью. – Позови бабушку, Мэт! Скажи, я привел кой-кого, с кем ей захочется познакомиться. Только следи за языком, будь любезен!

Он развернул Мэтью за плечи и легонько наподдал под зад.

Мальчик неохотно пошел прочь, то и дело оборачиваясь и бросая на Брианну любопытные взгляды.

Юный Джейми с улыбкой повернулся.

– Это мой старшенький. А это, – он показал на молодую женщину, – моя сестра, Джанет Мюррей. Джанет, это мисс Брианна Фрейзер.

Брианна не знала, стоит ли пожимать руку при знакомстве, и решила ограничиться поклоном и улыбкой.

– Приятно познакомиться, – тепло сказала она.

Джанет удивленно распахнула глаза, поразившись то ли словам Брианны, то ли ее странному акценту.

Юный Джейми улыбнулся, заметив удивление сестры.

– Ты ни за что не догадаешься, кто она, – подзадорил он, – даже за тысячу лет.

Джанет, прищурившись, посмотрела на Брианну.

– Кузина, – пробормотала она, оглядывая гостью, – конечно, она похожа на Маккензи, но ты говоришь, она Фрейзер...

Внезапно ее глаза округлились.

– Не может быть! – прошептала она, глядя на Брианну. Широкая улыбка, совсем как у брата, расплзлась по лицу, свидетельствуя о семейном сходстве. – Не может быть!

Хихиканье брата прервалось из-за скрипа раскрывшейся двери.

– Эй, Джейми! Мэтью сказал, у нас гостя...

Тихий голос внезапно запнулся.

Дженни Мюррей была очень маленькой, не выше пяти футов, и щуплой, как воробей. Она стояла, глядя на Брианну со слегка приоткрытым ртом. Глаза цвета синей горечавки казались особенно выразительными на

вдруг побледневшем лице.

Брианна ласково улыбнулась, кивнув тете – подруге ее матери и любимой единственной сестре отца. «О, пожалуйста! – умоляюще подумала она. – Пожалуйста, пусть я тебе понравлюсь, пожалуйста, обрадуйся, что я здесь!»

Юный Джейми изысканно поклонился матери, весь сияя.

– Мама, позволь представить тебе...

– Джейми Фрейзер! Я знала, он вернется, я говорила тебе, Дженни Мюррей!

Позади из прихожей раздался высокий недовольный голос. Изумленно обернувшись, Брианна увидела выходящую из тени женщину, которая шипела от негодования.

– Аммиас Кеттрик говорил мне, что видел твоего брата верхом на лошади в Балбриггане. Но ты не поверила, ты сказала, что Аммиас ослеп, ты сказала мне, что я дура, что Джейми в Америке! Вы оба лжецы, ты и Иэн! Пытались защитить этого жалкого труса! Хобарт! – крикнула она, обернувшись. – Хобарт! Иди сюда сейчас же!

– Тише ты! – нетерпеливо прервала ее Джанет. – Ты и есть дура, Лири!

Она дернула ее за рукав, заставив обернуться.

– И разуй глаза! Скажи, ради бога, ты что, не можешь отличить девчонку в бриджах от мужчины?

Джанет задумчиво посмотрела на Брианну.

– Девчонку? – Лири обернулась, нахмурилась и, близоруко прищурившись, посмотрела на Брианну. Потом гнев на ее круглом лице сменился удивлением, и она задохнулась, крестясь. – Святые угодники! Да кто же ты такая, скажи уже, ради бога!

Брианна сделала глубокий вдох, переводя взгляд с одной женщины на другую, и ответила, стараясь, чтобы голос не дрожал:

– Меня зовут Брианна. Я дочь Джейми Фрейзера.

У обеих глаза полезли на лоб. Женщина по имени Лири стала пунцовой, открывая и закрывая рот, тщетно пытаясь найти слова.

Дженни шагнула вперед и схватила Брианну за руки, глядя ей в лицо. Ее щеки порозовели, отчего она стала казаться еще моложе.

– Дочь Джейми? – Она крепко сжала руки Брианны в своих. – Ты правда дочка Джейми?

– Моя мама так говорила.

Брианна почувствовала, как по ее лицу расплывается ответная улыбка. Руки Дженни были прохладными, тем не менее Брианна почувствовала прилив тепла, которое пробежало по рукам прямо в грудь. От платья

Дженни шел аромат выпечки и чего-то еще, более обычного, наверное, запах овечьей шерсти.

– Она так говорила, серьезно? – Лири, прищурившись, выступила вперед. – Значит, Джейми – твой отец? А кто же твоя мать, позволь спросить?

Брианна окаменела.

– Его жена, кто же еще?

Лири откинула голову назад и мелодично рассмеялась.

– Кто же еще? – передразнила она. – И в самом деле, кто же еще, девочка? А которая из жен, тебе известно?

Брианна почувствовала, как кровь отхлынула от лица, а ладони похолодели в руках Дженни. Голову пронзила догадка. «Дура несчастная! Полная дура! Это было двадцать лет назад! Конечно, он женился снова. Конечно. Независимо от того, насколько он любил маму».

За этой мыслью последовала другая, более страшная: «Она нашла его? О, боже, неужели она нашла его с новой женой, и он усладил ее прочь? О, боже, где же она?»

Брианна повернулась, желая немедленно броситься, куда глаза глядят. Она не знала ни куда идти, ни что делать, только чувствовала, что должна бежать и найти маму.

– Кажется, вам нужно присесть, кузина. Пройдемте в гостиную, хорошо? – прозвучал в ушах спокойный голос юного Джейми. Он положил руку ей на талию и провел в одну из открытых дверей.

Позади раздавались бормочущие голоса, путанные объяснения и обвинения. И тут Брианна заметила невысокого опрятного человека с лицом, походящим на мордочку Белого Кролика, который удивленно на нее смотрел. Другой мужчина, гораздо выше первого, поднялся навстречу, когда она вошла в гостиную; его простое обветренное лицо выражало участие.

Из сбивчивых объяснений на разные голоса высокий мужчина понял, кто такая Брианна и почему она здесь.

– Дочка Джейми? – Он разглядывал ее с интересом, хотя, казалось, был далеко не так удивлен, как остальные. – Как тебя зовут, *a leannan*?^[2]

– Брианна. – Она была слишком расстроена, чтобы улыбнуться.

– Брианна... – Мужчина опустился в низкое кресло, жестом предложив сесть напротив, и тут она заметила, что одна нога у него была деревянной. Он взял девушку за руку и улыбнулся ей; в теплом свете его мягких карих глаз она почувствовала себя под защитой.

– Я – твой дядя Иэн, девочка. Добро пожаловать.

Брианна непроизвольно вцепилась в его руку, которая представлялась ей последним прибежищем. Мужчина не дрогнул и не отстранился, только оглядел ее внимательно; казалось, его позабавило то, как она была одета.

– Ты спала в зарослях вереска? – спросил он, разглядывая пыль и пятна от сока растений на ее одежде. – Видно, ты проделала непростой путь, чтобы разыскать нас, племянница.

– Она только *утверждает*, что она – твоя племянница, – вставила Лири, которая уже оправилась от первого потрясения. Женщина заглянула Иэну через плечо, и ее круглое лицо сморщилось от неприязни. – А вдруг она приехала, чтоб посмотреть, чем тут можно поживиться?

– Чья бы корова мычала, Лири! – тут же парировал Иэн. – Не вы ли с Хобартом полчаса тому назад пытались вытянуть из меня пять сотен фунтов?

Лири поджала губы.

– Деньги мои! Мы договорились, и ты подписал бумагу!

Иэн тяжело вздохнул; очевидно, за сегодняшний день он слышал это не в первый раз.

– Я подписал, – терпеливо произнес он, – и ты получишь деньги, как только Джейми сможет их переслать. Джейми – честный человек, но...

– Да неужели? – Лири презрительно фыркнула. – Двоеженец, по-твоему, может быть честным человеком? Двоеженец, который бросил жену и детей! Похитил мою дочь и убил ее! Честный человек! – Она кинула на Брианну яростный взгляд. – Еще раз спрашиваю, девчонка, как зовут твою мать?

Брианна ошеломленно застыла. Горло сжалось, а руки похолодели, несмотря на тепло, исходившее от ладоней Иэна.

– Кто твоя мать? – повторила Лири.

– Какая разница... – вмешалась Дженни.

Лири обернулась к ней, пылая от гнева.

– Большая! Одно дело, если он обрюхатил какую-то армейскую шлюху, либо горничную, когда жил в Англии, но если...

– Лири!

– Сестра!

– Попридержи язык!

Брианна положила конец протестам, поднявшись с кресла. Она была высокой, как мужчина, гораздо выше любой женщины. Лири поспешно отступила. Все, кто был в комнате, повернулись к ней.

Неспешно, хотя внутри у нее все бушевало, Брианна полезла во внутренний карман пальто, в потайной карман, который зашила всего лишь

неделю тому назад.

– Мою мать зовут Клэр, – заявила она и положила на стол ожерелье.

В гостиной воцарилась полная тишина, за исключением тихого потрескивания в очаге. Жемчужное ожерелье поблескивало в лучах весеннего солнца, заглядывающего в окно.

Дженни ожила первой. Двигаясь, как сомнамбула, она протянула руку и коснулась одной из жемчужин. Речной жемчуг, названный «барокко» из-за особой неправильной формы, которую ни с чем не спутаешь.

– О, боже, – прошептала Дженни. Она подняла голову и посмотрела на Брианну; в ее синих глазах стояли слезы. – Как же я рада тебя видеть, племянница!

– Вы знаете, где моя мама? – Брианна переводила взгляд с одного лица на другое, сердце громко стучало в ушах. Лири не смотрела на нее; ее глаза были прикованы к жемчугу.

Дженни с Иэном быстро переглянулись, затем Иэн поднялся, с трудом передвигая деревянной ногой.

– С твоим отцом, – тихо сказал он, ласково коснувшись ее руки. – Не волнуйся, девочка! Они в безопасности.

Брианна подавила желание застонать от облегчения, чувствуя, как узел тревоги в животе медленно распускается.

– Спасибо. – Она попыталась улыбнуться Иэну.

– Это мое! – Лири кивнула на жемчуг. Она больше не злилась, сумев овладеть собой, и стала холодной и сдержанной. Теперь, когда ее лицо не искажала ярость, Брианна поняла, что она когда-то была очень красива и красива до сих пор. Краски лица чуть поблекли, и она немного раздалась в талии, однако держалась по-прежнему прямо и грациозно.

– Ничего подобного, – пылко сказала Дженни, – это ожерелье моей матери, она отдала его Джейми для того, чтобы он передал его жене...

– А его жена – я, – отрезала Лири, одарив Брианну высокомерным взглядом. – Я – его жена, – повторила она. – Джейми женился на мне по доброй воле и обещал заплатить за то, что обошелся со мной так дурно.

Она перевела ледяной взгляд на Дженни.

– Больше года я не видела от него ни единого пенни! Я вынуждена продавать свои вещи, чтобы прокормить дочь, ту, которую он мне оставил. – Лири вздернула подбородок и посмотрела на Брианну. – Если ты его дочь, то должна платить по счетам. Скажи ей, Хобарт!

Хобарт выглядел несколько смущенно.

– Послушай, сестра! – Он накрыл рукой ее ладонь, пытаясь

вразумить. – Не думаю, что...

– Точно, ума у тебя с детства нет, чем же тебе думать! – Она раздраженно стряхнула его руку и указала на жемчуг. – Он мой!

Это был чистый рефлекс, – жемчуг сам оказался в руке Брианны.

– Погодите-ка. – Ее голос прозвучал на удивление твердо. – Я не знаю, кто вы и что произошло между вами и моим отцом...

– Меня зовут Лири Маккензи, твой ублюдочный отец женился на мне четыре года назад и к тому же солгал!

По лицу Лири было видно, что она сдерживается изо всех сил, однако она не кричала, и краска уже схлынула с ее мягких, пухлых щек.

Брианна сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

– В самом деле? Тогда почему мои мать и отец сейчас вместе?

– Он меня бросил.

Слова упали, словно тяжелые камни в стоячую воду; от них пошла рябь бесконечной боли предательства. Юный Джейми открыл было рот, чтобы что-то сказать, – и снова закрыл его, глядя на Лири.

– Он сказал, что больше не может жить со мной под одной крышей и делить со мной постель. – Лири говорила спокойно, как будто выучила текст наизусть. – И ушел. А потом вернулся вместе с ведьмой. Спал с ней у меня под носом.

Лири подняла глаза на Брианну, пытливо всматриваясь в ее лицо, словно пытаясь что-то разгадать. Затем медленно кивнула.

– Это она. Она околдовала его с самого первого дня, как только появилась в Леохе. Из-за нее я превратилась в невидимку. Из-за нее он перестал меня замечать.

По позвоночнику Брианны пробежала холодная дрожь, хотя дрова в очаге пылали вовсю.

– А потом она уехала. Сказали, что она умерла. Погибла в восстании. А он вернулся домой из Англии, свободный наконец от тяжелого груза. – Лири легонько покачала головой, слепо глядя на Брианну. – Но она вовсе не умерла, и он не был свободен... Я всегда это знала. Всегда. Ведьму мечом не убьешь, их нужно сжигать.

Лири обернулась к Дженни, глядя на нее светлыми голубыми глазами.

– Ты видела ее на нашей свадьбе. Ее тень стояла между мною и Джейми. Ты видела – и мне не сказала. Я потом случайно подслушала, когда ты говорила провидице Мэйзри.

Дженни, побледнев, облизнула губы и хотела ответить, но Лири уже переключилась на Иэна.

– Будь осторожен, Иэн Мюррей. – Она кивнула на Брианну. –

Посмотри на нее хорошенько, разве это женщина? Она выше любого мужчины, и одета по-мужски, а руки широкие, как лопаты. Она из любого дух вышибет, если захочет.

Иэн промолчал, хотя его приветливое лицо выглядело обеспокоенным. Юный Джейми сжал кулаки и скрипнул зубами.

– Она дочь ведьмы, мой мальчик, и вы все об этом знаете, – добавила Лири, обведя присутствующих глазами. – Ее сожгли бы в Крейнсмуре, если бы не чары, которыми она опутала Джейми Фрейзера. Берегитесь, говорю вам, вы пустили в дом неизвестно кого!

Брианна хлопнула по столу широкой ладонью-лопатой, и все взгляды устремились на нее.

– Чушь! – У всех вытянулись лица и приоткрылись рты, но Брианна смотрела только на Лири Маккензи. – Полная чушь! – повторила она и ткнула пальцем в Лири. – Если им и стоит кого опасаться, так это тебя, подлая убийца!

У Лири отвисла челюсть.

– Ты ведь не все рассказала им о Крейнсмуре, так? Маме надо было все же рассказать про тебя, но она сочла, что ты была слишком молода и не ведала, что творишь.

– Что же? – слабым голосом спросила Дженни.

Юный Джейми растерянно посмотрел на отца, который стоял, как громом пораженный, глядя на Брианну.

– Она пыталась убить мою маму. – Брианна не справилась с голосом, произнося эти слова. – Ты ведь пыталась, да? Ты прибежала к ней и сказала, что Гейлис Дункан заболела и зовет ее, и мама пошла к ней, – она всегда шла, если звали к больному, она же врач! Ты знала, что Гейлис собирались схватить за колдовство. Если бы мама была с ней, ее тоже схватили бы! Ты думала, маму сожгут на костре, и Джейми Фрейзер достанется тебе!

Лири побледнела, как смерть. Даже глаза замерли – стали холодными и неподвижными, словно мрамор.

– Я чувствовала, что на нем ее рука, – прошептала она, – даже в постели. Она всегда лежала между нами и обнимала его, а он вздыхал во сне и звал ее по имени. Она ведьма, я точно знаю.

В комнате было тихо, только шипел огонь в очаге, да за окном щебетала птичка. Хобарт Маккензи наконец очнулся, шагнул вперед и взял сестру за руку.

– Пойдем, *a lennean*, – прошептал он, – пойдем, я отведу тебя домой.

Он кивнул Иэну; тот кивнул в ответ и коротко взмахнул рукой, сумев

каким-то образом передать и сочувствие, и сожаление.

Лири, не сопротивляясь, позволила брату увести ее, однако у двери обернулась. Брианна стояла неподвижно, не в силах пошевелиться.

– Говоришь, ты дочь Джейми Фрейзера? – сказала она звонким холодным голосом. – Да, глядя на тебя, можно поверить. Так вот, твой отец – обманщик, лжец, сукин сын и предатель. Уверена, что вы друг друга стоите.

Лири наконец дала Хобарту увести себя. Дверь за ними захлопнулась.

Брианна наклонилась вперед, опершись на ладони и ощутив тяжесть ожерелья, зажатого в руке. Волосы у нее распустились, густая прядь упала на лицо.

Она закрыла глаза, чтобы побороть головокружение, затем почувствовала руку, которая нежно коснулась ее и смахнула с лица прядь волос.

– Просто он ее любил, – прошептала она скорее самой себе, нежели кому-либо еще, – и не забывал о ней.

– Конечно, не забывал.

Брианна открыла глаза и рядом с собой увидела продолговатое лицо Иэна и его добрые карие глаза. Широкая, огрубевшая от работы рука накрыла ее ладони, приятно согревая и утешая.

– Мы тоже не забывали, – добавил он.

– Еще кусочек, кузина Брианна? – Джоан, жена Джейми-младшего, улыбалась ей с противоположной стороны стола, держа наготове лопатку, чтобы положить пирога с крыжовником.

– Нет, спасибо, я правда больше не могу, – запротестовала Брианна, улыбаясь в ответ, – и так вот-вот лопну!

Мэтью и его младший брат Генри громко захихикали, но тут же умолкли под буравящим взглядом бабушки. Оглянувшись, Брианна заметила, что все за столом от взрослых до малышей едва сдерживали смех; похоже, нашли ее короткое замечание бесконечно остроумным.

Их удивляла не ее странная одежда, и даже не сама невеста откуда взявшаяся родственница, решила Брианна, пусть даже такая необычная. Было еще что-то, какая-то незримая радость бежала от одного к другому, словно электрический ток.

Брианна поняла, что это; замечание Иэна расставило все по местам:

– Мы уж не чаяли, что у Джейми будет собственный ребенок. – Теплоты в улыбке Иэна было достаточно, чтобы растопить любой ледник. – Но ты ведь никогда его не видела?

Она покачала головой, прожевывая последний кусок пирога, и улыбнулась в ответ, несмотря на полный рот. Вот оно что, подумала Брианна, они просто рады за Джейми. Они любили его и теперь счастливы – не за себя, а за него.

У нее на глазах выступили слезы. Дикие обвинения Лири потрясли Брианну, поэтому большим утешением было понять, что для этих людей, хорошо знавших его, Джейми Фрейзер не был ни лжецом, ни злодеем; он и в самом деле был таким, каким его знала Клэр.

Юный Джейми подумал, что она поперхнулась, и услужливо постучал ее по спине.

– А ты писала дяде Джейми, что приедешь к нам? – спросил он, не обращая внимание на кашель и покрасневшее лицо Брианны.

– Нет, – натужно промычала она, – я не знала, где он.

Брови Дженни поползли вверх.

– Ах да, ты говорила, мы и забыли.

– А вы знаете, где они сейчас? Он и моя мама? – Брианна подалась вперед, стряхивая крошки с воротника.

Дженни встала из-за стола и улыбнулась ей.

– Да, примерно знаем. Если ты поела, пойдем, я дам почитать тебе его письма.

Брианна поднялась, чтобы последовать за Дженни, но у двери замерла. Краем глаза заметив несколько картин на стенах в гостиной, раньше она не успела их рассмотреть из-за нахлынувших чувств и череды бурных событий. Но теперь они висели прямо перед ней.

На одной были изображены двое мальчиков с золотисто-медными волосами, облаченных в нарядные одежды, рядом с огромным псом, высунувшим язык. Старший из мальчиков был высоким и хорошо сложенным, он сидел прямо с гордо поднятым подбородком, положив одну руку на голову собаки, а другую на плечо младшему брату, который стоял у него между коленей.

Однако Брианна смотрела только на младшего из мальчиков. Его лицо было круглым и курносым, щечки румяными и полупрозрачными, как яблоки. Широко распахнутыми голубыми глазами, немного раскосыми, мальчик выглядел из-под аккуратно расчесанной челки. Картина была написана в классическом стиле восемнадцатого века, но крепкая, коренастая фигурка вызвала невольно у Брианны улыбку, ей захотелось пальцем прикоснуться к его лицу.

– Разве он не прелесть, – нежно сказала она.

– Джейми был прелестным ребенком, но жутко упрямым, – раздался

над ухом голос Дженни. – Хоть кол на голове теши. Пойдем, покажу другую картину, тебе понравится.

Второй портрет висел на лестничном пролете, однако смотрелся явно не на своем месте. Богато позолоченная рама резко отличалась от добротной простой мебели. Картина напоминала те, что выставляют в музеях, в этом уютном доме она смотрелась неуместно.

Потом блики солнца, светящего в окно, исчезли, и картина предстала во всей красе.

Брианна задохнулась и почувствовала, как волосы на руках под рубашкой встали дыбом.

– Она замечательная, правда? – Дженни перевела взгляд с картины на Брианну и обратно, и на ее лице отразилось что-то между гордостью и трепетом.

– Замечательная, не то слово, – выдохнула Брианна.

– Теперь понимаешь, почему мы сразу тебя узнали? – Дженни ласково положила руку на резную раму.

– Да, теперь вижу.

– Это моя мать, твоя бабушка, Эллен Маккензи.

– Я знаю, – кивнула Брианна.

Пылинки, поднявшиеся от их шагов, лениво кружились в лучах дневного света. Брианна будто сама закружилась вместе с ними, утратив чувство реальности.

Двести лет спустя она стояла – то есть будет стоять – перед этим портретом в Национальной портретной галерее, яростно отрицая истину, которую открыл ей Роджер.

С картины на нее смотрела Эллен Маккензи: длинная шея, царственная осанка, раскосые глаза, в которых сверкали веселые искорки, нежный рот... Сходство было не полным: лоб Эллен был более узким, чем у Брианны, подбородок круглее и не так четко очерчен, а выражение лица несколько мягче, черты не такие резкие. Однако сходство определенно было поразительным – и широкие скулы, и точно такие же пышные рыжие волосы. Шея Эллен была обвита ниткой жемчуга в золотых креплениях, казавшихся очень яркими в мягком свете весеннего солнца.

– Кто написал ее? – спросила наконец Брианна, хотя ответ был не нужен. Подпись в музее гласила «Неизвестный художник». Увидев портрет двух маленьких мальчиков, по манере, в которой были написаны волосы и кожа, Брианна поняла, что они принадлежат одной и той же руке, только эта картина написана раньше, когда художник был еще не слишком искусен.

– Моя мать, – гордо ответила Дженни, – она очень хорошо рисовала и писала маслом. Мне всегда хотелось иметь такой же дар.

Брианна почувствовала, что бессознательно накручивает локон на палец; ей вдруг показалось, что бабушка передает ей кисть. Видение было столь явным, что она буквально ощутила в руке гладкую древесину.

«Вот откуда, – в голове словно щелкнуло, потому что кусочек мозаики встал на свое место, – вот откуда у меня это».

Фрэнк Рэндалл всегда шутил, что не смог бы провести и прямой линии, а Клэр вторила, что ничего другого, кроме линий, не рисует. Но у Брианны был дар и линии, и кривой, и света, и тени; теперь она поняла, кто послужил источником этого дара.

Что еще? Что еще в ней такое, что когда-то принадлежало женщине на картине и мальчику с упрямо склоненной головой?

– Нед Гауэн привез мне ее из Леоха, – сказала Дженни, почтительно дотронувшись до рамы. – Ему удалось ее спасти, когда англичане грабили замок после того, как разбили восстание. – Она слабо улыбнулась. – Нед очень предан семье. Сам он не из горцев, а с равнины, из Эдинбурга, однако считает Маккензи своим кланом. Даже теперь, когда клана больше нет.

– Больше нет? – Брианна пошатнулась. – Они что, все погибли?

В ее голосе прозвучал ужас, и Дженни удивленно подняла голову.

– Ох, нет, девочка моя, я не то имела в виду. Нет Леоха, – тихо добавила она, – и последних, кто возглавлял его, тоже... Дугал и Колум... Они погибли за Стюартов.

Конечно, Клэр говорила. Брианна искренне жалела этих незнакомцев, связанных с ней недавно обретенными кровными узами. Она с усилием проглотила ком в горле и пошла за Дженни вверх по лестнице.

– А Леох был красивым замком?

Тетя помедлила, задержав руку на перилах.

– Не знаю, – сказала она, с сожалением глядя вниз на портрет Эллен. – Я там ни разу не была, а теперь его нет.

Вход в спальню на втором этаже напоминал подводный грот. Комната была небольшой, как и все комнаты в доме, с низкими балками, закопченными от дыма, зато стены были свежевыбелены, а сама комната наполнена зеленоватым светом, льющим из двух больших окон сквозь листья пышно разросшегося шиповника.

Тут и там блестели какие-то безделушки, словно рыбки в воде, озаренной лунным светом; на коврике перед камином лежали брошенная

детьми раскрашенная кукла и китайская шкатулка. На столе стоял бронзовый подсвечник, на стене висела небольшая картина.

Дженни сразу подошла к большому шкафу, который стоял в углу комнаты, и встала на цыпочки, чтобы достать сверху большую шкатулку в марокканском стиле. Когда она подняла крышку, Брианна прищурилась – в глаз попал солнечный зайчик, словно на солнце блеснул драгоценный камень.

– Вот, – сказала Дженни, достав толстую стопку запачканной бумаги, и передала ее Брианне. Письма долго путешествовали по свету, а затем, судя по всему, их много раз перечитывали. В углу одного из листов сохранилось грязное пятно от сургуча. – Письма приходят из колонии в Северной Каролине, но они живут далеко от города. Джейми иногда пишет по вечерам, когда есть время, а потом отправляет все скопом либо вместе с Фергусом, либо еще с кем, кто едет в Кросс-Крик. Впрочем, Джейми и не любит писать. Да и это не слишком легко ему дается после того, как он сломал руку.

Судя по спокойному лицу тети, та ничего не знала.

– Садись, девочка моя, – ласково сказала Дженни, предлагая Брианне на выбор стул или кровать.

– Спасибо, – пробормотала та и села на стул.

Выходит, Дженни не все знала о Джейми и Черном Джеке Рэндалле? Мысль о том, что она знает об отце, которого никогда не видела, такие вещи, которых не знает даже его любимая сестра, поразила Брианну.

Она видела этот почерк и раньше – теснящиеся друг к другу крупные буквы с круглыми завитками, – но тому документу минуло двести лет, чернила поблекли, к тому же тогда он старался и выводил буквы, а в письмах чувствовал себя более раскованно. Строки, написанные словно курица лапой, бегали по странице, пьяно обвисая на концах.

«Фрейзер-Ридж, понедельник, 19 сентября

Моя дорогая Дженни!

Мы все пребываем в добром здравии, надеюсь, что это письмо застанет и всех вас в том же состоянии.

Твой сын шлет тебе самый ласковый и почтительный привет и просит, чтобы ты передала его отцу, братьям и сестрам. Он просит тебя передать Мэтью и Генри, что посылает им один предмет, который являет собой сохранившийся череп животного под названием «дикобраз», потому что на спине у него растут огромные иголки (он совсем не похож на обычного маленького ежа, которого вы все знаете; дикобраз по размеру намного

больше и умеет стрелять иголками в недругов).

Еще посылаю небольшой подарок для тебя: узор выложен из иголок того самого дикобраза, индейцы окунают их в сок каких-то растений, а потом делают подобные вещи, одна из которых лежит перед тобой.

Клэр недавно довелось вести занимательную беседу – если можно назвать беседой общение, состоящее из жестов и ужимок (она настаивает, чтобы я отметил, что ее мимика отнюдь не является ужимками, однако мне виднее, потому что я имел счастье наблюдать, какие рожи она корчила) – беседу с пожилой индеанкой из Анна-Уки, которую в этих местах почитают как целительницу, и она дала ей много таких растений. В результате ее пальцы в настоящее время совсем фиолетовые, я считаю, что это очень красиво».

«Вторник, 20 сентября

Сегодня я был очень занят ремонтом сарая, в котором мы запираем на ночь коров, свиней и прочую живность, чтобы защитить их от бесчинств медведей, которые водятся здесь в изобилии. По пути в уборную этим утром я набрел на большой след от лапы, в длину больше моей стопы. Наши животные здорово разволновались, в чем я, разумеется, не могу их винить.

Только прошу, не переживайте за нас. В этой стране бурые медведи опасаются людей и даже не приближаются. Кроме того, наш дом хорошо укреплен, и я запретил Иэну выходить за пределы после наступления темноты, а еще он всегда носит с собой оружие.

С оружием дело обстоит теперь лучше прежнего: Фергус недавно привез из города новые ружья и несколько превосходных ножей.

Есть у нас большой котел, приобретение которого мы отметили с размахом: наготовили много вкуснейшего рагу из оленины с зеленым луком и сушеными бобами, а также добавили каких-то штук, похожих на помидоры, засушенных с лета. Так как все остались живы и здоровы, приговорив все рагу, Клэр, вероятно, права, и эти помидоры не ядовиты».

«Среда, 21 сентября

Опять приходил медведь. Я нашел следы в саду Клэр, на недавно взрыхленной земле. Похоже, зверь искал, чем поживиться, перед тем, как впасть в зимнюю спячку, и захотел раздобыть в рыхлой земле несколько личинок.

Я поселил свинью в кладовую, так как она вот-вот опоросится. И Клэр, и свинья соседством недовольны, но свинья – животное ценное, я

отдал за нее три фунта.

Сегодня приходили четверо индейцев. Их племя называется тускарора. Дикари выразили решимость поймать нашего ночного визитера, и я подарил им табак и нож, которым они остались очень довольны.

Все утро они сидели под навесом у нашего дома, курили и вели неспешную беседу, а около полудня стали собираться на охоту. Я спросил, куда они планируют отправиться, ведь медведь, кажется, полюбил наше общество, возможно, было бы лучше залечь где-то неподалеку и подождать, пока животное вернется.

В ответ мне сообщили, выражая голосом и жестами самое доброе снисхождение, что помет животного явно говорит о том, что зверь покинул эти края и взял курс на запад.

Не в состоянии оспорить столь авторитетное мнение, я пожелал им удачи и сердечно попрощался с охотниками. Я не мог сопровождать их, поскольку у меня все еще оставались неотложные дела, зато Иэн и Ролло отправились с ними, уже не в первый раз.

Я зарядил новое ружье и оставил его под рукой – вдруг наши друзья все же ошиблись, считывая намерения медведя».

«Четверг, 22 сентября

Прошлой ночью я проснулся от ужасного шума. В деревянные стены кто-то так громко скребся и стучал, что я выскочил из кровати, уверенный, что рушится дом.

Свинья, почуяв близость врага, вырвалась из кладовой, снеся дверь (которая, надо сказать, была довольно прочной), и укрылась под нашей кроватью, оглушительно визжа. Я понял, что медведь рядом, схватил ружье и выбежал на улицу.

Была лунная ночь, хотя и немного туманная, и я хорошо видел нарушителя спокойствия: большой темный силуэт медведя, стоявшего на задних лапах, возник рядом, ростом с меня и (говорят, у страха глаза велики) раза в три шире.

Я выстрелил в него. Тогда он встал на четвереньки и резво припустил в близлежащий лесок. Он скрылся прежде, чем я успел перезарядить ружье.

Днем я поискал на земле следы крови, но не нашел, так что не могу сказать, попал ли мой выстрел в цель. Стена дома украсилась теперь несколькими глубокими царапинами от медвежьих когтей.

Нам пришлось приложить некоторые усилия, чтобы убедить свинью (это белая свинья внушительных размеров, обладающая скверным норовом

и довольно зубастая) выйти из-под кровати и проследовать в кладовую. Свинья сперва идти не желала, однако доводы в виде кукурузного початка, сунутого ей под нос, и метлы, которой я самолично подталкивал ее сзади, смогли ее убедить».

«Понедельник, 26 сентября

Иэн и его краснокожие соратники вернулись ни с чем, добыча ускользнула. Я показал им царапины на стене, отчего они пришли в возбуждение и затараторили с такой скоростью, что я не разобрал ни слова.

Один из индейцев снял с ожерелья из звериных зубов, что висело у него на шее, один клык и торжественно вручил его мне, сказав, что теперь Медвежий дух защитит меня от вреда. Я принял талисман с надлежащим трепетом; в обмен пришлось подарить горшок с медом, приличия были соблюдены.

Клэр, которая подносила им горшок с медом, наметанным глазом определила, что одному из них совсем плохо – тяжелый взгляд, кашель и больной вид. Ему было слишком худо, чтобы продолжать путь, поэтому мы уложили его в амбаре.

Свинья опоросилась в кладовой, произведя на свет десяток поросят, все здоровые и деятельные, аппетит у них слава богу. А нам придется подтянуть пояса, потому что свинья злобно нападает на каждого, кто осмелится открыть дверь, при этом вопит и скрежещет зубами. На ужин мне дали одно яйцо и сообщили, что больше мне ничего не светит, пока не отыщу выход из сложившейся ситуации».

«Суббота, 1 октября

Сегодня нас ожидал большой сюрприз. К нам прибыли двое гостей...»

– Дикое место!

Брианна удивленно подняла взгляд. Дженни кивнула на письмо, не сводя глаз с Брианны.

– Дикари, медведи, какие-то дикобразы... Живут в крошечной хижине, совсем одни, высоко в горах... – Она встревоженно смотрела на Брианну. – Ты все еще хочешь поехать к ним?

Брианна вдруг поняла – Дженни опасалась, что она передумает и не поедет, что ее остановит мысль о долгом путешествии и опасностях. Местность, о которой повествовали строки письма, вдруг предстала перед ее взором, однако не менее реальным казался ей образ человека, написавшего их.

– Конечно, хочу! Поеду, как только смогу.

Лицо Дженни расслабилось.

– Что ж, хорошо, – сказала она и протянула руку, показав Брианне небольшой кожаный мешочек, расшитый иголками дикобраза, окрашенными в красные и черные цвета, и несколькими перьями, которые для контраста оставили в их естественной сероватой гамме. – Вот тот подарок, что он послал мне.

Брианна взяла вещицу в руки, восхищаясь сложностью узора и мягкой выделкой оленьей шкуры.

– Очень красиво.

– Да, очень. – Дженни отвернулась, зачем-то перебирая безделушки на книжной полке, а затем сказала отрывисто: – Останешься ненадолго?

Брианна удивленно посмотрела на нее.

– Останусь ли я?

– Хотя бы на пару дней. – Дженни повернулась; яркий свет, льющийся из окна, не давал разглядеть лицо. – Я знаю, ты спешишь, но хочется поговорить с тобой хотя бы немного.

– Конечно, – сказала Брианна. – Конечно, останусь.

На губах Дженни заиграла улыбка.

– Вот и славно, – тихо промолвила она.

Дженни смотрела на племянницу, и улыбка расплзалась по ее лицу все шире.

– Боже правый, до чего же ты похожа на Джейми.

Оставшись в одиночестве, Брианна вернулась к письму, перечитав начало. Комната медленно растворялась, в то время как Джейми Фрейзер постепенно оживал. Его голос так отчетливо звучал у нее в голове, словно он сам стоял перед ней, и солнце, заглядывающее в окно, сверкало в его медных волосах.

«Суббота, 1 октября

Сегодня нас ожидал большой сюрприз. Прибыли двое гостей из Кросс-Крика. Думаю, я рассказывал тебе про лорда Джона Грея, с которым я познакомился в Ардсмуре. Зато, по-моему, я не говорил, что потом встречал его на Ямайке, где он служил губернатором от Короны.

Грей, пожалуй, последний человек, которого я ожидал увидеть в нашем закоулке, где мало следов цивилизации, не говоря уже о богато обставленных залах и прочей роскоши, к которым он привык. Конечно, мы очень удивились, увидев на пороге такого гостя, но сразу же пригласили

войти.

Его привела к нам скорбь. Жена лорда погибла во время путешествия на корабле, заразившись лихорадкой, когда плыла с сыном из Англии. Грей испугался, что тропический климат окажется губителен для мальчика, и решил отправить его в Вирджинию, где у семьи обширные владения, да и самому поехать с ним, – парень, недавно потерявший мать, был сильно удручен.

Я выразил изумление и благодарность за то, что они сделали такой крюк, чтобы навестить нас, но его светлость прервал мои излияния, пояснив, что хотел показать парню все богатство и разнообразие этой страны. Сам мальчик больше всего на свете мечтает встретить индейцев, в этом отношении он напоминает мне Иэна, когда тот только прибыл сюда.

Сын лорда Джона высок и хорошо сложен для своих лет, ему около двенадцати. Он еще несколько грустит после смерти матери, но манеры у него приятные, кроме всего прочего, он граф (лорд Джон его отчим, полагаю, а его отец был графом Элсмиром). Его зовут Уильям».

Брианна перевернула страницу, ожидая продолжения, однако письмо на этом обрывалось. Потом Джейми не писал несколько дней. Следующее письмо было датировано 4 октября.

«Вторник, 4 октября

Индеец в амбаре умер, несмотря на усилия Клэр. Все лицо, тело, руки и ноги у него покрылись сыпью, вид ужасный.

Клэр полагает, что он страдал от кори, и очень беспокоится, потому что болезнь заразная и быстро распространяется. Она никому не разрешает приближаться к телу, все делает сама – мол, для нее это безопасно, она защищена какими-то чарами, но мы все же собрались около полудня. Я выбрал несколько подходящих случаю страниц из Писания, и мы прочли молитву за упокой его души – хочется верить, что даже некрещеный дикарь обретет вечный покой милостью божией.

Не знаю, как поступить с бренными останками этого бедняги. Я бы, конечно, отправил Иэна, чтобы он привел своих приятелей, и те похоронили его согласно их обычаям. Но Клэр говорит, что этого ни в коем случае делать нельзя, само тело еще распространяет заразу и может навлечь страшное бедствие. Хотя она предлагает нам самим похоронить или сжечь тело, мне не хотелось бы предпринимать действия, которые могут насторожить его товарищей, – вдруг они подумают, что мы уничтожили тело, потому что хотели скрыть следы насильственной смерти.

Я ничего не сказал о наших гостях. Если действительно окажется, что им угрожает опасность, я тут же отправлю их прочь. Конечно, жаль будет лишиться их общества, ведь мы живем очень уединенно. Пока мы отнесли тело индейца в небольшую пещеру неподалеку в горах, где я думал устроить конюшню или склад.

Я прошу прощения за то, что нагружаю вас своими проблемами, наверняка вы все станете волноваться. Надеюсь, в конце концов все будет хорошо, но теперь, стоит признаться, я здорово беспокоюсь. Если возникнет малейшая опасность либо со стороны индейцев, либо из-за болезни, я отправлю это письмо с нашими гостями, и вы непременно его получите.

Если все уладится, сразу же напишу.

Твой любящий брат Джейми Фрейзер».

У Брианны во рту пересохло. К письму прилагались еще два листка, которые, как назло, плотно приклеились друг к другу, так что у нее не сразу получилось их прочесть.

«Постскриптум, 20 октября

Мы все в безопасности, хотя и находимся в весьма подавленном настроении, о причинах я напишу позже, сейчас на это нет сил.

Иэн переболел корью, как и лорд Джон. Оба уже выздоровели, и Клэр велит мне сказать, что с Иэном все будет хорошо, тебе не стоит за него опасаться. Он напишет своей рукой, чтобы подтвердить мои слова.

Д.»

Последнее письмо было написано аккуратным ученическим почерком, хотя страница была усеяна кляксами – то ли из-за слабости писавшего, то ли просто попало плохое перо.

«Дорогая мама!

Я болел, но теперь все хорошо. У меня была лихорадка, и мне снились престранные сны, полные забавных вещей. Ко мне приходил большой волк, который говорил со мной человеческим голосом. Тетя Клэр говорит, что это, должно быть, Ролло, который не отходил от меня все время, пока я болел. Он хороший пес и кусается не очень часто.

От кори у меня по всему телу пошла сыпь, и я ужасно чесался, как будто угодил в муравейник или разворошил осиное гнездо. Голова казалась раза в два больше, чем обычно, и чихал я оглушительно. А сегодня съел на

завтрак три яйца и кашу и два раза сам сходил в уборную, так что все хорошо, хотя сначала я подумал, что ослеп из-за болезни, потому что, когда вышел на улицу, не видел ничего, кроме яркого света, но тетя сказала, что это пройдет, и все прошло.

Я еще напишу потом, а то Фергус ждет, чтобы забрать письмо.

Ваш послушный и преданный сын, Иэн Мюррей.

Постскриптум: череп дикобраза – подарок для Генри и Мэтти, надеюсь, он им понравится».

Брианна немного посидела, не двигаясь; стена приятно холодила спину. Она рассеянно поглаживала страницы письма и смотрела на книжный шкаф, в котором аккуратными рядами стояли книги в кожаных переплетах. Ей в глаза бросились золоченые буквы с одного из переплетов – «Робинзон Крузо».

Дикое место, сказала Дженни. К тому же опасное, где жизнь может измениться в одну секунду, где после смешных проблем вроде свиньи в кладовке приходится сталкиваться с настоящими угрозами вроде гибели от болезни или от насилия.

– А я-то думала, это здесь люди ведут примитивный образ жизни, – пробормотала Брианна, глядя на тлеющий в очаге огонь.

«Не такой уж и примитивный», – подумала она, когда Иэн провел ее через скотный двор мимо хозяйственных построек. Везде поддерживался порядок, стены были хорошо законопачены, пусть и слегка потертые, цыплят запирали во дворе птичника, а облако из мух позади сарая свидетельствовало о наличии выгребной ямы, расположенной вдалеке от дома.

Единственное реальное различие между этой фермой и современными заключалось в отсутствии проржавевшей сельскохозяйственной техники; лишь у амбара стояла лопата, да два или три старых плуга лежали у сарая, мимо которого они проходили, зато не было ни запутанной проволоки, ни разбросанных железяк.

Животные выглядели здоровыми, хотя по размеру были несколько меньше, чем те, к которым привыкла Брианна. Громкое блеяние подсказало ей, что в хозяйстве имелось небольшое стадо овец, они гуляли по небольшому пастбищу на склоне холма, издавая напоминающие шерстяное озеро. Заметив Брианну с Иэном, когда те подошли поближе, овцы сбежались к изгороди и не сводили с них желтых глаз.

– Совсем избаловались, – сказал Иэн с улыбкой. – Считают, что люди подходят к ним только затем, чтобы накормить. – Все моя жена, – добавил он, обернувшись к Брианне. – Носит им сорняки с огорода, закармливает так, что они скоро лопнут.

Крупный баран с закрученными рогами просунул голову через изгородь и оглушительно проблеял, и стадо тут же откликнулось эхом.

– Потише, Хью, – снисходительно ухмыльнулся Иэн, – тебя пока еще не забили, но скоро день настанет.

Он отмахнулся от барана и продолжил путь.

Брианна отступила на шаг, восхищенно за ним наблюдая. Иэн носил килт как-то совсем по-другому, не так, как все прочие, кого она до сих пор встречала, – вполне сознательно, как форму или знак отличия; Иэн носил его так, словно килт был не одеждой, а частью его самого.

И все же Брианна догадалась, что Иэн нечасто надевал килт. Дженни вытаращилась на него, когда он вышел к завтраку, а затем склонила голову над чашкой, пряча улыбку. Юный Джейми приподнял брови, заведя отца, но тут же потянулся за колбасой, слегка пожав плечами и выразительно хмыкнув, как хорошо умели все шотландцы.

Килт был старый, выдавший виды, слегка потертый на складках и на подоле. После разгрома в битве при Каллодене его спрятали вместе с пистолетами и мечами, с трубами и волынками – символами попорченной чести.

Нет, они совсем не покорились, подумала Брианна со странной тяжестью на сердце. Она вспомнила, как Роджер Уэйкфилд опустился на корточки рядом с ней под серым небом на поле боя в Каллодене, и его худое лицо потемнело от осознания, сколько людей полегло здесь в свое время.

– У шотландцев хорошая память, – сказал он тогда, – они ничего не забывают. Видишь, могильный камень клана Маккензи, сколько имен на нем высечено? Это все мои предки.

Он невесело улыбнулся.

– Я, конечно, принимаю это не так близко к сердцу, как некоторые, но все же я не забыл.

Нет, они не покорились. Даже через тысячу лет борьбы и предательства, даже сейчас. Победены, рассеяны по свету, однако все еще живы. Как Иэн, искалеченный, но живущий с гордо поднятой головой. Как ее отец, высланный из страны, но в сердце остающийся горцем.

Она приказала себе не думать о Роджере и поспешила нагнать прихрамывающего Иэна.

Худое лицо Иэна засветилось от удовольствия, когда Брианна попросила его показать ей Лаллиброх. Договорились, что через неделю юный Джейми отвезет ее в Инвернесс и убедится, что она благополучно разместилась на борту судна, отбывающего в колонии. А пока ей предстояло провести время здесь.

Несмотря на деревянную ногу Иэна, они быстро шагали через поля к небольшому холму, который виднелся на севере. Красивое место, подумала Брианна: нежно-зеленые поля, волнами переливающиеся в лучах весеннего солнца, стебли овса и ячменя, пригибаемые к земле легким ветерком...

По одному из полей пролегали длинные темные борозды, а на краю высилась груда аккуратно уложенных камней.

— Пирамида? — спросила Брианна, понизив голос в знак уважения. Клэр рассказывала, что шотландцы устраивают такие пирамиды в память о погибших; иногда они получаются очень большими, ведь каждый из посетителей укладывает в нее новый камень.

Иэн посмотрел на нее с удивлением, затем усмехнулся.

— Ах, нет, девочка. Эти камни мы выбираем из земли по весне, когда пашем плугом. Каждый год мы выбираем их, и каждый год находятся все новые. Будь я проклят, если знаю, откуда они берутся, — добавил он, покачивая головой. — Не иначе, каменные феи прилетают по ночам и разбрасывают их.

Брианна не поняла, шутит ли он, поэтому предпочла задать другой вопрос:

— А что вы тут посадите?

— Уже посадили. — Иэн поднес руку к глазам и горделиво посмотрел вдаль. — Мы посадили здесь тоффи. К концу месяца должны появиться всходы.

— Тоффи? Ах, картофель! — догадалась Брианна и заинтересованно посмотрела на поле. — Мама мне говорила.

— Да, это идея принадлежала твоей матери. Очень хорошая идея, надо сказать. Много раз тоффи спасал нас от голода.

Путь получился долгим. День стоял свежий, но теплый, и Брианна вся вспотела к тому времени, когда они наконец остановились посередине тропинки, пролегающей через заросли вереска. Узкую тропу преградил большой валун, слева шел вверх крутой склон, а справа — не менее крутой обрыв.

Иэн остановился, вытирая лоб рукавом, и жестом пригласил Брианну присесть на камень. Вся долина лежала перед ними, как на ладони; отсюда

дом казался игрушечным осколком цивилизации, случайно заброшенным в бескрайнюю скалистую пустыню, поросшую вереском.

Иэн развязал мешок, который захватил с собой, достал бутылку и зубами вытащил пробку.

– Спасибо твоей маме, – ухмыльнулся он, передавая ей бутылку. – Я имею в виду, что у меня еще есть зубы.

Он высунул кончик языка и медленно провел им по зубам, запрокинув голову.

– Да уж, мне пришлось потерпеть, но я не жалею, ведь большинство мужчин в моем возрасте кроме жидкой овсянки ничего другого в рот взять не могут.

– Когда я была маленькой, она заставляла меня грызть овощи и чистить зубы после еды. – Брианна взяла у него бутылку и отхлебнула. Эль оказался крепким и прохладным – то, что нужно после долгой прогулки.

– Ты была маленькой, вот как? – ухмыльнулся Иэн, окинув ее взглядом. – Никогда не видел такой рослой девицы. Ну, твоя мама знала, что делала.

Брианна улыбнулась и протянула бутылку.

– Надеюсь, что знала, когда выходила замуж за каланчу, – едко заметила она.

Иэн рассмеялся, утер рот тыльной стороной ладони и ласково посмотрел на Брианну теплыми карими глазами.

– Знаешь, девочка, ты очень на него похожа. Все на свете отдал бы, чтобы поглядеть на Джейми, когда он тебя увидит.

Брианна опустила глаза, закусив губу. Землю покрывал толстый ковер из папоротника, ветви деревьев загораживали тропинку, по которой они поднялись.

– Я не знаю, в курсе ли он, что я вообще существую, – прошептала она и подняла глаза на Иэна. – Вам же он не рассказывал.

Иэн, нахмурившись, прислонился спиной к камню.

– Не рассказывал... Может, у него просто не было времени. Его здесь долго не было, а в последний раз он приезжал вместе с Клэр. Потом все закрутилось, столько всего произошло... – Иэн замолчал, прикусив губу. – Твоя тетя очень переживает, думает, что ты винишь ее.

– За что? – поразилась Брианна.

– Из-за Лири.

При воспоминании о светлых глазах, неподвижных, словно мрамор, пока Лири произносила ужасные слова, по спине у Брианны пробежал холодок. Она пыталась не придавать им значения, однако слова «обманщик,

лжец, сукин сын и предатель» все еще стояли в ушах.

– А какое отношение тетя Дженни имеет к Лири?

Иэн тяжело вздохнул и отбросил со лба упавший локон темных волос.

– Именно она настояла, чтобы Джейми женился на этой женщине. Но она ведь желала добра, понимаешь? Мы все думали, что Клэр погибла много лет назад.

В его словах подспудно таился вопрос, однако Брианна сделала вид, что не заметила. Она опустила взгляд, разглаживая бриджи на коленке. Лучше не ступать на зыбкую почву.

Помолчав, Иэн продолжил:

– Это случилось после того, как Джейми вернулся из Англии. Он провел в заточении несколько лет после того, как разгромили восстание...

– Я знаю.

Иэн удивленно приподнял брови, но ничего не сказал, лишь покачал головой.

– Что ж... И вернулся совсем другим. Что ж, вполне понятно. – Он горько улыбнулся и опустил глаза, пальцами разглаживая складки на килте. – словно призрак, – тихо добавил Иэн, – вроде и смотрел, и улыбался, и отвечал, а сам как будто все время был где-то в другом месте.

Он глубоко вздохнул, и Брианна заметила морщинки, что пролегли у него меж бровями.

– Перед Каллоденом он был не таким. Конечно, он был серьезно ранен и потерял Клэр. – Иэн взглянул на Брианну; она молчала, тогда он продолжил: – Но то было время отчаяния: много народу полегло в сражениях, от голода и болезней, и повсюду рыскали английские солдаты. В такое время желание умереть не возникает просто из-за того, что все силы положены на борьбу за сохранение семьи.

По губам Иэна скользнула улыбка, горестные воспоминания отступили.

– Джейми прятался здесь, – он показал рукой на холм, что высился над ними. – За кустами дрока спрятана крошечная пещера. Я затем и привел тебя, чтоб показать.

Брианна посмотрела вверх на каменистый склон, поросший вереском. Вход в пещеру было не разглядеть, но куст дрока, усыпанный желтыми цветами, стоял словно горящий факел.

– Однажды, когда Джейми заболел малярией, я принес ему поесть. Я сказал, что ему лучше спуститься со мной и пойти в дом, потому что Дженни боится, что он умрет здесь наверху в полном одиночестве. Тогда он приоткрыл один глаз, который блестел от лихорадки, и хрипло сказал – я

едва сумел разобрать слова, – что даже если весь мир сговорится его погубить, он не станет облегчать им задачу, пусть Дженни не волнуется. А потом закрыл глаз и захрапел.

Иэн покосился на Брианну.

– Я не испытывал такой уверенности, как сам Джейми, так что остался с ним на ночь. Но он выкарабкался. Упрямый парень.

Брианна резко встала и направилась вверх по склону. Иэн не стал возражать, а остался сидеть на камне, наблюдая за ней.

Подъем оказался крутой, за чулки цеплялись колючки. У пещеры ей пришлось ползти на четвереньках. В пещеру вело треугольное отверстие. Брианна, стоя на коленях, просунула в щель голову и плечи.

Внутри было очень холодно, она почувствовала сырость на щеках. Вскоре глаза привыкли к темноте. Тусклый грязный грот был около восьми футов в длину и шести в ширину, потолок нависал так низко, что стоять можно было только рядом у входа. Если оставаться внутри долго, наверняка почувствуешь себя заживо погребенным.

Брианна быстро высунула голову и несколько раз глубоко вдохнула свежего весеннего воздуха. Сердце стучало как бешеное.

Семь лет! Семь лет он жил здесь, в холоде, голоде и грязи.

Я бы не выдержала и семи дней.

«Ты считаешь?» – возразил внутренний голос. А потом снова в мозгу что-то щелкнуло, пришло то же самое осознание, что Брианна почувствовала, когда смотрела на портрет Эллен и ощутила, как ее пальцы сомкнулись на невидимой кисти.

Она медленно обернулась и села перед входом в пещеру. Вокруг было очень тихо, однако тишина, царившая над поросшими лесом холмами, состояла из непрерывных маленьких звуков. В кусте дрока неподалеку жужжали пчелы, опыляющие желтые цветы. Далеко внизу потрескивал огонь, ему вторил шум ветра над головой, шелестели листья на деревьях, вздыхали каменные валуны.

Брианна сидела неподвижно, слушала и думала. Она поняла, что обрел здесь Джейми Фрейзер.

Не одиночество, но уединение. Не страдание, но выносливость, почти кровную связь с небом и горами. В этом суровом уголке природы, несмотря на физические лишения, исцелялась душа.

Он обрел в пещере не могилу, а убежище; он черпал от камней силу, как Антей черпал силу от земли. Он, который родился здесь, был частью этого места, а Брианна, которая никогда прежде не видела отца, была частью его.

Иэн терпеливо ждал внизу, сложив руки на коленях и глядя на раскинувшуюся внизу долину. Брианна протянула руку и аккуратно отломила веточку дрока, памятуя о шипах. Она положила ее у входа в пещеру, прижав небольшим камнем, затем встала и осторожно пошла вниз по склону.

Иэн, наверное, слышал ее шаги, но не обернулся. Брианна села рядом с ним.

– Теперь можно его носить? – Она кивнула на килт. – Это не опасно?

– Нет. – Иэн смотрел вниз, поглаживая пальцами мягкую потертую шерсть. – В последний раз солдаты заглядывали сюда несколько лет назад. Что тут еще осталось?

Он указал жестом на долину.

– Они забрали все мало-мальски ценное и уничтожили то, что не могли унести. Кроме земли, здесь ничего нет. А земля им особо не нужна.

Брианна поняла, что ему очень горько, хотя на лице у Иэна не отражалось никаких чувств. Некоторое время она наблюдала за ним, потом тихо промолвила:

– Вы еще здесь. Вы с Дженни.

Его пальцы, стиснувшие ткань, разжались, ладони спокойно легли на килт. Прикрыв глаза, Иэн повернул усталое обветренное лицо к солнцу.

– Да, это так. – Он снова открыл глаза и повернулся к Брианне. – Ты тоже. Вчера вечером мы немного поговорили с твоей тетей. Когда увидишь Джейми, и если вы поладите, то спроси у него, что нам делать.

– Что вам делать?

– С Лаллиброхом. – Иэн махнул на долину и дом внизу. Он озабоченно посмотрел на Брианну. – Может, тебе известно, а может, и нет, что твой отец перед битвой под Каллоденом завещал все Джейми-младшему, если его убьют или казнят, как предателя. Это было до твоего рождения, тогда он не знал, что у него есть дочь.

Брианна встревожилась, поняв, к чему он клонит, и положила руку ему на плечо. Иэн удивился прикосновению.

– Я не за этим приехала, дядя, – сказала она. – Лаллиброх не принадлежит мне, и он мне не нужен. Я приехала лишь для того, чтобы повидать отца. И маму.

Лицо Иэна разгладилось. Он накрыл своей рукой ее ладонь, лежавшую на его плече, подержал немного, затем выпустил.

– Что ж, тогда не говори ему ничего. Если он сам захочет...

– Не захочет, – прервала Брианна.

В темных глазах Иэна заплесал озорной огонек.

– Откуда ты знаешь, чего захочет Джейми, ты ведь его ни разу не видела.

Она улыбнулась в ответ. Теплое весеннее солнце пригревало ей плечи.

– Просто знаю.

Широкая улыбка осветила лицо Иэна.

– Наверное, мама тебе много о нем рассказывала. А она хорошо его чувствовала, саксоночка... Она ведь всегда была... особенной.

– Да. – Брианне хотелось побольше узнать об истории с Лири, но она не решалась спросить. И не успела ничего придумать, – Иэн поднялся и стал спускаться; ей пришлось последовать за ним.

– А что она имела в виду под тенью? – спросила девушка, глядя ему в затылок. Все внимание Иэна было сосредоточено на тропинке, но она заметила, что он слегка пошатнулся, когда деревянная нога заскользила по склону.

– Ты говоришь о Лири? – Не дожидаясь кивка, Иэн зашагал к ручью, который весело бежал у подножия холма, спотыкаясь о камни. – Тень – это дух человека, она является, когда сам человек далеко. Иногда тень является, когда человек уже умер, иногда – когда просто уехал. Говорят, видеть чужую тень – к несчастью, а если повстречаешься с собственной, значит, скоро умрешь.

Его голос звучал так обыденно, что у Брианны мороз пробежал по коже.

– Надеюсь, что не встречу. Но она сказала, эта Гири... – Брианна запнулась на имени.

– Лири, – поправил Иэн. – Ну да, тетя Дженни видела тень твоей мамы на свадьбе Лири и Джейми, это правда. Она знала, что это плохой знак, но было уже поздно что-либо предпринимать.

Он неуклюже опустил на здоровое колено и зачерпнул воды из ручья, чтобы умыться. Последовав его примеру, Брианна зачерпнула полные пригоршни холодной бодрящей воды и ополоснула лицо. Поскольку у нее не было полотенца, она вытащила из биджей подол рубашки и вытерлась им. И тут она поймала на себе возмущенный взгляд дяди Иэна, видимо, вызванный созерцанием ее голого живота. Брианна поспешно заправила рубашку, страшно покраснев.

– Расскажи, почему отец женился на ней? – попросила Брианна, пытаясь скрыть смущение.

– Ах, да. Я же говорил тебе, когда Джейми вернулся из Англии, жизнь в нем словно угасла, и ничто не могло разжечь ее снова. Не знаю, что там произошло в этой Англии; что-то было, это точно. – Иэн пожал плечами, на

шее сзади открылась полоска загорелой кожи. – После Каллодена его подкосило, но тогда нужно было бороться, и это придавало ему сил. А когда он вернулся из Англии, ему нечем было заняться. Вот Дженни и похлопотала, чтобы им с Лири сговориться.

Иэн проницательно посмотрел на Брианну.

– Ты уже взрослая, должно быть, ты знаешь, хоть ты и не замужем, что происходит между мужчиной и женщиной. Что он может сделать для нее, что она для него. Я имею в виду, исцелить, заполнить пустоту... – С отсутствующим видом он барабанил пальцами по деревянной ноге. – Наверное, Джейми женился на ней из жалости, но если бы он в самом деле был ей так нужен... Ох...

Иэн пожал плечами и улыбнулся.

– Что пользы рассуждать о том, как могло быть... Он ушел от Лири еще до того, как вернулась твоя мама, остальное тебе не важно.

Брианна почувствовала облегчение.

– Он был очень счастлив увидеть ее, – искренне сказал Иэн; широкая улыбка, как солнце, озарила его лицо. – Я тоже.

Глава 35

Bon voyage^[3]

Брианну неприятно кольнуло воспоминание о Бостонском приюте для собак: просторное темное помещение, напоминающий собачье таяканье скрип стропил и душный воздух, пахнувший животными. В большом доме на рыночной площади в Инвернесе собралось множество людей: поставщики продуктов питания, торговцы скотом, страховые агенты, судовые поставщики, рекрутеры в военно-морской флот... Посреди зала ходили и сидели мужчины, женщины и дети. Время от времени кто-то из них распрямлял плечи и выдвигал вперед подбородок, чтобы продемонстрировать силу и здоровье. В глазах людей, предлагавших себя, светилась надежда, смешанная со страхом, – как у собак в приюте для животных, куда несколько раз приводил ее отец, чтобы она выбрала питомца.

Были и семьи; дети либо цеплялись за матерей, либо с отсутствующим видом стояли рядом с родителями. Брианна старалась отводить глаза, ведь у нее разрывалось сердце, даже когда она собаку выбирала.

Юный Джейми боком протискивался между ними, прижав шляпу к груди, чтобы не потерять в толпе, и рассматривал предложенный товар. Дядя Иэн пошел в офис судоходной компании за билетом на корабль в Америку и оставил Брианну с кузенком Джейми. Им предстояло найти слугу, который сопровождал бы ее в пути. Брианна пыталась протестовать: ей не нужен никакой слуга, в конце концов, она прекрасно добралась из Франции в Шотландию... Мужчины покивали, с вежливой улыбкой выслушав все ее аргументы, и теперь она пробиралась вслед за юным Джейми сквозь толпу, послушная, как овечка тети Дженни. Вот уж ясно, что именно имела в виду ее мать, называя Фрейзеров «упрямыми, словно скалы».

Несмотря на гомон вокруг и раздражение на родственников, сердце радостно екнуло при мысли о матери. Сейчас Брианна могла признаться себе, как сильно она по ней скучала. И по отцу, незнакомому шотландскому горцу, с которым она начала знакомиться по письмам. То, что между ними лежал океан, казалось не более чем досадной мелочью.

Кузен Джейми прервал эти радужные мысли, взяв ее за руку.

– Как тебе вон тот парень? – крикнул он ей прямо в ухо, подбородком

кивнув на кандидата. – Что скажешь?

– Маньяк какой-то, – пробормотала Брианна. – Да ну, он похож на быка! – крикнула она в ответ.

– По-моему, сильный и честный малый.

«Просто слишком туп, чтобы оказаться нечестным», – подумала Брианна, однако промолчала, лишь энергично затрясла головой.

Юный Джейми философски пожал плечами и вернулся к изучению потенциальных работников, пристально разглядывая каждого. Брианне такое поведение казалось грубым, но другие потенциальные работодатели, похоже, так не считали.

– Пирожки! Горячие пирожки! – прорезался среди шума и гомона высокий голос.

Старушка с лотком на шее и с деревянной лопаточкой в руке локтями прокладывала себе путь через толпу. Чудесный аромат свежей выпечки затмил все прочие запахи. После завтрака прошло немало времени, и Брианна полезла в карман, чувствуя, как рот наполнился слюной.

Иэн взял у нее кошелек, чтобы расплатиться, но Брианна нащупала две или три монетки, которые, по всей видимости, выпали, одну из них выудила и помахала ей. Продавщица заметила блеск серебра и тут же сменила курс, ловко лавируя через толпу; легла в дрейф перед Брианной и, прищвартовавшись, выхватила монетку у нее из рук.

– Да хранит тебя Дева Мария, великанша! – Старуха задрала голову вверх и оскалилась, демонстрируя крепкие пожелтевшие зубы. – Возьми-ка лучше два, дорогуша! Разве ты одним наешься, бедолага...

Все головы повернулись в их сторону, лица расплылись в ухмылках. Брианна была как минимум на полголовы выше большинства окружающих мужчин. Слегка смущенная общим вниманием, Брианна смерила ближайшего из обидчиков ледяным взглядом. Похоже, молодого человека это весьма позабавило. С наигранным испугом он отшатнулся, прижавшись спиной к своему приятелю.

– Боже правый! Она на меня посмотрела! Я сражен!

– Не выдумывай, – приятель хлопнул его по плечу, – на меня она посмотрела! Кто на тебя посмотрит!

– Ничего подобного, – воспротивился первый, – на меня, правда, дорогуша?

Он умоляюще уставился на Брианну телячьим взглядом и выглядел при этом так потешно, что та не выдержала и расхохоталась вместе со всей толпой.

– А что ты с ней делать станешь? В ней два таких, как ты! Ну-ка, руки

прочь, чудовище! – вступилась за Брианну торговка, наподдав парню лопаткой под зад. – У меня, между прочим, торговля идет, а девушка останется голодной, если ты не перестанешь дурака валять. Отстань, пусть пирожок купит.

– Девчонка мне в самый раз, бабуля! – Поклонник Брианны, не обращая внимания на нападки и поучения, бесстыдно ее разглядывал. – А что до остального... Тащи сюда лестницу, Бобби, высоты я не боюсь!

Грянул хохот. Друзья молодого человека потянули его за руку, и он нехотя пошел прочь, оглядываясь и посылая через плечо воздушные поцелуи. Брианна взяла сдачу медными монетками и отошла в угол, чтобы съесть два горячих пирожка с говядиной. Лицо у нее еще пылало от смеха и комплиментов.

Брианна перестала обращать внимание на свой рост с седьмого класса. В Лаллиброхе, среди высоких двоюродных братьев, она чувствовала себя в своей тарелке, однако здесь она и впрямь торчала, словно мачта, хорошо хоть вняла настояниям Дженни и сменила мужской костюм на платье кухни Джанет, которое впопыхах удлиннили.

Брианну смущало, что под платьем у нее не было никакого белья, кроме рубашки. Конечно, вряд ли кто-то мог обнаружить сей пикантный факт, но само ощущение было непривычным – голые бедра терлись друг о друга, потому что шелковые чулки заканчивались чуть выше колена.

Впрочем, едва откусив первый кусок, она позабыла обо всех неудобствах. Горячий свежий пирожок в форме полумесяца был выпечен по старому шотландскому рецепту – фарширован рубленым мясом, салом и луком. Ощувив во рту сказочный вкус сочной начинки и слоеного теста, Брианна блаженно прикрыла глаза.

– Еда там либо отвратительная, либо безумно вкусная, – рассказывала Клэр о своих приключениях. – Тогда еще не нашли способ хранить мясо; все, что ты ешь, либо засолено, либо выварено в сале, если не успело протухнуть, либо парное, и тогда вкус просто невероятный.

Да, невероятно вкусный пирожок! Брианна получала огромное удовольствие, несмотря на то, что крошки падали в лиф. Она украдкой стряхнула крошки с груди, но никто больше на нее не смотрел.

Или почти никто. Невысокий светловолосый мужчина в потертом пальто материализовался у ее локтя и суетливо махнул рукой, словно хотел потянуть ее за рукав. Брианна подозрительно покосилась на него. Нищий? Или очередной назойливый поклонник?

– Я вас слушаю!

– Мэм, вам, кажется, нужен слуга?

Брианна отбросила настороженность, поняв, что мужчина предлагает свои услуги.

– Мне лично не нужен, но, похоже, придется нанять.

Она посмотрела на юного Джейми, который как раз допрашивал приземистого широкоплечего малого с нависшими бровями. Видно, представление Джейми об идеальном слуге ограничивалось развитой мускулатурой. Брианна окинула взглядом щуплого человечка, стоявшего перед ней; он не слишком соответствовал стандартам Джейми-младшего, но стандартам Брианны – вполне.

– Хотите работать у меня?

Мужчина нервно переминался с ноги на ногу.

– Нет-нет, не я... Может быть, возьмете мою дочь? – выпалил он, собравшись с духом, и тихо добавил: – Пожалуйста.

– Вашу дочь? – Брианна удивленно воззрилась на него, позабыв о надкушенном пирожке.

– Прошу вас, мэм, – к изумлению Брианны, на глазах у него показались слезы, – вы не представляете, как ей нужна работа и как мы будем благодарны!

– Как же... – смущенно протянула Брианна, смахивая крошки со рта.

– Она девушка выносливая и усердная, будет с радостью делать все, что прикажете, нужно только выкупить ее контракт.

– Послушайте, в чем дело? – спросила Брианна, движимая любопытством и жалостью к бедняге, который явно попал в беду. Она схватила его за руку и отвела в дальний угол, где было поменьше народу. – Что за срочность, почему вы хотите, чтобы я наняла вашу дочь?

Он нервно сглотнул.

– Один человек... Он хочет ее, но не в роли служанки... Хочет сделать ее любовницей. – Слова с трудом шли у него с языка, на лице было написано отчаяние.

– Ясно, – протянула Брианна, поняв, что дело и впрямь обстояло непросто. – Вам ведь не обязательно отпускать к нему дочь?

– Выбора нет, – горько проронил бедняга. – Господин Рэнсом, брокер, купил ее контракт и теперь может продать ее, кому пожелает.

Он кивнул на неприятного вида мужчину в белом парике, перевязанном лентой; тот как раз обсуждал что-то с юным Джейми.

– Он продаст ее без зазрения совести тому... – Голос собеседника прервался.

– Возьмите. – Брианна поспешно развязала косынку, повязанную вокруг шеи, и протянула незнакомцу. Со стороны ее поступок выглядел

более чем нескромным, однако в данных обстоятельствах ей было все равно.

Мужчина вытер лицо и отдал косынку, сжав ладонь Брианны обеими руками.

– Этот человек – торговец скотом, он отправился на рынок продавать свой товар; вскоре он вернется с деньгами и выкупит ее контракт. Он хочет увезти ее в Абердин, я слышал, как он говорил это мистеру Рэнсому. Я стал молить Господа Бога смилостивиться над нами, и тогда... тогда я заметил вас, такую гордую, благородную. Вы показались мне доброй. Я решил, что это ответ на мои молитвы. Мэм, прошу, сжальтесь над несчастным отцом. Возьмите ее!

– Но я еду в Америку! Вы никогда... – Брианна закусила губу, – вы очень долго не сможете ее увидеть.

Отчаявшийся отец побледнел, как мел, и пошатнулся.

– В колонии?.. – прошептал он. Затем стиснул зубы и сказал, глядя прямо в лицо Брианне: – Лучше пусть она отправится в дикие места, и пусть я никогда ее не увижу, чем видеть, как она подвергнется бесчестью.

Брианна не знала, что и ответить. Она посмотрела на толпу поверх его головы.

– Которая из них ваша дочь?

Искра надежды в его глазах вдруг вспыхнула ярким пламенем:

– Да благословит вас Господь, леди! Я пришлю ее к вам.

Он горячо сжал ей руку и метнулся к толпе. Брианна ошарашенно смотрела ему вслед, потом беспомощно пожала плечами и наклонилась, чтобы поднять упавший платок. Как же это все случилось? И что, черт возьми, скажут дядя с кузеном, если она...

– Это Элизабет, – выпалил голос рядом. – Ты будешь служить этой даме, Лиззи.

Брианна опустила глаза и поняла, что решение уже принято.

– О боже, – пробормотала она, разглядывая аккуратный пробор в светлых волосах на головке девушки, что присела перед ней в глубоком реверансе.

Девушка подняла на нее огромные перепуганные серые глаза.

– К вашим услугам, мэм, – прошептала она побелевшими губами. По крайней мере, Брианна прочла по ее губам именно это, девушка говорила слишком тихо, чтобы можно было разобрать слова среди всеобщего шума.

– Она будет отличной служанкой, мэм, я клянусь вам! – Взволнованный отец говорил куда громче. Брианна взглянула на него. Отец и дочь были похожи: те же светлые волосы, то же бледное, изможденное

лицо, только девушка была такой хрупкой, что казалась тенью своего отца.

– Что ж, здравствуй! – Брианна ободряюще улыбнулась девушке.

Элизабет запрокинула голову, со страхом глядя вверх. Брианна заметила, как та сглотнула и облизала губы.

– Сколько тебе лет, Лиззи? Можно звать тебя Лиззи?

Головка на шее, напоминающей стебель одуванчика, слегка покачнулась. Девушка что-то пролепетала и посмотрела на отца, который поспешил ответить:

– Четырнадцать, мэм! У нее золотые руки, все умеет – и готовить, и шить, и убирать. Усерднее и послушнее не сыскать!

Он стоял позади дочери, положив руки ей на плечи. Его голубые глаза встретились с глазами Брианны, умоляя о помощи. Его губы шевельнулись, не издав ни звука, но она поняла его.

– Пожалуйста, – повторил он.

Взглянув через его голову, Брианна увидела, что вернулся дядя Иэн. Они переговаривались с юным Джейми, близко склонив друг к другу головы. Вскоре они начнут ее искать.

Брианна глубоко вздохнула и выпрямилась в полный рост. Что ж, если уж на то пошло, она тоже из Фрейзеров. Кузену Джейми представится случай узнать, какой «упрямой, как скала» может быть Брианна.

Брианна улыбнулась девушке и протянула ей второй пирожок.

– По рукам, Лиззи! Надо съесть пирожок, чтоб закрепить сделку.

– Она поделила со мной еду, – Брианна призвала на помощь всю свою уверенность, – значит, она моя.

К ее удивлению, этот довод положил конец спору. Юный Джейми открыл было рот, чтобы что-то сказать, однако дядя Иэн остановил его, положив на плечо руку. Удивление на лице Иэна сменилось уважением.

– Вот оно что. – Он посмотрел на Лиззи, которая съежилась в комочек за спиной у Брианны. – Раз так, выходит, что нечего и спорить.

Юный Джейми, по всей видимости, не разделял позиции отца по этому поводу, считая, что спорить можно очень даже чего.

– Что толку от этой крохи? – Нахмурившись, он махнул на Лиззи. – Она даже багаж унести не сможет, не говоря...

– Я сама унесу свой багаж, сил у меня хватит, – возразила Брианна. Она нахмурила брови, с вызовом глядя на кузена, и распрямилась во весь рост.

Джейми приподнял бровь, признавая ее правоту, но не сдался:

– Не пристало женщине ездить одной...

– Я не одна, у меня есть Лиззи.
– И уж точно не в место, вроде Америки...
– Послушать тебя, так это дыра на краю света, а ведь ты там ни разу не был! – возмущенно задохнулась Брианна. – Черт возьми, да я родилась в Америке!

Дядя с кузенком ошарашенно уставились на нее. Брианна воспользовалась моментом, чтобы закрепить победу.

– Это мои деньги, моя служанка и моя поездка. Я дала слово, и я сдержу его!

Иэн усмехнулся и покачал головой.

– Говорят, дети похожи на отца. Глядя на тебя, девочка, сомнений не остается. Рост и кудри ты могла унаследовать от кого угодно, зато упертость твоя точно от Джейми Фрейзера.

Щеки у нее смущенно вспыхнули, но вместе с тем она почувствовала что-то вроде удовлетворения.

Взъерошенный от жаркого спора юный Джейми предпринял последнюю попытку:

– Женщине не пристало высказывать собственное мнение, ей надо слушаться мужчин!

– По-твоему, женщине не пристало даже иметь собственное мнение? – ласково поинтересовалась Брианна.

– Не пристало!

Дядя Иэн одарил сына долгим взглядом.

– Сколько, говоришь, ты женат? Восемь лет? – Он покачал головой. – Что ж, твоя Джоан очень терпелива.

Не обращая внимания на насупившегося Джейми, дядя Иэн сказал Лиззи:

– Хорошо, можешь пойти к отцу попрощаться, а я пока улажу дело с бумагами.

Он проводил девочку взглядом, с некоторым сомнением рассматривая ее хрупкие плечи, затем повернулся к Брианне.

– Ладно, может, вместе с ней тебе будет веселее, чем со слугой-мужчиной... В одном Джейми прав – защитить тебя ей не под силу. Скорее уж, тебе самой придется за ней присматривать.

Брианна расправила плечи и выпятила подбородок, призвав на помощь всю свою уверенность, однако под ложечкой у нее засосало.

– Я справлюсь, – ответила она.

Брианна крепко сжала в ладони камень, ища утешения. Корабль

покинул залив Мори-Ферт и вышел в открытое море. Берега Шотландии остались позади.

Почему она уже скучает по месту, которое едва знала? Лиззи, которая родилась и выросла в Шотландии, не бросила ни единого взгляда на удаляющуюся землю; девчушка сразу спустилась вниз, чтобы устроиться в каюте и взять из багажа вещи, которые понадобятся в путешествии.

Брианна никогда не считала себя шотландкой. Совсем недавно она даже не подозревала, что имеет какое-то отношение к Шотландии, а теперь, покинув эту страну и людей, успевших стать такими близкими, переживала то же острое чувство утраты, как в день, когда навсегда уехала мама или когда погиб отец.

Возможно, ей передались эмоции других пассажиров? Многие, как и она, стояли у борта, некоторые рыдали в открытую, прочие со страхом думали о долгой поездке. Но Брианна хорошо понимала, что ее угнетало другое чувство.

– Вот и все, – рядом возникла Лиззи.

Она как раз успела бросить прощальный взгляд на исчезающую за горизонтом землю. Ее лицо оставалось бесстрастным, однако Брианна не спутала самообладание с бессердечием.

– Да, мы в пути. – Повинуясь порыву, Брианна подтянула девочку к себе и поставила ее у перил, защищая собой от толкотни и холодного ветра. Лиззи была на добрый фут ниже Брианны и хрупкой, словно парусная лодка, видневшаяся впереди.

В это время года солнце еще не грело, оно нависало над чередой темных скал. Девушка вздрогнула и инстинктивно прижалась к Брианне, чтобы согреться. На Брианне была синяя шерстяная накидка, которую дала ей Дженни, она обвила девчушку руками и набросила на нее край накидки.

– Все будет хорошо, – подбодрила она Лиззи – и себя.

Светлая головка дрогнула у ее подбородка. Трудно сказать, был это кивок или попытка стряхнуть с глаз выбившуюся из прически прядь. Воздушный локон бился на ветру, совсем как огромные натянутые паруса над головой. Несмотря на бурлящие чувства, Брианна ощутила, что ее дух крепнет вместе с ветром. Она пережила уже немало расставаний; переживет и это. Вот почему так трудно уезжать. Брианна уже потеряла отца, мать, любимого, дом и друзей. Она осталась одна, потому что так было нужно, по собственному выбору. Но теперь, в Лаллиброхе, она вдруг снова обрела дом и семью, и неожиданное открытие застало ее врасплох. Она бы отдала почти все на свете, чтобы остаться подольше.

Но надо сдержать обещание и усмирить боль потери. Потом она

сможет вернуться. В Шотландию. И к Роджеру.

Брианна двинула рукой, чтобы ощутить на запястье спрятанный под накидкой тонкий серебряный браслет, который он ей подарил. Другой рукой она придерживала края накидки, защищая Лиззи от холодного ветра и морских брызг. Если бы не было так холодно, она, возможно, и не заметила бы, как на ее руку упала вдруг теплая капля.

Лиззи стояла выпрямившись, как натянутая струна, плотно обхватив себя руками. Ее полупрозрачные уши немного торчали, как у мышки, нежные и хрупкие в неярком свете заходящего солнца. Брианна подняла руку и на ощупь вытерла ей слезы, поверх головы Лиззи глядя на удалявшийся берег. Однако ледяное лицо и дрожащие губы, которые она ощутила под рукой, словно бы принадлежали ей самой.

Они стояли молча, пока берег не скрылся из виду.

Глава 36

Тебе не вернуться домой

Инвернесс, июль 1769 года

Роджер шел прогулочным шагом, восхищенно оглядываясь по сторонам. Вне всякого сомнения, за двести с лишним лет Инвернесс изменился, и все же Роджер хорошо знал мощеную улицу, по которой прежде ходил сотни раз.

Улица называлась Хантли-стрит. Многие из домов и магазинчиков были ему не знакомы, однако на другом берегу реки уже стояла Старая Высокая церковь, возведенная во славу Святого Стефана; собственно, еще не такая старая и высокая – главная башня пока что была низенькой и приземистой. У Роджера возникло странное чувство, что внутри он непременно обнаружит миссис Данвеган, жену священника, которая украшает алтарь цветами, готовясь к воскресной службе. Однако миссис Данвеган еще не родилась, на свете не было ни ее толстых шерстяных свитеров, ни безвкусных пирогов, которыми она пичкала заболевших прихожан мужа. Тем не менее небольшая каменная церковь служила надежным и привычным ориентиром, хоть и находилась в ведении незнакомца.

Церковь отца еще не возвели, это случилось... случится... в 1837-м. И дом пастора, который всегда казался таким старым и ветхим, был построен только в начале 1900-го. Роджер прошел мимо пустыря, поросшего лапчаткой и вереском. Среди травы тянулся вверх побег рябины, что пробрался из подлеска, его листочки трепетали на прохладном ветру.

Оказывается, воздух и раньше был таким же сырым и дарил бодрящую прохладу, но атмосферу отравлял не смог от выхлопных газов, а удушливо-тяжелый запах сточных вод. Самым непривычным было отсутствие церкви: там, где речные берега однажды украсятся благородными очертаниями башен со шпилями, еще не было ничего, кроме нескольких низких домишек.

Через реку вел лишь один каменный мост, однако сама река Несс, понятно, была все той же: те же пологие берега, и те же ворчливые чайки, что с громкими криками проносились над водой, на лету подхватывая рыбешек.

– Удачи, ребята, – пожелал Роджер упитанным птицам, прогуливающимся по мосту, и перешел на другую сторону.

Тут и там стояли богатые дома, окруженные большими участками; знатные дамы в пышных платьях прогуливались по лужайкам, не обращая внимания на простой люд, шедший по улице. Вдалеке виднелся Маунтджеральд. Большое здание выглядело точно таким же, каким знал его Роджер, только буки, которые будут окружать его спустя два века, еще не посадили, вместо них у стены сада томились высаженные в ряд итальянские кипарисы, тоскующие по своей солнечной родине.

При всей элегантности архитектуры о Маунтджеральде ходили слухи, что дом построен по старинному обычаю – под фундаментом зарыто тело человеческой жертвы. По преданию, одного из строителей заманили в вырытую под подвал яму и сбросили сверху валун, который раздавил беднягу. По сведениям местных историков, его закопали в том же подвале, чтобы ублажить кровью голодных духов земли, и по их милости здание простояло в целости и сохранности на протяжении многих лет.

Сейчас дому лет двадцать или тридцать, подумал Роджер. В городе могут найтись люди, которые его строили, они точно знают, что произошло в том подвале и почему. Впрочем, он прибыл сюда с другой целью, так что пускай Маунтджеральд сохранит свою тайну. С легким сожалением Роджер умирил любопытство ученого и свернул на дорогу, которая вела к докам.

Роджер толкнул дверь паба, ощутив мощный эффект дежавю. Та же дверь из сосновых бревен, тот же каменный пол, что он видел всего лишь неделю назад – и вместе с тем двести лет спустя. Знакомый аромат хмеля и дрожжей принес утешение – название заведения изменилось, но пиво пахло по-прежнему.

Роджер отхлебнул из деревянной кружки и чуть не задохнулся.

– Эй, приятель, все нормально? – Хозяин паба как раз проходил мимо с ведром песка в руке.

– Все хорошо, – просипел Роджер, – все хорошо.

Хозяин кивнул и принялся посыпать только что выметенный пол песком, однако время от времени косился на Роджера – вдруг того начнет тошнить.

Роджер прокашлялся и осторожно отхлебнул из кружки еще раз. На самом деле напиток оказался дивно хорош, просто он никогда не пил такого крепкого пива; по сравнению с современным, оно буквально сшибало с ног. Клэр говорила, что в то время алкоголизм был повальный, теперь Роджер понял, почему. Тем не менее, если пьянство представляло наибольшую опасность, с которой ему придется столкнуться, уж с этим он справится.

Он пристроился у очага и, смакуя, пил темный горький напиток, при этом смотрел во все глаза и слушал во все уши.

Паб находился неподалеку от портовых доков Морей-Ферт, внутри былолюдно: моряки, купцы, матросы с пришвартованных кораблей, портовые грузчики и чернорабочие с соседних складов. За небольшими столиками, усеянными лужицами от пива, совершалось множество сделок самого разного толка.

До Роджера доносились обрывки беседы между двумя купцами, которые сговаривались обменять триста свертков грубой дешевой шерсти, отправив их на корабле из Абердина, на рис и краску индиго, прибывшие из Каролины. Сто коров галловейской породы, шесть центнеров катаной меди, бочки серы, патоки и вина. Меры, цены, сроки и условия курились под низкими потолочными балками вместе с пивными парами и облаками табачного дыма.

Речь шла не только о товарах. За столиком в углу сидел капитан судна – судя по длинному пальто и черной треуголке, которая лежала перед ним на столе вместе с большим ящиком для денег. Рядом сидел клерк, который аккуратно записывал что-то в бухгалтерскую книгу. Капитан беседовал все с новыми людьми, однако поток не иссякал – эмигранты целыми семьями пытались устроиться на корабль, отплывающий в колонии, в Вирджинию. По доносившимся фразам Роджер сделал вывод, что стоимость проезда для мужчины – для джентльмена – составляла десять фунтов восемь шиллингов. Для тех, кто собирался ехать в трюме, как бочка с товаром или крупный рогатый скот, проезд стоил четыре фунта и два шиллинга, но в этом случае им предстояло запастись своей едой на все шесть недель плавания. Пресной водой, как он понял, на борту обеспечивали.

Для тех, кто хотел уехать, но не имел денег, находились другие способы попасть на корабль.

– Договор найма на вас, жену и двоих старших сыновей? – Капитан вскинул голову и оценивающее посмотрел на стоявшее перед ним семейство. Глава семьи – низкорослый жилистый человек, изможденный тяжелой работой, которому, наверное, было слегка за тридцать, хотя выглядел он гораздо старше. Жена стояла позади мужа, опустив глаза в пол, держа за руки двоих маленьких девочек. Одна из девочек сжимала ручонку младшего брата, на вид трех– или четырехлетнего. Старшие мальчики стояли рядом с отцом, стараясь выглядеть посolidнее. Роджер подумал, что им, наверное, лет десять и двенадцать, сделав скидку на то, что оба были невысокими и худенькими от недоедания.

– Вас и мальчиков возьмем. – Капитан нахмурился, глядя на

женщину. – Но никто не наймет женщину, у которой столько детей. Пожалуй, одного пусть оставит, а девочек надо продать.

Мужчина оглянулся на своих. Жена стояла неподвижно, по-прежнему опустив голову и ни на кого не глядя. Одна из девочек дернулась и заняла, что мать больно сжала ей руку. Глава семьи повернулся к капитану.

– Хорошо, – сдавленно сказал он. – Может, их хотя бы возьмут вместе?

Капитан поскреб подбородок и равнодушно кивнул.

– Вполне вероятно.

Роджер не стал дожидаться завершения сделки, резко встал и вышел из паба; темное пиво вдруг потеряло всякий вкус.

На улице он остановился, перебирая деньги в кармане – все подходящие монеты, которые успел собрать перед тем, как отправиться в путешествие во времени.

Короткая сцена в пабе его потрясла. Роджер досконально знал историю Шотландии. Ему хорошо известны были случаи, когда семьи доходили до такой степени отчаяния, что выбирали разлуку и рабство в обмен на шанс выжить. Он знал все о продаже наделов, когда небогатые арендаторы вынуждены были покидать землю, принадлежавшую их предкам несколько сотен лет, о страшной нужде и голоде, которые царили в городах, о непереносимой жизни, которую владели простые шотландцы в те годы. Однако читать в книгах и видеть своими глазами – совсем разные вещи. Из головы не шло лицо той женщины, ее глаза, устремленные на только что посыпанный песком пол, и руки, которыми она крепко сжала ладошки маленьких дочерей.

Десять фунтов и восемь шиллингов. Или четыре фунта и два шиллинга. Плюс расходы на еду. У него в кармане лежало ровно четырнадцать шиллингов и три пенса, плюс несколько медных монеток и пара четвертаков.

Он медленно брел по тропинке вдоль побережья, разглядывая суда, пришвартованные у деревянных доков, – в основном, рыболовецкие парусники. Небольшие бриги и галеры сновали по заливу, перевозя пассажиров и ценные грузы через Ла-Манш во Францию. На якоре в Ферте стояло только три больших корабля, способных пересечь Атлантику.

Конечно, можно добраться до Франции и сесть на корабль там. Либо доехать по суше до Эдинбурга – местный порт был гораздо больше, чем в Инвернесе. Но пока он доберется, мореходный сезон подойдет к концу. Брианна отправилась в прошлое на шесть недель раньше, нельзя терять ни дня. Кто знает, что может стрястись с женщиной, путешествующей в одиночку?

Четыре фунта и два шиллинга. Наняться на работу? С ним нет ни жены, ни детей, которых нужно содержать, так что он сумел бы сохранить большую часть денег. Однако клерк в то время зарабатывал в среднем около двенадцати фунтов в год, а Роджер смог бы наняться разве что чистить конюшни...

– Перво-наперво, – пробормотал он, – нужно узнать, куда она поехала, а уж потом думать о неприятностях, которые тебя поджидают.

Вытащив руку из кармана, Роджер свернул в узкий проулок между двух складов. Утреннее воодушевление почти испарилось, и все же он немного воспрянул духом, когда понял, что не ошибся в предположениях: контора управляющего портом располагалась в том же каменном приземистом здании, что и двести лет спустя. Роджер криво усмехнулся: не любят шотландцы перемен!

Внутри былолюдно: четверо резвых клерков за истертой деревянной стойкой сновали туда-сюда с кипами документов, строчили и скрепляли печатями бумаги. Они принимали деньги и относили их во внутреннюю комнату, откуда возвращались с квитанциями. У стойки толпились нетерпеливые посетители, и каждый стремился привлечь внимание служащих к собственному делу, которое, несомненно, было куда важнее, чем у соседа. Когда Роджеру удалось обратиться к одному из клерков, выяснилось, что добыть списки пассажиров, пустившихся в плавание через океан из Инвернесса за последние несколько месяцев, не представляет большой трудности.

– Подождите минуточку, – остановил он молодого парня, который водрузил перед ним тяжелую книгу в кожаном переплете.

– Слушаю? – Тот явно торопился, тем не менее замер на бегу, любезно давая понять, что готов выслушать.

– Сколько вам здесь платят?

Служащий удивленно приподнял брови, но у него не было времени ни задавать встречные вопросы, ни обижаться на бестактность.

– Шесть шиллингов в неделю, – отрапортовал он и исчез, слышав раздраженный выкрик «Манро!», раздавшийся из кабинета.

Роджер схватил книгу регистрации и наперерез толпе пробрался к маленькому столику у окна.

Имея возможность лицезреть условия, в которых работали служащие, Роджер поразился, как красиво и разборчиво были написаны фамилии пассажиров. Он давно привык к сложной старой орфографии и пунктуации, хотя бумаги, которые ему доводилось держать в руках, были пожелтевшими и хрупкими. Историк Роджер испытал истинное наслаждение, глядя на

белую, недавно заполненную страницу. Клерк, сгорбившийся за высокой стойкой, водил пером с немислимой скоростью, несмотря на духоту и гомон, царившие в комнате.

«Сомненья прочь, – холодно произнес голос в голове. – От того, что ты боишься заглянуть в списки, ее имя там не появится. Хватит!»

Роджер сделал глубокий вдох и раскрыл тяжелую книгу. Названия кораблей были указаны вверху страниц, за ними следовали имена капитанов и их помощников, основного груза и даты отплытия. «Арианна». «Полифем». «Веселая вдова». «Тибурон»... Несмотря на волнение, Рожер восхищался названиями, пока перелистывал страницы.

Полчаса спустя он перестал удивляться поэтичным и образным названиям кораблей. По мере того как палец скользил по спискам фамилий, в душе росло отчаяние. Неужели Брианны там не было!

Куда же она пропала? Она должна была сесть на корабль, идущий в колонии! Если только, в конце концов, к ней не вернулся здравый смысл... Но щемящая боль под ребрами говорила, что Брианну вряд ли остановила угроза, исходившая от каменного круга.

Глаза начали слезиться от напряжения. Роджер устало потер их и вновь вернулся к спискам, упрямо бормоча под нос имена, чтобы быть уверенным, что ничего не пропустил.

М-р Финеас Форбс, джентльмен
М-с Вильгельмина Форбс
М-с Джозефина Форбс
М-с Эглантина Форбс
М-с Шарлотта Форбс

Он улыбнулся, представив себе гарем мистера Форбса. Сокращение «м-с» может означать как «миссис» – замужнюю женщину, так и «мисс» – незамужнюю, и скорее всего, Форбс путешествовал в сопровождении юных дочерей, но уж больно эпичной показалась ему картина идиллического восшествия на борт мистера Финеаса Форбса в компании четырех жен.

М-р Уильям Тэлбот, купец
М-р Питер Тэлбот, купец
М-р Джонатан Бикнелл, врач
М-р Роберт Маклеод, фермер
М-р Гордон Маклеод, фермер
М-р Мартин Маклеод

Фамилия Рэндалл так и не встретилась. Ни на «Персефоне», ни на «Мести королевы», ни на «Фебе». Роджер вздохнул и приступил к списку пассажиров корабля «Филипп Алонсо». Название испанское, тем не менее корабль, зарегистрированный в шотландской книге, вышел из Инвернесса под командованием капитана Патрика О'Брайена.

Роджер не прекратил поиски, но уже начал думать о том, что делать дальше, если Брианна в списках не найдется. Конечно же, надо ехать в Лаллиброх. Однажды он там побывал, в свое собственное время, чтобы посмотреть на то, что осталось от поместья. Однако как найти его теперь, без карт и дорожных указателей?

И вдруг мысли Роджера резко оборвались, а палец замер на имени в нижней части страницы. Он искал Брианну Рэндалл, ее в списке не было, зато при виде другого знакомого имени в мозгу вспыхнула лампочка. Фрейзер, прочел он буквы, выписанные витиеватым почерком. М-р Брайан Фрейзер. Нет, не Брайан. И не м-р. Прищурившись, он склонился над мелкими черными буквами.

Роджер прикрыл веки, чувствуя, как бешено колотится сердце. Облегчение растеклось по всему телу, опьяняя не хуже темного эля из паба. Там было написано «м-с», а не «м-р», и не «Брайан», а «Бриана».

Наверняка она! У нее необычное имя, никакой другой «Брианы» или «Брианны» в списках не было. Фамилия Фрейзер тоже несла определенный смысл: Брианна отправилась на розыски отца, вполне естественно назваться его фамилией, принадлежащей ей по праву рождения.

Роджер захлопнул книгу и замер. Попалась!.. Затем поймал на себе любопытный взгляд светловолосого клерка и, смутившись, снова открыл книгу.

«Филипп Алонсо». Отплыл из Инвернесса четвертого июля 1769 года в Чарльстон, Южная Каролина.

Южная Каролина. Ей нужно было попасть именно туда или это просто ближайший порт, до которого она могла добраться? Пробежав глазами остальные списки, Роджер не нашел ни одного корабля, который в июле отправлялся бы в Северную Каролину. Может, она села на первый попавшийся корабль, идущий в нужном направлении, а дальше задумала добраться по суше?

Роджер поднялся и через стойку протянул книгу светловолосому знакомцу.

– Спасибо, дружище, – произнес он с мягким акцентом. – Скажите, а есть ли судно в порту, которое вскорости отплывает в американские колонии?

– Имеется. – Клерк кивнул, одной рукой ловко подхватив книгу, а второй принимая накладную от другого клиента. – «Глориана» уходит в Каролину послезавтра. – Он смерил Роджера взглядом. – Вы эмигрант или моряк?

– Моряк, – быстро ответил Роджер и, не обращая внимания на скептически приподнятую бровь конторщика, махнул рукой в сторону леса мачт. – Где можно записаться на борт?

Клерк кивнул в сторону двери.

– Владелец обычно работает в пабе, когда заходит в порт. Скорее всего, он там – капитан Боннет.

Молодой человек все же воздержался от ядовитого замечания: если Роджер – моряк, то он, клерк, – африканский попугай.

– Благодарю вас, *mo ghille*, мой мальчик! – Отдав честь, Роджер направился к выходу, но в дверях обернулся. Клерк все еще смотрел на него, не обращая внимания на выкрики нетерпеливых клиентов.

– Пожелайте мне удачи! – усмехнувшись, крикнул Роджер.

В ответной улыбке клерка сквозило восхищение, смешанное с тоской.

– Удачи вам, дружище! – откликнулся он и помахал на прощание. Дверь захлопнулась, и парень обратился к следующему клиенту, держа наготове гусиное перо.

Роджер действительно нашел капитана Боннета в пабе. Тот сидел в углу в плотном облаке сигарного дыма.

– Как вас зовут?

– Маккензи, – ответил Роджер, повинувшись внезапному порыву. Если Брианна назвалась другим именем, отчего бы и ему не поступить так же.

– Есть опыт, мистер Маккензи?

Солнечные лучи скользнули по лицу капитана, заставив его прищуриться. Он отодвинулся в тень и окинул Роджера цепким взглядом.

– Время от времени рыбачил в Минче.

Роджер и правда несколько лет подряд, мальчишкой, ходил во время каникул на лодке под командованием одного рыбака, знакомого его преподобия. Он нарастил мускулы, выучил несколько морских баллад и приобрел стойкое отвращение к селедке. Зато, по крайней мере, знал, как держать в руках канат.

– Что ж, парень вы крепкий. Однако рыбак и моряк – ремесла, конечно, совсем разные.

– Полагаю, для этого занятия не нужно быть семи пядей во лбу.

Роджер не понял, почему капитан вдруг почесал затылок.

– Это несколько сложнее, чем вам кажется, но уверен, что тот, кто хочет, всегда научится. Только с чего вдруг человеку вашего сорта приспичило отправиться в море?

«Вашего сорта. Что это значит?» Дело не в речи, Роджер старался подражать выговору жителей гор, чтобы избавиться от малейшего намека на оксфордское произношение. Может, он слишком хорошо одет? Или капитан заметил следы огня у него на воротничке и на пальто?

– По-моему, вас это не касается, – сдержанно сказал Роджер, стараясь не стискивать кулаки.

Светлые зеленые глаза капитана продолжали холодно его изучать. Словно леопард, что поджидает антилопу в засаде, пришло на ум Роджеру. Интересно, последует нападение или нет.

Тяжелые веки опустились – нападения не будет.

– Вам следует быть на борту до захода солнца, – велел Боннет. – Пять шиллингов в месяц, три дня в неделю мясо, по воскресеньям сливовый пудинг. Гамак для вас найдется, но форму принесете свою. Как только товар выгрузят в Каролине, вы свободны. По рукам, сэр?

– По рукам, – отозвался Роджер. В горле вдруг пересохло.

– Как подниметесь на борт, спросите мистера Диксона. Он казначей. – Боннет откинулся назад, достал из кармана небольшую книгу в кожаном переплете и открыл ее. Аудиенция окончена.

Роджер повернулся и, не оглядываясь, пошел к выходу, чувствуя, что ему будто буравят затылок. Он знал, что если обернется, то встретится с холодным взглядом светло-зеленых глаз, следящих за ним поверх книги и подмечающих все его слабости.

Глава 37

«Глориана»

До сих пор Роджер считал, что находится в отличной физической форме. И вправду, по сравнению с большинством истощенных и рано усохших образцов человечества, которые составляли остальную часть экипажа «Глорианы», Роджер казался сильным и выносливым. Однако в первый же рабочий день, длившийся четырнадцать часов кряду, он разуверился в своих возможностях.

Он заработал пузыри на ладонях и боль в мышцах, швыряя ящики, перекладывая брусья и тягая канаты. Все кости ломило – даже не так от самой физической нагрузки, как от того, что работать приходилось на холоде в отсыревшей одежде. Роджеру по душе пришелся тяжелый труд в грузовом отсеке, там он хотя бы отогрелся, но он знал, что недолгое блаженство обернется мелкой дрожью, сотрясающей все тело, как только он снова окажется на палубе под шквалом ледяного ветра.

К концу дня руки огрубели и болели, а ладони к тому же почернели, словно деготь, и потрескались. Что поразило Роджера, так это волчий голод, грызущий изнутри.

Костлявый образчик человечества по имени Дафф, что работал рядом, тоже промок насквозь, но, похоже, его это совсем не трогало. Длинный острый нос Даффа подрагивал, как у хорька, с посиневшего кончика на поднятый воротник рваной куртки равномерно спадали капли, словно со сталактита в пещере, однако взгляд выцветших глаз был пронизательным, а рот широко усмехался, демонстрируя почерневшие зубы, по цвету напоминавшие воду в заливе Ферт.

– Крепись, приятель! Пожрать дадут, когда пробьет две склянки. – Дафф дружески пихнул Роджера локтем в бок и нырнул в трюм, из темных глубин которого доносились голоса, сыплющие проклятьями.

Кормовой трюм уже был наполовину забит, бочонки с водой стояли рядами один на одном, каждый из них объемом в сто галлонов и весом около семисот фунтов. Однако передняя часть оставалась свободной. Грузчики сновали, как муравьи, перемещая бесконечные бочки, коробки, свертки и связки – столько всего, что, казалось, все это ни за что не поместится на корабль.

Потребовалось два дня, чтобы погрузить весь скарб: бочонки с солью, рулоны ткани, огромные ящики со скобяными изделиями, до того тяжелые,

что спускали их на стропах. Вот тогда и пригодилась сила Роджера. Он налегал на один конец каната, перетянутого через лебедку, на другом конце которого болтался привязанный ящик, и потихоньку отпускал веревку, чтобы двое других грузчиков могли поймать ящик и направить его в нужное место.

Пассажиры поднялись на борт в конце дня – унылая цепочка эмигрантов, увешанных чемоданами, связками, курами в клетках и детьми. Все они ехали третьим классом на средней палубе – в отсеке, отгороженном от переднего трюма перегородкой – и приносили не меньше выгоды, чем самые ценные из товаров, загруженных в кормовой трюм.

– Рабы! Едут бесплатно, чтобы расплатиться по прибытии, – сообщил Дафф Роджеру, окинув прибывших наметанным глазом. – На плантациях за них заплатят пятнадцать фунтов, а они получают три или четыре. Груднички – бесплатное приложение к матери.

Моряк закашлялся, издавая громкие хриплые звуки, словно заводил старинный двигатель, и сплюнул за борт. Он покачал головой и посмотрел на унылую процессию.

– Мало кто заплатил за проезд. Им пришлось постараться, чтобы заработать еще по два фунта на семью и купить еды на борт.

– Значит, капитан их не кормит?

– Почему же? – Дафф снова закашлялся и сплюнул. – Кормит. За деньги. – Он ухмыльнулся Роджеру, вытер рот и кивнул головой на трап. – Пойдем, протянем руку помощи, приятель. А то наш капитан недополучит денег, если кто из них потонет.

Подхватив на руки одну из девочек, Роджер удивился: на вид она была довольно пухленькой, а оказалась совсем легкой. Он присмотрелся и понял, что полнота многих женщин – всего лишь иллюзия, потому что они, по всей видимости, надели на себя несколько слоев одежды – все, что имели, за исключением горстки узлов и коробок с едой, купленной в путешествие, и тощих детей, ради которых решились на этот отчаянный шаг.

Роджер с улыбкой присел, уговаривая малыша; тот крепко вцепился в материнскую юбку. Белокурому кудрявому ангелочку не исполнилось и двух лет, его еще наряжали в платье. Уголки маленького пухлого рта были обращены вниз, выражая страшное неодобрение всему, что происходило вокруг.

– Давай же, малыш, – тихо сказал Роджер, протянув руку. Нужды контролировать акцент больше не было, изысканное оксфордское произношение исчезло само собой под натиском протяжного шотландского говора, усвоенного с детства. – Твоя мама не может сейчас тебя взять,

пойдем со мной.

Мальчик недоверчиво шмыгнул носом и сердито посмотрел на него, однако позволил отцепить свои пальчики от материнской юбки. Роджер нес малыша по палубе, а женщина молча шла за ним. Она спустилась в трюм, и Роджер передал сына ей на руки, тогда она подняла глаза и посмотрела на него, а затем ее лицо исчезло в темноте, словно белый камень, упавший в колодец. Роджер пошел назад со щемящим чувством, словно на его глазах утонул человек.

Вернувшись к работе, он заметил молодую женщину, спускавшуюся к пристани. Девушка была, что называется, обаятельной – не красавица, но очень живая, изящная, с выразительными глазами. Возможно, дело было в осанке – прямая, как стебелек лилии, среди сгорбленных и усталых людей. А может, в ее лице – конечно, в нем читалась и неуверенность, и сомнения, но вместе с тем глаза девушки светились любопытством и интересом. Отважная девчонка, подумал Роджер. Подавленный созерцанием уныния и страха, исходящими от остальных эмигрантов, при виде нее он несколько воспрянул духом.

Рядом с ней шагал высокий светловолосый молодой человек с ребенком на руках. Он ободряюще коснулся плеча девушки, и ее лицо осветила мягкая чарующая улыбка. Глядя на них, Роджер почувствовал укол чего-то похожего на зависть.

– Эй, Маккензи! – Крик боцмана выдернул его из задумчивости. – Между прочим, груз ждет, сам по себе на борт не запрыгнет!

Корабль отчалил, распустив паруса. Несколько недель все шло гладко. На смену дождливой погоде, омрачившей отъезд из Шотландии, пришли крепкие ветра и бурное море. Большинство пассажиров слегли от морской болезни, но со временем пошли на поправку. Запах рвотных масс составлял лишь незначительную нотку в какофонии отвратительных ароматов на борту «Глорианы».

Роджер с рождения обладал чутким нюхом, и теперь ему пришлось об этом пожалеть. Тем не менее даже самый чуткий нос ко всему привыкал, и примерно за день он свыкся с царившим в трюме духом, отмечая разве что новые нотки.

Роджер не страдал от морской болезни, тем не менее по опыту, приобретенному на рыболовецком судне, знал, как настороженно моряки следят за погодой: от того, светит ли солнце, зависит, как сложится день.

Другие члены команды не проявляли дружелюбия, однако и враждебности не выказывали. Может, из-за говора, свойственного жителям

шотландского высокогорья – большинство матросов с «Глорианы» были выходцами с равнин, из Дингуолла или Питерхеда, а может, из-за странных слов, которые порой срывались у него с языка, а может, из-за роста остальные держались с ним настороже. До открытой ссоры дело не доходило, все-таки Роджер был самым рослым и крепким, но и на сближение никто не шел.

Холодность моряков не трогала Роджера. Пока тело управлялось с повседневными обязанностями, ему было, о чем подумать.

До того, как пуститься в плавание, он не пытался ничего разузнать ни о корабле, ни о капитане. Да он бы сел на корабль к черту лысому, при условии, что этот джентльмен направлялся в Северную Каролину! Тем не менее из разговоров экипажа Роджер понял, что Стивен Боннет известен как хороший капитан, строгий, но справедливый, и пользовался репутацией человека, которому сопутствует удача. Для тех, кто получал не заработную плату, а долю от прибыли, последнее из качеств сглаживало прочие шероховатости в характере капитана.

Не то чтобы Роджер замечал подобные шероховатости, просто ему казалось, что капитан словно находится в незримом кругу, и лишь немногие смеют преступить границу. Напрямую с капитаном общались только первый помощник и боцман; матросы опускали головы, когда он проходил мимо. Роджер припомнил холодный взгляд зеленых глаз следившего за ним хищника. Неудивительно, что никто не хотел привлечь его внимание.

Общаться с пассажирами Роджеру особо не доводилось. Как правило, им разрешали появляться на палубе дважды в день, чтобы подышать воздухом, опорожнить мусорные баки, которых было ничтожно мало для такого количества людей, и отнести вниз воду, которую мелкими порциями распределяли на каждую из семей. Роджер ждал этих коротких вылазок и пытался найти работу на палубе, где пассажиры разминали затекшие конечности.

Его интерес был и личным, и профессиональным. В их присутствии просыпалось любопытство историка, а одиночество, которое он испытывал, легче переносилось под тихий рокот обыденных разговоров. Они были семенами, что упадут на почву новой страны, захватив с собой наследие прошлого. То, что знают и ценят эти бедные эмигранты, они передадут своим потомкам.

И если уж передавать шотландскую культуру потомкам, почему это должен быть рецепт от бородавок, о котором поведала пожилая женщина, что бранила терпеливую невестку («Я говорила тебе, Кэти Мак, но ты

выбросила отличных сушеных жаб, хотя набрала с собой кучу всякого хлама, который мы теперь сторожим день и ночь, куда его только девать станем, когда приедем»...), хотя и он – часть наследия, наряду с народными песнями и молитвами, с тканой шерстью и кельтскими узорами.

Роджер взглянул на свою руку и живо вспомнил миссис Грэхэм, которая натирала ему бородавку на среднем пальце чем-то, что назвала сушеной жабой. Он улыбнулся, потерев то место большим пальцем. Рецепт сработал, больше бородавки не вскакивали.

– Сэр, – раздался рядом тихий голосок, – сэр, а можно нам пойти дотронуться до подковы?

Крошечная девочка вела за руки двоих младших братьев.

– Можно, *a leannan*, – ответил Роджер. – Только ты следи за парнями.

Она кивнула, и все трое побежали прочь. Перед тем как подняться на цыпочки и дотронуться до подковы, прибитой к мачте на счастье, дети тревожно оглянулись по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. Подкова обещала защиту и исцеление, матери часто посылали к ней хилых малышей.

Им лучше бы принимать железо внутрь, подумал Роджер, разглядывая сыпь на мучнисто-белых лицах и слушая жалобы на зуд, крошащиеся зубы и жар. Он вернулся к работе, черпаком разливая воду по ведрам и мискам, которые подставляли ему пассажиры. Эмигранты жили на одной овсянке, а многие из них лишь на сушеном горохе, размоченном в воде, и безвкусных сухарях – вот и вся провизия, которую им выдавали на борту.

Однако на это не жаловались: вода была чистой, сухари не плесневелыми, и если порции были не слишком щедрыми, не были они и скудными. Экипаж питался лучше – мясной похлебкой с добавлением лука. Роджер провел языком по деснам – так он проверял их состояние каждые несколько дней. Почти все время во рту стоял слабый привкус железа, десны начали кровоточить из-за отсутствия свежих овощей.

Тем не менее зубы прочно сидели на месте, суставы и ногти были в порядке – не то что у некоторых ребят из команды, которые показывали ему распухшие суставы и посиневшие ногти. Роджер изучил вопрос во время недель ожидания: здоровый взрослый мужчина мог выдержать от трех до шести месяцев дефицита витаминов, прежде чем проявятся симптомы. При хорошей погоде плавание продлится не дольше двух месяцев.

– Завтра будет хорошая погода, правда? – Роджер вздрогнул, словно кто-то прочел его мысли, и оглянулся. Говорила та самая очаровательная шатенка, которой он восхищался на пристани в Инвернесе. Друзья называли ее Мораг.

– Надеюсь. – Он принял у нее ведро с ответной улыбкой. – А почему вы так думаете?

Она кивнула подбородком.

– На небе за старой луной видна новая, на суше это значит, что будет хорошая погода. Думаю, в море то же самое, разве нет?

– Не трать время на болтовню, девчонка, спроси у него! – прошипела Мораг на ухо немолодая женщина. – Давай!

– Не буду, сказала же, что не буду!

– До чего ты упряма!.. – Женщина смело шагнула вперед. – Ладно, если не хочешь, спрошу сама! – Она положила широкую ладонь на плечо Роджеру и улыбнулась ему. – Как тебя зовут, парень?

– Маккензи, мэм, – почтительно сказал Роджер, сдерживая улыбку.

– Ах, ты из Маккензи!.. Видишь, Мораг, он приходится родней твоему мужу и наверняка будет рад оказать услугу!.. У нее грудной ребенок, и она умирает от жажды. Женщине надо пить, когда кормит грудью, а то молоко свернется, а глупышка не решается попросить у вас чуток больше воды. Здесь же никому не жалко, а? – спросила она риторически, обернувшись к очереди. Неудивительно, что все, как марионетки, покачали головами.

Даже в темноте было видно, что Мораг вспыхнула. Плотно сжав губы, она приняла от Роджера до краев наполненное ведро воды и коротко ему кивнула.

– Благодарю вас, мистер Маккензи.

Она не смотрела на него, пока не дошла до люка, ведущего в трюм, затем оглянулась через плечо с такой благодарной улыбкой, что Роджеру стало тепло, несмотря на холодный ветер, который продувал насквозь даже через куртку и рубашку.

Ему было жаль, что вода закончилась, и эмигранты спустились вниз, закрыв за собой люк на ночь. Он знал, что они рассказывали всякие истории и пели песни, чтобы скоротать время, и многое бы отдал за то, чтобы их послушать. Не только из любопытства, скорее, из-за тоски. Он не жалел их за то, что они были бедны и полны страха перед будущим, он завидовал, что между ними была связь.

Однако капитан, экипаж, пассажиры и даже самое важное – погода – занимали только часть мыслей Роджера. День и ночь, промокший или сухой, голодный или сытый, он думал о Брианне.

Роджер спустился в столовую, когда прозвучал сигнал к ужину, и поел, не замечая вкуса еды. Ему предстояла вторая вахта, и после ужина он отправился в койку, избрав одиночество и покой вместо возможности поболтать с другими матросами в кубрике.

Одиночество, конечно, было иллюзией. Мягко покачиваясь в гамаке, он чувствовал, как ворочается сосед, даже через рубашку ощущая жар исходящего потом сонного тела. На каждого приходилось не более восемнадцати дюймов; когда Роджер лежал на спине, плечи выходили за отведенную ему территорию на добрых два дюйма с каждой стороны.

Проспав две ночи посередине, он постоянно просыпался от пинков и брани соседей; в конце концов, Роджера уложили к стене, чтобы он мешал только одному. Он научился спать на боку, прижавшись к деревянной перегородке, и прислушиваться к укачивающему поскрипыванию корабля, не обращая внимания на людской гомон.

Корабль таил в себе музыку. Мачты и канаты пели на ветру, деревянные борта скрипели с каждым взлетом и падением, в трюме перестукивались бочки и ящики, из кубрика и пассажирского отсека доносился гул голосов. Глядя на темную перегородку, куда изредка падал свет фонаря, качающегося над головой, Роджер представлял себе Брианну: ее лицо, фигуру и волосы. Она стояла перед ним, как живая, как настоящая. Слишком настоящая.

Да, он легко мог вызвать в памяти ее лицо. Узнать ее чувства и мысли было гораздо труднее.

Уйдя через камни, Брианна забрала его покой. Роджер жил, постоянно мучаясь страхом и гневом, острая боль разъедала душевные раны. Одни и те же вопросы вертелись в голове, словно змея, пытавшаяся ухватить собственный хвост. А ответов не было.

Зачем она ушла? Что она делает? Почему не сказала ему?

Роджер прекрасно знал, что такое одиночество. Наверное, это было одной из причин, почему они потянулись друг к другу.

Клэр тоже знала, подумал он вдруг. Она была сиротой, потеряла дядю, пусть в это время уже и была замужем. Однако на время войны они с мужем расстались... Да, она многое знала об одиночестве. И именно поэтому позаботилась о том, чтобы Бри не осталась одна, хотела увериться, что ее дочь любима.

В течение дня Роджера отвлекала работа, подавляя растущие потребности тела. Но ночью... Брианна стояла перед ним, слишком настоящая.

Он не колебался. Едва поняв, что произошло, он решил последовать за ней. Правда, порой он не был уверен, спасет ее или станет объектом жестокого отказа. Хуже всего не одиночество, подумал Роджер, вновь ощутив тревогу; хуже всего сомнения. Сомнения в собственных чувствах и в чувствах Брианны.

Впервые он понял, что она имела в виду, приняв решение ему отказать. Однако мудрость это или просто страх? Если бы ей не удалось пройти через камни, она бы вернулась к нему? Или отправилась искать что-то другое?

Отчаянный шаг – швырнуть сердце через океан, чтобы другой на том конце подхватил его. Сердце Роджера все еще летело сквозь пустоту, без всякой уверенности в том, что с другой стороны его подхватят. Но все же летело.

По ту сторону перегородки возобновились знакомые звуки: ритмичный скрип.

Звуки шли почти каждую ночь, когда остальные засыпали, и Роджер особенно остро чувствовал собственную неприкаянность и ноющую боль от разлуки с Брианной. Сперва ему казалось, что не истинное человеческое тепло, не общности умов и сердец, а лишь животная тоска и потребность в утешении заставляла эти тела сливаться в темноте воедино. Хотя... существует ли что-то большее в принципе?

Но затем он услышал в тех звуках нечто еще, уловил слова нежности и стоны наслаждения, стал не просто созерцателем чужого счастья, но и в какой-то мере разделит их эмоции.

Конечно, это может быть любая из супружеских пар или случайные любовники, движимые похотью, однако Роджер вообразил, что это тот самый высокий светловолосый молодой человек и шатенка с открытым приятным лицом. Он видел, как они смотрят друг на друга на пристани, и продал бы душу, чтобы узнать наверняка, они ли это.

Глава 38

За тех, кто в море

Внезапно начавшийся мощный шторм не выпускал пассажиров из кают в течение трех дней, а матросы лишь на считанные минуты покидали свои посты, чтобы отдохнуть и немного поесть. Когда все закончилось – буря оставила «Глориану» в покое, и небо над ней рассеялось, – Роджер с трудом побрел к своей койке. Не было сил, чтобы снять с себя влажную одежду.

Мокрый, помятый, покрытый соленой коркой и мечтающий только о горячей ванне и недельном сне, он нехотя откликнулся на свисток боцмана после короткого четырехчасового отдыха и, пошатываясь, приступил к своим обязанностям.

К концу дня Роджер был измотан настолько, что мышцы дрожали, когда он помогал поднять бочку с пресной водой из трюма. Он отковырнул крышку с помощью топора, собираясь черпаком отлить немного воды. Однако не удержался, плеснул пригоршню себе на лицо в надежде охладиться и после залпом выпил целый ковш, игнорируя главное морское правило, содержащее в себе противоречие: в открытом море воды слишком много, и в то же время слишком мало.

Люди, выносящие из трюмов фляги и ведра, чтобы наполнить их пресной водой, выглядели ужасно: бледные, как поганки, измученные тошнотой от морской болезни и запаха ночных горшков, все в синяках от нескончаемых ударов и тряски, во время которой их носило по трюму, словно бильярдные шары.

Вопреки всеобщей атмосфере слабости и недомогания, его старая знакомая беспечно танцевала, распевая:

– Семь селедок съест лосось,
Семь селедок съест лосось,
Кит лосося съест на блюде,
А кита съест чудо-юдо.

Девочка радовалась свободе и носилась туда-сюда, словно синичка. Глядя на нее, Роджер невольно улыбался, несмотря на усталость.

Она подбежала к перилам, встала на цыпочки и осторожно выглянула

за борт.

– Как вы думаете, мистер Маккензи, это чудо-юдо морское устроило шторм? Дедушка сказал, оно бьет хвостом по воде, и получаются большущие волны!

– Я тоже так считаю. А где твои братья, *a leannan*?

– У них лихорадка, – спокойно ответила девочка. Половина пассажиров кашляли и чихали. Три дня в мокрой одежде и холодных каютах сделали свое дело. – Вы видели чудо-юдо? – спросила она, перегнувшись через перила и подставив ладонь к глазам. – Оно правда такое большое, что целиком корабль проглотит?

– Честно говоря, сам не видел. – Он бросил ковш и схватил девочку за талию, пытаясь оттащить от перил. – Полегче, ладно? Оно до того огромное, что легко проглотит такую крошку, как ты.

– Смотрите! – закричала она, пытаясь вырваться из его рук – Смотрите, это... это оно!

В ее голосе было столько ужаса, что Роджер невольно перегнулся через перила и увидел огромную черную тень, будто парившую у самой поверхности воды. Изыщная и гладкая, тень с легкостью догнала корабль и пулей пролетела мимо.

– Акула, – сказал Роджер, прижимая девочку к себе. Он слегка встряхнул ее, чтобы та прекратила визжать, словно резаная. – Просто акула, слышишь? Разве ты не знаешь, кто такие акулы? Мы съели одну на прошлой неделе.

Девочка умолкла, по-прежнему бледная и дрожащая.

– Вы уверены? Это точно не чудо-юдо?

– Нет, – сказал Роджер как можно мягче, – всего лишь акула.

Таких больших акул ему еще видеть не доводилось. И все же акулы часто появлялись у корабля, привлекаемые выброшенными за борт помоями.

– Изабель! – послышался возмущенный крик. И собеседница Роджера была вынуждена покинуть его, чтобы отправиться на помощь своей матери. Ссутулившись и скривив губы, девочка взяла ведра и поплелась прочь.

Теперь Роджер был занят исключительно собственными мыслями. Он совершенно забыл, что внизу, под ногами, нет ничего, кроме толщи воды. Хотя «Глориана» была крепким кораблем, шторм мог прихлопнуть ее, словно муху. А вместе с ней и всех, кто находился на борту.

Он терзался вопросом, удалось ли «Филиппу Алонсо» добраться до порта в целости и сохранности. Ведь столько судов потонуло! В подобной ситуации, когда от тебя ничего не зависит, надеяться остается только на

молитву.

«Всех тех, кто в опасных глубинах, господи, помилуй».

Внезапно Роджер осознал, что имел в виду автор этих строк.

Кончив черпать воду, он бросил ковш в бочку и потянулся за дощатой крышкой, и тут какая-то женщина схватила его за руку. Она указала на мальчика, обхватившего руками ее шею.

– Мистер Маккензи, наш Гибби слепнет. Он слишком долго был в темноте, и глаза у него воспалились. Может, капитан потрет ему глаза своим кольцом?

Роджер, как и остальные члены экипажа, старался держаться подальше от Боннета, но отказывать женщине не было причин. Капитан уже применял чудодейственные свойства своего кольца – золото считалось прекрасным средством от воспаления глаз.

– Да, конечно, – сказал он, замешкавшись на мгновение, – идемте.

Удивленно моргнув, женщина последовала за ним.

Капитан был на посту и что-то увлеченно обсуждал со своим помощником. Роджер жестом попросил женщину немного подождать, она кивнула и остановилась позади него.

Как и все, капитан выглядел изможденным. Казалось, морщины на его лице стали намного глубже. «Устал, словно черт, что заправлял в аду целую неделю», – подумал Роджер и невольно усмехнулся.

– ...коробки с чаем? – спросил Боннет у помощника.

– Только две, да и те не совсем отсырели, – ответил Диксон. – Предлагаю избавиться от груза, пройдя вверх по реке в Кросс-Крик.

– Ладно, хотя в Идингтоне и в Нью-Берне за него дадут лучшую цену. Нужно продать все, прежде чем двинемся в Уилмингтон.

Выслушав просьбу, Боннет молча снял золотое кольцо, которое носил на мизинце, и аккуратно потер веки маленького Гилберта. Роджер увидел кольцо, очень похожее на обручальное; оно было явно мало капитану. Грозный Боннет хранит любовный талисман? Не исключено. Роджер легко мог поверить, что некоторые женщины сочли бы капитана привлекательным.

– Мальчик болен, – заметил Диксон, указав на красные пятна за ушами и на бледных щеках ребенка.

– Нет, это молочная лихорадка, – сказала женщина, прижав сына к груди. – Наверное, растет новый зуб.

Капитан равнодушно кивнул и отвернулся. Роджер проводил женщину на камбуз, попросил там немного сухарей для Гибби, чтобы тот погрыз, когда станет резаться зуб, и отправил их к остальным пассажирам. Он

ненадолго задумался о десне Гилберта, однако вскоре, когда он поднимался на палубу, его мысли уже были заняты услышанным разговором.

Выходит, прежде чем отправиться в Уилмингтон, предстоит остановка в Нью-Берне и в Идингтоне. Понятное дело, Боннет не будет торопиться, станет искать агента получше, чтобы получить хорошую цену за свой груз, плюс время, потраченное на сделку и оформление всех бумаг... Господи, они могут застрять там на несколько недель!

«Не пойдет», – подумал Роджер. Одному богу известно, где Брианна и что с ней произошло. Корабль продвигается быстро, несмотря на сильный шторм; с божьей помощью через восемь недель они доберутся до Северной Каролины, если ветер будет к ним благосклонен. Нельзя терять драгоценное время и бездельничать в портах, ожидая, когда капитан закончит торговлю.

Роджер решил, что покинет «Глориану» в первом же порту и отправится на юг своим ходом. Правда, он дал слово, что останется на корабле до полной разгрузки... Зато капитану не придется ему платить! Такой исход показался Роджеру достаточно честным и справедливым.

Хотя свежий воздух на палубе немного привел его в чувство, голова все же была тяжелой, будто набитой мокрой ватой. На посту оставалось стоять еще три часа. Роджер подошел к бочке и набрал в ковш воды, надеясь освежиться.

Диксон обходил пассажиров, останавливаясь, чтобы приободрить мужчин, поговорить с женщинами и детьми. Странно, подумал Роджер, помощник никогда с командой-то не общался, не говоря уже о пассажирах, которых считал просто неудобной формой груза.

Что-то шевельнулось в его сознании при упоминании слова «груз». Что-то неприятное... Усталость не давала выудить воспоминание из глубин памяти. Но что же...

– Маккензи! – закричал один из матросов с кормовой палубы. Он звал Роджера, чтобы починить парус, истерзанный мощным ветром. Огромные куски холста лежали на палубе, словно грязные сугробы.

Роджер застонал и потянул ноющие мышцы. Независимо от того, что случится в Северной Каролине, он будет рад покинуть корабль.

Две ночи спустя Роджер крепко спал, когда его разбудили громкие крики. Ноги машинально понесли его на палубу. Он вскочил на лестницу и тут же получил крепкий удар в грудь.

– Оставайся на месте, идиот! – закричал Диксон, стоявший на несколько ступеней выше. Его силуэт четко вырисовывался на фоне

звездного неба в открытом люке.

– Что случилось? Что происходит? – Мысли спросонья путались. С палубы доносился шум, топот ног и оглушительные вопли.

– Убийцы! – донесся истошный вопль женщины. – Подлые уби... – Крик резко оборвался, послышался громкий удар о палубу.

– В чем дело? – закричал Роджер, пытаясь подняться ближе к Диксону. – Что происходит?

Его слова заглушил шум: паровой гудок, крики женщин и детей, мужские проклятия.

Где-то наверху мерцал красноватый свет; казалось, судно было охвачено огнем. Роджер подобрался к Диксону и схватил его за ногу, но получил удар в голову.

– Оставайся на месте, ради бога! Ты что, хочешь оспу подхватить?!

– Какую оспу? Какого черта у вас там происходит? – Глаза привыкли к темноте, Роджер изловчился и резко дернул Диксона за ногу. Тот потерял равновесие и упал.

Не обращая внимания на гневные крики, Роджер поднялся на палубу. Недалеко от главного люка толпились люди, горели фонари и факелы, отражаясь в лезвиях ножей.

Он быстро осмотрелся, пытаясь разглядеть силуэт вражеского корабля, но океан был пуст. Никаких пиратов или налетчиков, однако на палубе шла битва; часть экипажа сгрудилась в кучу, вооруженная ножами и дубинками.

«Мятеж», – мелькнула мысль. В толпе людей выделялся капитан Боннет, его длинные белокурые волосы сияли в свете фонарей. Роджер бросился к нему, безжалостно расталкивая моряков, попадавших на пути.

В сумбурных воплях за бортом раздался сильный всплеск, затем другой.

– Что происходит? – прокричал Роджер на ухо боцману, ковырявшемуся у главного люка с фонарем в руках. Тот вздрогнул и пристально посмотрел на него округлившимися глазами.

– Ты не болел оспой? Тогда бегом в трюм! – сказал Хатчинсон и вновь склонился над люком.

– Болел!

Боцман покачнулся и подался назад.

– Болел? Но у тебя на лице оспин нет... Что ж, давай вниз, нам не помешают лишние руки!

– Зачем?

– Оспа! – взревел боцман.

Из открытого люка вылез один из матросов, держа под мышкой

брыкающегося ребенка. Из люка к моряку потянулись женские руки, пытаюсь схватить или ударить его; донесся пронзительный крик.

Лестница была устойчивой, но он взбирался, держась только одной рукой, и потерял равновесие. Матрос на мгновение выпустил ребенка из рук, пытаюсь за что-нибудь ухватиться, а Роджер рефлекторно бросился вперед и подхватил малыша, словно мяч для регби. Вцепившись друг в друга, моряк и женщина рухнули вниз. Раздался грохот, и на несколько мгновений шум внизу прекратился, однако затем крики возобновились с новой силой.

Роджер взял ребенка покрепче, пытаюсь успокоить его неумелыми поглаживаниями. От малыша шел сильный жар. В тот же миг Роджера ослепил яркий свет, – боцман поднял высоко над головой фонарь.

– Надеюсь, ты действительно перенес оспу, Маккензи, – сказал он.

Это был Гилберт – мальчик с воспаленными глазами. За два дня он изменился до неузнаваемости. Он похудел, лицо осыпали гнойные воспаления, веки распухли так, что глаза превратились в две маленькие щели.

Не успел Роджер спохватиться, как кто-то вырвал ребенка у него из рук, и в это же мгновение за бортом раздался еще один всплеск. Он инстинктивно бросился к перилам, предприняв тщетную попытку поймать малыша. Женщина сзади истошно закричала.

Пассажиры оправились от неожиданного нападения, мужчины выбрались на палубу, вооружившись всем, что попало под руку.

Кто-то налетел на Роджера, и он упал, откатившись в сторону, а потом поднялся на колени, и на него обрушился шквал сокрушительных ударов. Поймав нужный момент, он быстро вскочил и стал драться, не понимая, борется он с командой или с пассажирами, преследуя лишь одну цель – не быть затоптанным насмерть.

Вонь, шедшая из трюма, резала глаза смесью запахов сладковатой гнили и сточных вод. Фонари раскачивал ветер, свет мелькал, рассмотреть что-то было невозможно. То во тьме покажется и тут же исчезнет чья-то нога, то изуродованное гримасой лицо мелькнет в луче фонаря... Создавалось впечатление, что палуба наводнена расчлененными телами.

Роджер был совершенно дезориентирован. Левая рука отнялась, и он не удивился бы, обнаружив, что потерял ее в бою. Однако отражая очередной удар, он рефлекторно закрылся онемевшей конечностью и услышал хруст костей. Рука была на месте.

Кто-то схватил его за волосы и резко дернул. Пошатнувшись под натиском, Роджер сумел схватить нападавшего, они повалились вниз и,

катаясь по палубе, вслепую наносили друг другу удары. Вокруг кричали, но слов было не разобрать.

Несколько членов экипажа во главе с боцманом вмешались и с трудом растащили дерущихся. В свете фонаря, озарившего лицо противника, Роджер узнал высокого светловолосого пассажира, чьи зеленые глаза сверкали от ярости. Им оказался муж Мораг Маккензи. Матросы схватили его и бесцеремонно поволокли к люку.

Роджеру помогли подняться.

Соппротивление было непродолжительным. Хотя взбунтовавшиеся пассажиры были полны ярости и отваги, они здорово ослабили в путешествии. Несколько недель, проведенных в темном холодном трюме, отсутствие нормальной пищи и постоянные болезни истощили их силы. Вскоре морякам удалось погасить волнения.

Роджер взглянул за борт: на черной океанской глади безмятежно отражалась луна. Внезапно он почувствовал приступ тошноты, подступившей к горлу, и его вырвало желчью.

Истощенный и дрожащий от напряжения, он медленно побрел по палубе. Моряки молча заколачивали люк; снизу доносился протяжный, почти звериный вой.

Роджер с трудом спустился в каюту экипажа, дошел до своей койки и сунул голову под одеяло, пытаясь укрыться от всего происходящего. Но он не нашел покоя под шерстяными складками одеяла. Сердце колотилось так часто, что он начал глотать воздух большими глотками, еще и еще, пока не закружилась голова. Как будто он дышал за тех, кто уже не мог.

– Так лучше, парень, – сказал Хатчинсон Роджеру, когда того рвало через поручни. – Оспа распространяется как огонь, и вряд ли кто из пассажиров сошел бы на землю, не избавься мы от заразы.

Да, это лучше, чем смерть большинства пассажиров, – только не для тех, кто оказался за бортом. Вой не смолкал ни на мгновение и проникал сквозь древесину в самое сердце.

Перед глазами вспыхивали и исчезали разные кадры: искаженное лицо матроса, падающего в трюм, лицо малыша, пораженное оспой, голова Боннета, возвышающаяся над толпой дерущихся, и черные спокойные воды океана в свете луны.

Что-то мягко ударило и заскользило вдоль борта корабля, но Роджер не обратил на это внимание. Сквозь сон донеслось:

– Акулы никогда не спят.

– О, боже, – прошептал он, – о, боже.

Он хотел помолиться о душах погибших – и не мог подобрать слов.

Роджер без конца ворочался, пытаясь отогнать дурные мысли, однако в голове звучали слова, которые услышал от светловолосого парня во время их безумной драки. «Ради всего святого! Ради всего святого, отпустите ее!»

– О, боже, – повторил Роджер, и на этот раз он молился.

На следующий день в середине вахты Роджер решил заглянуть в грузовой трюм. Наблюдая за членами команды, он быстро усвоил одно правило: ничто так не привлекает внимание, как желание сделать что-то незаметно. Если бы его спросили, что он тут делает, он ответил бы, что услышал шум и решил проверить. Что, впрочем, было недалеко от правды.

Роджер не стал устанавливать лестницу, а повис на руках на краю люка и спрыгнул. Если за ним последуют, он сразу поймет и укроется.

Он пробирался по узким проходам между бесконечными рядами ящиков. Воздух был наполнен запахом мокрого дерева со слабыми нотками ароматного чая. Отовсюду доносились шорохи и скрипы, хотя внешне никаких признаков присутствия человека не было. Все же что-то подсказывало ему, что здесь кто-то есть.

«Вдруг кто-то из зараженных пассажиров и в самом деле прячется? – думал он про себя. – Ты же ничем не сможешь помочь. Чего тебя сюда понесло, приятель?»

Ответ был прост: он не простил бы себе, если бы не попытался помочь нуждающимся. Возможно, быстрая смерть в океане была бы менее мучительной, чем продолжительная агония, но он верил в лучший исход.

Небольшая тень мелькнула в темном углу трюма. «Крыса», – подумал Роджер, отвернувшись. И вдруг мимо его головы пролетел какой-то предмет, с треском разбившийся о стену. Он прикрыл голову, ожидая очередного броска, и прыгнул в сторону противника, навалившись всем весом на чье-то хрупкое тело. В руке Роджер сжимал тощее запястье Мораг Маккензи.

– Какого черта? – вскрикнул он. – Что вы здесь делаете?

– Ничего. Прошу, отпустите меня, пожалуйста. – Она понимала, что бороться с ним бессмысленно, так как он превосходил ее в весе примерно вдвое, поэтому Мораг прибегла к мольбам. – Ради вашей собственной матери, сэр, пожалуйста, не убивайте его.

– Я не собираюсь никого убивать, – ответил Роджер, – тише!

Он встряхнул женщину, чтобы привести в чувство.

Из темного угла возле якорной цепи раздался детский плач.

– Его услышат! Ради всего святого, пустите меня к нему!

Голос Мораг звучал настолько умоляюще, что он молча отпустил ее.

Женщина бросилась на звук, карабкаясь через ржавые звенья огромной цепи. Он медленно последовал за ней, понимая, что бежать ей некуда. И нашел их в самом темном углу, между неотесанными бревнами и громоздкой цепью, – неразличимые тени в темном закоулке.

– Я не причиню вам вреда, – сказал он мягко.

Постепенно глаза стали привыкать к темноте, и Роджер увидел белую грудь, которой Мораг кормила ребенка.

– Что вы тут делаете? – спросил он, хотя ответ был очевиден.

– Прячусь.

– Ребенок болен?

– Нет! – Она склонилась над малышом.

– Тогда почему...

– Обычная сыпь. Такое часто бывает.

– Вы уверены? – спросил Роджер как можно мягче и потянулся к ее ребенку.

Свободной рукой Мораг ударила его. Он отдернул руку, зашипев от боли.

– Что вы творите?

– Назад! У меня нож! Я не позволю его забрать, я убью вас, клянусь!

Поднеся руку ко рту, Роджер почувствовал сладковатый вкус крови. Это была всего лишь небольшая царапина, но он знал: женщина убьет любого или погибнет сама, если кто-то из членов экипажа ее найдет.

Впрочем, Боннет убивать бы не стал, ведь по прибытии за нее можно выручить круглую сумму. А вот вытащить ее на палубу, вырвать из рук ребенка и бросить его за борт он мог. Роджер содрогнулся, вспомнив мрачные быстрые тени под водой, которые уже давно преследовали их судно.

– Я не трону его. Но если это оспа...

– Нет, клянусь! – Мораг схватила его за рукав. – Говорю же, это молочная сыпь, я видела такое сотни раз и легко могу отличить молочную сыпь от оспы.

Роджер немного замешкался, но все же принял решение: если она ошибается и ребенок болен, то, вероятнее всего, она тоже заражена, и попытка вернуть ее в пассажирский отсек приведет к эпидемии. Но если она права, и это всего лишь сыпь, никто не станет разбираться и полагаться на удачу, – ребенка отнимут.

– Я не выдам вас, – сказал он. – Вам понадобится провизия и пресная вода, иначе пропадет молоко, а без него ребенок погибнет.

Мораг дышала громко и хрипло. Оставалось надеяться, что это лишь

простуда, вызванная пребыванием в холодном сыром трюме.

– Покажите мне ребенка.

– Нет! – Ее глаза яростно сверкнули, как у загнанной в угол крысы, а приподнятая верхняя губа оголила белые зубы в страшном оскале.

– Клянусь, я не отниму его, просто осмотрю.

– Чем вы клянетесь?

Он выпалил первое, что пришло на ум:

– Жизнью своей любимой и своих будущих детей!

Мораг еще сомневалась, однако немного расслабилась. Откуда-то донесся негромкий шорох – крысы.

– Я не могу сходить за едой, – эти твари уже покусали меня, пока я спала, а его они сожрут живьем.

Он протянул руки к малышу, внимательно прислушиваясь к звукам с палубы. Как скоро члены экипажа спохватятся, что Роджера нет на посту?

Мораг все же оторвала ребенка от груди. Тот возмущенно закричал, но после недолгих укачиваний успокоился. Роджер принял мальчика на руки. Ему не часто доводилось нянчиться с младенцами, и его переполняли смешанные чувства: такой маленький и грязный комочек, такой живой и беззащитный.

– Придерживайте ему головку.

– Хорошо. – Взяв одной рукой малыша под голову, Роджер сделал пару шагов назад, поднося ребенка под тусклый луч света.

Лицо ребенка было покрыто красными пятнами. Переборов неприязнь, Роджер развернул пеленки. Глаза малыша были ясными, а ручки и ножки двигались вполне естественно, не напоминая судорожные спазмы умирающего.

После вчерашней ночи Роджер кое-что представлял об оспе и теперь, осмотрев ребенка, успокоился.

– Хорошо, – прошептал он, – я думаю, вы правы.

Мораг расслабила руку, сжимавшую рукоять ножа. Осторожно вернув ей ребенка, Роджер почувствовал внезапно нахлынувшую ответственность.

– Мой маленький Джимми, тише, все хорошо, мама рядом, – шептала Мораг.

– Сколько продержится сыпь, если это молочная лихорадка?

– Дня два или три. Сыпь не исчезнет полностью, но станет значительно меньше, всем будет очевидно, что это не оспа, и мы вернемся.

Два дня. Если ребенок болен, он либо погибнет, либо справится с болезнью. И она тоже.

– Вы сможете прятаться здесь так долго? Ведь крысы...

– Смогу, – решительно ответила Мораг. – Я сделаю все, что в моих силах. Вы нам поможете?

– Да, я не оставлю вас.

Роджер поднялся и протянул ей руку. Поколебавшись, Мораг взяла его за руку и тоже встала. Ростом она едва доставала ему до плеча и по сравнению с ним казалась ребенком. В темноте трюма можно было подумать: вот девочка качает куклу...

– Сколько вам лет? – неожиданно спросил он.

– Вчера было двадцать два, а сегодня, пожалуй, не меньше сорока.

Маленькая рука выскользнула из его ладони, и Мораг исчезла в темноте.

Глава 39

Азартный игрок

Ночью спустился туман. К рассвету корабль двигался в таком густом и плотном облаке, что за поручнями не видно было воды. Только плеск волн подтверждал, что «Глориана» плывет по морю, а не по воздуху.

Сквозь плену тумана солнце не пробивалось. К тому же ветер утих, и паруса безжизненно повисли. Подавленные моряки бродили по палубе, словно призраки, чуть ли не сталкиваясь друг с другом.

Полумрак сыграл на руку Роджеру – ему удалось пройти по кораблю незамеченным и украдкой спуститься в трюм. За пазухой он нес немного еды, которую сберег с ужина.

Туман спустился в трюм. Белые клубы вились у лица и у ног, пока Роджер пробирался между бочек с водой. Здесь было совсем темно; оттенки сумрака менялись от бледно-серого до темно-коричневого.

Ребенок спал. Роджер видел только кусок щеки, на которой по-прежнему держалась сыпь. Пятна воспалились. Мораг заметила сомнение в его взгляде, но ничего не сказала, просто взяла руку Роджера и положила на шею ребенку.

Слабый пульс размеренно бился под его пальцами, кожа была горячее, но влажной. Успокоившись, Роджер улыбнулся Мораг, и та слабо улыбнулась в ответ.

За месяц, проведенный в трюме, она исхудала и перепачкалась, а в последние два дня с ее лица не сходило испуганное, забитое выражение. В немых волосах, свисающих вдоль лица, копошились вши, под глазами залегли круги, от нее пахло мочой и калом, прокисшим молоком и застарелым потом.

Плотно сжатые губы были бледными, как и само лицо. Роджер нежно взял ее за плечи, наклонился и поцеловал.

На верхних ступеньках лестницы он оглянулся. Она все еще смотрела ему вслед, держа на руках сына.

На палубе было тихо. Мирно журчала беседа невидимых рулевого и боцмана. Роджер опустил крышку люка на место, и биение сердце стало замедляться. Прикосновение к Мораг еще согревало руки. Два дня. Может быть, три. Возможно, получится, Роджер, по крайней мере, был уверен, что Мораг права, у ребенка не оспа.

Матросам ни к чему спускаться в трюм, несколько бочек с пресной

водой достали буквально накануне. Надо только накормить ее попозже, как только представится случай, если, конечно, она не уснет...

Резкий удар судового колокола раздался в тумане, как напоминание о времени, которого, казалось, больше не существовало; в вечном полумраке оно словно замерло.

Роджер шел к корме, когда рядом раздался громкий скрежет. В следующее мгновение корабль задрожал под ногами, словно в него врезалось что-то огромное.

– Киты! – раздался крик.

Силуэты двух матросов, стоявших у грот-мачты, замерли, и Роджер понял, что тоже врос в палубу, словно вкопанный, напряженно прислушиваясь. Сперва заскрежетало где-то рядом, затем чуть подальше. Моряки оцепенели. Каждый тяжело дышал, представляя, как корабль плывет бок о бок с огромными животными.

«Интересно, они большие? – подумал Роджер. – Пробить доски могут?» Он напрягал зрение, тщетно пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в тумане.

От глухого удара поручни, за которые он держался, содрогнулись, тут же последовало еще несколько толчков в борт. Снизу донеслись приглушенные крики: преградой между пассажирами в трюме и толщей воды служили лишь доски корабельного корпуса толщиной в несколько дюймов, сотрясающиеся от ударов могучих тел. Трехдюймовые дубовые доски – препятствие не серьезнее папиросной бумаги для огромных животных, что плавали рядом.

– Рачки, – произнес позади голос с певучим ирландским акцентом.

Роджер подпрыгнул от неожиданности. Тут же раздался низкий смешок, и из тумана возник капитан Боннет. В зубах он зажал сигару, красный огонек которой, то вспыхивая, то тлея, освещал его лицо. Корабль содрогнулся от следующего удара.

– Киты чешутся о доски, чтобы избавиться от паразитов, прилипших к шкуре, – небрежно сказал Боннет. – Мы для них не больше, чем плавающий камень. – Он затаился, выпустил дым и бросил тлеющий окурок за борт. Тот исчез в тумане, как падающая звезда.

Роджер невольно громко выдохнул. А капитан не заметил, как Роджер выбирался из трюма?

– Борт не пробьют? – спросил он, пытаясь подражать небрежному тону капитана.

Боннет прикурил еще одну сигару и помолчал. Его присутствие выдавал только тлеющий огонек на кончике.

– Как знать? Любая из морских тварей может потопить нас, коль разозлится. Однажды я видел останки корабля – разъяренный кит разнес его в щепки. Борт выступал на три фута, а вокруг плавали обломки. Затонул со всем экипажем, двести душ разом.

– И вы не тревожитесь?

Боннет выпустил очередную порцию дыма.

– Чего переживать понапрасну? Мудрый человек полагается на волю богов и молится, чтобы Дана осталась с ним. – Капитан повернулся к нему. – Вы знаете Дану, Маккензи?

– Дану? – растерянно переспросил Роджер, и тут в памяти забрезжил слабый свет: в детстве миссис Грэхэм напевала ему какую-то песенку: «Дана, Дана, приходи, мне удачу принеси, милость ниспошли богов, и богатство, и любовь».

Боннет весело хмыкнул.

– А ведь вы даже не ирландец. Хотя я сразу распознал в вас человека ученого, Маккензи.

– Я знаю Дану, которая приносит удачу, – сказал Роджер, надеясь, что именно эта кельтская богиня окажется сведуща в мореплавании и станет на его сторону. Он шагнул назад, намереваясь уйти, но цепкая рука схватила его за запястье.

– Человек ученый, – тихо повторил Боннет, все веселье испарилось из его голоса, – но далеко не мудрый. Вы вообще молитесь, Маккензи?

Роджер напрягся, почуяв, что предстоит сражение.

– Да, мудрый человек не тревожится о том, что не в его власти. Однако на этом корабле, Маккензи, все в моей власти. – Захват на запястье стал крепче.

Роджер выдернул руку из захвата. Он стоял напротив капитана, зная, что никто не придет на помощь и бежать ему некуда.

– Чего ради? – равнодушно спросил Боннет. – Девчонка не красавица. Впрочем, ученый муж тоже. Вы рисковали моим кораблем и моим делом ради близости теплого тела?

– Никакого риска, – просипел Роджер. Подойди, подумал он, и руки его сжались в кулаки. Подойди поближе, я захвачу тебя с собой. – У ребенка не оспа, обычная сыпь.

– Простите великодушно, что ставлю свое невежественное мнение выше вашего, мистер Маккензи, но капитан здесь я, – ядовито произнес Боннет.

– Ради бога, это ребенок!

– Вот именно! И ценности не представляет.

– Для вас?

Воцарилось молчание, нарушаемое только скрежетом в белом тумане.

– А для вас что за ценность? – спросил безжалостный голос. – Зачем?

Ради теплого тела. Да, ради него. Ради прикосновений и нежных воспоминаний, ради ощущения жизни, не сдающейся перед лицом смерти.

– Из жалости. Она беззащитна, и кроме меня ей помочь некому.

Боннет чуть отступил, и Роджер подобрался, готовясь отразить нападение. Однако капитан лишь пошарил по карманам, извлекая из них кучу мелкого хлама. Среди прочей мелочовки отыскался серебряный шиллинг.

– Маккензи, а вы человек азартный?

Он бросил ему шиллинг. Роджер машинально поймал монету.

– Давайте заключим пари, – ухмыльнулся капитан. – Выпадет орел – он будет жить, решка – умрет.

Монета в ладони была теплой и твердой. Руки стали влажными от пота, но ум работал четко, холодный и острый, словно нож для колки льда. Он посмотрел на капитана, просчитывая, как внезапно напасть на него и выкинуть за борт – в царство китов и акул, а рука, будто сама, подбросила монету вверх. Вращаясь, она ударилась о палубу. Мышцы сковало от напряжения.

– Похоже, сегодня Дана на вашей стороне, сэр, – донесся мягкий ирландский говор Боннета, наклонившегося над монетой.

Роджер выдохнул, чувствуя, как камень свалился с плеч, и вдруг капитан разогнулся и схватил его за плечо.

– Прогуляйтесь со мной, Маккензи.

Роджер чувствовал дрожь в коленях, однако тело послушно передвигалось, ступая след в след за силуэтом Боннета. На корабле стояла гробовая тишина. Прошло немало времени, прежде чем Роджер осознал, что капитан продолжает говорить, повествуя о своей жизни.

Боннет был родом из Слайго. Он рано осиротел и быстро научился заботиться о себе самостоятельно. Сперва устроился юнгой на корабль, чтобы прокормиться, но жалованье было столь скудным, что он подыскал себе работу на берегу в Инвернессе – рыл котлован под фундамент дома, строящегося недалеко от города.

– Мне едва исполнилось семнадцать, – говорил капитан, – я был самым молодым из рабочих. Не знаю, почему они меня невзлюбили. Возможно, за мою ершистость, может, завидовали молодости и силе, а может, просто считали меня чужаком. Так или иначе, вскоре котлован вырыли и начали возводить стены.

Боннет прикурил очередную сигару и выпустил клуб густого дыма, нависшего над головой.

– Вскоре котлован вырыли, – повторил он с сигарой в зубах. – Когда я отправился в свою временку, меня остановили двое парней, с которыми я работал. У них была бутылка виски, и они предложили с ними выпить. Мне следовало насторожиться, ведь они были подозрительно дружелюбны, раньше подобного за ними не замечалось. Тем не менее я согласился. Я выпил, потом выпил еще и еще; в конце концов, я сильно захмелел, потому что прежде пил лишь пиво. На улице стемнело; и тут эти двое схватили меня за руки и швырнули в грязный сырой подвал недостроенного дома.

Там собрались все рабочие. У кого-то был фонарь, и среди прочих я увидел Безумного Джоуи. Безумный Джоуи был бездомным, жил под мостом, питался гнилой рыбой и разными помоями. У него не было зубов, а вонял он так, что резало глаза.

Пьяный в стельку, я не мог понять ничего, что говорили эти люди. Они спорили, иногда ругались, периодически раздавался злобный смех. Потом кто-то из них сказал, что можно будет не выплачивать мне зарплату за прошлую неделю. Очевидно, меня решили убить.

Я и прежде слышал легенду: строители приносят жертву земле, пуская кровь под фундамент, чтобы стены стояли крепче, – но я пропускал подобные разговоры мимо ушей. Думал, это безобидная традиция, когда жертвой становится домашняя живность не крупнее петуха.

Во время рассказа капитан вглядывался в туман, словно в пелене перед ним снова прокручивали кадр за кадром те давние события.

– Они все болтали, – продолжил Боннет, – а громче всех шумел нищий, он хотел выпить еще. Затем заводила сказал, что пришла пора сделать выбор. Он спросил у меня: орел или решка?

Я был слишком слаб, чтобы произнести хоть слово. Небо надо мной кружилось, из глаз сыпались искры. Тогда заводила пояснил, что если выпадет орел – я останусь в живых, а выпадет решка – погибну. И подбросил в воздух серебряный шиллинг. Монета упала прямо возле моей головы, но у меня не было сил повернуться и посмотреть, как решилась судьба. Заводила наклонился, поднял шиллинг и сделал вид, будто меня здесь нет.

Они не спеша дошли до кормы.

– Безумца усадили у стены, – тихо сказал капитан. – Я помню его глупое лицо. Он сделал несколько глотков виски и засмеялся, не понимая, что происходит. Его рот был открыт, влажный и вялый, словно влагище старой портовой шлюхи. В этот миг сверху упал огромный камень и

раскроил ему череп.

У Роджера на спине выступили капли холодного пота.

– Меня перевернули вниз лицом и вырубил, – продолжил Боннет как ни в чем не бывало. – Очнулся я на дне рыбацкой лодки. Рыбак высадив меня на берегу, недалеко от Питерхеда, и посоветовал найти другой корабль, – наблюдая за мной, он решил, что я рожден для мореходства.

Боннет мягким движением сбил пепел с сигары.

– Оказалось, ребята все-таки выдали мне зарплату. Я пошарил по карманам и нащупал тот самый шиллинг. Несомненно, они были честными людьми.

Роджер взялся за поручень, ища в нем хоть какую-то твердую опору в тумане.

– А потом вы вернулись? – спросил он неестественно спокойным тоном.

– Вы имеете в виду, нашел ли я их? – уточнил капитан. – О, да. По одному. Всех нашел.

Он раскрыл ладонь, в которой сверкнул серебряный шиллинг.

– Орел – останетесь в живых, решка – умрете. Справедливо, Маккензи?

– Для них?

– Для вас.

Мягкий ирландский голос звучал совершенно непринужденно, будто речь шла о погоде.

Словно во сне, Роджер почувствовал, насколько тяжелым оказался шиллинг, который лег в его ладонь. Он отчетливо слышал плеск воды за бортом, потрескивание табака, когда Боннет затягивался своей сигарой... «А кита съест чудо-юдо».

– Справедливо? – повторил капитан. – Посмотрим, Маккензи, придет ли Дана к тебе и на этот раз, или же за тобой явится Пожиратель душ...

Над палубой сгустился туман. Не было видно ни зги, кроме уголька тлеющей сигары Боннета, напоминающего горящий глаз циклопа. Человек порой походит на демона, закрывшего один глаз для людских страданий и открывшего второй для тьмы. И тут Роджер понял, что стоит буквально между бесом и бездонным темным морем, а его судьба сверкает серебром в дрожащей ладони.

– Это моя жизнь, я сам сделаю выбор, – сказал он, удивившись, насколько спокойно и ровно звучит его голос. – Орел – буду жить.

Роджер подбросил монету, поймал ее в воздухе и опустил на тыльную сторону второй ладони.

Закрыв глаза, он думал лишь о Брианне. Прости меня. Горячая дрожь пробежала по телу. Он стоял, не в силах открыть глаза.

Прошло много времени, прежде чем Роджер понял, что стоит на палубе один.

Часть девятая

Passionnement^[4]

Глава 40

Девственная жертва

Уилмингтон, колония Северная Каролина, 1 сентября 1769 года

С Лиззи случился третий приступ неизвестной болезни. Она едва оправилась от первого и спустя день, отведенный на восстановление сил, настояла, что может ехать дальше. Не прошло и дня езды, как лихорадка одолела ее вновь.

Брианна привязала лошадей и наспех разбила лагерь у небольшого ручья, а затем всю ночь бегала туда-сюда, карабкаясь вверх и вниз по грязному берегу: носила воду в маленькой плошке, чтобы напоить Лиззи и обтереть ей тело. Она не боялась темного леса или диких зверей, но мысли о том, что девчушка умирает в диких местах вдали от помощи, было достаточно, чтобы принять решение отправиться назад в Чарльстон, как только Лиззи сможет ехать верхом.

К утру, однако, лихорадка отступила, и, хотя Лиззи была слаба и бледна, она могла усидеть на лошади. Брианна все же решила не поворачивать назад, а поскорее пуститься в путь, чтобы добраться до Уилмингтона. Она спешила изо всех сил, нужно было скорее отыскать Клэр – ради Лиззи и ради самой Брианны.

В детстве Брианна стеснялась своего роста и на школьных фотографиях норовила спрятаться в заднем ряду, но теперь, когда стала старше, ощутила преимущества высокого роста и силы. И чем дальше она находилась в этих диких местах, тем сильнее ценила то, чем располагала.

Держась одной рукой за спинку кровати, Брианна вытасила судно из-под белых ягодиц Лиззи. Девчушка пребывала в забытие, стонала и тряслась. Хотя лихорадка немного отступила, Лиззи стискивала зубы с такой силой, что под кожей выступали заострившиеся скулы.

Малярия, в десятый раз подумала Брианна. Скорее всего, малярия, раз приступы повторяются. На шее Лиззи виднелись розовые пятна от mosquito укусов; насекомые преследовали их с тех пор, как с борта «Филипп Алонсо» показалась суша. Они причалили слишком далеко на юге и впустую потратили три недели в мелких прибрежных водах недалеко от Чарльстона, где их нещадно грызли кровососущие.

– Сейчас, сейчас... Тебе лучше?

Девчушка кивнула и попыталась улыбнуться, напоминая белую мышь, заглотившую отравленную приманку.

– Вода, мед. Попробуй немного, один глоточек. – Брианна поднесла чашку ко рту Лиззи, уговаривая ту, словно маленькую. Она ощутила странный эффект дежавю: ее голос звучал так же, как у матери. Осознание принесло странное утешение, будто мама и вправду стояла позади и говорила устами Брианны.

И все же, если бы говорила мать, она сразу дала бы Лиззи таблетку аспирина с апельсиновым вкусом. Лиззи рассосала бы аспирин, и боль и лихорадка отступили бы... Брианна бросила безрадостный взгляд на седельный мешок, что лежал в углу. Увы, никакого аспирина. Дженни дала с собой пучок трав, но от чая из ромашки и мяты Лиззи только стошнило.

Малярию лечат хинином. Однако Брианна понятия не имела, есть ли в этом времени что-то подобное, где его взять и как ввести. Лишь надежда найти медицинскую помощь поддерживала ее при второй попытке добраться до города. Опасаясь, что им снова придется остановиться в дороге, Брианна посадила Лиззи перед собой, и они поехали вместе, а лошадь Лиззи шла рядом. Девчушка то горела от жара, то сотрясалась в ознобе. Обе выбились из сил, пока добрались до Уилмингтона.

Хозяйка постоялого двора бросила взгляд на Лиззи и сразу же послала за аптекарем. Хотя мать рассказывала о развитии медицины в то время и об уровне целителей, Брианна почувствовала волну облегчения при виде пришедшего. Аптекарь был прилично одет и относительно молод, с приятным лицом и вроде бы с чистыми руками. Не важно, что он знал о медицине и лихорадке едва ли больше, чем она сама; важно, что Брианна чувствовала – она теперь не одна.

Скромность побудила ее выйти из комнаты, когда аптекарь извлек льняную простыню, чтобы обследовать пациентку. Она ждала снаружи, пока не услышала слабый крик о помощи. Брианна распахнула дверь и увидела аптекаря с ланцетом в руке и бледную, как мел, Лиззи. Из разреза на локтевом сгибе сочилась кровь.

– Нужно пустить кровь, мисс! – Аптекарь умолял, пытаясь заслонить собой пациентку. – Неужели вы не понимаете? Нужно пустить кровь! Иначе горячая желчь отравит органы и заполонит тело. Она будет страдать!

– Это вы сейчас пострадаете, если не уйдете, – процедила Брианна сквозь стиснутые зубы. – Убирайтесь сию минуту!

Медицинское рвение уступило инстинкту самосохранения, молодой человек собрал инструменты и ушел, в меру сил пытаясь сохранить достоинство. Он спустился по лестнице и некоторое время стоял внизу,

выкрикивая страшные угрозы с безопасного расстояния.

Его предупреждения еще эхом звучали в ушах, когда Брианна сошла вниз, чтобы наполнить водой таз из чана на кухне. Многие слова аптекаря вызывали лишь смех, например, невежественные разглагольствования о желчи и плохой крови, но от некоторых отмахнуться было не так-то просто.

– Если не внемлете разумному совету, ваша служанка умрет! – возмущенно голосил он из темноты лестничной клетки. – Вы не знаете, как за ней ухаживать!

И правда. Она даже не знала наверняка, чем заболела Лиззи. Аптекарь назвал это «лихорадкой», хозяйка говорила о «приспособлении». То, что Лиззи второй раз свалилась от одной и той же болезни, вполне естественно, организм вновь прибывших не привык справляться с новыми микробами. По замечаниям, которые вставляла хозяйка, стало ясно, что процесс «приспособления» Лиззи может не пережить.

Миска в руках дрогнула, и горячая вода обожгла запястья. Вода, вот и все, что у нее есть. Как знать, чистый или нет колодец на заднем дворе таверны, лучше брать кипящую воду из чана и остужать, даже если это займет больше времени. Ватным тампоном Брианна смочила сухие, потрескавшиеся губы Лиззи, затем откинула одеяло, обтерла Лиззи лицо и шею и смочила льняную рубашку, под которой обозначились крошечные темно-розовые точки сосков.

Лиззи слегка улыбнулась из-под опущенных век и уснула, обмякнув, как тряпичная кукла.

Брианна чувствовала себя опустошенной. Она подтянула к окну стул и рухнула на него, выглянув наружу в напрасной попытке сделать глоток свежего воздуха. Плотный липкий воздух накрывал Чарльстон, словно одеяло; неудивительно, что бедную Лиззи придавило его тяжестью.

Брианна машинально поскребла ногу – москиты любили ее далеко не так страстно, как Лиззи, однако все равно порядком искушали. Для Брианны малярия не представляла опасности – перед тем, как отправиться в опасное путешествие, она сделала прививку от малярии, тифа, холеры и прочих мыслимых инфекций. Но против таких болезней, как лихорадка денге, и дюжины других заболеваний, которые таились в тягучем влажном воздухе, не существовало никакой вакцины.

Брианна закрыла глаза и положила голову на деревянный подоконник; струйки пота стекали по груди, теряясь в складках рубашки. Донесся неприятный запах. Сколько она уже носит эту одежду? Не важно. Она не спала почти двое суток и слишком устала, чтобы раздеться, не говоря уже о том, чтобы вымыться.

Надолго ли лихорадка оставила Лиззи? Если болезнь вернется, девушка погибнет. Она уже сбросила весь вес, накопленный за время морского путешествия, и светлая кожа приобрела желтоватый оттенок, заметный при солнечном свете. В Уилмингтоне помощи не найти...

Брианна потянулась, чувствуя, как захрустели суставы. Устала она или нет, есть только один способ спасти Лиззи. Надо отыскать мать, и как можно скорее.

Она продаст лошадей, найдет лодку, и они поднимутся вверх по реке. Даже если лихорадка вернется, на лодке можно заботиться о Лиззи не хуже, чем в этой душной затхлой комнатенке, а тем временем они будут двигаться к цели.

Брианна встала, плеснула на лицо немного воды, скрутила в узел волосы, пропитавшиеся потом за время пути, затем расстегнула мятые штаны и с наслаждением сняла их, продолжая в уме строить планы.

Конечно, на реке будет прохладнее. Продолжать путь верхом больше нет сил, бедра невыносимо болели после четырех дней в седле. Они поплывут в Кросс-Крик и найдут Иокасту Маккензи.

– Тетя, – пробормотала Брианна, потянувшись к масляной лампе. – Знаменитая тетя Иокаста.

Она представила себе любезную седую старушку, которая обрадуется ей так же, как семья, которая встретила ее в Лаллиброхе. Семья. До чего же хорошо иметь семью!.. Мысли о Роджере Брианна решительно прогнала, о нем будет время подумать, когда все закончится.

Облачко москитов зависло над лампой, на стене сидели мотыльки и мошки, набираясь сил после долгого дня. Брианна потушила лампу, пламя которой было лишь чуть прохладней, чем воздух в комнате, и в темноте стащила через голову рубашку.

Иокаста точно знала, где Джейми Фрейзер и ее мать, и могла помочь найти их. Мама знает, как помочь Лиззи, она обо всем позаботится.

Брианна расстелила на полу сложенное одеяло, улеглась на него, обнаженная, и уснула в один миг. Ей снились горы и чистый белый снег.

К следующему вечеру дело пошло лучше. Чувствуя себя отдохнувшей после сна, Брианна умыла Лиззи и обтерла губкой, а затем заплатила хозяйке, чтобы та присмотрела за девчушкой, пока Брианна, одетая в штаны и плащ, сходит по своим делам.

Продажа лошадей заняла большую часть дня – сперва мужчины выкатывали глаза и разевали рты, заметив, что перед ними женщина. Удалось разузнать о человеке по имени Вайорст, который в лодке перевозил

пассажиров от Уилмингтона до Кросс-Крика. Брианна не нашла Вайорста засветло и решила, что не стоит ей до ночи болтаться в доках, выраженной в бриджи. Утром будет достаточно времени.

Она почувствовала страшное облегчение, увидев Лиззи внизу, когда на закате вернулась в гостиницу. Болтая с девочкой, хозяйка потихоньку скармливала ей кукурузный пудинг и куриное фрикасе.

– Тебе лучше! – радостно воскликнула Брианна.

Лиззи кивнула, просияв, и проглотила кусочек пудинга.

– Лучше, – прощепетала она. – Снова чувствую себя в своей тарелке. Миссис Смутс великодушно позволила мне выстирать все наши вещи. О, как приятно снова чувствовать себя чистой! – горячо добавила Лиззи, положив руку на белый платок, который, очевидно, недавно выгладили.

– Ты зачем взялась за стирку и глажку? – возмутилась Брианна, усаживаясь на лавку рядом с горничной. – Выбьешься из сил и снова заболеешь.

Лиззи опустила глаза и хитро улыбнулась.

– Сдается мне, вам не хотелось бы повстречаться с отцом в грязной одежде. Хотя даже грязное платье лучше, чем то, что на вас теперь... – Глаза крошки-горничной укоризненно пробежали по бриджам Брианны. Она не разделяла симпатии хозяйки к мужским костюмам.

– Познакомиться с отцом? Лиззи, ты о чем? Ты что-то слышала? – Надежда вспыхнула, словно пламя.

Лиззи самодовольно надулась.

– Слышала. А все потому, что пошла стирать. Папа часто говорил, что добродетель достойна награды.

– Не сомневаюсь, – сухо заметила Брианна. – И что же тебе удалось узнать?

– Я развешивала вашу нижнюю юбку, вот ту, красивую, только кружева подшить...

Брианна схватила со стола кувшин молока и грозно подняла над головой горничной. Лиззи пискнула и, захихикав, отпрянула в сторону.

– Ладно, ладно, рассказываю!

Пока Лиззи стирала, один из посетителей таверны вышел во двор, чтобы выкурить трубку, уж больно денек был погожий. Он восхитился трудолюбием Лиззи и завел приятную беседу, в ходе которой было установлено, что этот джентльмен – Эндрю Макнейл – не только слышал о Джеймсе Фрейзере, но и был хорошо с ним знаком.

– Правда? Что он сказал? Этот Макнейл еще здесь?

Лиззи отмахнулась.

– И так рассказываю быстро, как могу! Нет, он ушел. Я хотела, чтобы он подождал, но ему надо было успеть на пакетбот до Нью-Берна.

Лиззи волновалась не меньше Брианны; ее щеки еще хранили болезненную бледность, но кончик носа порозовел.

– Мистер Макнейл знает вашего отца и вашу двоюродную бабушку миссис Кэмерон. Он сказал, она знатная дама, и богатая очень, и дом у нее просто огромный, и куча рабов, и...

– Давай об этом потом, что он сказал об отце? Он упоминал мою мать?

– Клэр, – торжествующе выдала Лиззи. – Вы же говорили мне, как зовут вашу маму! Я спросила, и он сказал, что да, миссис Фрейзер зовут Клэр. А еще он сказал, что она удивительная целительница, – вы говорили, что ваша мать была прекрасным врачом. Он сказал, что видел, как она делала страшную операцию – положила человека прямо посередине на обеденный стол, отрезала ему яйца, а потом пришила обратно, и все смотрели, кто собрались на ужин!

– Это точно она! – У Брианны от смеха на глазах выступили слезы. – И как они? Давно он их видел?

– Теперь самое главное! – Лиззи подалась вперед, глаза округлились от осознания, как важна новость, которую она готовилась сообщить. – Ваш отец сейчас в Кросс-Крике! Там судят за нападение одного человека, которого он знает, и мистер Фрейзер приехал, чтобы дать показания на суде!

Лиззи поправила платок и утерла со лба крошечные капельки пота.

– Мистер Макнейл сказал, заседание назначено через неделю на понедельник, потому что судья заболел, а другой едет из Идингтона.

Брианна откинула со лба прядь волос и перевела дыхание, не смея поверить своему счастью.

– В понедельник через неделю... Сегодня суббота. Черт возьми, сколько же нужно времени, чтобы подняться вверх по реке?

Лиззи перекрестилась, испуская случайное богохульство, сорвавшееся с уст хозяйки, но поспешно поделилась добытыми сведениями.

– Миссис Смутс сказала, что ее сын однажды так ездил, и можно спросить у него.

Брианна обернулась, оглядывая комнату. Мужчины начали приходить, как стемнело; они присаживались поесть или выпить что-нибудь по дороге с места службы до постели, и теперь пятнадцать или двадцать человек ютились на небольшом пятачке.

– Кто из них младший Смутс? – спросила Брианна, вытягивая шею, чтобы рассмотреть народ.

– Вон тот паренек с красивыми карими глазами. Я позову его! – Осмелевшая Лиззи соскользнула со своего места и пошла через комнату.

Брианна по-прежнему держала в руке кувшин молока, но так и не налила себе в чашку. Горло перехватило от волнения, глотать она не могла. Осталось чуть больше недели!

...Уилмингтон – небольшой город, подумал Роджер. Где она может быть? Если, конечно, она здесь. Шансы на это велики. Расспросы в портовых тавернах Нью-Берна принесли ценные сведения: «Филипп Алонсо» благополучно достиг Чарльстона и зашел на стоянку в Идингтон только за десять дней до «Глорианы».

Добраться от Чарльстона в Уилмингтон можно было в срок от двух дней до двух недель, если Брианна и вправду отправилась именно туда.

– Она здесь, – пробормотал он. – Черт побери, я знаю, что она здесь!

Являлось ли это убеждение результатом дедукции, интуиции, надежды или просто упрямства, Роджер не понимал, но цеплялся за него, как утопающий за соломинку.

Сам он достаточно легко попал из Идингтона в Уилмингтон. Им велели разгружать товар из трюма «Глорианы». Роджер занес на склад сундук с чаем, поставил его, вернулся к двери и остановился, повязывая вокруг головы пропитанный потом платок. Как только мимо прошел следующий грузчик, Роджер вышел из дока, повернул направо, а не налево, и через несколько секунд уже мчался по узкому мощеному переулку. На следующее утро он нанялся грузчиком на небольшую баржу, на которой перевозили товары для мореходства из Идингтона на основной склад в Уилмингтоне, где их предстояло перегрузить на большой корабль, идущий в Англию.

Без малейшего промедления он снова сел на корабль в Уилмингтоне. Он знал, что Брианна здесь. Фрейзер-Ридж лежал в горах, ей нужен был провожатый, отыскать которого она могла только в Уилмингтоне. А если она здесь, Роджер был готов биться об заклад, что ее непременно заметили. Лишь бы только не дурные люди.

Пробежавшись по главной улице и гавани, он насчитал двадцать три таверны. Боже правый, здесь пьют, как лошади! Может, Брианна сняла комнату в частном доме, но все же начать стоило с обхода таверн и постоянных дворов при них.

К вечеру он побывал в десяти – задержка вышла из-за того, что Роджер избегал встреч с бывшими приятелями по плаванию. Ему представилось бессчетное количество возможностей пропустить стаканчик чего-нибудь

прохладительного, однако денег было негусто, поэтому он мучился от жажды. К тому же он не ел целый день и порядком проголодался.

И в то же время он едва замечал потребности тела.

Брианну видел мужчина из пятой по счету таверны и женщина из седьмой.

– Высокий рыжеволосый парень, – сказал мужчина.

– Высоченная девица в мужских бриджах, – пораженно вымолвила женщина и зацокала языком. – Шла по улице, пальто в руке – подумать только! – и зад у всех на виду!

Ох, попадись ему этот зад, подумал Роджер, мрачно ухмыльнувшись. Он попросил чашку воды у добросердечной хозяйки и с новой решимостью двинулся в путь.

К тому времени, когда стемнело, он обошел еще пять таверн. Высокая рыжеволосая девушка в мужской одежде служила причиной пересудов целую неделю. От некоторых замечаний кровь прилиwała к щекам, и только страх ареста удерживал Роджера от того, чтобы окоротить обидчика.

Так или и иначе, из пятнадцатой таверны он вышел, обменявшись парой нелестных замечаний с двумя пьяницами. Внутри кипела ярость. Черт возьми, у этой бабы вообще нет мозгов? Неужели она не понимает, на что способны люди?

Роджер остановился и утер рукавом мокрый лоб. И что дальше? Если не поест в ближайшее время, он свалится с ног прямо на улице.

Лучше в «Синем быке», решил он. Проходя мимо, Роджер заглянул в сарай при таверне и обнаружил кучу свежего сена. Он истратит один или два пенни на ужин, и, возможно, хозяин великодушно позволит ему переночевать в сарае.

Обернувшись, он увидел табличку на доме через дорогу. «ВЕСТНИК УИЛМИНГТОНА». Значит, редакция. Одна из немногих в колонии Северной Каролины. Даже одной предостаточно, считал Роджер. Поборов желание швырнуть камень в витрину, он поправил платок на голове, приведя себя в приличный вид, насколько это было возможно, и повернул к «Синему быку».

Она была там, сидела у очага; в волосах, забранных в хвост, играли отблески огня. Брианна беседовала с молодым человеком, улыбку которого Роджеру захотелось немедленно стереть. Однако он с грохотом захлопнул за собой дверь и подошел к ней. Брианна испуганно обернулась и уставилась на бородатого незнакомца. Потом в глазах мелькнуло узнавание, и широкая радостная улыбка озарила ее лицо.

– О боже... это ты.

И тут она все осознала. Раздался крик, громкий, дикий крик, и каждый, кто был в таверне, вздрогнул и обернулся.

– Черт возьми! – Роджер наклонился через стол и схватил ее за руку. – Чего ты орешь?

Ее лицо стало мертвенно белым, глаза округлились и потемнели. Брианна отпрянула, пытаясь освободиться.

– Пусти!

– Как же! Пойдешь со мной!

Он боком обошел вокруг стола, схватил ее за вторую руку, поднял и подтолкнул к двери.

– Маккензи!

Да что ж такое! Его узнал один из моряков с грузовой баржи. Роджер сердито посмотрел на него, желая послать куда подальше. Тот взглянул на приятелей, приободрился и шагнул к Роджеру, вскинув подбородок.

– Ты что творишь, Маккензи? А ну, оставь ее!

Среди толпы поднялся переполох, люди, оставив свои напитки, повернулись, глядя на разыгравшуюся сцену. Следовало убираться.

– Скажи им, что ты меня знаешь! – прошептал он на ухо Брианне.

– Все в порядке. – Голос Брианны прозвучал хрипло, но достаточно громко, чтобы ее услышали среди всеобщего гула. – Все в порядке. Мы... мы знакомы.

Моряк неуверенно отступил назад. Подошла худенькая молодая девушка, прежде сидевшая у огня. Она выглядела перепуганной до смерти, но мужественно сжала в руке каменную кружку с элем и всерьез собиралась пристукнуть Роджера, если понадобится. Ее звонкий голосок перекрыл растревоженный гул, стоящий в таверне:

– Мисс Бри! Вы никуда не пойдете с этим бандитом!

Брианна истерически захихикала. Затем она больно впилась ногтями в его ладонь и выдернула руку.

– Все нормально, – твердо заверила она всех присутствующих. – Я его знаю.

Она махнула девушке.

– Лиззи, иди в постель. Я буду... я вернусь позже.

Она развернулась и быстро пошла к выходу. Роджер окинул пивную грозным взглядом, чтобы никто не посмел вмешаться, и последовал за ней.

Брианна ждала за дверью.

– Что ты здесь делаешь?

– Не здесь, – отрезал Роджер.

Он взял ее за руку и отвел подальше, под сень большого каштана.

Небо догорало в лучах заката, но под ветвями дерева, спускавшимися почти до земли, было достаточно темно, чтобы скрыть беседующих от любопытных взглядов.

Брианна развернулась к нему в тот же миг, как они оказались в тени.

– Что ты здесь делаешь?!

– А как ты думаешь? Пришел за тобой, конечно! И что, ради всего святого, ты сама тут делаешь? Еще и одета черт-те во что! – Он окинул беглым взглядом ее штаны и рубашку.

В их время такая одежда показалась бы мешковатой, почти бесполой. Но несколько месяцев подряд Роджер видел женщин исключительно в длинных юбках и накидках, так что само созерцание ног Брианны возмутило его до такой степени, что потянуло завернуть ее в простыню.

– Чертова баба! Ты бы еще голая прошлась!

– Не глупи, Роджер! Что ты здесь делаешь?

– Сказал же, пришел за тобой.

Он взял ее за плечи и страстно поцеловал. Страх, гнев и облегчение от того, что все же нашел ее, слились в невероятную жажду обладать ею здесь и сейчас. Его сотрясала дрожь. Как и Брианну.

– Все в порядке, – прошептал Роджер, губами прикасаясь к ее волосам. – Все в порядке, я здесь, я с тобой. Теперь все будет хорошо.

Брианна вырвалась из его рук.

– Все в порядке? – вскричала она. – Да как у тебя язык поворачивается? Ради всего святого, ты же здесь!

Без сомнения, в ее голосе звучал ужас. Он схватил ее за руку.

– А где, черт возьми, мне быть, если ты исчезла, не говоря ни слова, и отправилась неведомо куда! Да за каким чертом тебя вообще сюда понесло?!

– Я ищу своих родителей. Зачем же еще?

– Да знаю я! Но почему ты ничего не сказала мне?

Она высвободила руку и яростно пихнула его в грудь.

– А потому, что ты бы меня не пустил, вот почему! Ты попытался бы остановить меня, и...

– Господи, да я бы запер тебя в комнате и связал по рукам и ногам! Что за мозги куриные...

Она зарядила ему пощечину.

– Умолкни сейчас же!

– Чертова баба! Ты ожидала, что я отпущу тебя в... в никуда, а сам буду сидеть дома, пока ты раздвигаешь ноги на рыночной площади? Ты думаешь, я такой, да?

Он почувствовал, а не увидел ее движение, и схватил за запястье, прежде чем она ударила его снова.

– Я жутко зол, девочка! Только попробуй меня ударить, клянусь, я дам сдачи!

Брианна стиснула кулак и быстро двинула его в живот другой рукой.

Роджер замахнулся, но вместо удара сгреб ее волосы, обернув вокруг кулака, и впился ей в губы.

Она извивалась и пыталась вырваться, издавая сдавленные крики, но он не сдавался. И Брианна ответила на поцелуй. Они вместе опустились на колени. Она обвила руками его шею, и Роджер уложил ее на ковер из опавших листьев, которыми была усыпана земля под деревом. Она плакала в его объятиях, задыхаясь, всхлипывая и хватая ртом воздух, слезы ручьем текли по лицу.

– Зачем? – рыдала Брианна. – Зачем ты пошел за мной? Разве ты не понимаешь? Что нам теперь делать?

– Что делать? Ты о чем? – Роджер не знал, отчего рыдает Брианна – от злости или от страха.

Она смотрела на него сквозь пряди спутанных волос.

– Как мы вернемся! Чтобы вернуться, надо, чтобы в том времени был человек, которого любишь больше всего на свете! К кому хочешь вернуться, о ком волнуешься! Ты единственный человек, которого я люблю... любила в том времени! Как я вернусь, если ты здесь? И как вернешься ты, если я здесь?

Роджер замер, позабыв страх и гнев.

– Так вот почему?.. Поэтому ты не сказала мне? Потому что любишь меня? Боже правый!

Он лег на нее, затем схватил лицо Брианны обеими руками и снова попытался поцеловать. Она обхватила его ногами и стиснула так, что у Роджера затрещали кости.

Он перевернулся на спину и увлек ее за собой, ухватив за волосы. Перекатившись, Брианна оказалась сверху.

– Стоп, – сказал Роджер. – Это что, борцовский поединок?

– Отпусти волосы. – Брианна покачала головой, пытаясь освободиться. – Терпеть не могу, когда их треплют.

Он отпустил волосы и обхватил ее шею, пальцы обернулись вокруг горла, большой замер на пульсе. Ее сердце стучало, как молоток.

– Душить любишь?

– Не очень.

– Мне тоже не нравится. Пусти меня.

Она медленно соскользнула вниз. Роджер не мог восстановить дыхание, но не потому, что она была тяжелой. Он так и не отвел руку от шеи Брианны. Не потому, что боялся, что она исчезнет, просто ему хотелось касаться ее. Он и так ждал слишком долго.

– Правда? – прошептал Роджер. – Скажи еще раз. Я хочу слышать.

– Я... люблю... тебя... – сказала она сквозь зубы. – Понял?

– Понял. – Он нежно взял ее лицо в руки и притянул к себе. Брианна поддалась, уступая ему, и руки у нее задрожали.

– Что мы будем делать? – проронила она и снова разрыдалась.

«Мы». Она сказала «мы».

Роджер лежал в пыли на дороге, весь в синяках, грязный, голодный, рядом с рыдающей женщиной, которая в запале стучала ему по груди кулаком. Никогда в жизни он не был так счастлив.

– Тише, – прошептал он, укачивая ее на руках. – Все в порядке, есть другой способ. Мы вернемся, я знаю как. Не волнуйся, я обо всем позабочусь.

Наконец она успокоилась и замерла в его объятиях, тихонько всхлипывая; на его рубашке осталось большое мокрое пятно. Сверчки на дереве, обрадовавшись наступившей тишине, потихоньку застрекотали.

Брианна высвободилась и села, на шаривая что-то в темноте.

– Надо высморкаться, – проговорила она в нос. – Есть платок?

Он снял платок с головы и отдал ей. Она с присвистом высморкалась, и Роджер улыбнулся.

– Знаешь, такой звук получается, когда выдавливаешь из тюбика крем для бритья.

– И когда в последний раз ты это делал? – Она снова положила голову ему на грудь и дотронулась до щеки. Роджер брился два дня назад, с тех пор не было ни времени, ни возможности.

Брианна глубоко вздохнула и обвила его рукой.

– Мне очень жаль. Я не хотела, чтобы ты шел за мной. Но... Роджер, я ужасно рада, что ты здесь!

Он поцеловал ее в висок, влажный и соленый от слез и пота.

– Я тоже. – Теперь все испытания и опасности, пережитые за последние два месяца, казались незначительными. Все, кроме одного. – Давно ты это задумала? – спросил Роджер. Впрочем, он мог бы сказать наверняка, день в день. Именно тогда изменился тон ее писем.

– Наверно, полгода назад, – сказала она, подтвердив его догадку. – Когда ездила на Ямайку на пасхальные каникулы.

– Ясно. – На Ямайку вместо Шотландии. Она предложила ему поехать вместе, но он отказался из-за глупой обиды, что Брианна не захотела приехать к нему.

Она глубоко вздохнула, промокнув шею рубашкой.

– Мне снились сны об отце. Об отцах... О них обоих.

Обрывки сновидений кружились в ее голове: вспышками являлось лицо Фрэнка Рэндалла, более длинными эпизодами – образ матери. А еще она постоянно видела высокого рыжеволосого человека, о котором знала только, что это – ее родной отец.

– Был один сон...

Во сне дело происходило ночью, в тропиках – поле, поросшее какими-то высокими зелеными стеблями, наверное, сахарным тростником, и зарево пожара вдалеке.

– Били барабаны, и я знала, что в тростнике прячется что-то ужасное. Мама тоже была там, пила чай с крокодилом.

Роджер хмыкнул, и Брианна рассердилась:

– Это было во сне, ясно?.. Тогда он вышел из тростника. Я не могла разобрать лица в темноте, но он был рыжий. Он повернул голову, и в волосах мелькнули медные отблески, когда...

– Он – то страшное, что скрывалось в тростнике? – спросил Роджер.

– Нет. – Брианна покачала головой.

Уже совсем стемнело, и она превратилась в приятную тяжесть на груди и тихий голос, доносящийся из мрака.

– Он стоял между мамой и той самой ужасной вещью. Я не видела, но знала, что это страшное, оно затаилось там и поджидало. – Брианна невольно содрогнулась, и Роджер крепче сжал ее в объятиях. – Я поняла, что мама собирается встать и пойти к нему. Я пытался остановить ее, но она меня не слышала. И я позвала его, сказала, чтобы пошел с ней и спас. И он увидел меня!.. Увидел и услышал. А потом я проснулась.

– Ага, – хмыкнул Роджер, – и поэтому ты поехала на Ямайку.

– Я стала думать об этом, – резко сказала Брианна. – Ты ведь искал их в Шотландии, однако не нашел ни единого упоминания после 1766-го. Их не было и в списках пассажиров, уехавших в колонии. Ты сказал тогда, что не стоит больше искать, вряд ли мы что-то узнаем.

Роджер был рад, что темнота скрыла румянец, вспыхнувший на щеках от осознания собственной вины.

– А я подумала, что место, где я их видела во сне, где-то в тропиках. Что, если они поехали в Вест-Индию?

– Я проверил пассажирские списки каждого судна, которые вышли из

Эдинбурга или из Лондона в конце 1760-х и начале 1770-х, куда бы они ни направлялись. Я же тебе говорил, – укоризненно сказал Роджер.

– Знаю, – кивнула Брианна. – Но что, если они не были пассажирами? Зачем люди ехали в Вест-Индию? Ну, в старое время?

– В основном по торговым делам.

– Правильно. Так вот, что, если они поплыли на грузовом корабле? Тогда их бы не внесли в списки.

– Допустим, – согласился Роджер. – Не внесли. Тогда как же их разыскать?

– Реестры складов, бухгалтерские книги плантаторов, портовые декларации... Я провела весь отпуск в библиотеках и музеях. И я... я нашла.

Боже правый, она нашла объявление.

– Правда? – Роджер постарался не выдать тревоги.

Брианна рассмеялась.

– Капитан корабля «Артемис» Джеймс Фрейзер продал пять тонн гуано летучей мыши плантатору в Монтего-Бей 2 апреля 1767 года.

Роджер не удержался от ухмылки, но все же возразил:

– Капитан судна? Твоя мама говорила, что у него морская болезнь! И вообще, на свете куча Джеймсов Фрейзеров...

– А первого апреля женщина по имени Клэр Фрейзер купила раба на рынке в Кингстоне.

– Купила... раба?

– Не знаю, зачем, – твердо сказала Брианна. – Наверняка у нее были на то причины.

– И все же...

– В бумагах было написано, что раба звали Темрейр, и у него одна рука. Неплохая примета, верно? Во всяком случае, я начала искать в подшивках старых газет, не только из Вест-Индии, а из всех южных колоний. Мама не стала бы держать раба, и если она его купила, значит, хотела освободить, а подобные сообщения иногда печатали в местных газетах. Я думала, может, там напишут, где раб был освобожден.

– И что?

– Ничего. – Брианна помолчала. – Зато я нашла кое-что другое. Заметку о том, что они погибли... Мои родители...

Роджер подозревал, что она нашла объявление, но все же был потрясен. Он крепко прижал ее к себе, обвив руками.

– Где? И как?

Роджер вполуха слушал ее объяснения, а в глубине души проклинал

себя. Он должен был знать, что она слишком упряма, чтобы поддаться на уговоры. Своим грубым вмешательством он добился лишь того, что она начала действовать втайне.

– Мы вовремя. Сейчас 1776-й, у нас есть время, чтобы найти их. – Брианна громко вздохнула. – Я рада, что ты здесь. Однако я так волновалась, что ты все выяснишь прежде, чем я вернусь... Не знаю, что бы ты сделал.

– То, что и делаю... – проронил он. – У меня есть друг, у него двухлетний ребенок. Он говорит, что никогда в жизни не ударит ребенка, но, черт возьми, понимает, почему некоторые не в силах сдержаться. Я теперь чувствую то же самое при мысли о том, чтобы ударить женщину.

Она затряслась от смеха у него на груди.

– Ты на что намекаешь?

Он скользнул рукой вниз по ее спине и крепко ухватился за круглую ягодицу. Под просторными бриджами не было белья.

– Напекаю, что будь я воспитан в этом времени, я бы с удовольствием прошелся ремнем по твоей заднице.

Похоже, Брианна не восприняла угрозу всерьез.

– А поскольку ты рос в другое время, то не стал бы? Или стал, но без удовольствия?

– О, с превеликим удовольствием, – заверил он. – Я бы с радостью отколотил тебя палкой.

Брианна рассмеялась.

Он вдруг гневно оттолкнул ее и сел.

– Что?!

– Я решил, что у тебя кто-то появился! Твои письма за последние несколько месяцев... А потом то письмо, самое последнее... Вот поэтому и хочется тебя отлупить, – не за то, что врала или ушла, ничего не сказав... Я ведь думал, что потерял тебя!

Ее рука вынырнула из тьмы и нежно коснулась его лица.

– Мне очень жаль, – тихо сказала она. – Я только хотела, чтобы ты ничего не узнал, пока я не уеду.

Тусклый свет, льющийся с дороги, обрисовал ее профиль.

– А как ты узнал?

– Твои коробки. Они пришли в колледж.

– Я ведь просила не отправлять их до конца мая, когда ты будешь в Шотландии!

– Я и поехал бы, только остался в последнюю минуту, меня задержала конференция. Коробки пришли за день до отъезда.

Внезапно из распахнувшейся двери таверны вывалились подвыпившие моряки. Они прошли совсем рядом. Роджер с Брианной молчали, пока голоса и шаги не стихли. С тихим звуком на ковер из опавших листьев упал с ветки каштан.

Голос Брианны странно охрип.

– Ты думал, что я кого-то нашла, и все равно пошел за мной?

Роджер вздохнул; гнев ушел так же неожиданно, как и появился.

– Я бы пошел за тобой, даже если бы ты вышла замуж за короля Сиама, чертова баба.

Брианна наклонилась, подняла упавший каштан и стала подбрасывать его в воздух.

– Значит, жену будешь бить?

Роджер медлил. Сверчки снова замолчали.

– Я сказал в Инвернессе...

– Ты сказал, что я нужна тебе либо вся целиком, либо не нужна совсем.

И я сказала, что поняла...

Во время борьбы рубашка у нее вылезла из бриджей и теперь слабо колыхалась на ветру. Роджер забрался под ткань и дотронулся до голой кожи, которая пошла мурашками от его прикосновений. Он притянул Брианну к себе, провел руками по спине и плечам, зарылся лицом в ее волосы, уткнулся в шею. Потом стянул с нее рубашку и отбросил в сторону. Ее грудь была белой и мягкой.

– Пожалуйста, – тихо прошептала она. Ее рука легла ему на затылок и притянула ближе. – Пожалуйста!

– Если я возьму тебя сейчас, то это навсегда, – прошептал Роджер.

Она едва дышала, но замерла, позволяя его рукам блуждать по ее телу.

– Да.

Дверь таверны вновь распахнулась, и они отпрянули друг от друга. Роджер отпустил ее и встал, протянув руку, чтобы помочь подняться. Они стояли, взявшись за руки, в ожидании, пока стихнут голоса.

– Пойдем, – сказал он и вынырнул из-под низко склоненных ветвей.

На втором этаже таверны, где располагались комнаты постоялого двора, было темно и тихо. Не доносилось ни звука, ни в одном из окон не горел свет.

– Надеюсь, что Лиззи уже легла.

Роджер понятия не имел, кто такая Лиззи, но его это не волновало. Теперь он мог ясно видеть лицо Брианны, хотя ночь и скрыла все краски. Она похожа на Арлекина, подумалось ему, – на бледных щеках лежала

тень, отбрасываемая листьями, овал лица обрамляли темные волосы, глаза блестели над ярким ртом.

Он взял ее руку в свою.

– Ты знаешь, что такое обручение?

– Не совсем. Что-то вроде временного брака?

– Почти. На островах и в горной части Шотландии, где люди жили далеко от ближайшего священника, мужчина и женщина обручались. Обручение длилось ровно год и один день. По истечении этого срока они либо находили священника и женились окончательно, либо расходились, и каждый шел своей дорогой.

Ее рука сжала руку Роджера.

– Я не хочу ничего временного.

– Я тоже. Но я не уверен, что мы легко отыщем священника. Здесь еще не построили церковь, значит, ближайший священник, скорее всего, в Нью-Берне. – Роджер поднял их сплетенные руки. – Я сказал, что хочу получить тебя навсегда, но если ты возражаешь против обручения...

Она крепко сжала его руку.

– Я «за».

– Отлично.

Он сделал глубокий вдох и начал:

– Я, Роджер Иеремия, беру тебя, Брианна Эллен, в законные супруги. Отныне я вверяю тебе все, чем владею, и себя самого... – Рука Брианны дрогнула в его руке, и решимость Роджера укрепилась. Кто бы ни сочинил этот обет, он подобрал верные слова. – ...в болезни и в здравии, в богатстве и в бедности, пока смерть не разлучит нас.

Брианна опустила ладонь, увлекая вниз сплетенные руки. Очень серьезно она повторила:

– Я, Брианна Эллен, беру тебя, Роджер Иеремия...

Голос звучал не громче, чем биение его сердца, однако он слышал каждое слово. Листья зашуршали от случайного ветерка.

– ...пока смерть не разлучит нас.

Теперь эти слова значат для них обоих куда больше, чем несколько месяцев назад. Прохода через камни оказалось достаточно, чтобы осознать скоротечность и хрупкость жизни.

Воцарилось молчание, нарушаемое только шорохом листьев над головой и гулом голосов из пивной. Роджер поднес к губам руку Брианны и поцеловал в то место на безымянном пальце, где в один прекрасный день, даст бог, заблестит обручальное кольцо.

Постройка служила скорее сараем, нежели конюшней, хотя в углу стояли лошадь или мул. Насыщенный аромат хмеля – в «Синем быке» варили эль – забивал запах сена и навоза. Роджер опьянел, но не от эля.

В сарае было очень темно. Раздевая Брианну, он чувствовал и трепет, и восторг.

– А я думал, что слепцы годы напролет развивают осязание, – пробормотал он.

Она рассмеялась, и теплое дыхание защекотало его шею.

– Как в том стихотворении о слепцах и о слоне? – спросила Брианна, просунув руку ему под рубашку. – «Один сказал, что слон высок и прочен, как стена»^[5], – процитировала она. Ее пальцы с любопытством изучали чувствительную плоть вокруг его соска. – Стена с волосками. Боже мой, стена с гусиной кожей.

Роджер склонил голову, отыскав ее рот с первой попытки, безошибочно, словно летучая мышь, что на лету заглатывает насекомых.

– Амфора, – прошептал он, упиваясь губами Брианны. Руки скользнули по волнующим изгибам ее бедер, гладким и крутым, обещавшим блаженство. – Ты словно греческая ваза. У тебя самая красивая задница на свете!

– Надо же!

Ее рука скользнула по его бедрам и забралась в брюки. Длинные пальцы принялись нашаривать внутри сперва робко, затем все более уверенно.

– «Другой по хоботу слона провел рукой своей»... Ой...

– Прекрати смеяться, черт побери!

– ... «И заявил, что слон – одна из безопасных змей»... Да нет, скорее, удав или питон... Черт возьми, как бы это назвать?

– Один из моих приятелей звал его «мистер Счастливчик», – улыбнулся Роджер. – По-моему, чересчур эксцентрично.

Он схватил ее за руки и поцеловал снова, чтобы положить конец каким-либо дальнейшим сравнениям.

Она все еще дрожала, но уже не от смеха. Роджер обнял ее и притянул к себе. Поразительное ощущение – чувствовать ее обнаженной в своих руках, наслаждаться тем, как сложные переплетения мышц и костей превращались в сплошную чувственность. Он остановился, чтобы перевести дыхание. Наверное, так чувствуют себя альпинисты, взобравшись на вершину, – кислорода между ними почти не осталось.

– Раньше всегда приходилось наклоняться, чтобы поцеловать девушку, – прошептал Роджер, в надежде восстановить дыхание.

– Это хорошо, мы ведь не хотим, чтобы у тебя шею заклинило. – Ее голос дрожал от смеха, однако Роджер понял, что Брианна отчаянно нервничает.

– Ха-ха, – сказал он и схватил ее снова, ну его к черту, этот кислород. Ее высокая грудь была одновременно и мягкой, и упругой, он прижался к ней, сходя с ума от этого сочетания. Ее рука помедлила в его штанах, затем нерешительно отпустила.

Роджер чуть отступил, помогая Брианне стянуть с него бриджи. Они упали к его ногам, и он перешагнул через них, продолжая целовать ее, лишь тихо застонал, когда ее рука вернулась на прежнее место.

На ужин она ела лук. Слепота обостряет не только осязание, но и вкус, и обоняние. Роджер чуял и жаркое, и кислый эль, и хлеб. И еще какой-то слабый сладкий привкус, напомнивший ему о зеленых лугах и скошенной траве. Он дышал ее дыханием, их сердца бились в такт, словно стучали в одной груди.

Она сжала его сильнее, чем нужно, и он прервал поцелуй, тяжело дыша.

– Пусти немного. Мне приятно, но...

Вместо того чтобы отпустить его, Брианна опустила на колени. Роджер испуганно шагнул назад.

– Христа ради, ты точно хочешь это сделать? – спросил он, сам не понимая, какой из ответов его обрадует. Волосы Брианны щекотали ему бедра, член подрагивал в крепком захвате ее руки.

– А ты хочешь? – Теперь ее руки поглаживали ему ягодицы.

– Очень... Но я не мылся сегодня, – сказал он, неуклюже пытаясь отстраниться.

Она медленно провела носом по его животу и ниже, глубоко вдохнув. У Роджера по всему телу побежали мурашки, он вздрогнул, но не от холода.

– Ты хорошо пахнешь, – прошептала Брианна. – Как большое сильное животное.

Он обхватил рукой ее затылок, перебирая пальцами густые волнистые волосы.

Роджер почувствовал, как волосы Брианны щекочат ему бедра... а затем вообще перестал думать – кровь отхлынула от мозга и устремилась вниз.

– Я айльно эаю?

– Что? – Роджер очнулся, потому что Брианна отстранилась, убирая волосы с лица.

– Говорю, я правильно делаю?

– О... Да... Мне кажется...

– Тебе кажется? То есть ты не уверен? – К Брианне вернулось самообладание, в ее голосе звучали нотки сдерживаемого смеха.

– Ну да, – протянул Роджер. – Я имею в виду, у меня нет... То есть, никто не... да, по-моему, да.

Он снова притянул к себе ее голову.

Ему показалось, что в горле у нее гудит. Может, это его кровь, с шумом бегущая по венам. Еще минута, и разразится буря.

Он отстранился и, прежде чем она успела возразить, поднял на ноги, а затем потянул вниз на сено, где лежала сброшенная одежда.

Глаза привыкли к темноте, но звезды из окна светили тускло, поэтому Роджер видел только белую, как мрамор, кожу. Надо же, совсем не холодно, да, не холодно вообще.

Испытывая волнение, он решил вернуть ей долг. Ему лишь однажды приходилось это делать, тогда в нос бросился запах какого-то мыла, пахшего, как цветы в церкви его преподобия в солнечный день, – не очень-то приятное воспоминание.

Брианна пахла не мылом. Ее запах заводил настолько, что Роджер готов был наброситься на нее без всяких предварительных ласк.

Вместо этого он глубоко вдохнул и поцеловал ее прямо над темным облаком кудрей.

– Черт...

– Что такое? – Казалось, она слегка встревожена. – Я плохо пахну?

Роджер закрыл глаза и вдохнул еще раз. Голова закружилась. Он пылал страстью, а еще его разбирало от смеха.

– Нет. Просто я целый год маялся, пытаюсь угадать, какого цвета у тебя здесь волосы. – Он осторожно потянул за кудри. – А теперь я смотрю прямо на них и все равно не понимаю.

Брианна хихикнула, ее живот слегка вздрогнул под его рукой.

– Подсказать?

– Не надо, утром сам посмотрю.

Он опустил голову и вернулся к своему занятию, удивляясь приятному разнообразию текстур на столь тесном пространстве – скользкая твердость, легкая шероховатость, уступчивая упругость, влажная гладкость, а еще сводящий с ума солоновато-мускусный запах.

Через несколько мгновений он почувствовал, как на голову мягко легли ее руки, будто благословляя. Брианна, похоже, не возражала, что щетина на подбородке кололась. Она издала слабый стон, и по бедрам

пробежала дрожь, от которой у нее содрогнулся живот.

– Я правильно делаю? – спросил Роджер, полушутя, поднимая голову.

– О, да. Я уверена.

Он было потянулся вниз, но, услышав последнюю фразу, резко поднял голову, глядя туда, где в темноте белело ее лицо.

– Откуда ты, черт возьми, знаешь?

Единственным ответом был глубокий грудной смех. Роджер вдруг оказался рядом с ней, не сознавая, как туда попал; зажал ртом ее рот, прижался к ее телу, чувствуя исходящий от нее жар.

Она попробовала его на вкус, а он – ее, и больше Роджер ждать не мог.

Она страстно рвалась ему навстречу, подставляя губы для поцелуя и приподнимая бедра, но ее прикосновения были слишком поспешными. Он взял ее за руки и приложил их к груди. Ладони у нее были горячими, и его соски затвердели.

– Послушай, как бьется сердце. – Собственный голос эхом отозвался у него в ушах. – Скажи мне, если оно остановится.

Роджер не шутил и слегка удивился, когда Брианна издала нервный смешок. Смех замер, как только он ее коснулся. Ее руки прижались к его груди. Затем он почувствовал, как она расслабилась и подалась ему навстречу.

– Я люблю тебя, – пробормотал он. – О, Бри, я люблю тебя.

Она не ответила, только нежно погладила его по щеке. На Роджера снова нахлынуло странное опьянение, но ни слабости, ни сонливости не было, он четко сознавал все, что происходило. Он чувствовал запах собственного пота, запах пота Брианны, слабый аромат ее страха, который примешивался к желанию. Он закрыл глаза и вдохнул. Медленно прижался к ней. Скользнул в нее. Ощутил на щеке ее слезы и до крови прикусил себе губу.

Ее ногти впились в его грудь.

– Продолжай! – прошептала она.

Один резкий толчок, и он овладел ею.

Роджер замер, прикрыв глаза и тяжело дыша, балансируя на пике наслаждения, острого, почти болезненного. Он смутно ощутил, что эту боль, должно быть, испытывала Брианна.

– Роджер?

– Да?

– Ты... Он правда большой? – сдавленно прошептала она.

– Ох... Обычный. – Вспышка беспокойства затмила опьянение. – Тебе очень больно?

– Н-нет. Просто... Можешь минутку не двигаться?

– Минуту, час. Всю жизнь, если захочешь. – У Роджера возникло чувство, что если он не будет двигаться, то умрет, но это будет счастливая смерть.

Руки Брианны медленно гладили его по спине, касаясь ягодиц. Он вздрогнул и опустил голову, прикрыв глаза, и осыпал ее лицо десятком мелких бессмысленных поцелуев.

– Все хорошо, – прошептала она ему на ухо.

И он начал ритмично двигаться, медленно, сдерживаясь изо всех сил. Он знал, что причиняет ей боль, и надо остановиться, однако Брианна сдавила ладонями его спину, слегка напряглась и расслабилась, напряглась и снова расслабилась. Затем, принимая его, приподнялась навстречу, и Роджер издал дикий, животный стон. Теперь остановиться, надо остановиться, надо...

Трясаясь и задыхаясь, словно рыба, выброшенная на землю, он рухнул на ее мягкую грудь.

И лежал, не двигаясь, уже не опьяненный, но окутанный счастьем, смешанным с виной, и тут почувствовал, как ее руки обвились вокруг него, и рядом с ухом прошелестело теплое дыхание.

– Я люблю тебя, – хрипло прошептала Брианна. – Остайся со мной.

– На всю жизнь, – сказал Роджер и обнял ее.

Они лежали мирно, все в поту, слушая дыхание друг друга. Наконец Роджер приподнялся и убрал ей волосы с лица. Руки казались одновременно и невесомыми, и тяжелыми, как свинец.

– Как ты, любовь моя? Тебе больно?

– Ничего страшного. – Рука Брианны пробежала по спине Роджера, отчего тот вздрогнул, несмотря на жару. – Все хорошо? Я все правильно сделала?

– О боже! – Он впился в нее долгим поцелуем.

– Точно все хорошо?

– О господи!

– Для сына священника ты чересчур много богохульствуешь, – укорила Брианна. – Может, те старушки из Инвернесса были правы, и в тебе бес сидит?

– Это не богохульство, – Роджер уткнулся ей в плечо, глубоко вдыхая сладкий аромат, – а слова благодарности.

Брианна рассмеялась.

– О, значит, все было хорошо, – сказала она с облегчением.

Роджер поднял голову.

– О боже, конечно! – простонал он, снова заставив ее рассмеяться. – Да как ты можешь сомневаться?

– Ну, ты ничего не сказал. Лежал молча, как будто тебя по голове шарахнули. Я решила, что тебе не понравилось.

Теперь настала его очередь смеяться, спрятав лицо в ее волосах.

– Нет. Когда мужчина обмяк, словно мешок с костями, – значит, доволен. Не очень по-джентльменски, быть может, зато честно.

– Хорошо. – Она успокоилась. – В книжке не написано, что происходит потом.

– В какой еще книжке? – Роджер осторожно отлепился от нее с таким звуком, будто отклеивалась липкая лента. – Прости, что испачкал. – Он нащупал рубашку и протянул ей.

– «Чувственность мужчины». – Брианна приняла рубашку и вытерлась ею. – Там было много всего о кубиках льда и взбитых сливках – немного экстремально, на мой взгляд, зато хорошо написано о том, как делать фелляцию и...

– Ты училась по книге? – Роджер возмутился, точно одна из прихожанок его отца.

– А ты считаешь, надо было потренироваться на парнях? – в свою очередь возмутилась Брианна.

– Выходит, теперь пишут книги, в которых рассказывают молодым женщинам, как... Какой кошмар!

– Почему? – спросила она. – Как бы еще я узнала, что делать?

Роджер провел рукой по лицу, не находя слов. Если бы его спросили за час до того, он бы решительно высказался в пользу равенства полов. Теперь же ему, как сыну пресвитерианского священника, казалось, что порядочная молодая женщина и в самом деле должна быть невеждой в первую брачную ночь.

Мужественно подавив в себе этот пережиток викторианского воспитания, Роджер погладил ее бедра и обхватил мягкую полную грудь.

– Не важно. Только... – Он опустил голову, чтобы прикоснуться к ней губами, – есть и такие вещи, о которых... – он прикусил ей нижнюю губу, – ...о которых в книжках не прочитаешь.

Она перевернулась и прижалась к нему всем телом. Роджер содрогнулся, словно от удара.

– Покажи мне, – прошептала Брианна и укусила его за мочку уха.

Где-то рядом пропел петух. Брианна очнулась от дремоты, утомленная

и потерянная, земля будто плыла под ногами.

Роджер протянул руку, почувствовав, что она зашевелилась. Нащупал, обнял ее и притянул к себе, изогнулся сам, подлаживаясь к ее телу – колени к коленям, живот к ягодицам. Фыркнув, сдул со своего лица ее волосы. Брианна тоненько рассмеялась.

Он занимался с ней любовью три раза. У нее все болело, но она была счастлива. Она тысячу раз представляла себе, как это будет, однако все вышло иначе. Она даже представить себе не могла, каково это, когда тебя берут. Не могла вообразить, каково ощущать свою власть.

Она ожидала, что окажется беспомощным объектом желания. А на деле контролировала именно она; она чувствовала, как он дрожит, сдерживаясь, чтобы не причинить ей боль; она могла и трогать, и гладить, и говорить, и отдавать приказы.

Брианна не думала, что можно испытывать такую нежность, когда он закричал и задрожал в ее руках, прижавшись к ней лбом, доверяясь ей, ведь его сила вдруг обернулась слабостью.

– Прости, – прошептал он ей на ухо.

– За что? – Брианна погладила его по бедру. Можно. Можно коснуться его в любом месте, наслаждаясь гладкостью и запахом его тела.

– За это. – Роджер махнул рукой, указывая вокруг. – Надо было подождать... Я хотел иначе, чтобы это было... Не повезло тебе.

– Очень повезло, – тихо сказала она.

Он засмеялся немного печально.

– Я хотел, чтобы в первую брачную ночь все было правильно. Мягкая кровать, чистые простыни... наш первый раз...

– Даже в мягкой кровати и на чистых простынях... – Она повернулась к нему и обхватила его ногами. Сперва он удивился, но сразу расслабился, позволяя ей делать с ним все, что угодно. – ... это не могло быть лучше, – тихо закончила Брианна и поцеловала его.

Роджер откликнулся на поцелуй, неспешно исследуя все глубины и впадинки ее рта. Потом застонал и схватил ее за руку.

– О боже, Бри, ты dokonать меня решила?

– Прости! Я сильно сжала? Я не хотела сделать тебе больно.

Он рассмеялся.

– Не волнуйся. Но пускай бедняга немного отдохнет, а?

– Роджер?

– Мм?

– Знаешь, я никогда не была так счастлива.

– Вот и хорошо, – сонно отозвался он.

– Даже если... если мы никогда не вернемся, мне все равно, раз мы вместе.

– Мы вернемся. – Его рука нежно обхватила ее грудь; так морские водоросли ласкают круглые камни. – Я же сказал, есть другой способ.

– Правда?

– По-моему, да. – Роджер рассказал ей о колдовской книге, состоящей из логичных, но безумных записей, и о том, как прошел через камень на Крейг-на-Дуне.

– Во второй раз я думал о тебе, – тихо сказал он, в темноте водя пальцем по ее лицу. – Я выжил. И попал в нужное время. Однако бриллиант, который дала Фиона, превратился в кармане в уголек.

– Значит, можно как-то управлять? – В голосе Брианны прозвучала надежда.

– Наверно. – Роджер колебался. – В книге было какое-то стихотворение, или, скорее, заклинание:

«Я направляю свой кинжал на север,
Где дом моей власти, на запад,
Где очаг моей души, на юг,
Где друзья и убежище, на восток,
Где занимается солнце.
Я кладу свой клинок на алтарь, что соорудил,
И сажусь между трех огней.

Три точки – то число, что значит плоскость, я держусь.
Число четыре – глубина земельных недр,
Число пять – защитит, не пустит демона за мной.
Левая рука расплавилась в золоте
И держит власть солнца. Правая рука обшита серебром
И бродит в лунном царстве.

Я начинаю.

Драгоценные камни спокойно обвилились вокруг шеи.
Я буду верен».

Брианна села, обхватив колени, и долго молчала.

– Полный бред, Гейлис умом повредилась, – промолвила она наконец.

– Может, и повредилась, но это не значит, что она не права. – Роджер

потянулся кряхтя и сел на солому, скрестив ноги. – Это часть древнего ритуала, как мне кажется. Кельтская традиция. Слова про «четыре стороны света» восходят к кельтской легенде. Однако кинжал, алтарь, пламя – это все чистое колдовство.

– Она заколола мужа прямо в сердце и бросила его в огонь. – Брианна вспомнила запах бензина и горячей плоти в кругу на Крейг-на-Дун и содрогнулась, хотя в сарае было тепло.

– Надеюсь, что нам не потребуется человеческая жертва, – сказал Роджер, неловко пытаясь пошутить. – Будем надеяться, что хватит металла и драгоценных камней... На тебе что-то было, когда ты перешла?

– Твой браслет, – тихо ответила Брианна. – И бабушкино жемчужное ожерелье в кармане. Жемчуг не пострадал, хотя и прошел через круг.

– Жемчуг не драгоценный камень, – напомнил ей Роджер. – Он органический, как человеческое тело. – Он провел рукой по лицу. День получился долгим, и в голове начало пульсировать. – Выходит, серебро и золото. У тебя был серебряный браслет и ожерелье из золота и жемчуга. А твоя мать? На ней что было? Обручальное кольцо?

– Да. «Три точки – значит плоскость, и я держусь. Четыре – глубина земельных недр, пять – защитит, не пустит демона за мной», – прошептала Брианна. – Может, это значит, что для перехода нужны драгоценные камни? Это и есть те «точки»?

– Пожалуй. Гейлис рисовала треугольники и пентаграммы и составила список разных драгоценных камней с их предполагаемыми «магическими» свойствами. Она подробно не излагала – да и зачем бы, ведь она вела записи для себя, – но общая идея такова, что в земле пролегают какие-то линии, «линии власти», а камни отмечают те места, где эти самые линии подходят близко друг к другу и закручиваются в клубок, и в этом клубке время и пространство перестают существовать.

– Так что, если войдешь в один из них, можно выйти снова... где угодно?

– В том же месте, однако в разное время. И если считать, что у драгоценных камней есть своя сила, которая в состоянии немного менять линии...

– А что за камни нужны?

– Бог знает, – вздохнул Роджер. – Но лучшего варианта у нас нет, правда?

– Да. – Брианна согласилась, поразмыслив. – Только где мы найдем камни? – Она махнула рукой в сторону города и гавани. – Я не видела ничего подобного ни в Инвернесе, ни здесь. Думаю, нам нужно поехать в

большой город – в Лондон, или, может быть, в Бостон или Филадельфию. Да и сколько у нас денег, Роджер? Мне удалось найти двадцать фунтов перед поездкой, и большая часть еще со мной, но этого же не хватит...

– В том-то и дело, – перебил он. – Я думал об этом, пока ты спала. Я знаю... то есть думаю, что знаю, где можно раздобыть один камень.

Роджер помедлил.

– Мне надо отправляться в путь немедленно, чтобы найти его. Человек, у которого он есть, сейчас в Нью-Берне, однако долго там не задержится. Если дашь мне немного денег, утром я найду лодку и буду в Нью-Берне на следующий день. Тебе, полагаю, лучше остаться здесь. Затем...

– Я не могу сидеть здесь!

– Почему? – Он потянулся к ней, нащупав в темноте. – Мне не хочется брать тебя с собой. То есть хочется, но здесь безопаснее.

– Я не о том, чтобы поехать с тобой, а о том, что не могу сидеть здесь, – повторила Брианна и схватила его за руку. Теперь, вспомнив, она снова разволновалась. – Роджер, я нашла его, нашла Джейми Фрейзера!

– Фрейзера? Где? Здесь? – Пораженный, он повернулся к двери.

– Нет, в Кросс-Крике, и я знаю, где он будет в понедельник. Мне надо туда поехать, понимаешь? Он так близко... а я так далеко. – Внезапно ей захотелось плакать от мысли, что скоро снова увидит мать.

– Понимаю. – В голосе Роджера прозвучало беспокойство. – И все же лучше немного подожди. По морю в Нью-Берн всего день пути, столько же обратно, а чтобы все уладить, мне потребуется день или два.

– Нет, – сказала она. – Не могу. Из-за Лиззи.

– Кто такая Лиззи?

– Моя горничная. Ты видел ее. Она собиралась ударить тебя кружкой. – Брианна улыбнулась воспоминанию. – Храбрая.

– Полагаю, что так, – сказал Роджер сухо. – Тем не менее...

– Она больна, – прервала его Брианна. – Ты заметил, какая она бледная? Полагаю, это малярия, ужасные приступы лихорадки длятся день или около того, а затем прекращаются, а потом несколько дней спустя возобновляются. Мне надо как можно скорее найти маму. Мне надо...

Брианна поняла, что у Роджера нашлись новые аргументы. Она протянула в темноте руку и погладила его по лицу.

– Мне надо, – тихо повторила она и почувствовала, как он сдается.

– Хорошо. Я к вам приеду, как только смогу. Только сделай мне одолжение, ладно? Надень чертово платье!

– Тебе не нравятся мои бриджи? – Смех брызнул, как пузырьки в

газированной воде, и тут же оборвался. – Роджер, ты собираешься украсть этот камень?

– Да, – просто ответил он.

Брианна молчала целую минуту, медленно водя пальцем по его ладони.

– Нет, – сказала она наконец очень тихо. – Не надо.

– Не волнуйся за владельца. – Роджер потянулся к ней, пытаясь успокоить. – Скорее всего, он тоже его украл.

– Я за тебя волнуюсь!

– О, все будет хорошо.

– Роджер, в это время людей за кражу вешают!

– Меня не поймают. – Его рука нащупала в темноте ее руку и легонько сжала. – Я быстро вернусь, ты даже не заметишь...

– Но...

– Все будет хорошо, – твердо сказал Роджер. – Я сказал, что позабочусь о тебе, да? И я позабочусь.

– Но...

Он приподнялся на локте и закрыл ей рот поцелуем, потом медленно потянул ее ладонь вниз и прижал у себя между ног.

Брианна сглотнула, волосы у нее на руках вдруг встали дыбом от предвкушения.

– Мм? – Не дожидаясь ответа, он потянул ее на солому и улегся на нее, коленом раздвинув ей ноги.

Брианна ахнула и укусила его за плечо, однако Роджер не издал ни звука.

– Знаешь, что? – сонно сказал Роджер. – По-моему, я только что женился на шестияродной бабушке.

– Что ты несешь?

– Не волнуйся, это дальнее родство, никакого инцеста, – заверил Роджер.

– Чудесно, – заметила Брианна с определенной долей сарказма, – а я уж волноваться начала. Как я могу приходиться тебе бабушкой, скажи на милость?

– Вот смотри! Дугал Маккензи приходился дядей твоему отцу, и он сделал внебрачного ребенка Гейлис Дункан, из-за чего и поднялась вся суматоха, так ведь?

Вообще все началось с неудовлетворительного метода контрацепции, считал Роджер, но счел бестактным упоминать об этом. Тем более тогда

было другое время, нечего лезть туда со своим уставом. В конце концов, следует учесть, что если бы не промашка Дугала, вряд ли Роджер появился бы на свет.

– Не так уж он и виноват. – Близился рассвет, снаружи щебетали птицы, и воздух стал свежее, потому что с гавани подул ветерок. – Если Дугал – мой двоюродный дедушка и твой прадед в шестом колене... Нет, ты ошибся, я твоя кузина, а вовсе никакая не бабушка.

– Так было бы, если бы мы родились в одном поколении. Однако твой отец зачал тебя раньше по крайней мере колен на пять.

Брианна молчала, пытаясь решить задачу в голове. Сдавшись, она перевернулась с легким стоном и уютно прижалась задом к его бедру.

– Черт с ним! Раз ты уверен, что это не инцест...

Он прижал ее к груди, но сонный мозг отказывался переключиться.

– Вот что мне в голову не пришло... Я прихожусь родней и твоему отцу. Выходит, он – мой единственный живой родственник, кроме тебя!

Роджер в замешательстве повернулся на другой бок. Он давно смирился с тем, что у него вообще нет близкой родни. Не то, чтобы семижды прадед был близким родственником, и все же...

– Не единственный, – пробормотал Брианна.

– Что-что?

– Не единственный. Дженни тоже. И ее дети. И внуки. Моя тетя Дженни – твоя... Что ж, может, ты и прав. Потому что если она моя тетя, она твоя двоюродная сколько-то там пра бабушка, так что, возможно, я прихожусь тебе... – Она снова уронила голову на плечо Роджеру, и рыжие волосы рассыпались у него по груди. – А что ты им сказал... ну, кто ты такой?

– Кому?

– Дженни с Иэном. – Брианна потянулась. – Когда приезжал в Лаллиброх.

– Я там не был. – Роджер подвинулся к ней поближе, обняв за талию. От абстрактных сложностей генеалогического расчета его одолела сонливость.

– Не был? Тогда как... – Затуманенный сном и истощенный удовольствиями, Роджер не обратил на ее недоумение никакого внимания, только прижался к роскошному телу. Мгновением спустя голос Брианны вошел в его сон, как нож входит в масло. – Тогда как ты узнал, где я?

– А?

Она выскользнула из его рук.

– Как ты узнал, где я? Как ты узнал, что я поехала в колонии?

– Да я... я просто... – Роджер подобрался от осознания надвигавшейся опасности.

– Как ты мог узнать, что я уехала из Шотландии, – ледяным тоном продолжила Брианна, – если не был в Лаллиброхе? Только они знали, где я.

– Я... – Роджер отчаянно искал хоть какое-то объяснение. Не было ничего мало-мальски приемлемого, кроме правды. Судя по тому, как окаменело ее тело, Брианна обо всем догадалась.

– Ты знал, – очень тихо, почти шепотом промолвила она. – Ты все знал?

Она нависла над ним разгневанная, словно фурия.

– Ты видел уведомление о смерти! Все это время ты знал, так ведь?

– Нет, – оправдывался Роджер, стараясь соображать быстрее. – То есть да, но...

– И сколько ты молчал? Почему не сказал мне?

Брианна встала и подхватила одежду, лежавшую рядом с ними.

– Подожди, Бри, дай объяснить.

– Да уж, будь добр, объясни! Я хочу, чтобы ты объяснил! – Ее голос дрожал от ярости, однако она замерла на мгновение, желая выслушать.

– Да, я нашел его. Прошлой весной. Но... – Роджер сделал глубокий вдох, отчаянно подыскивая слова, которые могли бы ее остановить. – Я знал, что тебе будет больно. Я не стал показывать его тебе, потому что знал, что ты ничего не сможешь поделать. Какой смысл разбивать тебе сердце...

– Почему я не могу ничего поделать? – Брианна рывком натянула рубашку.

– Ты ничего не можешь изменить, пойми! Твои родители пытались, они знали о Каллодене и сделали все, что можно, чтобы остановить Чарльза Стюарта, однако не сумели, не сумели. Не удалось! Гейлис Дункан пыталась сделать Стюарта королем. Ей тоже не удалось! Им всем не удалось. Это часть истории, часть прошлого. Ты не из этого времени, тебе не изменить того, что случится.

– Откуда ты знаешь?

Роджер утер пот со лба.

– Слушай, если бы я считал, что есть хоть малейший шанс, думаешь, я бы бездействовал! Я... Боже мой, я не мог причинить тебе такую боль!

Брианна с шумом выдохнула. Будь у нее выбор, подумал Роджер, она избрала бы огонь и серу, а не воздух.

– Как ты посмел решать за меня! – процедила она сквозь зубы. – Не важно, о чем ты думал. Роджер, как ты мог?!

– Черт побери, я боялся, что если скажу тебе, ты сделаешь то, что

сделала! – воскликнул он. – Ты бы оставила меня! Попыталась пройти через камни. А теперь смотри, мы оба в этой богом проклятой...

– В том, что ты здесь, ты обвиняешь меня? Когда я сделала все возможное, чтобы ты, как идиот, не помчался за мной?

Мучительные месяцы беспокойства и бесплодных поисков пришли на память Роджеру, и он взорвался:

– Идиот?! Вот так благодарность за то, что я чуть не убился, пытаюсь тебя найти! Я рисковал своей чертовой жизнью, чтобы защитить тебя!

Он вскочил, намереваясь схватить ее за плечи. Он сам не понимал, чего хочется больше – встряхнуть ее как следует или повалить навзничь и овладеть ею снова. Однако ничего не вышло, – сильный толчок в грудь сбил его с ног, и он растянулся на сене.

Изрыгая бессвязные проклятья, Брианна пыталась натянуть бриджи.

– Ты мерзкий самодовольный... Тьфу, ну тебя к черту! – Она затянула бриджи и, наклонясь, подобрала чулки и туфли. – Иди куда хочешь, пусть тебя повесят, раз уж ты так желаешь! А я найду родителей! И спасу их!

Брианна развернулась и распахнула дверь. На секунду девушка замерла в проеме; ее силуэт темнел на фоне света, льющегося из двери, темные пряди развевались на ветру, словно у Медузы Горгоны.

– Я ухожу. Приезжай, не приезжай – мне все равно. Вали обратно в Шотландию, возвращайся сам через камни, делай, что хочешь! Тебе меня не остановить!

А потом она исчезла.

Дверь в комнату со стуком распахнулась. Лиззи открыла глаза, выпростала руки из-под одеяла и принялась нашаривать огниво.

– Как дела, мисс Бри, все хорошо?

Похоже, что не очень... Брианна металась по комнате, шипя сквозь зубы, словно змея. Потом остановилась и изо всех сил пнула шкаф. Следом раздались еще два глухих удара: на пол упали башмаки Брианны – она швырнула их о стену.

– Все хорошо? – неуверенно повторила Лиззи.

– Отлично!

Из темноты за окном ревел голос:

– Брианна! Я приеду за тобой! Ты меня слышишь? Приеду!

Ее хозяйка не отвечала, вместо этого она подошла к окну и с треском захлопнула ставни. Затем повернулась, как пантера перед прыжком, и сбросила на пол подсвечник. Комната тут же погрузилась во мрак.

Лиззи нырнула в постель и лежала, боясь заговорить или

пошевелиться. Она слышала, как Брианна срывает одежду в тихом исступлении, что-то сквозь зубы бормоча. Шелест ткани перемежался шлепаньем босых ног по деревянному полу. Через ставни сперва доносились приглушенные проклятия, затем все стихло.

На мгновение показалось лицо Брианны, белое, словно мел. Нежная милая хозяйка исчезла, как дым; ею завладел дьявол. Лиззи, девушка городская, родилась вскоре после битвы при Каллодене. Она никогда не видела горцев, обуреваемых гневом, но слышала старые легенды и теперь поняла, что это правда. Человек, который так выглядел, был способен на все.

Брианна прошла по комнате быстрыми, уверенными шагами, налила в чашку воды и плеснула себе в лицо, затем скользнула под одеяло и улеглась с другой стороны кровати, прямая, словно доска.

Собрав все мужество, Лиззи повернула к ней голову.

– Все... все хорошо, *bann-sielbheadair*, хозяйка? – спросила Лиззи негромко, чтобы Брианна, если захочет, могла притвориться, что не расслышала вопрос.

Она уже было подумала, что Брианна решила не отвечать.

– Да, – раздался тихий безучастный голос, совершенно непохожий на голос Брианны. – Давай спать.

Конечно, Лиззи не уснула. Как можно спать, лежа рядом с человеком, который вот-вот обернется дьяволом! Она боялась смотреть на хозяйку – вдруг рыжие волосы, лежащие на подушке, уже превратились в гриву, а тонкий прямой нос торчит теперь на звериной морде, над острыми зубами, готовыми раздирать и пожирать беззащитную плоть.

Спустя несколько минут Лиззи поняла, что хозяйка дрожит. Дурочка, отругала себя Лиззи. Твоя хозяйка... твоя подруга так ужасно страдает, а ты лежишь и выдумываешь бог весть что!

Она порывисто повернулась.

– Бри, я могу хоть чем-то помочь?

Брианна обвила ее руками и крепко прижала к себе, затем расслабила объятия и выпустила ее.

– Нет. Давай спать, все будет хорошо.

Лиззи несколько усомнилась в этом, но промолчала. Через какое-то время она поняла, что Брианна провалилась в сон. Сама Лиззи спать не могла – к ней снова подбиралась лихорадка, и девушка была начеку. Закрытые ставни почти не пропускали воздуха, и в крошечной комнате было так душно, словно ее заливало горячей патокой. Потеряв терпение, девушка тихо выскользнула из постели. Прислушиваясь к звукам,

доносящимся с кровати, подкралась к окну и открыла ставни. На улице тоже было жарко, зато там хотя бы дул предрассветный бриз. Небо начало светлеть.

Растерянная, Лиззи решила заняться любимым делом, к которому прибегала всегда, когда была расстроена или озадачена, – стала приводить в порядок вещи. Неслышно скользя по комнате, она взяла одежду Брианны и покачала головой.

Одежда была ужасно грязной, в пятнах и пучках соломы, заметных даже в тусклом свете, проникающем из окна. Господи, по земле она каталась, что ли?.. Девчушка будто воочию увидела, как Брианна борется с черным дьяволом. Хозяйка – женщина крупная, но этот Маккензи еще больше, он запросто... Лиззи резко остановилась, не желая даже представлять подобное.

С большой неохотой она поднесла к носу рубашку и принялась. Так и есть, воняет потом и кислятиной, как от козла. При мысли о злом существе, что прижималось к Брианне, терлось о нее, оставляя свой запах, Лиззи вздрогнула от отвращения.

Она подхватила штаны и чулки и отнесла к раковине. Нужно выстирать их, смыть напоминание о Маккензи вместе с грязью и пятнами от травы. А если одежда будет еще слишком мокрой, чтобы надеть ее утром... Тем лучше.

Лиззи намочила бриджи, добавила в воду желтого щелочного мыла и приступила к стирке.

За окном рассвело. Брианна дышала ровно и размеренно.

И тут девчушка замерла, чувствуя, как ее сковал холод куда более студеной, чем тот, что одолевал во время приступа лихорадки. Мыльная пена потемнела от грязи и растеклась по раковине, словно чернила осьминога. Смотреть не хотелось, но поздно было делать вид, что не заметила. Там, где на промежности штанов сходились швы, темнело кровавое пятно.

Восходящее солнце заливало зловещим красным светом все вокруг, окрашивая воду в раковине, воздух в комнате и весь окружающий мир в цвет свежей крови.

Глава 41

Конец путешествия

Брианне хотелось кричать, однако она взяла себя в руки, похлопала Лиззи по плечу и тихо сказала:

– Не волнуйся, мистер Вайорст сказал, что подождет. Как только тебе станет лучше, отправимся в путь. Просто отдыхай.

Лиззи ответить не могла – зубы стучали, несмотря на три одеяла и горячий кирпич в ногах.

– Пойду приготовлю тебе попить, милая. Отдыхай, – повторила Брианна, погладила ее по голове и вышла из комнаты.

Конечно, бедняжка не виновата, подумала Брианна, но момент, чтобы свалиться с лихорадкой, до ужаса неподходящий. После отвратительной сцены с Роджером Брианна долго спала тяжелым беспокойным сном. Проснувшись, она обнаружила, что ее одежда выстирана и развешена для просушки, башмаки вычищены, чулки заштопаны, в комнате аккуратно убрано, а Лиззи в лихорадке дрожит у потухшего очага.

До понедельника осталось восемь дней. Если приступ у Лиззи пройдет, как и прежде, до послезавтра она оправится. Юный Смутс и Вайорст утверждали, что в это время года путь вверх по реке занимает дней пять-шесть.

Она не могла разминуться с Джейми Фрейзером, просто не могла! Ей надо быть в Кросс-Крике в понедельник, во что бы то ни стало. Кто знает, сколько продлится суд, вынесут ли приговор в тот же день и уедет ли Джейми, как только все закончится? Брианна отдала бы все на свете, чтобы немедленно тронуться в путь.

Этот зуд был настолько силен, что перекрыл все остальные чувства, даже боль от предательства Роджера, но Брианне оставалось только ждать. Она не могла уехать, пока Лиззи не станет лучше.

В пивной было полно народу. В гавань зашли два новых судна, и теперь на скамейках во всю длину расположились моряки, которые с громкими криками играли в карты. Брианна пробиралась сквозь клубы табачного дыма, не обращая внимания на свист и непристойные замечания. Роджер хотел, чтобы она надела платье? Пошел он к черту! Обычно ее бриджи отпугивали мужчин, но Лиззи выстирала их, и они все еще были влажными.

Она пригвоздила взглядом к месту одного бедолагу, который вытянул

руку, чтобы ущипнуть ее за задницу. Рука замерла на полпути, и Брианна проскользнула в дверь, ведущую в кухню.

На обратном пути, неся кувшин с дымящимся свежесваренным чаем из мяты, обернутым в полотенце, чтобы не обжечься, Брианна специально сделала крюк и обошла место, где сидел задиристый матрос. Если он до нее дотронется, она обольет его кипятком. Это куда больше, чем он заслуживает, и недостаточно, чтобы усмирить kloкочущий гнев; да и неразумно тратить чай, который необходим для Лиззи.

Она осторожно пробиралась мимо охрипших карточных игроков. На столе были рассыпаны монеты и прочие ценности: серебряные, позолоченные и оловянные пуговицы, табакерка, серебряный перочинный нож и замызганные обрывки бумаги – должно быть, долговые расписки. Один из мужчин повернулся, и перед глазами Брианны мелькнула какая-то золотая безделушка.

Она бросила взгляд на стол, отвернулась и тут же уставилась на него снова. Там лежало кольцо, ничем не примечательное золотое кольцо, немного шире, чем обычное. Однако взгляд Брианны привлек не блеск золота. Хотя в пивной царил полумрак, между игроками стояла свеча, которая освещала часть внутренней поверхности кольца. Брианна не разглядела выгравированные внутри буквы, но рисунок был знаком ей до боли.

Действовать пришлось незамедлительно. Она опустила руку на плечо человеку, которому принадлежало кольцо. Он повернулся, нахмурившись, но, увидев, кто это, успокоился.

– Эй, солнышко, ты пришла, чтобы мне подфартило? – Это был высокий мужчина с крупными привлекательными чертами лица, широким ртом, переломанным носом и парой светло-зеленых глаз, которые оценивающе по ней пробежались.

Брианна растянула губы в улыбке.

– Надеюсь. Дай-ка потру кольцо на удачу!

Не дожидаясь разрешения, она схватила кольцо со стола и потерла его о рукав. Затем поднесла к свету, будто бы для того, чтобы полюбоваться блеском, и прочла надпись внутри.

«Ф. – К. С любовью. Навеки».

Дрожащей рукой Брианна протянула кольцо обратно.

– Очень красивое. Откуда оно у вас?

Мужчина сначала остоленел от удивления, потом напрягся, и Брианна поспешила добавить:

– Вам оно маловато. Жена не рассердится, если потеряете?

«Откуда? – заметались мысли. – Откуда оно у него? И что с моей матерью?»

Чувственный рот изогнулся в приветливой улыбке.

– Солнышко, если б даже у меня была жена или возлюбленная, я бросил бы ее ради тебя. – Он внимательно оглядел ее, опустив ресницы, чтобы скрыть блеск вожделения в глазах, и приобнял ее за талию. – Сейчас я занят, дорогая, давай позже?

– Завтра, – сказала она. – Только днем.

Он удивленно посмотрел на нее, затем откинул голову и рассмеялся.

– Знаешь, куколка, от мужчин мне доводилось слышать, что им бы не хотелось повстречаться со мной в темноте, но женщины всегда предпочитали ночные свидания. Ладно, приходи днем, если хочешь! Мой корабль «Глориана» пришвартован у пристани.

– Господи, да когда же вы ели в последний раз? – Мисс Вайорст изумленно воззрилась на мигом опустевшую миску Брианны. Крупная добродушная голландка была примерно тех же лет, что Брианна, но хлопотала вокруг, как родная мать, отчего казалась намного старше.

– Вроде бы позавчера. – Брианна благодарно приняла вторую порцию бульона с клецками и толстый ломоть хлеба с маслом. – Спасибо!

Пища заполнила сосущую пустоту внутри, тепло и уют из живота постепенно распространились по всему телу.

Спустя два дня пути вверх по реке с Лиззи снова случился приступ, на этот раз более длительный и тяжелый. Брианна сидела с ней день и ночь, а Вайорст и его сменщик гребли, как сумасшедшие. Она черпала воду горстями и умывала Лиззи, закутанную во все одеяла и пальто, что нашлись в лодке, неустанно молясь о каждом новом вздохе.

– Если я умру, напишите отцу, – прошептала Лиззи в сгущающихся сумерках.

– Напишу, только ты не умрешь, так что не волнуйся, – твердо сказала Брианна, старательно имитируя шотландский акцент. Попытка удалась; Лиззи рассмеялась, и ее хрупкая ручонка дрогнула в ладони Брианны. Та держала горничную за руку, пока Лиззи не уснула. Тонкие, почти бестелесные пальцы скользнули вниз.

Вайорст, встревоженный состоянием девчушки, на руках принес ее, завернутую в одеяло, в дом, где жил вместе с сестрой. Несгибаемый дух Лиззи в очередной раз восторжествовал над недугом, но Брианна боялась, что хрупкая плоть в следующий раз не выдержит схватки.

Брианна разрезала клецку пополам и медленно съела, смакуя сочную

начинку из куриного фарша с луком. Она чувствовала себя грязной, потасканной и голодной, в теле ломило каждую косточку. И все же у них получилось. Они в Кросс-Крике, и завтра понедельник. Где-то рядом был Джейми Фрейзер, а может, и Клэр. Талисман на месте, вошитом в бриджи потайном кармане. Ее мать жива. Остальное не имело значения.

Пообедав, Брианна еще раз подошла взглянуть на Лиззи. Ханнеке Вайорст сидела на кровати и штопала носки. Она улыбнулась и кивнула.

– С ней все хорошо.

Брианна не сказала бы так, глядя на спящую девушку. Тем не менее лихорадка отступила. Она ощупала рукой лоб Лиззи – прохладный и влажный от пота. Наполовину пустая миска на столе говорила о том, что больной удалось немного поесть.

– Вам бы тоже отдохнуть. – Ханнеке привстала, указывая на разложенную постель рядом.

Брианна бросила тоскливый взгляд на чистое одеяло и белые простыни, но покачала головой.

– Нет, спасибо. Лучше возьму у вас мула, если можно...

О том, где находится Джейми Фрейзер, известий не было. Поместье «Горная река» расположено довольно далеко от города; он либо там, либо где-нибудь в Кросс-Крике. Брианна не могла оставить Лиззи и навеститься в поместье, поэтому решила поехать в город и отыскать здание суда. Лучше заранее узнать, куда идти.

Большой старый мул не имел ничего против прогулки вдоль реки. Брианна добралась бы пешком быстрее, так медленно он шел, но сейчас это не имело значения, она не торопилась.

Несмотря на усталость, Брианна чувствовала себя лучше. Она расслабилась и мерно покачивалась в такт движению. День стоял жаркий и душный, небо было ясным и синим, однако высокие вязы, росшие вдоль дороги, обеспечивали прекрасную защиту от палящих солнечных лучей.

Разрываясь между недугом Лиззи и собственными болезненными воспоминаниями, Брианна не замечала ничего вокруг во время второй половины их плавания. Теперь она будто волшебным образом перенеслась во сне и проснулась совершенно в другом месте. Главное, не думать о событиях последних дней. Надо найти Джейми Фрейзера.

На смену песчаным дорогам, соснам и заболоченным берегам пришли прохладные заросли зеленого лиственного леса и мягкая оранжевая земля в темных пятнах прошлогодней листвы на обочине дороги. Крики чаек и крачек стихли, их заменила приглушенная болтовня соек и стенания козодоя где-то в чаще.

«Интересно, как это будет?» – подумала Брианна, в сотый раз разыгрывая в уме один из вариантов встречи с отцом: что она ему скажет, что он ей ответит. Скорее всего, он не будет похож на человека, которого она себе представляла. С трудом ей удавалось отгонять голос Лири, навязчиво жужжащий в ушах: «Твой отец – обманщик, лжец, сукин сын и предатель».

– «Довольно для каждого дня своей заботы», – пробормотала Брианна, цитируя Евангелие от Матфея. Она доехала до центра Кросс-Крикпа: разрозненные прежде дома сгрудились по обеим сторонам грязной мощеной улицы, в поле зрения появились магазины и крупные особняки. Появились и люди, однако жарким полднем, когда над городком повис душный тяжелый воздух, большинство прохожих держались тени.

На речном берегу стояла небольшая лесопилка, а рядом с ней таверна. Брианна решила поспрашивать там. Мучаясь от жажды, она похлопала по карману пальто, чтобы убедиться, что взяла с собой деньги. И ощутила под пальцами колючую кожуру каштана. Брианна отдернула руку, как будто обожглась.

Она стиснула зубы и, привязав мула рядом с таверной, нырнула в полумрак таверны.

Помещение пустовало, один хозяин дремал на стуле. Заслышав шаги, он встрепенулся и вытаращил глаза, удивляясь непривычному виду посетительницы, затем налил ей пива и объяснил, как найти здание суда.

– Спасибо. – Брианна вытерла пот со лба рукавом пальто.

– Приехали на суд? – решился спросить хозяин, по-прежнему поглядывая на нее с любопытством.

– Да... то есть не совсем. А кого судят? – спросила она в ответ, запоздало осознав, что не имеет об этом ни малейшего понятия.

– Фергуса Фрейзера, – ответил хозяин таким тоном, словно все на свете знали, кто такой Фергус Фрейзер. – Взяли за нападение на офицера короны. Ничего, оправдают. Сам Джейми Фрейзер приехал из гор, чтобы заступиться за него.

Брианна поперхнулась пивом.

– Вы знаете Джейми Фрейзера? – затаив дыхание, поинтересовалась она, страхивая с рукава пивную пену.

Брови хозяина поползли вверх.

– Подождите минутку и тоже с ним познакомитесь. Он вышел через заднюю дверь, когда вы пришли. Он... Эй! – воскликнул хозяин, потому что Брианна уронила кружку на пол и выскочила в заднюю дверь, как ужаленная.

После полумрака таверны дневной свет слепил. Брианна заморгала, прикрывая глаза от лучей солнца, проникающих через густую листву кленов. Какое-то движение привлекло ее внимание – под деревом, склонив голову, стоял мужчина. Высокий, длинноногий и стройный, с широкими плечами, скрытыми под белой рубашкой. На нем был выцветший килт в бледно-зеленую и коричневую клетку, который он небрежно задрал, прежде чем помочиться.

Закончив сей процесс и опустив килт, мужчина повернулся к таверне. И тут заметил Брианну. Она стояла неподалеку и смотрела на него. Хотя на ней была мужская одежда, он понял, что перед ним женщина.

Не было никаких сомнений, она узнала его с первого взгляда. Черты лица были такими же, как у нее самой: длинный прямой нос, волевой подбородок и по-кошачьи раскосые глаза.

Мужчина двинулся к ней из тени кленов, и солнце медными искрами озарило его голову. Брианна машинально подняла руку и поправила локон, упавший на лоб.

– Что ты здесь ищешь, деточка? – добродушно спросил он голосом более низким, чем она себе представляла.

– Вас, – с трудом выдавила Брианна. Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди.

Он был настолько близко, что она почувствовала слабый запах его пота, смешанный с ароматом свежеспиленной древесины. Россыпь золотых опилок застряла в закатанных рукавах льняной рубашки. Осмотрев ее, мужчина прищурился, затем поднял рыжую бровь и, улыбнувшись, сказал:

– Извини, дорогуша, я женат.

Джейми хотел уйти, а Брианна не решалась схватить его за руку. Она лишь издала какой-то невнятный звук. Он остановился и внимательно посмотрел на нее.

– Я имел в виду, что моя жена дома, недалеко отсюда, – добавил он, чтобы показаться учтивым, – но...

Потом он разглядел грязную одежду, дыру на пальто и обтрепанные рукава.

– Хм, – сказал Джейми совсем другим тоном и потянулся к набедренной сумке. – Ты голодна? Давай подкину тебе пару монет.

Брианна едва дышала. Темно-синие глаза смотрели на нее с мягкостью и добротой. Ее взгляд остановился на расстегнутом вороте рубашки, за которым виднелись волосы, отливающие золотом на фоне загорелой кожи.

– Вы Джейми Фрейзер?

– Да, – настороженно сказал он. Его лицо напряглось, глаза сузились. –

Ты кто? У тебя есть письмо для меня?

Внезапный приступ смеха подступил к ее горлу. Письмо?

– Меня зовут Брианна.

Он понял. Он знал это имя.

Она с трудом сглотнула, чувствуя, как ее щеки налились красным, будто полыхали от пламени свечи.

– Я твоя дочь, Брианна.

Она почувствовала вспышку радости, увидев, что он тоже побагровел, отметив про себя, что это, очевидно, их родственная черта. Точно так же, как и он, она пыталась совладать с собой, чтобы скрыть волнение.

Джейми наконец оторвал взгляд от ее лица и внимательно осмотрел ее с ног до головы. Ей показалось, что в его взгляде мелькнуло беспокойство.

– О боже, – прохрипел он, – какая же ты высокая!

Ее только что угасший румянец засиял с новой силой.

– Интересно, и чья же в том вина? – Она выпрямилась во весь рост, расправила плечи.

– О нет, – воскликнул Джейми, – я не это имел в виду! Я лишь...

Он замолчал, глядя на нее с восхищением. Его рука сама по себе поднялась в воздух и словно повторила очертание ее лица, шеи, плеча, будто он боялся прикоснуться к ней по-настоящему.

– Это действительно ты? – прошептал Джейми. – Это ты, Брианна?

Он произнес ее имя со странным акцентом, услышав который, она невольно вздрогнула.

– Это я, – сказала она, улыбнувшись. – Ты сомневаешься?

Его губы, не совсем такие, как у нее, а шире и полнее, задрожали.

– Нет, не сомневаюсь. Не сомневаюсь!

Он слегка коснулся ее лица, провел пальцами по волосам, дотронулся до виска.

– Я подумать не мог, что ты так выросла. Я видел фотографии, но думал о тебе, как о маленькой. Я и представить не мог...

Джейми замолчал, когда взглянул в ее глаза, глубокие и синие, обрамленные густыми ресницами, такие же, как у него.

– Фотографии, – сказала она, чувствуя, как счастье накрывает ее новой волной, – ты видел мои фотографии... Значит, мама тебя нашла? Когда ты говорил про жену...

– Клэр, – перебил он ее. Широкий рот растянулся в улыбке, глаза загорелись. – Ты не видела ее? Да она с ума сойдет от счастья!

Мысли о маме потрясли Брианну, слезы, словно водопад, хлынули по ее щекам. Слезы радости.

– Не плачь, девочка, – сказал Джейми встревоженно. Он отпустил ее руки, достал большой помятый носовой платок из рукава и вытер слезы на ее щеках. – Успокойся, *a leannan*, все хорошо.

– Все хорошо, – повторила она, – это от счастья. – Брианна взяла платок, утерла глаза и высморкалась. – Что значит слово, которое ты сейчас сказал, «*a leannan*»?

– Ты не говоришь на гэльском? – Джейми покачал головой. – Нет, конечно, ее некому было учить, – пробормотал он как будто про себя.

– Я выучу, – твердо сказала она, вытирая нос. – Так что это значит?

– Это значит «девочка».

Оба стояли, как вкопанные, пораженные нежностью и трепетом, не отводя взгляда друг от друга и не в силах подобрать больше слов.

– Па... – начала Брианна. И замерла, охваченная сомнением. Как к нему обращаться? Папой для нее всегда был Фрэнк Рэндалл, и называть так другого человека было бы предательством по отношению к нему. Джейми? Тоже нет. А «отец» звучит слишком строго...

Он заметил, что Брианна растерялась, и пришел на помощь.

– Можешь называть меня па. Если, конечно, не возражаешь.

– Па, – сказала она, чувствуя, как улыбка вновь заиграла на лице, – это по-гэльски?

– Нет. Это... просто.

И тут же все стало просто. Он протянул к ней руки, они обнялись. Брианна ошиблась, решив, что он меньше, чем она представляла. Он был настолько велик, и руки у него были такими сильными, что она даже вообразить себе не могла.

Все, что случилось после, было словно во сне. В сознании Брианны, затуманенном переживаниями и усталостью, цепь последующих событий запечатлелась скорее как ряд образов, похожих на кадры хроники, нежели как движущийся поток жизни.

Серые глаза Лиззи мигают от яркого света, она совсем маленькая и бледная в руках крепкого черного возницы с невероятным шотландским акцентом. Повозка, груженная древесиной и стеклом. Гладкие бока лошадей и скрип деревянных колес. Голос отца нашептывает на ухо про хижину, выстроенную высоко на горном хребте, и объясняет, что хочет сделать сюрприз Клэр и застеклить окна.

– Но ты, конечно, станешь главным сюрпризом, девочка моя! – И радостный смех, от которого у нее внутри начинает вибрировать.

Длинная пыльная лента дороги, ведущей вниз. Брианна засыпает,

положив голову ему на плечо. Она вдыхает незнакомый запах его кожи, непривычно длинные волосы щекочут ей лицо, когда он поворачивает голову.

Большой просторный дом, наполненный ароматом пчелиного воска и цветов. Высокая женщина с лицом Брианны. Остекленевший взгляд голубых глаз, смотрящих сквозь нее. Прохладные руки с длинными пальцами с любопытством ощупывают ее лицо, гладят по волосам.

– Лиззи, – просит Брианна.

И красивая женщина склоняется над Лиззи, бормоча:

– Хинин!

Ее черные руки на желтоватой фарфоровой коже Лиззи.

Руки, так много рук. Все устраивается, словно по волшебству. Под ласковое журчание голосов Брианну передают из рук в руки. Ее раздевают и моют, прежде чем она успевает возразить, на нее льют ароматную воду, нежными пальцами втирают в волосы лавандовое мыло. Льняные полотенца. Маленькая чернокожая девушка вытирает ей ноги и посыпает их тальком.

Чистое хлопковое платье. Она шлепает босиком по натертым, отполированным до блеска полам и видит, как зажигается радостью отцовский взгляд. Еда – кексы, печенье, мармелад и булочки – и горячий сладкий чай, от которого кровь веселее бежит по жилам.

Усталое лицо приветливой блондинки кажется знакомым, отец называет ее Марсали. Лиззи, вымытая и завернутая в одеяло, сжимает в ручонках чашку с дымящимся напитком; она напоминает затоптанный цветок, вновь начинающий оживать.

Какие-то люди, которые все приезжают, рокот беседы, и фразы, время от времени звучащие сквозь туман в голове:

– У Кэмпбелла доводы разумнее...

– Па, ты видел Фергуса? Как у него дела?

«Па?» – озадаченно думает Брианна сквозь сон, возмущенная тем, что кто-то смеет называть его так, потому что... потому что...

Голос тети, звучащий издали:

– Бедная девочка спит на ходу. Улисс, отнеси ее в постель.

А потом сильные руки, которые поднимают ее, точно перышко, запах свечного воска, исходящий от темнокожего дворецкого, аромат свежих опилок и ставший родным запах отца. Брианна сдается и окончательно засыпает, уронив голову ему на грудь.

Имя Фергус Фрейзер напоминало имя члена шотландского клана. Но

выглядел он, как французский аристократ. Французский аристократ на пути к гильотине, добавила про себя Брианна.

Темноволосый и стройный, не очень высокий мужчина неторопливо прошел по залу и повернулся лицом к присутствующим, спесиво задрал нос. Поношенная одежда, небритый подбородок и большой фиолетовый синяк под глазом, однако выражение лица высокомерное и презрительное. Даже изогнутый металлический крюк вместо руки лишь сообщал его облику дух романтического авантюризма.

Увидев его, Марсали, испустив короткий вздох и поджав губы, прошептала Джейми с Брианной:

– Что они с ним сделали, сволочи!

– Ничего страшного. – Джейми махнул рукой, и Марсали откинулась назад, сердито глядя на судебного пристава и на шерифа.

Им повезло, они сумели сесть. В небольшом зале набилось много народу, остальные с ропотом толкались в коридоре, порядок поддерживался только благодаря присутствию солдат в красных мундирах, которые охраняли двери. Еще двое солдат вытянулись по стойке «смирно» у скамьи подсудимых, какой-то офицер сидел в углу позади них.

Брианна заметила, что офицер взирал на Джейми Фрейзера с тайным злорадством. У нее зашевелились волосы от страха, но отец выдержал пристальный взгляд того человека и равнодушно отвернулся.

Прибывший судья занял свое место, и по завершении обычных ритуалов начался сам процесс. Присяжные отсутствовали, на заседании был только сам судья и его помощники.

Брианна мало что вынесла из разговора накануне, хотя за завтраком ей удалось наконец запомнить, кто есть кто. Чернокожую молодую женщину звали Федрой, она была одной из рабынь Иокасты. Высокий славный мальчик с очаровательной улыбкой – племянник Джейми Иэн (мой двоюродный брат, подумала Брианна с тем же легким трепетом, что ощутила при знакомстве с родней в Лаллиброхе). Красивая блондинка Марсали – жена Фергуса, а Фергус, конечно, тот самый французский сирота, которого Джейми неофициально усыновил в Париже перед восстанием Стюарта.

Судья Конант, опрятный джентльмен средних лет, натянул парик, накинул мантию и приказал зачитать обвинение. Оно заключалось в следующем: Фергус Клодель Фрейзер, житель округа Роуэн, 4 августа 1769 года от Рождества господа нашего Иисуса Христа преступно напал на Хью Бероуна, помощника шерифа округа, и украл у него собственность, принадлежащую короне, каковая на законных основаниях находится теперь

под стражей.

Указанный Хью, призванный к даче показаний, был долговязым дерганым парнем лет около тридцати. Он забормотал показания, уверяя, что при исполнении обязанностей столкнулся с ответчиком на Баффало-Трейл-Роуд. Ответчик сперва по-французски осыпал его бранью, а когда Бероун попытался уйти, последовал за ним, ударил его в лицо и забрал имущество короны, находившееся в распоряжении Бероуна, а именно лошадь с уздечкой и седлом.

По приглашению суда свидетель оттянул рот, демонстрируя с правой стороны зуб, сломанный во время нападения.

Судья Конант с интересом обозрел пенек, оставшийся от зуба, и обратился к заключенному:

– Что ж... А теперь, мистер Фрейзер, мы хотели бы услышать ваш рассказ об этом прискорбном происшествии.

Фергус опустил нос и окинул судью взглядом, полным глубокого презрения, каким мог бы пожаловать разве что таракана.

– Этот кусок дерьма, – резко начал он, – подошел...

– Мы просили бы заключенного воздержаться от оскорблений, – холодно произнес судья Конант.

– Этот помощник шерифа, – продолжил Фергус, не меняя тон, – подошел к моей жене, которая возвращалась с мельницы с маленьким сыном в седле. И этот... помощник... остановил ее и без церемоний вытащил из седла, сообщив, что изымает лошадь вместе со сбруей в счет уплаты налога. Он оставил ее с ребенком на руках в пяти милях от дома под палящим солнцем!

Фергус свирепо посмотрел на Бероуна; тот прищурился в ответ. Сидящая рядом с Брианной Марсали возмущенно фыркнула.

– Какие налоговые обязательства вменял вам помощник шерифа?

Фергус залился румянцем.

– Я ничего не должен! Он говорит, что за землю следует уплачивать три шиллинга каждый год в счет аренды, но это полная чушь! Моя земля освобождается от налога по условиям дарственной на землю, которую дал Джеймсу Фрейзеру губернатор Трион. Я так и сказал вонючему *salaud*^[6], когда он явился в мой дом за деньгами.

– Не знаю я ничего ни о какой дарственной! – угрюмо заявил Бероун. – Эти люди расскажут вам любую сказочку, лишь бы не платить. Вруны и бездельники!

– *Oreilles en feuille de chou!*

По комнате пробежал смех, заглушив упрек судьи. Французского

Брианны, усвоенного в школе, хватило лишь на то, чтобы перевести это как «уши из цветной капусты», и она тоже захихикала.

Судья поднял голову и посмотрел в зал.

– Джеймс Фрейзер здесь?

Джейми встал и почтительно поклонился.

– Здесь, милорд.

– Дайте клятву свидетеля.

Джейми привели к присяге, и он подтвердил тот факт, что на самом деле является обладателем дарственной на землю. Дарственная была пожалована ему на условиях, согласованных с губернатором Трионом, указанные условия включают отмену требования об уплате земельной ренты в казну короны в течение десяти лет, каковой срок истекает через девять лет, а Фергус Фрейзер построил дом и выращивает сельскохозяйственные культуры на участке, предоставленном ему в соответствии с лицензией, выданной Джеймсом Александром Малкольмом Маккензи Фрейзером.

Сначала внимание Брианны было устремлено на отца, она не могла на него насмотреться. Он был самым высоким человеком в зале суда и, безусловно, самым красивым – в белоснежной рубашке и темно-синем пальто, которое оттеняло его раскосые глаза и огненные волосы.

Затем ее отвлекло какое-то движение в углу, и она заметила, как офицер, которого она видела раньше, пристально смотрел уже не на Джейми, а на Хью Бероуна. Тот коротко кивнул и сел в ожидании, когда Фрейзер окончит давать показания.

– Утверждение мистера Фрейзера об освобождении от налога справедливо, мистер Бероун, – сказал судья. – Его показания оправдывают подсудимого.

– Чушь! – выпалил Бероун. Задрав подбородок, он посмотрел на офицера, словно ища поддержки. – У Джеймса Фрейзера нет письменного свидетельства.

По залу суда прошел возмущенный ропот. Похоже, присутствующие были возмущены тем, что слова Джейми подвергаются сомнению, и Брианна почувствовала неожиданный прилив гордости.

Джейми не выказал гнева, хотя и покраснел.

– Ваша милость позволит мне... – Он сунул руку в карман пальто и достал сложенный лист пергамента, скрепленный печатью красного сургуча. – Я уверен, что ваша милость знакомы с печатью губернатора, – сказал он и положил бумагу на стол перед мистером Конантом.

Судья, приподняв бровь, внимательно посмотрел на печать, затем

сломал ее, прочел документ и отложил его в сторону.

– Это должным образом заверенный дубликат оригинальной дарственной на землю, – провозгласил он, – подписанный его превосходительством Уильямом Трионом.

– Не может быть, – выпалил Бероун. – У него не было времени, чтобы добраться до Нью-Берна и обратно!

Судья смерил потерпевшего грозным взглядом и сказал:

– Учитывая, что в распоряжение суда поступило документальное доказательство об освобождении от уплаты налога на землю, мы находим, что подсудимый не виновен в краже, поскольку упомянутое имущество являлось его собственностью. Как бы то ни было, по вопросу о нападении...

Тут он заметил, что Джейми все еще стоит.

– Да, мистер Фрейзер? У вас есть что сказать суду? – Судья Конант вытер ручеек пота, стекающий из-под парика. В маленькой битком набитой комнате было душно, как в парилке.

– Я прошу суд удовлетворить мое любопытство, ваша милость. Позвольте повторно зачитать первоначальное обвинение мистера Бероуна о нападении на него?

Судья поднял брови, но быстро отлистал назад пару страниц и протянул одну из них приставу, указав, откуда следует начать чтение.

– Истец заявил, что Фергус Фрейзер ударил его в лицо кулаком, в результате чего тот упал на землю, тогда подсудимый схватил лошадь за уздечку, вскочил на нее и поехал прочь, выкрикивая оскорбительные замечания на французском...

Громкий кашель со скамьи подсудимых заставил всех повернуться к Фергусу, который очаровательно улыбнулся судье Конанту, подцепил из кармана платок и медленно вытер лицо с помощью крючка, которым оканчивалась левая рука.

– О! – воскликнул судья и устремил на потерпевшего ледяной взгляд. Бероун скорчился на стуле. – Не могли бы вы объяснить, сэр, как человек, у которого вместо левой руки крюк, мог выбить вам зуб с правой стороны?

– Да, *crottin*^[7], – сказал Фергус весело. – Давай-ка, объясняй.

После долгого молчания судья Конант вытер шею и объявил, что заседание закончено. Фергуса Фрейзера освободили, сняв с него все обвинения.

– Это сделала я, – гордо заявила Марсали, держа мужа за рукав на праздничном пиру, что последовал за судебным процессом.

– Ты? – Джейми удивленно посмотрел на нее. – В смысле, двинула кулаком в челюсть этому мерзкому помощнику?

– Ногой, а не кулаком, – поправила Марсали. – Когда злобный *salaud* попытался стащить меня с лошади, я пнула его в челюсть. Он вырвал у меня из рук Жермена, пришлось спешиться и забрать его.

Она погладила по светлой головке малыша, который цеплялся за ее юбку, зажав кусок печенья в грязном кулачке.

– Я не совсем понимаю, – промолвила Брианна. – Мистер Бероун стеснялся признавать, что его ударила женщина?

– Да нет, – сказал Джейми, наливая очередную порцию пива и протягивая ей. – Это все сержант Мерчисон! Хотел мне досадить.

– Сержант Мерчисон? Тот офицер, который был на суде? – спросила Брианна, из вежливости отхлебнув эля. – Похожий на поросенка?

Джейми улыбнулся, услышав это замечание.

– Он самый. Не в первый и не в последний раз строит козни, чтобы вывести меня из себя.

– На что он надеялся, затеяв разбирательство по такому ничтожному поводу? – вмешалась Иокаста, наклонившись вперед и вытянув руку. Улисс, стоявший рядом, подвинул тарелку с лепешками ровно на дюйм. Она безошибочно взяла одну лепешку и уставилась в сторону Джейми невидящим взглядом. – Неужели так необходимо было обращаться к Фаркаду Кэмпбеллу?

– Да, – ответил Джейми. Видя замешательство Брианны, он добавил: – Фаркад Кэмпбелл – судья в Кросс-Крике, он обычно ведет разбирательство.

– Если бы он весьма кстати не заболел, – Джейми вновь улыбнулся, и в глазах его заплескали веселые искорки, – суд состоялся бы на прошлой неделе. Они так задумали, Мерчисон и Бероун. Привести людей, арестовать Фергуса и заставить меня спуститься с гор в разгар сбора урожая... Что ж, им это удалось, черт побери... Но они не рассчитывали, что я успею получить копию дарственной из Нью-Берна до суда. Впрочем, я бы и не успел, если бы суд состоялся на прошлой неделе.

Он улыбнулся Иэну, и мальчик, который ездил в Нью-Берн, чтобы раздобыть документ, смущенно залился краской, уткнувшись лицом в тарелку.

– Фаркад Кэмпбелл наш друг, тетя, – сказал Джейми Иокасте, – и, как тебе известно, всегда действует по закону. Разницы нет, что он знает условия моей дарственной не хуже меня самого; если бы не было доказательств, он был бы вынужден вынести решение против.

– А если бы он это сделал, – продолжал Джейми, обращаясь к

Брианне, – мне предстояло бы обжаловать приговор, а Фергуса отвезли бы в тюрьму в Нью-Берне и там затеяли новое разбирательство. Оно окончилось бы так же, но Фергус просидел бы, пока не кончится сбор, и это стоило бы мне больше, чем весь урожай вместе взятый.

Вдруг посерьезнев, он посмотрел на Брианну поверх кружки.

– Ты же не думаешь, что я богат? – спросил он.

– Я вообще об этом не думала, – испуганно ответила она, и Джейми улыбнулся.

– Что ж, у нас есть немного земли, но мы обрабатываем лишь малую часть, которой хватает, правда, еле-еле, чтобы прокормиться самим и прокормить животных. А что до твоей мамы, – широко улыбнулся он, – вряд ли она в одиночку соберет урожай с тридцати акров земли, засеянных маисом и ячменем.

Джейми поставил на стол пустую кружку и встал.

– Иэн, подгони повозку и заberi Фергуса с Марсали. Думаю, мы с девочкой поедем первыми.

Он вопросительно посмотрел на Брианну.

– Иокаста позаботится о твоей крошке-горничной здесь. Ты же не возражаешь, чтобы мы побыстрее отправились в путь?

– Нисколько, – сказала Брианна, поднялась и отставила кружку. – Поедем прямо сейчас?

Я достала бутылки из шкафа, откупоривая одну за одной и принохиваясь к содержимому. Если тщательно их не высушить, то сочные листья начнут гнить, и семена не прорастут.

Мысль о плесени заставила меня еще раз задуматься о собственной пенициллиновой плантации. И о том, что в один прекрасный день мне повезет. Из сотен видов плесени, прорастающих на влажном хлебе, пенициллин можно получить лишь из одного определенного. Каковы шансы, что эти бактерии выведутся на одном из ломтиков хлеба, которые я раскладывала каждую неделю? Каковы шансы, что они приживутся и не пропадут? И наконец, каковы шансы, что я замечу их, если все сложится удачно?

Я целый год потратила напрасно.

Даже с сушкой ноготков и тысячелистников не все получалось – невозможно было уберечь их от вредителей. Мыши и крысы, муравьи и тараканы... как-то я обнаружила даже компанию белок, грабивших кладовую, – они разбросали повсюду зерна кукурузы и обглодали половину картофеля, оставленного на семена.

Оставалось запереть материалы для опытов в большом сундуке, который сделал Джейми, или держать все в закрытых деревянных бочках, которым нипочем и зубы, и когти. Однако запечатать еду от четвероногих воругов значило ограничить и доступ воздуха, а моей единственной надеждой было то, что в один прекрасный день ко мне по воздуху приплывет реальное оружие против болезней.

«Каждое растение лечит от какой-нибудь болезни. Если бы мы только знали, что и от чего!» Подумав о Найавенне, я вновь почувствовала острую боль утраты. Не только ее общество, но и ее знания больше недостижимы. Она научила меня только части того, что знала сама, и я горько жалела об этом, хоть и не так горько, как о потере друга.

Тем не менее я знала кое-что, неизвестное ей, – цену хлебной плесени. Получить ее было трудно, распознать и использовать тем более. Но я не сомневалась, что поиски того стоили.

Оставлять хлеб в доме опасно, можно привлечь мышей и крыс. Я попыталась спрятать его на комод – пока меня не было дома, Иэн по рассеянности сжевал половину всего запаса, а мыши и крысы расправились с остальным.

Летом, весной и осенью невозможно было ни оставить хлеб без присмотра, ни сидеть дома и охранять его. Слишком много возникало неотложных дел во дворе и в лесу, меня то и дело звали к пациентам помочь при родах или облегчить страдания при болезни, к тому же нужно было делать запасы.

Зимой, конечно, часть вредителей умирала, отложив яйца на весну, а другая часть впадала в зимнюю спячку под одеялом из опавших листьев. Но воздух был слишком холодным, чтобы зародились живые споры. Хлеб, который я откладывала для опытов, либо засыхал, либо отсыревал – в зависимости от расстояния до очага. Так или иначе, плесень, которая появлялась на нем, была либо оранжевой, либо розовой, мне она не подходила.

Надо еще раз попробовать весной, подумала я, принявшись к сухому майорану в бутылке. Приятный мускусный запах ударил в ноздри, навевая мечты. Новый дом на гребне холма уже растет, фундамент заложен, комнаты намечены. Из хижины был виден возведенный на противоположной стороне хребта каркас, темнеющий на фоне ясного сентябрьского неба.

К весне его достроят. Я попрошу мужчин оштукатурить стены, положить дубовые полы, вставить оконные стекла в прочные рамы, через которые не пролезут ни мыши, ни муравьи, отведу одну из солнечных

уютных комнат себе под кабинет и буду принимать там больных.

Мои радужные мечты нарушил хриплый рев: Кларенс возвестил о прибытии гостей. Я слышала далекие голоса, доносящиеся между экстатическими выкриками Кларенса, и поспешно убрала подальше разбросанные пробки и бутылки. Наверное, вернулся Джейми вместе с Фергусом и Марсали – по крайней мере, я на это надеялась.

Джейми был уверен в благополучном исходе судебного процесса, тем не менее я волновалась. Конечно, британское право в абстрактном смысле представляло собой одно из величайших достижений цивилизации, но мне довелось видеть слишком много конкретных случаев его применения, чтобы сохранить какие-то иллюзии. С другой стороны, я была уверена в Джейми.

Рев Кларенса свидетельствовал о том, что животное достигло высшей степени возбуждения, однако звук голосов стих. Странно. Вдруг что-то все же пошло не так?

Я сунула в шкаф последнюю бутылку и вышла на порог. Во дворе никого. Кларенс обрадовался, увидев меня, но больше ничего не происходило. Хотя кто-то пришел – куры в панике попрятались по кустам.

У меня по спине пробежал холодок, и я завертелась, глядя по сторонам. Никого. Каштаны позади дома вздыхали на ветру, солнце играло в пожелтевших листьях.

Я знала наверняка, что я не одна. Что за черт!

А нож остался лежать на столе!

– Саксоночка, – раздался голос Джейми, и сердце чуть не замерло у меня в груди. Я повернулась к нему с облегчением, к которому примешивалась определенная доля досады. Что за игры?!

На долю секунды я подумала, что у меня двоится в глазах. Они сидели на скамейке за дверью, бок о бок, рыжие волосы искрились на солнце.

Я задержала взгляд на лице Джейми, сияющем от радости, затем повернулась направо.

– Мама!

То же самое лицо, и та же самая сияющая радость. Я ничего не успела сообразить, прежде чем она заключила меня в объятия, и почва ушла у меня из-под ног, как в фигуральном, так и в буквальном смысле.

– Мама!

У меня перехватило дыхание, я не могла вдохнуть не только от неожиданности, но и от того, что она до ужаса крепко стиснула меня в объятиях. Я смотрела на нее, не веря своим глазам, но это и вправду была Брианна. Джейми стоял подле нее. Он не сказал ни слова, но лицо его от

уха до уха расплылось в широкой счастливой ухмылке.

– Господи, а я вас и не ждала, – ляпнула я первую глупость, которая пришла на ум.

Брианна ухмыльнулась во весь рот точно так же, как ее отец. Ее глаза влажно сияли от счастья.

– Никто не ждет испанскую инквизицию!^[8]

– Что-что? – растерянно переспросил Джейми.

Часть десятая

Разлад в отношениях

Глава 42

Лунный свет

Сентябрь 1769 года

От глубокого сна без сновидений Брианну разбудило прикосновение к плечу. Она вздрогнула и приподнялась на локте. В темноте лицо Джейми было почти неразличимо: камин уже прогорел, и в хижине царила крошечная тьма.

– Я на охоту, *lass*^[9]. Ты со мной? – прошептал он.

Она потерла глаза, собирая сонные мысли, и кивнула.

– Хорошо. Надевай штаны.

Джейми бесшумно поднялся и вышел, впуская в открытую дверь горько-сладкий холодный воздух.

Не успела она натянуть чулки, как отец вернулся, все так же неслышно, хотя нес большущую охапку дров. Он опустился на колени, чтобы разжечь огонь; она же, накинув пальто, вышла на улицу.

Ночь была сказочной; если бы не холод, Брианна решила, что все еще спит. Искрящимися льдинками мерцали звезды; они висели так низко, что казалось, вот-вот сорвутся и с тихим шипением угаснут во влажном тумане, укрывшем деревья на склоне горы позади хижины.

Сколько же сейчас времени? Брианна поежилась, когда сырые доски в уборной коснулись теплой после сна кожи. Похоже, только-только перевалило за полночь, до рассвета еще далеко. Мир вокруг молчал: ни единая пчела не жужжала над грядками, ни один лист не шелестел, даже сухое кукурузное поле крепко спало.

Когда Брианна толкнула дверь хижины, изнутри поднялась густая волна запахов дыма, жареной еды и спящих тел; казалось, воздух внутри можно резать, в то время как на улице дышалось сладко и легко...

Джейми уже собрался; на поясе у него висели кожаная сумка, топорик и пороховой рожок, на плече – холщовый мешок. Брианна не стала входить; с порога она смотрела, как он наклоняется и целует спящую мать.

Конечно же, Джейми слышал ее шаги, и это был лишь невинный поцелуй в лоб... Вот только Брианна отчего-то ощутила себя извращенкой, подглядывающей за интимной сценой, особенно когда Клэр выпростала из-под одеяла бледную руку и с щемящей сердце нежностью погладила

Джейми по лицу.

Брианна резко отвернулась; щеки запылали, несмотря на холод. Когда Джейми вышел, она уже стояла на дальнем краю поляны. Он захлопнул дверь и дождался, когда изнутри лязгнет засов.

В руках отец нес ружье – очень длинное, едва ли не с него ростом. Джейми не сказал ни слова, лишь улыбнулся и кивнул в сторону леса. Брианна пошла за ним, шагая по едва заметному следу в зарослях каштанов и елей. Сапоги Джейми сбивали с травы росу, оставляя в серебристой ряби темную полосу.

Тропинка долгое время причудливо вилась на одном уровне, потом вдруг резво побежала в гору. Рассвет Брианна не заметила, скорее почувствовала. Вокруг по-прежнему было темно, но тишина постепенно отступала.

Вот из сплетения ветвей зачирикала птица – а затем весь склон взорвался трелями, щебетом, визгом и стрекотом. Лес зашевелился, захлопал крыльями и зашуршал когтями. Джейми замер на месте, прислушиваясь. Брианна тоже застыла, глядя, как ярко горят в рассветном солнце волосы отца.

Джейми захватил немного еды, так что они сели на поваленный ствол и разделили яблоки и хлеб, которые Брианна запила ледяной водой из ручья, сбегавшего по каменному выступу в подставленные ладони. Оглядываясь, она не видела ни малейшего признака жилья; поля и строения пропали, словно гора сомкнула древесные стены и поглотила их.

Вытирая мокрые ладони о пальто, девушка сквозь ткань нащупала в кармане плод каштана. В здешних лесах эти деревья не росли, но некоторые переселенцы упрямо их сажали, надеясь сохранить память о былом доме. Брианна стиснула на секунду каштан – не зря ли она так резко порвала с прошлым? – затем разжала пальцы и поспешила догнать отца.

Сперва сердце колотилось, а ноги стонали от непривычной нагрузки, однако вскоре тело само поймало ритм леса. Теперь, когда рассвело, она уже не спотыкалась на каждом шагу. Чем ближе была вершина горы, тем легче Брианна ступала по палой листве – словно она вот-вот оторвется от земли и взлетит в небо, такое близкое, что почти достать рукой.

На мгновение ей и впрямь захотелось вспорхнуть... Однако крепкие цепи по-прежнему держали ее на земле: они связывали с матерью, отцом, Лиззи... и Роджером.

Над горами огромным жарким шаром висело солнце. Брианна зажмурилась, чтобы не ослепнуть.

Вот оно – место, которое хотел показать ей Джейми. У подножия крутой скалы лежали камни, поросшие мхом и лишайником; между ними упрямо пробивались кривые деревца. Отец кивком предложил следовать за ним. Тропинка, почти не видимая глазу, петляла между огромными валунами. Брианна замешкалась было, и он обернулся.

Она с улыбкой указала на камни – огромный кусок известняка когда-то рухнул со скалы и раскололся на две части. Джейми стоял как раз между ними.

– Все нормально, – тихо сказала она. – Просто это кое-что мне напомнило.

Ему, впрочем, тоже – аж волосы на предплечьях поднялись дыбом. Джейми в ужасе застыл, глядя, как Брианна осторожно проходит между камнями. Однако ничего страшного не случилось; сделав несколько шагов, она подошла к нему.

Джейми рассчитал время идеально: солнце как раз перебралось через гряду и озарило верхнюю часть склона. Под ногами раскинулась долина, полная густого кипящего тумана. С горы напротив белой пенящейся струей низвергался водопад.

– Вот, – сказал Джейми. – Давай здесь немного отдохнем.

Быстрый подъем разгорячил кровь, отгоняя утренний холод; Джейми снял плед, присел на плоский камень и вытянул ноги, позволяя воздуху пробраться под килт.

– Здесь все по-другому. – Брианна отбросила за спину рыжие пряди и улыбнулась. – Понимаешь, о чем я? Я проехала через всю Шотландию от Инвернесса до Лаллиброха, по довольно диким местам, но там все не совсем так...

– Верно, – согласился Джейми.

Брианна права: там в каждой вересковой пустоши или в ущелье ощущается чье-то присутствие; в эти же места нога человека словно никогда и не ступала.

– Знаешь, я думаю... – начал было он.

Не стоит, наверное, об этом говорить – Брианна сочтет его глупцом. И все же Джейми продолжил:

– Духи, которые там живут... они очень-очень старые, знают людей уже тысячи лет. Им нет до нас дела. А те, что обитают здесь... – Он похлопал по стволу дерева, возвышавшегося на добрую сотню футов. – Они таких, как мы, прежде не видели.

Брианна кивнула, ничуть не удивившись.

– Они очень любопытные, правда? – Девушка запрокинула голову,

вглядываясь в сплетение ветвей. – У тебя бывало такое чувство, что они смотрят в спину?

– Частенько.

Сидя бок о бок на камне, они наблюдали, как солнечный свет разливается по горам, пылая все ярче – словно от малой искры занимается пламя, и туман, мерцая как жемчуг, сгорает в этом огне. Джейми вполголоса заговорил, вознося благодарность здешним духам; даже не зная гэльского, Брианна уловила смысл его слов.

Она вытянула ноги, вдыхая ароматы раннего утра.

– И тебя их соседство не пугало? Ну, когда ты жил в пещере рядом с Брех-Мход?

– Нет. – Солнце грело лицо и грудь, наполняя душу умиротворением. – Ничуть.

– Только представляю, как это было... наверное, ужасно. Жить в холоде, грязи, одному...

– Да, все так, – улыбнулся он краешками губ.

– Иэн... дядя Иэн показывал мне то место.

– Неужели? Ну, летом, когда все зелено, там не так уныло.

– Все равно...

– Нет, страшно не было.

Джейми зажмурился, позволяя солнцу целовать сомкнутые веки.

Сперва он думал, что одиночество его убьет. А потом, когда все-таки выжил, оценил всю прелесть уединения. Даже с закрытыми глазами он видел солнце – огромный красный шар, объятый языками пламени. Может, слепая Йокаста тоже его видит?

Брианна замолчала. Крохотные птицы шуршали в еловых ветвях, охотясь на жуков.

– Роджер... – начала было она, и сердце Джейми пронзила стрела ревности, вызывая неожиданно сильную боль.

Неужели даже сегодня Брианна не будет принадлежать ему одному?.. Джейми открыл глаза и постарался принять заинтересованный вид.

– Я как-то пыталась с ним об этом поговорить. Об одиночестве. А потом решила, что зря. – Девушка вздохнула и нахмурила тонкие брови. – Кажется, он ничего не понял.

Джейми неопределенно хмыкнул.

– Я думала... – Брианна посмотрела на отца и тут же отвела взгляд. – Может, именно поэтому... Ну, вы с мамой...

Кожа у нее была такой тонкой, что видно было, как по жилкам бежит кровь. Брианна выдохнула, упираясь ладонями в камень.

– Она ведь тоже такая. Ей нравится быть одной.

Джейми не понимал, к чему она клонит. Хочет сказать, что за долгие годы в разлуке Клэр многому научилась? Да, верно, она познала вкус одиночества – ледяного, словно родниковая вода, которую не каждому по силам испить; кому-то она дарует свежесть, а кому-то – смерть... Однако Клэр жила с мужем; как же в его обществе она могла постичь суть одиночества?

Брианна, пожалуй, рассказала бы все... Однако он не стал спрашивать; последнее, чего ему сейчас хотелось – это обсуждать Фрэнка Рэндалла.

– Может, и так, – кашлянул Джейми. – Я встречал женщин... да и мужчин порой, которые даже собственных мыслей не могут вынести; таким людям нелегко ужиться с теми, кто их не понимает.

– Да... – задумчиво протянула Брианна. – Пожалуй...

Боль в сердце приутихла. Выходит, она не так уж уверена в этом своем Уэйкфилде? Брианна рассказала им с Клэр обо всем: и о поисках, и о той жуткой заметке, и о путешествии по Шотландии, и о поездке в Лаллиброх – чтоб Лири провалиться! – и о человеке по имени Роджер Уэйкфилд, который последовал за ней. Нет, конечно, кое-какие подробности она утаила, но Джейми и сам не хотел о них слышать. Новости о скорой гибели в огне мало его беспокоили – бог знает, случится ли это вообще, – куда больше его волновало неизбежное расставание с только что обретенной дочерью.

Джейми выпрямился и замер. Как ни старался он вернуть прежний покой, из головы не шли мысли о Рэндалле.

– Посмотри-ка!.. – выдохнула Брианна, хватаясь за его руку.

Проследив за ее взглядом, он увидел их в тени деревьев – двух юных существ, стоявших в каких-то двадцати футах от людей.

Олени их заметили: вскинули изящные головы, раздувая темные влажные ноздри. Один шагнул в сторону, оставляя в росистой траве темный след. Второй, аккуратно переступая длинными ногами, последовал за ним, и они принялись щипать сочную зелень, изредка поглядывая в сторону странных, но явно безобидных существ на каменном уступе.

Джейми не сумел бы и на милою приблизиться к красному шотландскому оленю. Те пускались вскачь, стоило им учуять человека. Эти же звери, рожденные в первозданных местах, не ведали страха. Они жили в новом мире – и Джейми был рад, что знакомится с его чудесами вместе с дочерью.

– Так на кого ты охотишься, па?

Джейми стоял неподвижно, обшаривая взглядом горизонт, но Брианна знала, что он вовсе не выискивает зверя, и потому говорила громко, без опаски спугнуть дичь.

За день они повидали немало живности: кроме двух оленей на рассвете им попалась рыжая лиса, спокойно вылизывающая тонкую черную лапку; она спрыгнула с камня и исчезла в кустах, лишь когда Джейми и Брианна подошли к ней чуть ли не вплотную. Еще были белки – десятки белок, – они, играя в прятки, скакали по верхушкам деревьев. И стая диких индюшек, возглавляемая двумя напыщенными самцами, которые пыхтели и горделиво распускали хвосты перед квохчущим гаремом.

Однако никто из них не был намеченной жертвой, чему Брианна несказанно радовалась. Ее не возмущало убийство ради пропитания, но сама мысль осквернить сегодняшний день кровью казалась кощунством.

– На пчел, – ответил Джейми.

– На пчел?!

Он улыбнулся и качнул ружьем в сторону ярко-желтого пятна ниже по склону.

– Посмотри-ка на цветы.

Судя по жужжанию, там и впрямь было полно пчел, а еще огромных черных шмелей, и шершней с полосатыми брюшками, и стройных ос, изящно покачивающих кинжальными жалами...

– Вот что нужно сделать, – пояснял отец, не спеша приближаясь к полянке. – Надо проследить за пчелами и узнать, куда они несут мед. И постарайся, чтобы тебя при этом не покусали!

Дело не спорилось, они постоянно теряли из виду крошечных насекомых, то нырявших в самые густые непролазные заросли, то прятавшихся среди солнечных бликов на поверхности ручья. И всякий раз Джейми отыскивал новую цветочную полянку.

– Вон там! – крикнула Брианна, указывая на алое пятно справа.

– Нет, – с улыбкой возразил Джейми, – только не красные. Это колибри любят красные цветы, а пчелы предпочитают белые и желтые.

Он сорвал крохотную маргаритку и протянул Брианне. Белые лепестки были перепачканы пылью, осыпавшейся с тонких тычинок. Приглядевшись, девушка увидела маленького жучка – размером с булавочную головку, не больше, – который деловито ползал в самой сердцевинке; его блестящие черные крылья тоже были припорошены золотом.

– Колибри пьют нектар из цветов с чашечками, – пояснил Джейми. – А

пчелы забраться внутрь не могут. Они предпочитают цветы плоские, вроде этих, или такие, которые растут гроздьями. Они садятся на них и пачкают брюшко в пыльце.

Джейми с Брианной бегали вверх-вниз по горе, высматривая новые полянки и с хохотом удирая от разъяренных шмелей. Пчелам явно нравился горный лавр, но тот рос чересчур густо, и продрасть сквозь него ни Брианна, ни Джейми не могли.

День миновал за середину, когда они наконец нашли, что искали – корягу, останки некогда величественного дерева с обломанными ветвями и стертой корой, обнажившей обветренную серебристую древесину. Возле дупла жужжащей тучей вились пчелы.

– Отлично! – удовлетворенно воскликнул Джейми. – Хорошо, что улей не в скале, тогда бы ничего не вышло.

Он снял с пояса топорик, сбросил мешок и жестом велел Брианне сесть на камень неподалеку.

– Лучше дождаться темноты. Тогда весь рой залетит в улей. А пока давай перекусим.

Разделив остатки еды, отец и дочь наблюдали за закатом, изредка обмениваясь ничего не значащими репликами. Джейми позволил Брианне выстрелить из длинного мушкета, а потом показал, как его заново зарядить: прочистить ствол, утрамбовать пулю и пыж шомполом, а остатки пороха высыпать на затравочную полку кремниевого замка.

– А ты, *lass*, неплохой стрелок, – удивился Джейми. Он поднял обломок дерева и установил его на камень вместо мишени. – Ну-ка, попробуй еще раз.

Брианна выстрелила, потом снова, привыкая к тяжести ружья. Отдача оказалась меньше, чем она ожидала, черный порошок был не таким мощным, как современные смеси. Из камня дважды вылетели искры, потом обломок дерева взорвался в щепу.

– Очень хорошо, – одобрил Джейми. – Где, черт возьми, ты научилась так стрелять?!

От похвалы Брианна залилась краской.

– Отец увлекался стрельбой. Он научил меня обращаться с пистолетом и винтовкой. И с дробовиком тоже... – Она покраснела еще сильнее. – Ой! Дробовиков же пока нет...

– Похоже, что нет, – бесстрастно отозвался Джейми.

– А... как ты собираешься унести улей? – поспешно перевела тему Брианна, желая сгладить неприятный момент.

Джейми пожал плечами.

– Когда пчелы заберутся внутрь, я окурю их дымом, чтобы они уснули. Вытащу улей и заверну в плед. Дома из дерева сделаю рамки, будем потом собирать пчелиный воск. Настанет утро, пчелы выберутся и полетят к ближайшим цветам.

– Разве они не поймут, что совсем в другом месте?

– Если и поймут – толку-то? Назад им дорогу не найти, да и дома там больше не будет. Нет, они легко освоятся на новом месте. – Джейми забрал у нее ружье. – Давай почищу. Для стрельбы уже слишком темно.

Разговор сошел на нет. В долину неспешно вползала ночь, поглощая стволы деревьев, и вскоре одни зеленые кроны покачивались в озере тьмы.

Брианна откашлялась, чувствуя, что должна хоть что-то сказать.

– А мама не переживает, что мы так поздно?

Крутя в пальцах острую травинку, Джейми покачал головой. На небо смазанной слезой выкатывался лунный шарик.

– Мама как-то говорила, что люди собираются лететь на Луну, – произнес он. – Тогда, при ней, не успели. Так у них получилось?

– Да, летали... Ну, полетят, точнее, – уточнила Брианна. – На «Аполлоне» – так называли корабль.

Джейми улыбнулся в ответ. Луна взошла уже высоко, заливая бледным светом поляну.

– Неужто? И что они рассказали – те люди, которые там побывали?

– Не надо было ничего рассказывать – они прислали изображение. Я говорила тебе о телевидении?

Джейми нахмурился: истории о технике будущего изрядно его озадачивали. Он, похоже, так и не понял, как картинки могут двигаться и звучать, не говоря уж о том, что их можно передавать по воздуху.

– Да... И ты те... изображения сама видела?

– Ага.

Брианна откинулась назад, обхватив колени руками. Она смотрела на кривую луну, вокруг которой мерцал бледный нимб – словно большой желтый камень уронили в пруд, и по черной глади разбежались круги.

– Хорошая завтра погода будет, – сказал вдруг Джейми.

– Правда?

Брианна видела все так же ясно, как и днем, только краски выцвели и поблекли – совсем как на черно-белых фотографиях.

– Мы тогда ждали очень долго, – заговорила она. – Никто точно не знал, сколько времени потребуется, чтобы сесть на Луну и выйти наружу в специальных костюмах... Ты знаешь, что там нет воздуха? – вскинула она бровь, и Джейми кивнул, точь-в-точь как прилежный ученик.

– Да, Клэр говорила.

– Камера... это та штука, с помощью которой делают видео... так вот, она была направлена в сторону корабля, и мы видели, как ноги космонавта касаются поверхности. Корабль сел на равнину, всю покрытую мягкой мучнистой пылью. Потом камеру развернули... или другую включили, не знаю, и вдали мы увидели скалистые утесы. Там не было никаких признаков жизни: ни растений, ни воды, ни воздуха, – но выглядело до жути красиво.

– Совсем как в Шотландии, – пошутил Джейми.

Брианна расхохоталась, но услышала в словах отца затаенную тоску по бесплодным горам родного края. Чтобы отвлечь его, она махнула рукой в сторону бархатного неба, мерцавшего сотнями искорок.

– А звезды на самом деле – это солнца вроде нашего. Просто они очень-очень далеко, поэтому кажутся такими крохотными. Так далеко, что их свет идет сюда долгие годы. Звезда может уже погибнуть, а мы все еще ее видим...

– Клэр мне рассказывала, – тихо сказал Джейми и вдруг решительно встал. – Пора. Давай заберем улей и вернемся домой.

Ночи были теплыми, и мы подняли шкуры на окне. Изредка в дом залетали жучки и мошки, чтобы вскоре утопиться в котле или спалить в очаге крылья, но свежий, пахнувший цветами воздух того стоил.

В первую же ночь Иэн галантно уступил Брианне свою кровать, а сам, уверяя, что любит одиночество, ушел спать к Ролло в сарай с травами. Неся в одной руке одеяло, он хлопнул Джейми по спине в неожиданно взрослом жесте дружеской поддержки. Я невольно улыбнулась, Джейми тоже.

На самом деле последние дни улыбка вообще не сходила с губ моего шотландца. Сейчас, впрочем, он был серьезен, лежал рядом, сосредоточенно думая о чем-то своем.

Странно, что он еще не спит. Джейми поднялся задолго до рассвета и весь день провел с Брианной, вернувшись уже затемно. Они принесли полный плед сонных, одурманенных дымом пчел, которые завтра утром наверняка взбесятся. Надо будет держаться подальше от того конца сада, где их разместили – новоприбывшие пчелы всегда очень злы и жалят всех без разбору.

Джейми в который раз вздохнул, и я прильнула к нему. Холодно не было, но он, чтобы не смущать Брианну, надевал в постель рубашку.

– Не можешь уснуть? – шепнула я. – Свет мешает?

– Нет, – отозвался он, глядя на плывущую над горным хребтом луну,

еще круглую, но такую яркую, что небо казалось бледным.

– Тогда в чем дело?

Я пробежалась пальцами по его боку, щекоча выступающие ребра.

Он перехватил мою руку.

– Просто всякие разные глупые мысли, саксоночка. – Джейми посмотрел в сторону низкой кровати, где на подушке рассыпались темные волосы Брианны. – Боюсь, что скоро мы ее потеряем.

– Хмм...

Я положила руку ему на грудь. Знаю, что эта потеря неизбежна, и нам придется с ней смириться... но говорить об этом вслух не хотелось, чтобы неосторожным словом не разрушить чары, связавшие нас троих... пусть даже на время.

– Все будет нормально. Ты никогда ее не потеряешь, – сказала я, поглаживая подушечкой пальца ямку в центре его груди.

– Саксоночка, ей нужно вернуться. – Он нетерпеливо дернулся, но руку мою не убрал. – Только посмотри на нее. Она же здесь все равно что верблюд Людовика!

Несмотря на грустные мысли, я хихикнула. Король Франции завел в Версале чудесный зверинец, и зрители изредка выгуливали животных прямо по дорожкам парка. Однажды мы бродили по тамошним садам, завернули за угол – и чуть не столкнулись с двугорбым верблюдом, величественно возвышавшимся над толпой. Он окидывал людей равнодушно-презрительным взглядом и в своей золотой и серебряной упряжи смотрелся совершенно неуместно среди белоснежных античных статуй.

– Верно, – с неохотой признала я его правоту, хотя сердце тоскливо сжалось. – Ей надо вернуться. Она принадлежит тому времени.

– Я это понимаю... Не стоит тосковать... просто ничего не могу с собой поделать.

– Я тоже. – Я прижалась лбом к его плечу, вдыхая терпкий мужской запах. – Но это правда – то, что я сказала. Ты не потеряешь своего ребенка. Ты... ты помнишь Фейт?

Голос дрогнул – мы целую вечность не говорили о нашей первой дочери, родившейся мертвой.

Джейми обнял меня и прижал крепче.

– Конечно, – прошептал он. – Как я могу забыть?

– Вот именно. – По щекам у меня катились слезы. Я не плакала – просто переполнявшие душу чувства рвались наружу. – Я тебе не рассказывала, но когда мы были в Париже, чтобы встретиться с Джаредом,

я ходила в «Обитель ангелов» и видела ее могилку. Я... я принесла ей розовые тюльпаны.

Джейми замер.

– А я – фиалки, – прошептал он так тихо, что мне, наверное, послышалось.

Забыв о слезах, я недоверчиво уставилась на него.

– Ты никогда об этом не говорил!

– Ты тоже.

Он принялся поглаживать мне спину.

– Я боялась, что ты...

Голос сорвался. Я боялась, что Джейми будет мучиться чувством вины или решит, что я его проклинаяю... Мы только-только воссоединились, и мне не хотелось, чтобы прошлое вставало между нами.

– Вот и я боялся...

– Жаль, что ты ее так и не увидел, – сказала я в конце концов, и он вздохнул. Джейми повернулся ко мне и обнял еще крепче, прижимаясь губами ко лбу.

– Это ведь не важно. И да, ты права, саксоночка. Она была наша – и мы никогда о ней не забудем. Также и Брианна – когда она уйдет, все равно останется с нами.

– Да. Что бы ни произошло и где бы ни был сейчас твой ребенок... Даже если вы расстались навсегда – ты никогда его не потеряешь. Это невозможно.

Джейми не ответил. В окно тихим шелестом ангельских крыльев ворвался ветер, и мы медленно уплыли в сон, залитые светом бессмертной луны.

Глава 43

Бочонок виски

Ронни Синклер мне никогда не нравился. Я терпеть не могла его некрасивое лицо и лисью усмешку. Не выносила, как он смотрит на меня – слишком прямо и нарочито честно, будто скрывает какой-то секрет. Особенно же меня бесило, как он пялится на мою дочь.

Я громко кашлянула, заставив его подпрыгнуть. Ронни повернулся ко мне, скаля острые зубы в улыбке.

– Джейми говорит, ему к концу месяца нужен еще десяток бочонков для виски, а мне – большая бочка из орешника для копченого мяса, и как можно скорее!

Кивнув, он нанес пару загадочных отметин на сосновую дощечку, висевшую на стене. Как ни странно для шотландца, Синклер не умел писать, но при этом разработал собственную систему стенографии, позволявшую вести учет заказов.

– Ясно, миссус. Еще что-нибудь?

Я задумалась. Что еще до конца зимы нам могло понадобиться от бондаря? Солить мясо и рыбу лучше в глиняной посуде, в дереве они пропахнут смолой. Бочонок для яблок у нас есть, для кабачков тоже, а картофель, чтобы не сгнил, разложим в ящики на полках.

– Нет, – решила я наконец. – Пожалуй, это все.

– Да, миссус. – Он замялся, теребя в руках стальной обруч. – А ваш мистер, он сам здесь больше не появится, только когда за готовыми бочками придет, да?

– Скорее всего. Слишком много дел: ячмень созрел, пора скот забивать... Все пришлось отложить из-за суда. Вы хотели ему что-то передать?

Бондарня примостилась у самой дороги и потому была первым местом, куда заглядывали приезжие, – а значит, именно через нее проходили все новости и сплетни.

Синклер задумчиво склонил рыжую голову.

– Хм... скорее всего, это пустяки, но я слышал, какой-то чужак слоняется по округе и расспрашивает насчет Джейми Фрейзера.

Краем глаза я заметила, как резко обернулась Брианна, миглом забывшая о созерцании висевших на стене молотков и пил. Ее юбки с шорохом разметали древесную стружку, усыпавшую пол мастерской до

самых щиколоток.

– А вы знаете, как зовут того чужака? – тревожно спросила она. – Или хотя бы как он выглядит?

Синклер удивленно воззрился на нее. Он был очень странно сложен: плечи узкие, а руки такие огромные и мощные, будто их позаимствовали у мужчины раза в два крупнее. Он глядел на Брианну, а сам большими пальцами поглаживал обруч, все быстрее и быстрее.

– Ну, как он выглядит, мистрис, сказать не могу, – ответил Синклер вежливо, но с таким голодным блеском в глазах, что я чуть было не выхватила обруч и не стянула его вокруг тощей шеи. – А вот представился он Ходжепайлем.

Надежда, вспыхнувшая было на лице Брианны, угасла, хотя девушка все-таки улыбнулась самыми уголками губ.

– Вряд ли это Роджер... – пробормотала она мне.

– Наверное, – согласилась я. – Ему нет нужды называться чужим именем. – Я повернулась к Синклеру. – А о человеке по имени Уэйкфилд вы не слышали? Роджер Уэйкфилд?

Тот уверенно затряс головой.

– Нет, миссус. Хозяин велел, если такой вдруг объявится, сразу отвезти его к вам. Едва ваш Уэйкфилд ступит на эти земли, вы первая о нем услышите.

Брианна вздохнула, пряча разочарование. Стояла уже середина октября, и хотя моя дочь ничего не говорила, ее тревога росла с каждым днем. И не только ее – Брианна рассказала нам, что затеял Роджер, и долгими бессонными ночами меня теперь преследовали мысли о многочисленных бедах, которые могли настичь его в пути.

– ...а еще насчет виски, – снова заговорил Синклер.

– Виски? Ходжепайль спрашивал о Джейми и виски?

Синклер кивнул и наконец-то отложил обруч.

– Ага. Никто, конечно, ему и слова не сказал. Но тот, кто с ним разговаривал, решил, что этот человек – солдат. Красномундирникам никогда не удастся отмыть голову от муки.

– Но одет он был не в форму?

Пехотинцы заплетали волосы в тугую косицу, подкладывая валик из овечьей шерсти и присыпали рисовой мукой, которая в нашем климате тут же смешивалась с потом и превращалась в тесто. Впрочем, Синклер, наверное, говорил больше о манерах чужака, нежели о его внешнем виде.

– Не-а, прикинулся торговцем мехами, а сам держался так, будто ему в задницу впихнули шомпол. Ну и чеканил каждое слово, как на плацу. По

крайней мере, так Джордж Макклinton рассказывал.

– Может, кто-то из людей Мурчисона... Спасибо, я передам Джейми.

Мы с Брианной вышли из бондарни, размышляя, ждать ли проблем от этого Ходжепайля. Вряд ли его появление сулит опасность: Фрейзер-Ридж располагался в неприступном месте (поэтому-то Джейми его и выбрал). Добраться до него было нелегко, но все неудобства с лихвой компенсировались, если речь заходила о возможном нападении. Нет, во Фрейзер-Ридже нам опасаться нечего.

И пусть Мурчисон сколь угодно бесится со злости и посылает к нам шпионов, ему никогда не позволят отправить вооруженный отряд в далекий поход по неизведанным горам ради одного-единственного винокуренного заводика, который производит каких-то сто галлонов в год.

Лиззи с Иэном ждали снаружи, собирая щепу для растопки, благо возле бондарни высились огромные горы стружки и ненужных кусков дерева и коры. В них стоило покопаться, чтобы пополнить наши запасы.

– Милая, вы с Иэном займетесь бочками? – спросила я Брианну. – А я хочу взглянуть на Лиззи при дневном свете.

Дочь, по-прежнему думая о своем, кивнула и отправилась на помощь Иэну, который грузил в фургон полдюжины бочонков – маленьких, но весьма тяжелых.

Именно талант делать такие бочки позволил Ронни Синклеру получить землю и открыть мастерскую. Хотя он был человеком весьма неприятным, далеко не каждый бондарь умеет обжигать дубовую заготовку так, чтобы придать дереву красивый янтарный цвет вкупе с дымным ароматом, который передавался виски, облагораживая напиток.

– Иди-ка сюда, солнышко. Дай на тебя посмотрю.

Лиззи послушно распахнула глаза, позволяя мне оттянуть веко и изучить склеру. Девочка была до ужаса худой, зато противно-желтый оттенок кожи уже исчез, и глаза стали почти белыми. Я осторожно помассировала ей шею – опухоль с лимфатических узлов еще не спала, но выглядели они гораздо лучше.

– Ты как себя чувствуешь, девочка моя?

Она застенчиво потупилась. После того как Иэн привез ее три недели назад, Лиззи впервые вышла из дома и все еще неуверенно держалась на ногах – точь-в-точь как новорожденный теленок. Однако настой коры хинного дерева сделал свое дело, и за последние дни новых приступов лихорадки не было.

– Миссис Фрейзер... – заговорила она, и я вздрогнула от неожиданности. Стеснительная Лиззи никогда не обращалась ко мне или

Джейми напрямую, обычно она передавала свои просьбы через Брианну.

– Да, солнышко?

– Я... я нечаянно услышал, что сказал бондарь – что мистер Фрейзер отдал распоряжение насчет друга мисс Брианны. Я бы хотела...

Девчушка смущенно замолчала, и на прозрачных щеках выступил румянец.

– Что, милая?

– Он не мог бы и о моем отце что-нибудь разузнать? – махом выпалила она, еще сильнее заливаясь краской.

– Ох, Лиззи! Прости! – подошла сзади Брианна и обняла девочку. – Не то чтобы я забыла, просто из головы вылетело. Сейчас пойду и скажу мистеру Синклеру.

Махнув юбками, она исчезла в дверях бондарни.

– О твоём отце? – спросила я. – Вы с ним друг друга потеряли?

Девочка кивнула, кусая губы, чтобы они не дрожали.

– Он заключил рабочий контракт, и я не знаю, куда он отправился. Скорее всего, куда-то в южные колонии...

Что ж, это ограничивает район поисков парой сотен тысяч квадратных миль. Однако попросить Ронни Синклера все равно не мешает. На юге газет мало, новости до сих пор передаются по мастерским и тавернам, или их между плантациями разносят рабы.

Мысль о газетах навеяла одно неприятное воспоминание. Впрочем, до того дня оставалось еще семь лет. К тому же, если наш дом и сгорит 21 января, не факт, что мы будем внутри...

Вернувшись Брианна, с пылающим лицом вскочила в фургон и нетерпеливо схватила вожжи. Иэн, заметив, как она кипит от ярости, хмуро взглянул в сторону мастерской.

– В чем дело, кузина? Этот тип позволил себе лишнего?

Он стиснул кулаки, почти такие же огромные, как у Синклера.

– Нет, – коротко бросила она. – Все нормально. Так мы едем?

Иэн подсадил Лиззи, потом предложил руку мне, помогая взобраться к Брианне, которая нервно теребила поводья.

– Присматривай за тем, что справа. Он ленится, если не похлестывать его по крупу. – Иэн сам научил ее управляться с лошадьми и потому весьма гордился успехами ученицы.

Иэн устроился внутри с Лиззи: всю дорогу рассказывал ей сказки, а девочка хихикала в ответ. Иэн, будучи в семье младшим ребенком, теперь видел в Лиззи младшую сестренку – немного надоедливую, но любимую.

Я покосилась через плечо на исчезающую вдали бондарню, потом

посмотрела на Брианну.

– Что он сделал? – тихо спросила я.

– Ничего. Я просто пришла не вовремя.

Краска на тонких скулах выступила еще ярче.

– Да чем он, черт возьми, занимался?!

– Рисовал картинку на деревянной доске. – Она закусила изнутри щеку. – Голую женщину.

Это прозвучало так неожиданно, что я расхохоталась.

– Ну, он не женат, да и вряд ли когда-нибудь женится; в колониях вообще невест не хватает, а здесь – тем более. Наверное, не стоит винить его за небольшие шалости.

Мне вдруг стало жаль Синклера. Он был один очень давно; его жена погибла в те страшные дни после Каллодена, и он десять лет провел в тюрьме, прежде чем его выслали в колонии. Если он и заводил здесь с кем-то интрижку, то ненадолго. Я в новом свете увидела его страсть к сплетням и подглядыванию, даже интерес к Брианне (надеюсь, что сугубо творческий). Я ведь знала, каково это – быть одиноким...

Брианна тем временем поборолла смущение и, управляясь с поводьями, принялась насвистывать под нос. Кажется, что-то из репертуара «Битлз», хотя я никогда не могла отличить одну песню от другой.

Коварная мысль пробралась в голову: если Роджер не объявится, Брианна недолго пробудет одна, что здесь, что в будущем.

Впрочем, это глупо. Роджер обязательно придет. А если нет...

Что, если он сам решил не приезжать? Между ними явно случилась размолвка. Вдруг он разозлился и решил вернуться без Брианны?

Наверняка и она думала о том же. Брианна перестала говорить о Роджере, однако в ее глазах по-прежнему вспыхивал свет всякий раз, когда Кларенс громким ревом объявлял о посетителе, – и разочарованно гас, когда оказывалось, что это кто-то из арендаторов или приятелей Иэна.

– Поторопился бы ты, сволочь, – пробормотала я.

Брианна, услышав меня, истолковала по-своему и ловко подстегнула мулов. Фургон с грохотом понесся по узкой дороге к дому.

– Это, конечно, не винокуренный завод в Леохе... – Джейми с явным сожалением указал на глиняный чан, стоявший на краю небольшой поляны. – Но виски делать можно... ну, что-то отдаленно похожее.

Говорил он небрежно, однако Брианна видела, как он гордится своим маленьким предприятием. Перегонная установка располагалась в двух милях от их дома, на границе земель Фергуса, чтобы Марсали могла

присматривать за процессом. В обмен на услуги они с Фергусом получали виски – больше, чем другие фермеры, которые поставляли ячмень и распространяли спиртное.

– Нет, дорогой, не трогай эту гадость! – Марсали схватила сына за руку, разгибая любопытные пальчики, чтобы освободить большого извивающегося таракана, которого тот вознамерился во что бы то ни стало отправить в рот. – Фу! – Она бросила таракана на землю и наступила башмаком.

Жермен, упрямый приземистый мальчишка, не стал плакать, лишь угрюмо насупил из-под светлой челки. Таракан, ничуть не пострадавший в результате переделки, выполз из-под листа и поспешил убраться с глаз долой.

– Вряд ли такой обед ему повредил, – ухмыльнулся Иэн. – Я сам их ел не раз, в Индии. Хотя саранча лучше... особенно копченая.

Марсали и Брианна натужно застонали, вызвав у Иэна новый приступ смеха. Он взял очередной мешок ячменя и высыпал его в плоскую корзину – а вместе с ним и двух тараканов, которые суетливо перевалили за край и заметались по земле, норовя спрятаться под дощатым настилом.

– Нет, я кому сказала! – Марсали поймала Жермена за воротник – мальчишка уже нацелился на новую добычу. – Стой тут, дьяволенок, ты же не хочешь, чтобы тебя закоптили?

Прозрачные струйки дыма выползали сквозь щели деревянной платформы, окутывая полянку вкусным ароматом жареного зерна. У Брианны заурчало в животе – время близилось к ужину.

– Пусть они там остаются, – шутливо предложила она. – Копченые тараканы придадут виски интригующие нотки.

– Уж явно не навредят, – согласился отец. Он вытер лицо платком, недовольно взглянул на проступившие пятна и запихнул его обратно в рукав. – Что там с зерном, Иэн?

– Все нормально. Только один мешок надо выкинуть, дядя Джейми. – Иэн пнул развязанный мешок, где отсыревшее зерно покрылось светло-зелеными пятнами плесени и черной гнилью. Два других мешка, где ячмень тоже начал портиться, стояли на краю помоста.

– Ну, давай поскорее заканчивать, – заявил Джейми. – Умираю с голоду.

Вдвоем они рассыпали оставшийся ячмень толстым слоем по деревянному настилу, разравнивая зерно плоской лопатой.

– И много времени на это требуется?

Брианна заглянула в чан, где Марсали перемешивала копченое зерно.

Брожение едва началось, запах спирта был практически неразличим.

– Все зависит от погоды. – Марсали окинула небо придирчивым взглядом. Была вторая половина дня, из голубого небо постепенно становилось синим, лишь далеко у горизонта плыли белые облака. – Если будет так же ясно... Жермен!

Тот уже наполовину скрылся под большим бревном; наружу торчали лишь ноги.

– Я его достану.

В три шага Брианна пересекла поляну и схватила мальчишку поперек туловища. Жермен недовольно забухтел и начал брыкаться, молотя пятками.

– Ай! – Брианна поставила его на землю, потирая ушибленное бедро.

Марсали недовольно фыркнула и бросила черпак.

– Ну что ты еще натворил, маленькое чудовище?!

Жермен, наученный горьким опытом, поспешно закинул добычу в рот. И тут же побагровел и начал задыхаться.

Марсали в панике упала перед ним на колени и попыталась разжать ему зубы. Жермен хрипел, тряс головой и извивался. Голубые глаза выпучились, по подбородку потекла струйка слюны.

– Дай сюда!

Брианна схватила мальчика, прижала его спиной к себе и резко сдавила обеими руками.

Жермен громко кашлянул, и изо рта у него вылетело что-то маленькое и круглое, а он, жадно хватая воздух, заскулил, а потом заревел в голос. С лица сошла жуткая синева, сменяясь здоровой краснотой.

– Цел? – Джейми с тревогой осмотрел мальчика, надрывающегося от плача в руках матери, и повернулся к Брианне. – Лихо сработано, lass. Молодец!

– Спасибо, я... Спасибо. Я боялась, что не получится...

Брианну трясло. Счет шел на секунды... От жизни к смерти, и обратно...

Джейми погладил ее по руке и нежно сжал пальцы.

– Лучше отведи мальчика домой, – сказал он Марсали. – Покорми и уложи спать. Мы сами здесь справимся.

Она кивнула, толком не придя в себя. Откинув с лица волосы, Марсали выдавила Брианне улыбку.

– Спасибо тебе, сестра...

Последнее слово неожиданно согрело Брианне душу. Она улыбнулась в ответ.

– Рада, что мальчик не пострадал.

Марсали подняла с земли сумку и, кивнув на прощание Джейми, начала осторожно спускаться по крутой тропе, держа сына на руках. Пухлые кулачки Жермена цеплялись за ее волосы.

– Отличная работа, кузина. – Закончив с зерном, Иэн спрыгнул с платформы. – Ты где этому научилась?

– У матери.

Иэн, явно впечатленный, кивнул. Джейми наклонился, изучая землю.

– Интересно, что там проглотил этот хулиган?

– Вот. – Брианна уже заметила искомое под палыми листьями. – Похоже на пуговицу.

Это и впрямь была пуговица – грубо вырезанный из дерева кружок на длинной ножке, в которой прокололи дырку для нити.

– Дай-ка взгляну. – Джейми вытянул руку. – Иэн, ты пуговицы не терял? – спросил он, хмуро рассматривая маленький предмет.

Иэн заглянул ему через плечо и покачал головой.

– Может, это Фергуса?

– Что-то я сомневаюсь. Он слишком большой модник, чтобы пришивать такое к своей одежде. У него небось все пуговицы роговые да полированные... – Джейми хмуро пожал плечами и положил пуговицу в спорран. – Ладно, разберемся. Иэн, ты сам тут закончишь? Пойдем, lass, спросим у Линдсея по дороге.

Увы, дома того не оказалось.

– Дункан Иннес заходил за ним всего-то час назад, – протянула миссис Линдсей, заслоняя глаза от солнца. – Уверена, они к вам и отправились. Может, зайдете с дочуркой, Макдью, отведаете чего-нибудь?

– Нет, спасибо, миссис Кенни. Жена ждет нас на ужин. А скажите: эта штука – она не от пальто Кенни?

Взглянув на пуговицу, миссис Линдсей покачала головой.

– Нет, ей-богу нет. Уж поверьте: я только-только пришила новые пуговицы, которые он сам вырезал из кости оленя. Такая прелесть получилась! – заявила она, безмерно гордясь талантом мужа. – На каждой – рожица чертенка, и все-все разные!

Тут ее задумчивый взгляд остановился на Брианне.

– Кстати, у Кенни есть брат... – вкрадчиво начала она. – У него премиленькая ферма возле Кросс-Крика, двадцать акров табака, и ручей рядом. Он будет на Сборе в Мон-Геликон. А вы туда собираетесь, Макдью?

Джейми покачал головой, про себя улыбаясь неприкрытому намеку. В колониях не хватало незамужних женщин, и хотя Джейми сразу объявил,

что Брианна сосватана, пыл потенциальных женихов это не охладило.

– Боюсь, в этом году не смогу, миссис Кенни. Может быть, в следующем.

Вежливо попрощавшись, они повернули к дому. Низкое солнце бросало длинные тени на дорогу.

– Думаешь, пуговица там оказалась неспроста? – любопытствовала Брианна.

Джейми неопределенно пожал плечами. Ветерок трепал ему волосы и дергал стягивающий их кожаный ремешок.

– Может, нет, а может, и да. Мама рассказала о том человеке из Кросс-Крика, который спрашивал о виски.

– Ходжепайле? – Брианна не сдержала улыбки – уж больно имя было забавным. Джейми улыбнулся в ответ, но тут же вновь посерьезнел.

– Ага. Если пуговица кого-то из Фрейзер-Ридж – они все знают, где винокурня, и могут туда наведаться, посмотреть, что к чему. В этом нет ничего такого. Но если ее оставил чужак... Человеку не пройти здесь незамеченным – если только он не прячется нарочно. Любой, кто пришел с честными намерениями, всегда постучится в чей-нибудь дом и попросит о питье или ночлеге. Я в тот же день о нем узнаю. Однако последнее время о гостях я не слышал... А еще это не может быть индеец – они пуговицы к своей одежде не пришивают.

Порыв ветра взметнул рыжие и коричневые листья. Джейми и Брианна шагали молча, поддаваясь чарам затихающего леса: птицы изредка пели, но под деревья уже ложилась ночная тень. Северный склон горы по ту сторону долины совсем замолк и утонул во мраке.

Поляна, где стоял дом, еще была залита солнцем, пробивающимся сквозь золотые кроны каштанов. Клэр стояла в садике, прижимая к бедру миску, куда складывала бобы. Ее стройный силуэт темнел на фоне солнца, а кудрявые волосы горели нимбом.

– Иннисфри, – пробормотала Брианна, невольно замирая на месте.

– Иннисфри? – недоуменно переспросил Джейми.

Брианна осеклась.

– Это из одного стихотворения... Папа всегда декламировал эти строки, когда приходил домой и видел, как мама возится в саду. Он говорил, что она поселилась бы там, если б могла. Часто шутил, что когда-нибудь она уйдет от нас и будет жить одна со своими травами.

– Ясно. – Джейми выглядел совершенно спокойным... а румянцем его широкие скулы, должно быть, окрасило заходящее солнце. – Что за стихотворение?

У Брианны сдавило горло.

– На остров Иннисфри хочу уйти, уйти скорей:
Там, над водою, хижину из прутьев я бы сплел,
Поставил улей, посадил бобы – и на своей
Поляне жил один, в гуденье пчел^[10].

Джейми приподнял густые рыжие брови.

– Из какой-то поэмы, да? И где находится этот самый Иннисфри?

– В Ирландии, наверное. Он же ирландец, – пояснила Брианна. – Поэт.

У самой опушки леса в ряд выстроились ульи.

– Ясно...

Мимо мчались крошечные черно-золотые искорки: пчелы тоже спешили домой. Джейми стоял, не двигаясь – лишь смотрел, как Клэр собирает бобы, смутно поблескивающие в листьях.

«И все-таки она не одна в своем цветочном раю», – подумала Брианна о матери. Однако камешек на сердце не спешил пропадать.

Кенни Линдсей отхлебнул виски, зажмурился и покатал жидкость на языке, как профессиональный дегустатор. Потом сосредоточенно замер и наконец-таки проглотил.

– Хух! – выдохнул он, содрогаясь. – Святые угодники! До самых костей пробирает!

Довольно усмехнувшись, Джейми налил еще одну чарку и подвинул ее Дункану.

– Да уж, получше вышло, чем в прошлом году, – согласился тот, принюхиваясь. – Хоть язык не дерет.

Линдсей вытер рот тыльной стороной ладони.

– Ага... Вулам хочет бочонок, ему одного на целый год хватит, квакеры не особо увлекаются выпивкой.

– С ценой определились?

Линдсей кивнул, примеряясь к лепешкам с соусом, которые поставила перед ним Лиззи.

– За сотню фунтов ячменя – один бочонок, а за две – половину виски, что получим из этого количества.

– Честная цена, – согласился Джейми и задумчиво откусил от лепешки. Затем спросил у Дункана: – Поинтересуешься у Маклауда, устраивает ли его такая сделка? Ты ведь все равно поедешь мимо?

Тот кивнул, и Джейми отсалютовал мне стаканом: учитывая зерно Вулама, у нас получалось уже восемь сотен фунтов ячменя. Хватит не только засеять пустые поля, но и останется на новую партию виски.

– По бочонку в каждый из домов Риджа, два – Фергусу. – Джейми рассеянно тербил мочку уха. – Еще два – для накогнавето; один оставим, пусть созревает. Ага, с десяток, может, удастся припасти для Сбора... Что скажешь, Дункан?

Тот приехал как нельзя кстати. Хотя Джейми удалось обменять самую первую недозревшую партию на инструменты, ткани и прочие необходимые вещи, не было никаких сомнений, что куда выгоднее налаживать связи с богатыми шотландскими плантаторами в устье Кейп-Фир.

Сами мы не могли надолго оставить дом; недельное путешествие в Мон-Геликон стало бы непозволительной роскошью, а вот Дункан – другое дело... Я уже мысленно составляла список. На Сбор всегда приносили вещи для продажи и обмена: шерсть, одежду, утварь, еду, домашнюю скотину... Мне очень нужен большой медный чайник, и шесть отрезов муслина для сорочек, и...

– Думаешь, стоит давать спиртное индейцам? – вырвал меня из раздумий голос Брианны.

– А что тут такого? – поинтересовался Линдсей, явно недовольный ее вмешательством. – В конце концов, не за так. Серебра у них мало, а вот мехов – полно, ими и расплатятся.

– Но ведь индейцы... они... Я хочу сказать, они плохо переносят алкоголь. – В поисках поддержки Брианна глядела то на меня, то на Джейми.

Трое мужчин непонимающе уставились на нее. Дункан повертел в руках стакан.

– Плохо переносят?

Брианна закусила изнутри губу.

– Я имею в виду, они легко спиваются.

Линдсей тоже заглянул в стакан, поднял глаза на Брианну и хмуро потер лысеющий затылок.

– А тебе-то что с того, *lass*? – брякнул он, не заботясь о вежливости.

Брианна поджала губы, но сдаваться не собиралась.

– Я о том, что это неправильно – предлагать спиртное людям, у которых легко возникает зависимость.

Она беспомощно уставилась на меня, однако я покачала головой.

– Понятия «алкоголизм» пока что не существует. Сейчас это не

болезнь, а всего лишь человеческая слабость.

Джейми озадаченно глядел на дочь.

– Ну, вот что я скажу, *lass*, – начал он. – Я повидал немало пьяниц за свою жизнь, и еще никому из них бутылка не прыгала в рот сама.

Остальные одобрительно заворчали; в честь этого замечательного наблюдения пропустили еще по чарочке.

– Ходжепайль? Не, не встречал такого, хотя имя как будто знакомое. – Дункан залпом проглотил остатки виски и с хриплым вздохом опустил стакан. – Хочешь, чтоб я на Сборе поспрашивал?

Кивнув, Джейми взял новую лепешку.

Лиззи склонилась над очагом, помешивая тушеное мясо. Плечи у нее застыли, но девчушка слишком стеснялась, чтобы заговорить в присутствии посторонних мужчин. Брианна подобной скромностью не страдала.

– Мистер Иннес, я тоже хотела кое о чем вас попросить. – Она подалась к нему, нависая грудью над столом и для большей убедительности заглядывая в глаза. – Вы не могли бы поспрашивать о человеке по имени Роджер Уэйкфилд? Пожалуйста...

– Ох. Ну конечно же. – Заливаясь краской, Дункан растерянно отхлебнул из стакана Кенни. – Может, еще что надо сделать?

– Да. – Я поставила перед возмущенным Линдсеем новую чарку. – Раз уж вы будете узнавать о Ходжепайле и знакомом Бри, не могли б вы заодно навести справки о некоем Джозефе Уэмиссе? Он рабочий по контракту.

Краешком глаза я заметила, как опали напряженные плечики Лиззи.

Дункан кивнул, вновь беря себя в руки, как только Брианна исчезла в кладовой в поисках масла. Кенни Линдсей проследил за ней заинтересованным взглядом.

– Бри? Вы так называете свою дочку? – спросил он.

– Да, – удивилась я. – А что?

Тот было улыбнулся, но, покосившись на Джейми, кашлянул и поспешил утопить усмешку в стакане с виски.

– Это шотландское слово, саксоночка, – ответил Джейми, сам довольно ухмыляясь. – И означает оно «та еще суматоха».

Глава 44

Переговоры с посредником

Октябрь 1769 года

Дрожь удара эхом отозвалась в руках. Джейми высвободил топор и привычным движением снова его вскинул. Во все стороны брызнула желтая щепа. Уперевшись ногой в колоду, Джейми замахнулся еще раз – и острое лезвие послушно вонзилось в дерево в каких-то двух дюймах от пальцев.

Он мог бы поручить дрова Иэну, а сам отправиться за мукой в Вулам-Пойнт, но парень заслужил возможность пофлиртовать с тремя незамужними дочками Вулама, которые помогали отцу на мельнице. Одевались они как серые воробышки, однако были умны и симпатичны, а еще всячески баловали Иэна, наперебой предлагая ему пиво и мясные пироги.

Пусть уж лучше парень заигрывает с невинными девушками из семьи квакеров, чем с наглыми индианками, живущими за хребтом. Майерс рассказывал, что те способны затащить в свою постель любого приглянувшегося мужчину.

Джейми отправил с Иэном и маленькую горничную – свежий осенний воздух придаст ее личику немного красок. Кожа у Лиззи была бледной, как у Клэр, но не гладкой и мерцающей, точно белоснежная сердцевина тополя, а отливала синюшным оттенком разбавленного молока.

Чурбак был почти расколот; еще один замах, последний удар – и рядышком легли два аккуратных полена, сочно пахнущих смолой. Джейми отправил их в растущую поленницу и выкатил новое бревно.

Правда в том, что он любил колоть дрова. Это вам не резать торф по колено в сырой чавкающей грязи. Верхний край поленницы почти сравнялся с карнизом дома, и вид ровных сухих дров из сосны и дуба, орешника и клена сейчас приятно грел ему сердце – чувство, знакомое каждому, кто хоть раз трясся зимой от холода.

Кстати, о погоде: для конца октября день выдался на удивление жарким, и рубашка уже липла к плечам. Отерев лицо рукавом, Джейми недовольно уставился на мокрое пятно.

Если он пропотеет, Брианна вновь примется стирать, и можно сколь

угодно отнекиваться, что рубашка совсем не воняет – дочь лишь опять задерет длинный, как у опоссума, нос и досадливо фыркнет. Впервые увидев эту гримасу, Джейми не сдержал смеха: не столько от удивления, сколько от восторга.

Его мать умерла давным-давно, когда он был ребенком, однако во снах изредка приходили отдельные воспоминания, и из этих обрывистых картинок Джейми слепил для себя ее образ. Она точно так же вскидывала нос и морщилась, когда он приходил весь измазанный в грязи, – в чертах Брианны Джейми словно увидел ее наяву.

Может, это и есть тайна крови – то, как случайные жесты, мимика или неуловимые интонации передаются из поколения в поколение? Джейми наблюдал это в своих племянниках; с возрастом в их лицах все чаще проглядывали не только родители, но и более далекие предки.

Однако теперь, когда то же самое он заметил в Брианне... он мог зачарованно наблюдать за ней часами и думать при этом о сестре, увлеченно воркующей над очередным младенцем. Возможно, именно поэтому родители всегда так любят детей: высматривают связь прошлых поколений с будущими.

Пожав плечами, Джейми скинул рубашку. В конце концов, это его дом, никто не увидит отметины на спине... а если и увидит – не его забота. Холодный воздух больно куснул голую кожу, но пара взмахов топором опять разогрела кровь.

Он любил всех детей Дженни, но Иэна выделял особо; этот неуклюжий олух своим упрямством и безрассудной смелостью напоминал Джейми самого себя. А вот Брианна...

Брианна – кровь от его крови, плоть от плоти. Его негласный долг перед родителями; их общий с Клэр дар, один на двоих.

Джейми уже не в первый раз поймал себя на мысли о Фрэнке Рэндалле. О чем тот, интересно, думал, держа на руках ребенка от другого мужчины – мужчины, которого он имел все основания ненавидеть?

Быть может, Рэндалл в итоге оказался лучше него – он принял чужого ребенка, полюбил девочку как есть, за ее личные заслуги, а не только потому что она его дочь...

Чтобы избавиться от смутного чувства стыда, Джейми взялся за дрова с удвоенной силой.

Погруженный в невеселые мысли, он не следил за своими движениями. Топор привычно лежал в руке, словно был частью тела. Лишь благодаря этой чуткости и опыту Джейми заметил легкую вибрацию и едва уловимое изменение веса, вовремя остановил замах, и сорвавшееся лезвие

улетело на край поляны, а не вонзилось ему в ногу.

– *Deo gratias*^[11]... – пробормотал он, вопреки словам не испытывая особого чувства благодарности. Черт бы побрал эту засуху, дождя не было уже месяц, и усохшее топорище тревожило Джейми куда меньше поникших цветов в садике Клэр.

Он покосился на полувырытый колодец и раздраженно передернул плечами. Еще одно дело, на которое никак не хватает времени. Впрочем, колодец подождет; воду можно принести из ручья или снег растопить, а вот без дров они точно замерзнут насмерть или умрут с голоду.

Дверь распахнулась, и из дома вышла Клэр, кутаясь от осенней прохлады в плащ; в руке она несла корзинку. Следом появилась Брианна, и при их виде Джейми мигом забыл о раздражении.

– Что случилось?! – Клэр заметила сломанный топор и поспешно окинула Джейми взглядом, высматривая раны.

– Все нормально, – отмахнулся он. – Надо лишь топорище укрепить. Вы за травами?

– Решили поискать грибы выше по ручью.

– Только далеко не уходите, хорошо? На том склоне индейцы охотятся. Я их сегодня утром учуял.

– Учужал?

Брианна удивленно вскинула рыжую бровь. Клэр с легкой улыбкой перевела взгляд с дочери на Джейми – тот тоже всегда так делал. Он любезно скопировал жест, и Клэр улыбнулась шире.

– Осень – они сейчас коптят оленину. Дым разносится на много миль, если ветер в нужную сторону.

– Мы недалеко. До заводи с форелью.

– Ну ладно. Там вроде бы безопасно.

Ему очень не хотелось их отпускать, но нельзя сажать женщин под замок лишь потому, что рядом бродят дикари; тем более что индейцы, как и он, заняты своими делами.

Знай он наверняка, что это накогнавето, не волновался бы, однако порой охотничьи группы индейцев забираются очень далеко, и с той же легкостью рядом могли слоняться чероки или то странное маленькое племя, которое называет себя «дети псов». От них осталась лишь одна деревушка, и потому белых людей они весьма недолго любили.

Брианна мазнула взглядом по обнаженной груди отца, задержавшись на небольшом шраме, но не выказала ни отвращения, ни любопытства – лишь приобняла за плечи и поцеловала в щеку, хотя под пальцами наверняка тоже ощутила неровность кожи.

Клэр должна была рассказать ей обо всем: и о Джеке Рэндалле, и о тех днях накануне восстания. А может, и нет... Легкая дрожь, вызванная отнюдь не холодом, пробежала по спине, и Джейми высвободился из объятий дочери, хоть и наградил ее взамен ласковой улыбкой.

– В буфете есть хлеб, а в котелке осталось немного мяса для вас с Иэном и Лиззи. – Клэр выпутала из его волос пару случайных щепок. – Только пудинг в кладовой не трогайте, он на ужин.

Перехватив ее руку, Джейми поцеловал кончики пальцев. Клэр вспыхнула, приподнялась на цыпочки и на секунду прильнула к его губам, а потом развернулась и торопливо зашагала вслед за Брианной, уже успевшей дойти до леса.

– Осторожнее там! – предупредил он.

Помахав на прощание, женщины исчезли. Следы их поцелуев все еще горели на коже.

– *Deo gratias*, – прошептал он снова, на этот раз от всего сердца. Дождавшись, когда яркий плащ Брианны перестанет мелькать в сплетениях ветвей, Джейми вернулся к работе.

* * *

Он уселся на чурбак, высыпал рядом горсть гвоздей с квадратными шляпками и принялся осторожно вколачивать их в край топорщища. Дерево усохло, но железо его укрепит и не даст расколоться.

Нацепив лезвие, он убедился, что оно село плотно, встал и одним махом загнал топор в колоду. Топорщище выдержало.

Сидя на месте, Джейми изрядно продрог и потому нацепил рубашку. Еще он проголодался, но вполне мог немного подождать молодых. Хотя они-то наверняка уже набили животы... Джейми почти что воочию чуял густой аромат мясных пирогов Сары Вулам, перебивавший в его фантазии даже запахи палой листвы и сырой земли.

Мысль о пирогах, равно как и о грядущей зиме, не оставляла его, пока он рубил дрова. Индейцы сказали, эта зима будет трудной, не то что прошлая. Как же охотиться? В Шотландии, конечно, тоже порой валит снег, но обычно он ложится тонким слоем, и следы оленей отчетливо чернеют на крутом горном склоне.

Именно такой выдалась прошлая зима. Однако в этих местах природа иногда впадает в крайности. Джейми слышал рассказы о слое снега в человеческий рост и ручьях, промерзших так, что могут выдержать даже

медведя... Кстати, о медведях. Вот бы попался один. Если удастся его завалить, мяса хватит до самой весны, да и шкура будет кстати.

Джейми колот дрова, фальшиво напевая в такт полузабытую детскую колыбельную:

– Спи, малыш мой, крепким сном; папа твой в лесу с ружьем; принесет он шкуру мишки, чтоб не мерз ты, шалунишка...

А сам представлял, как красиво бледная кожа Клэр будет смотреться на глянцевого черном мехе.

Интересно, что именно Клэр рассказала Брианне? У них троих сложились довольно странные, хоть и милые отношения: Джейми с дочерью пока что сторонились друг друга, предпочитая откровенничать с Клэр, которая стала для них посредником, переводчиком с этого нового и нескладного языка сердец.

И все же, как бы Джейми ни был благодарен за это чудо – свою дочь, – ему хотелось поскорее вернуть жену в постель. Для любви в лесу или в сарае с травами слишком похолодало, хотя, надо признать, барахтанье нагишом на перине из желтых листьев было хоть и неудобным, но весьма очаровательным.

– Ну и ладно, – фыркнул он. – Когда это мужчину заботило удобство?

Джейми задумчиво оглядел грудку длинных сосновых стволов на краю поляны, потом прикинул положение солнца. Если Иэн поторопится, до заката они успеют обтесать с дюжину бревен.

Положив топор, он подошел к дому и принялся шагами вымерять размеры новой комнаты. Брианна уже взрослая девушка, ей с горничной нужен собственный уголок. А если при этом он сможет уединиться с Клэр... Что ж, совсем замечательно.

Во дворе за спиной зашуршали листья, но Джейми не обернулся. Кто-то сдавленно кашлянул – точно белка фыркнула.

– Мисс Лиззи, надеюсь, вы хорошо прогулялись? – поинтересовался он, не отрывая глаз от земли. – Как семейство Вуламов – все в добром здравии?

Джейми больше волновало, где Иэн с фургоном, потому что грохота колес он не слышал.

Лиззи ничего не ответила, только сдавленно пискнула. Джейми оглянулся.

Бледное личико заострилось – точь-в-точь перепуганная белая мышь. В этом не было ничего удивительного, Джейми знал, что своими размерами и низким голосом наводит на нее ужас, поэтому заговорил медленно, как можно мягче, словно успокаивая забитую собаку:

– Что-то случилось, девочка? Фургон сломался или с лошадьми что?

Она все так же молча затрясла головой. Глаза у нее округлились, вылиняли, сравнявшись цветом с запыленным подолом серого платья; кончик носа покраснел.

– Иэн цел?!

Джейми не хотел ее пугать, но девочка вела себя слишком уж странно. Да что, черт возьми, у них случилось?!

– Я в порядке, дядя. И лошади тоже.

Иэн тихо, словно индеец, появился из-за угла дома. Он подошел к Лиззи, безмолвно предлагая ей поддержку, и она поспешно схватилась за его руку.

Иэн внешне был спокоен, но в душе у него явно кипело смятение.

– Что произошло? – спросил Джейми резче, чем собирался.

Лиззи вздрогнула.

– Лучше сама скажи, – предложил Иэн. – Так будет быстрее.

Он обнял ее за плечи, и это прикосновение словно придало ей сил; девочка выпрямилась и проямлила:

– Я... я видела там одного мужчину. Возле мельницы.

Нервы у нее не выдержали; Лиззи прикусила кончик языка, пытаясь пояснить, но слова застряли в горле.

– Она его знает, дядя, – закончил Иэн. Он был взволнован, но отнюдь не испуган. – Видела его раньше, с Брианной.

– Вот как?

От нехорошего предчувствия по спине пробежали мурашки.

– В Уилмингтоне, – выдавила наконец Лиззи. – Его зовут Маккензи, я слышала, его так матросы называли.

Джейми перевел взгляд на Иэна, однако тот покачал головой.

– Он не говорил, откуда приехал. В Леохе я никого похожего не встречал. Я его видел и манеру речи слышал; может, он и горец, но явно с юга, и, судя по всему, человек образованный.

– И этот мистер Маккензи знает мою дочь? – уточнил Джейми.

Лиззи кивнула.

– Да-да, сэр! И она с ним знакома... она его боится.

– Боится? Почему?! – рявкнул Джейми, и девочка посерела.

– Я не знаю, сэр. Только она его увидела и вся побелела. А потом покраснела и снова побледнела – в общем, была очень расстроена, всякий бы заметил.

– А он что?

– Н-ничего, сэр. Подошел, взял ее за руку и сказал, что она должна

пойти с ним. Все в таверне это видели. А она отшатнулась, сказала мне, что все нормально. И-и ушла с ним.

Выдохнув, Лиззи потеряла мокрый кончик носа.

– И ты ее отпустила?!

Маленькая горничная отпрянула и съежилась.

– О, я должна была пойти с ней, знаю, что должна! Но, сэр, я так испугалась, да простит меня Господь!

Невероятным усилием воли Джейми взял себя в руки и заговорил уже спокойнее:

– Ладно. Что было после?

– Ну, я поднялась наверх, как она велела, и легла в постель. И принялась молиться, чтобы все было хорошо...

– О да, толку от этого было много!

– Дядя... – тихо, но неожиданно твердо вмешался Иэн. – Она всего-навсего горничная, ничего другого она сделать и не могла.

Джейми хмуро потер затылок.

– Да... Прости, девочка, я не хотел срывать на тебе зло. Что было дальше?

На щеках Лиззи проступили ярко-алые пятна.

– Она... она вернулась перед самым рассветом. И-и...

У Джейми лопалось терпение, и девочка, должно быть, поняла это по его лицу. Она неразборчиво завершила:

– Она вся им пропахла... его семенем.

Ярость накатила внезапно, раскаленной молнией пронзив грудь и живот. Джейми задышался, давя в себе это чувство, но оно жгло его не хуже углей в очаге.

– Значит, он ею овладел. Ты уверена?

Вконец смешавшись от его прямоты, девочка лишь молча кивнула. Она теребила подол платья, отчего юбку всю перекосило. Бледность сменилась румянцем, Лиззи пылала ярче помидоров на грядках Клэр. Избегая взгляда Джейми, она опустила глаза.

– Да, сэр. И она в тягости, разве вы не знаете? Наверняка это его ребенок, она же была невинной девушкой. И вот он за ней пришел, и она его боится.

Внезапно все встало на места, отчего волосы на руках и шее поднялись дыбом. Осенний ветер пробрался под рубашку, и ярость сменилась тошнотой. Все мелочи, которые он видел, но отказывался замечать, сложились в цельную картину.

Эти ее взгляды и движения: то оживленные, то протяжно-

задумчивые... И сияющее лицо – это вовсе не из-за солнца. Джейми хорошо знал, как выглядит беременная женщина, и если бы встречал Брианну раньше, то обязательно заметил бы изменения. А вот Клэр... Клэр наверняка была в курсе. Она же мать, и врач к тому же. Она знала...

И ничего ему не сказала.

– Уверена?

Ярость хищным зверем, утыканным ледяными острыми шипами, засела в груди.

Лиззи покраснела еще сильнее, хоть это казалось невозможным.

– Я же ей прислуживаю, сэр, – пробормотала она, обращаясь к земле.

– Она хочет сказать, что у Брианны уже два месяца не было кровей, – невозмутимо пояснил Иэн. Он рос в окружении старших сестер, и подобные темы его, в отличие от Лиззи, ничуть не смущали.

– Я... я не должна была ничего говорить, сэр. – Девочка пришла в отчаяние. – Но увидела того мужчину, и...

– Как думаешь, дядя, он собирается заявить о своих правах на Брианну? – перебил Иэн. – Мы ведь с ним разберемся, да?

Племянник не скрывал своей злости, та проступала пятнами на впалых щеках.

Джейми набрал полную грудь воздуха, лишь сейчас осознав, что сдерживал дыхание.

– Не знаю, – ответил он, удивляясь собственному спокойствию. Новости еще не улеглись в голове, и выводы делать рано, но парень прав: надо что-то предпринимать.

Если этот Маккензи захочет, по закону он может объявить Брианну своей женой, и ребенок выступит доказательством их союза. Суд не обяжет женщину выйти замуж за насильника, но любой судья защитит право мужчины на ребенка – и чувства будущей жены при этом в расчет не возьмет.

Именно так поженились его собственные родители – сбежали и прятались в горах, пока мать не забеременела, тогда ее братья были вынуждены признать нежеланный брак. Ребенок навсегда связывает мужчину и женщину, и Джейми хорошо это знал.

Он посмотрел на дорогу, ведущую вниз по склону.

– А этот Маккензи, случаем, не едет напрямик за вами? Вдруг Вуламы подсказали ему путь?

– Не-ет, – задумчиво протянул Иэн. – Вряд ли. Мы забрали его лошадь.

Он усмехнулся, глядя на Лиззи, а она вдруг хихикнула в ответ.

– Ясно. А что помешает ему взять наш фургон или одного из мулов?

Иэн ухмыльнулся шире.

– Я оставил в фургоне Ролло. Думаю, он отгонит всех чужаков.

– Быстро соображаешь, парень, – невольно улыбнулся Джейми.

Иэн скромно пожал плечами.

– Ну, не хотелось бы, чтоб ублюдок застал нас врасплох. И хоть последнее время кузина Брианна все реже говорит о том парне – Уэйкфилде... – он замолк на секунду, – вряд ли она захочет видеть Маккензи. Особенно учитывая обстоятельства...

– Да уж, мистер Уэйкфилд изрядно подзадержался в пути. Особенно учитывая обстоятельства.

Неудивительно, что Брианна перестала поминать Уэйкфилда, как только узнала о беременности. Если рассталась с мужчиной девственницей, не так-то легко объяснить, откуда вдруг взялся живот.

Джейми медленно разжал кулаки. С этим они разберутся позднее. А пока надо решить одно куда более важное дело.

– Принеси-ка мои пистолеты из дома. А ты, девочка... – Он выдавил для Лиззи что-то вроде улыбки и взял висевшую на поленнице куртку. – Будь здесь и жди хозяйку. Скажешь моей жене... скажешь, что я отправился к Фергусу помочь с очагом. И ни слова о случившемся, иначе шкуру спущу.

Последнее, скорее, было шуткой, однако девчушка позеленела, поняв его слова буквально.

Не чувствуя под собой ног, она неловко села – почти упала – на колоду и схватилась за крошечный медальон на шее, ища утешение в прикосновении холодного металла. Лиззи глядела в спину мистера Фрейзера, широкими шагами мчащегося вниз по склону, точно здоровый рыжий волк. Перед ним лежала длинная черная тень, и низкое солнце озаряло его пламенем.

Медальон жег пальцы не хуже льда.

– О Дева Мария, – шептала Лиззи снова и снова. – Пречистая Матерь, что же я наделала?..

Глава 45

Пятьдесят на пятьдесят

Под ногами шуршали дубовые листья, а каштаны сыпали желтым дождем, устилая высохшую землю.

– А правда, что индейцы могут ходить по лесу совершенно бесшумно, или это сказки для наивных девочек?

Брианна пнула кучку листьев. В своих широких юбках, цеплявшихся за каждую ветку, мы с ней шумели, как стадо слонов.

– Ну, в сухую погоду даже им это не удастся – если только они не скачут по деревьям, как шимпанзе. А вот весной – совсем другое дело, я тоже могу пройти тихонько; земля здесь мокрая, как губка.

Я приподняла юбки, чтобы уберечь их от колючего куста бузины, и наклонилась поближе взглянуть на ягодки. Темно-красные, они еще не налились чернотой спелости.

– Дня через два, – вынесла я вердикт. – Если для лекарств, можно собирать прямо сейчас, а я хочу сделать вино и засушить немного – значит, нужны ягодки послаще. Надо дождаться, пока они сами не начнут опадать со стебля.

– Хорошо. Как запомним место? – Брианна огляделась. – Ага! Вот тот камень, похожий на голову с острова Пасхи?

– Молодец. Правильно, такой ориентир в любую погоду выглядит одинаково.

У ручья мы медленно разбрелись в разные стороны; Брианне я поручила собирать кресс-салат, сама же выискивала под деревьями иудины ушки и прочие съедобные грибы, одним взглядом все же посматривая на дочь.

Она забралась в ручей, подобрав юбки и выставив напоказ длинные крепкие ноги. Брианна медленно шла, не отрывая взгляда от водной ряби.

Последние дни с ней творилось нечто странное. Сперва я решила, что ее замкнутость вызвана непривычной обстановкой. Однако им с Джейми понемногу удавалось наладить отношения, и застенчивость постепенно таяла с обеих сторон. Они восхищались друг другом – и я вместе с ними.

И все же ее что-то беспокоило. Прошло три года с моего отъезда; четыре, после того как она решила жить самостоятельно, и за это время моя девочка изменилась; теперь она стала взрослой женщиной. Я больше не могла с легкостью читать ее мысли; как и Джейми, она прятала свои

переживания под маской внешней невозмутимости.

Собственно, эту прогулку я затеяла именно для того, чтобы поговорить наедине; дома рядом постоянно крутились Джейми, Иэн и Лиззи, а еще бесконечным потоком шли гости. Если же мои подозрения оправдаются, лучше бы нам избежать посторонних ушей.

Когда моя корзинка наполовину заполнилась мясистыми оранжевыми грибами, Брианна выбралась из ручья, набрав большущую охапку сочных листьев кресс-салата и пучков хвоща.

Вытерев ноги подолом, она уселась рядом со мной под раскидистым каштаном. Я протянула ей флягу с сидром и дождалась, когда Брианна напьется. После чего спросила прямо:

– От Роджера?

В ее глазах сверкнул испуг, а скованные плечи вдруг устало поникли.

– Я все думала, можешь ли ты по-прежнему это делать?..

– Делать что?

– Читать мои мысли. Я надеялась, что да, – неловко улыбнулась она.

– Последнее время мне не хватало практики. Понемногу наверстываю.

Я отвела пряди волос с ее лица. Брианна смотрела сквозь меня, словно не желая встречаться взглядом. В глубине леса затрещал козодой.

– Так это правда, девочка моя?.. – тихо спросила я. – И какой срок?

Она шумно выдохнула и словно обмякла.

– Два месяца.

Брианна наконец заглянула мне прямо в глаза, и меня потрясли перемены в моей девочке. Ей стало легче, да; но это было не то детское облегчение, когда скидываешь с себя груз проблемы, зная, что мать все уладит. Нет, это было облегчение от того, что она поделила с кем-то свой секрет. Брианна больше не рассчитывала на мою защиту. И хоть я понимала, что все равно ничем не смогу ей помочь, сердце сжималось от странного чувства потери.

– Ты знала?

– Подозревала.

Теперь-то я совершенно отчетливо видела все признаки беременности: и особую бледность кожи, и странно задумчивые взгляды... Я замечала и раньше, но списывала на перенапряжение последних месяцев: усталость после долгого путешествия, потрясение от встречи с отцом, страх за больную Лиззи, тревожное ожидание Роджера...

...которое вдруг представало в совершенно новом свете.

– Господи боже! Роджер!..

Брианна кивнула. В сиянии лучей, пробивающихся сквозь золотую

крону каштанов, она казалась бледной, даже нездоровой. Впрочем, ничего удивительного.

– Почти два месяца прошло. Он должен был вернуться, если только ничего не случилось...

Я быстро прикинула в уме.

– Два месяца, уже начало ноября... – Словно в подтверждение ветер пошевелил толстый ковер рыжих и коричневых листьев. Сердце у меня упало. – Бри, тебе надо вернуться!

– Что? Вернуться? Куда?!

– К камням. – Я взволнованно махнула рукой. – В Шотландию, и оттуда – домой!

– Сейчас? Зачем?

Я глубоко вдохнула, чтобы обуздать десятки различных эмоций: переживание за Бри, страх за Роджера, ужасную тоску за Джейми, который вот-вот потеряет дочь... снова. И свою собственную боль от предстоящей разлуки.

– Беременная может пройти сквозь камни. Мы это точно знаем, ведь мне удалось. Но милая... ребенка ты с собой пронести не сумеешь, потому что... ну... – Я беспомощно замолкла. – Ты же знаешь.

С момента моего последнего путешествия прошло три года, но я остро помнила пережитый опыт.

Глаза у нее почернели, с лица схлынули последние краски.

– Ты не сможешь пронести ребенка, – повторила я, пытаюсь рассуждать логически, – это все равно что прыгнуть в Ниагарский водопад с младенцем на руках. Тебе надо вернуться до его рождения, иначе...

Я замолчала, мысленно подсчитывая дни.

– Уже почти ноябрь. Пассажирские суда скоро перестанут ходить до самого марта. А ты ждать не можешь, иначе придется два месяца плыть через Атлантику на шестом-седьмом месяце беременности. На корабле могут начаться преждевременные роды, а это почти наверняка убьет или тебя, или ребенка. Даже если обойдется, тебе еще предстоит проехать тридцать миль по суше, и пройти сквозь камни, и бог знает сколько искать помощи на той стороне... Нет, Брианна, нельзя затягивать! Ты должна ехать сейчас!

– А как мы узнаем, что я попаду в нужное время?

Она сказала это спокойно, но теребившие юбку пальцы выдавали ее нервозность.

– Ты... ну... Я же смогла.

– На той стороне тебя ждал папа. Хотела ты вернуться или нет, чувства

помогли ему тебя вытащить. Но папы больше нет... – Брианна страдальчески сморщилась, затем взяла себя в руки. – Роджер знал... знает, что нужно делать. В записях Гейлис Дункан говорилось, что можно использовать драгоценные камни, они подскажут путь и защитят.

– Вы с Роджером не знаете наверняка, – возразила я. – И к черту эту Гейлис Дункан! Тебе не нужны ни камни, ни якорь с той стороны. В старых легендах люди постоянно исчезали в кругах фей, попадая на две сотни лет назад, а потом возвращались. Это обычная практика, поэтому...

– А ты бы стала рисковать?! И между прочим, Гейлис Дункан попала раньше, чем на двести лет.

Я запоздало поняла, что Брианна, видимо, и сама не раз об этом думала. Мое предложение не стало для нее сюрпризом. И, похоже, девочка уже решила, что никакого путешествия в Шотландию не будет.

Изо всех сил стараясь успокоиться, я потеряла переносицу. Упоминание о Гейлис воскресило в памяти еще одно неприятное воспоминание.

– Есть и другой вариант, – нарочито равнодушно сказала я. – Другой проход. Он на Гаити, в месте, которое сейчас называется Эспаньола. Там, в джунглях, тоже есть круг камней на холме, хотя сам проход расположен ниже, в пещере.

В лесу было прохладно, но рябь мурашек по коже вызвал вовсе не осенний ветер. Я обхватила себя руками, пытаюсь согреться. С каким удовольствием стерла бы все воспоминания о пещере Абендава... увы, это место не из тех, которые легко забыть.

– Ты там бывала?

– Да. Там ужасно. Однако Вест-Индия ближе, чем Шотландия, и корабли между Чарльстоном и Ямайкой ходят круглый год. – Я старалась дышать ровно, дурнота понемногу уходила. – Через джунгли идти, конечно, непросто... зато у тебя будет больше времени... чтобы мы успели найти Роджера.

«Если еще есть, кого искать», – добавила я про себя.

Каштановый лист мягко опустился на колени Брианне, ярко полыхая на фоне коричневой домотканой юбки. Брианна рассеянно покрутила его в пальцах, внимательно на меня глядя.

– И это место действует точно так же, как и то, первое?

– Да я понятия не имею, как они действуют! Звук был другой. Я слышала не жужжание, а колокольный звон. Однако проход там точно есть.

– Значит, ты там бывала... Зачем? Хотела вернуться? Даже после того, как нашла... его?

Брианна никак не могла заставить себя называть Джейми отцом.

- Нет. Я была там из-за Гейлис Дункан. Это она его нашла.
- Гейлис здесь?! – Брианна потрясенно распахнула глаза.
- Нет. Она мертва.

Я протяжно выдохнула, заново переживая тот момент, когда топор в моих руках вонзился в живую плоть. Иногда, одна в лесу, я вспоминаю о Гейлис. Мне кажется, я вновь слышу за спиной ее голос, резко оборачиваюсь, – и никого не вижу, только кустарник колыхнется на ветру. Однако чувство, что зеленые, словно молодая листва, глаза смотрят на меня, не исчезает.

– Она мертва, – твердо заявила я и сменила тему. – Так... как это случилось?

Брианна не стала притворяться, будто не понимает, о чем я. Она иронично приподняла бровь.

- Ты же врач. Это что, бывает по-разному?
- Даже не позаботилась о мерах предосторожности?
- Вообще-то я не планировала заниматься здесь сексом! – сердито насупилась она.

В отчаянии я схватилась за голову.

– Ты думаешь, люди это планируют?! Боже, сколько раз я приходила в твою школу и читала лекции...

– Вот именно! Каждый год. Моя мать – ходячая энциклопедия по сексу! Ты хоть представляешь, как это унижительно, когда твоя родная мать показывает всему классу фотографии пениса?

Лицо у нее багровело, приобретая оттенок кленовых листьев.

– Похоже, я плохо старалась, – едко ответила я, – раз ты не узнала его, увидев живую.

Глаза у нее налились кровью, но тут Брианна поняла, что это было шуткой, пусть и неудачной.

– Точно, – отозвалась она. – В реальности он выглядит иначе.

Пойманная врасплох, я захихикала. Брианна тоже робко выдавила смешок.

- Ты знаешь, о чем я. Я ведь перед отъездом оставила тебе рецепт.
- Да уж, – дернула Брианна длинным носом. – Такого потрясения я в жизни не испытывала. Ты что, решила, я тут же, стоит меня только оставить без присмотра, отправлюсь заниматься сексом с первым встречным?

– Хочешь сказать, тебя лишь мое присутствие сдерживало?

Брианна фыркнула, но все-таки призналась:

– Ну, не только оно. Но, в общем-то да, я была паинькой и из-за вас с

папой тоже. Я... я не хотела вас разочаровать.

Губы у нее задрожали, и я поспешила обнять свою девочку, прижимаясь щекой к ярким волосам.

– Ты бы нас не разочаровала, малышка, – прошептала я, укачивая ее. – Ты бы нас никогда не разочаровала...

Я чувствовала, как напряжение и тревога отпускают ее. Наконец Брианна глубоко вздохнула и высвободилась из моих рук.

– Может, не тебя и папу. А вот его...

Она кивнула в сторону дома.

– Он бы никогда... – начала я, но осеклась.

Правда в том, что я не представляла, как именноотреагирует Джейми. С одной стороны, Брианну он боготворил и был готов носить ее на руках. С другой, его взгляды на сексуальные отношения были более чем старомодными.

Джейми был прекрасно образованным, терпимым и сострадательным человеком, однако все это ни в коей мере не значило, что он понимает или разделяет нравы моего времени. Я прекрасно знала, что свободные сексуальные отношения для него категорически неприемлемы. Похоже, Роджера будет ждать не самый радушный прием.

– Ну... – с сомнением произнесла я, – не удивлюсь, если он расквасит Роджеру нос... Не волнуйся, – добавила я, заметив ее тревогу. – Тебя он любит. И будет любить, несмотря ни на что.

Я встала и, отряхивая с юбки листья, подытожила:

– У нас еще есть немного времени, но не стоит тратить его зря. Джейми передаст вниз по реке сообщение о том, что мы ищем Роджера. Кстати... – Я замолчала, выпутывая застрявшую в манжете веточку сухого папоротника. – Полагаю, он не в курсе?

Брианна шумно втянула воздух и стиснула кулаки, с хрустом ломая зажатые в них листья.

– Видишь ли, с этим есть одна проблема. – Она растерянно подняла взгляд, снова вдруг превратившись в маленькую девочку. – Ребенок не от Роджера.

– Что? – тупо переспросила я.

– Ребенок. Не. От. Роджера, – процедила она сквозь зубы.

Я снова села – почти упала – на ствол рядом с ней. Теперь ее переживания за Роджера представляли в новом свете.

– От кого тогда? Здесь или там?

Впрочем, я и сама подсчитала – она забеременела здесь, в прошлом, иначе срок оказался бы гораздо больше. Причем это был кто-то отсюда, из

колоний.

«Вообще-то я не планировала заниматься сексом!» – так она сказала. Ну конечно, не планировала. Она не звала с собой Роджера; наоборот, ничего ему не рассказала, опасаясь, что он сам за ней последует... Ведь он был ее якорем, ключом к будущему. Но в таком случае...

– Здесь, – подтвердила мои мысли Брианна. Она достала что-то из кармана юбки и протянула мне.

– Иисус твою Рузвельт Христос!..

На ее ладони сверкало золотое обручальное кольцо, и я невольно прикрыла его рукой, защищаясь от блеска. От кожи Брианны исходило тепло, но мои пальцы сковало льдом.

– Боннет? – прошептала я. – *Стивен Боннет?*

Судорожно сглотнув, она дернула головой в знак согласия.

– Я не хотела тебе говорить... не могла, только не после того, как Иэн рассказал, что случилось на реке. Сперва я не знала, что сделает отец... боялась, он во всем обвинит меня. А потом, когда узнала его получше, испугалась, что он начнет искать Боннета. Он обязательно решил бы отомстить. А ты ведь встречалась с тем человеком и знаешь, что он собой представляет...

Брианна сидела на солнце, но вся тряслась от холода; она беспрестанно терла руки, будто пытаясь их согреть.

– Знаю, – непослушными губами выдавила я. Слова Брианны эхом звенели в ушах.

«Я не планировала заниматься сексом... не хотела говорить... боялась, он во всем обвинит меня».

– Что он с тобой сделал? – Мой голос прозвучал на удивление спокойно. – Он изнасиловал тебя, детка?

Она скривилась и подтянула колени к груди, плотно обхватывая их руками.

– Не называй меня так, ладно? Не сейчас.

Я потянулась к ней, но она отпрянула.

– Хочешь мне рассказать?

Бог свидетель, я не желала этого слушать; я тоже предпочла бы сделать вид, что ничего не было.

Брианна сжала губы в тонкую белую линию.

– Нет. Не хочу. Однако придется.

На борт «Глорианы» Брианна взошла при свете дня, хоть и с некоторой опаской, но уверенная, что ей здесь ничего не грозит, поскольку доки были

полны народу: там сновали грузчики, моряки, торговцы, слуги... Она объяснила матросу на палубе, что ей нужно, тот исчез в недрах корабля, и мгновение спустя появился Стивен Боннет.

Он был в той же одежде, что и накануне, и теперь Брианна видела, что наряд его, хоть и высочайшего качества, весь измят и испачкан. На шелковых манжетах красовались пятна от жирной восковой свечи, а в кружевном жабо застряли крошки.

Впрочем, Боннет выглядел почти пристойно, по крайней мере, был свежевыбрит и с ясным взглядом – которым он тут же окинул Брианну с головы до ног. Бледно-зеленые глаза полыхнули любопытством.

– Я уж было решил, вчера вы показались такой хорошенькой из-за тусклого света. – Он любезно поцеловал ей ладонь. – Мало ли какую шутку может сыграть хмель. Это редкость, если женщина в сиянии солнца выглядит лучше, чем при луне.

Выдавив легкую улыбку, Брианна кое-как вытянула руку из его хватки.

– Благодарю. Кольцо еще у вас?

Сердце выпрыгивало из груди. Даже если он потерял кольцо или проиграл его в карты, Боннет еще может рассказать о нем – и о матери. И все же лучше бы кольцо выкупить... Всю прошлую ночь Брианну мучил страх, что это единственная вещь, которая осталась ей от матери. Конечно, это не так, если верить той газете, но все-таки...

– О, разумеется! Сама богиня Дану была со мной прошлой ночью – и, судя по всему, она меня не покинула.

Боннет одарил ее чарующей улыбкой.

– Я... я... вы его не продадите?

Брианна захватила все деньги, что у нее были, но она понятия не имела, сколько может стоить золотое кольцо.

– Зачем?

Прямой вопрос застал ее врасплох, и она не сразу нашлась с ответом.

– Оно... оно похоже на кольцо моей матери. Где вы его взяли?

В глазах Боннета мелькнуло странное выражение, хотя улыбка не пропала. Он предложил ей руку, намереваясь увлечь за собой в темный коридор. Брианна попятилась было, но капитан оказался быстрее и обхватил ее за талию.

– Хотите получить кольцо? Пройдемте, милая, в каюту, обсудим, сумеем ли мы договориться.

Оказавшись внутри, он налил бренди. Брианна едва пригубила напиток, а вот Боннет опрокинул в себя стакан и тут же наполнил его заново.

– Где, значит, где взял? – небрежно бросил он, когда Брианна повторила вопрос. – Ну... джентльмену не пристало сплетничать о своих любовных похождениях... Скажем так, это был подарок, – подмигнул он.

Улыбка словно намертво приклеилась к ее губам, единственный глоток бренди поднял в желудке бурю.

– Та леди, что подарила вам кольцо... Она в добром здравии?

Боннет удивленно разинул рот.

– Это плохая примета, – поспешила объяснить Брианна, – носить драгоценности... умерших.

– Разве? Надо же, не замечал... – Опустив стакан, он негромко рыгнул. – Впрочем, спешу заверить, что леди, подарившая мне кольцо, на момент нашего расставания была жива и здорова.

Буря в желудке Брианны несколько улеглась.

– О! Рада слышать. Так вы продадите кольцо?

Боннет откинулся на спинку кресла.

– Продать, значит... А что вы, сладкая моя, можете за него предложить?

– Пятнадцать фунтов стерлингов.

Боннет неторопливо поднялся. У Брианны застучало сердце. Он согласен! Неужели сейчас достанет кольцо?..

Вместо этого взял ее за руку и вытянул из кресла.

– Мне хватает денег, сладенькая. Скажи-ка лучше, волосы у тебя между ног такого же дивного цвета?

Брианна отскочила на несколько шагов и прижалась к дальней стене каюты.

– Вы неправильно меня поняли! Я вовсе не собиралась...

– Ты-то, может, и не собиралась, – ощерил он в усмешке зубы. – А вот я – вполне. Похоже, крошка, это ты меня неправильно поняла.

Он шагнул к ней. Она схватила со стола бутылку бренди и замахнулась. Боннет с легкостью увернулся, отобрал бутылку и вмазал раскрытой ладонью Брианне по лицу.

Ослепленная внезапной болью, она пошатнулась. Боннет схватил ее за плечи и поставил на колени; пальцы с силой зарылись ей в волосы, царапая кожу, и рывком заломили голову. Другой рукой он распутывал завязки на штанах. Довольно хрюкнув, он подался вперед.

– Поздоровайся с Леруа.

«Леруа» был необрезанным и немытым; от него разило застарелой мочой. К горлу подкатила тошнота, и Брианна отвернулась, однако Боннет резко повернул ее обратно, впиваясь пальцами в скальп.

– А теперь поцелуй нас хорошенько и приласкай своим миленьким язычком, – весело, даже игриво велел Боннет. Брианна пыталась вырваться, однако он с силой дернул за волосы, и от боли на глаза навернулись слезы.

Она покорно высунула язык.

– Неплохо, весьма неплохо, – одобрил Боннет. – Теперь открой ротик.

Он вдруг выпустил ее, и Брианна чуть не упала. Боннет с силой выкрутил ей ухо.

– Только попробуй укусить – я сломаю тебе нос. Ясно?

Он сунул ей в лицо здоровенный кулак. Потом вцепился в другое ухо и замер, сжимая голову меж ладоней.

Брианна старалась думать лишь о крови, текущей из разбитой губы, ее вкусе и запахе. Она словно воочию видела этот солоноватый вкус полированной меди, кругами вспыхивающий перед зажмуренными глазами.

Если ее сейчас вырвет, она задохнется. Задохнется, а он даже не заметит. Она умрет, а он по-прежнему будет толкаться ей в горло. Брианна цеплялась за его бедра, пытаясь отпихнуть, получить передышку...

Боннет же довольно мурлыкал под нос моряцкую песенку:

– И скоро в Ла-Манше измерим глубины, и тридцать пять лье – это путь наш домой...

Жесткие волоски кололи ей губы.

«Леруа» вдруг исчез. Боннет отпустил ее, и Брианна, потеряв равновесие, свалилась на четвереньки, задыхаясь и кашляя. Слюна была окрашена кровью, и Брианна сплевывала снова и снова, чтобы избавиться от мерзкого ощущения во рту. Губы распухли, пульсируя при каждом ударе сердца.

Боннет сгреб ее подмышки, вздернул и поцеловал, запихивая язык чуть ли не до самого горла. Одной рукой он придерживал ей затылок, не давая отвернуться. От него воняло бренди и гнилыми зубами. Вторая ладонь обшаривала и сжимала ягодицы.

– Мммм... – довольно выдохнул он. – Ну что, давай в постельку, а?

Брианна боднула его в лицо. Лоб врезался во что-то твердое. Боннет удивленно вскрикнул и отпустил ее. Брианна побежала, зацепившись юбкой за дверной засов; ткань громко треснула. Она бросилась в темный коридор и дернула на себя первую попавшуюся дверь.

За ней оказалось просторное помещение, где за длинным столом сидело человек двадцать. Было время ужина. На мужских лицах, обращенных в ее сторону, застыли самые разные выражения: от простого удивления до откровенной похоти. Брианна рванула мимо них в сторону

камбуза, но кок незаметно подставил ей ногу, и она упала. Колени больно врезались в палубу. Ботинки слетели.

– Значит, любишь поиграть, милая? – весело шепнул Боннет.

Он поднял ее одним легким движением и развернул Брианну к себе лицом. Удар пришелся ему по носу; резвая струйка крови растекалась по верхней губе, окрашивая зубы, и крупными каплями падала с подбородка.

Впрочем, в бледно-зеленых глазах плескалось все то же веселье.

– Это хорошо, сладенькая. Леруа тоже любит игры. Правда, Леруа? – Он посмотрел вниз, и Брианна невольно проследила за его взглядом. Боннет был без штанов, и дрожащий от нетерпения «Леруа» терся о ее юбки.

Взяв Брианну под локоть, Боннет галантно поклонился и жестом указал в сторону каюты. Брианна оцепенело шагнула вперед, и Боннет последовал за ней, непринужденно показывая голые ягодичы экипажу.

– То, что случилось после... было не так ужасно. – Свой голос Брианна слышала со стороны, словно историю рассказывал кто-то другой. – Я... у меня больше не было сил бороться.

Он даже не потрудился ее раздеть, только сдернул шаль. Платье было скроено по обычному фасону: с низким квадратным вырезом, так что Боннет одним рывком спустил его вниз, и грудь сама выскочила из лифа.

Он принялся мять ее, пощипывать соски, потом толкнул Брианну на кровать.

Простыни были в пятнах, воняли духами и вином – но больше всего от них несло невыносимо тяжелым духом Боннета. Он задрал ей юбку, невозмутимо напевая под нос: *«Прощайте, прощайте, испанские дамы. Прощай, черный бархат испанских ночей...»*

Мысленно Брианна видела, как отпихивает его, спрыгивает с кровати и несется к двери, чайкой взлетает по темным ступенькам и мчится по тертой палубе к свободе. Она чувствовала деревянные доски под босыми ступнями и яркое солнце, слепившее глаза... Почти чувствовала. А на самом деле лежала в темной каюте, застыв деревянной статуей и задыхаясь от вкуса крови.

Боннет просунул руку ей между бедер, и Брианна ожила, в панике забилась. Однако тот, даже не сбившись с ритма песни, грубо раздвинул ей ноги и, встав на колени, пристроился между ними. Он не стал раздеваться до конца, и бледный «Леруа» выглядывал из-под длинной рубашки.

На секунду Боннет заткнулся, чтобы плюнуть в ладонь и тщательно

растереть слюну между бедер Брианны, после чего приступил к делу. Одной рукой тиская ей грудь, другой он помог Леруа найти правильный путь, похвалив мимоходом «уютную норку», и дал себе волю.

Это длилось две минуты, может быть, три. А потом все закончилось, и Боннет рухнул на нее, мокрый от пота. Он по-прежнему мял ей грудь; светлые волосы рассыпались по ее щеке, влажное дыхание жгло шею. Впрочем, он хотя бы больше не пел.

Несколько бесконечных минут Брианна лежала, устремив взгляд в потолок, где плясали солнечные пятна от бликов на воде. Наконец Боннет вздохнул и неторопливо перекатился на бок. Он задумчиво почесал волосатое бедро.

– Неплохо, сладкая, хотя бывали у меня кобылки и поживее. Шевели в следующий раз задницей, а?

Он сел, широко зевнул и стал приводить одежду в порядок. Брианна отползла к краю кровати, а потом в страхе, что он решит ее удержать, одним движением вскочила на ноги. Голова кружилась, и воздуха не хватало, словно Боннет по-прежнему придавливал ее к матрасу.

Плавая в тумане, она подошла к двери. Та была заперта. Дрожащими пальцами Брианна дернула защелку раз, другой, как вдруг услышала за спиной голос Боннета и изумленно обернулась.

– *Что ты сказал?..*

– Я сказал, кольцо на столе, – повторил тот, натягивая чулки. Он махнул рукой на невысокий столик возле стены. – И деньги там же. Бери что хочешь.

Поверхность стола больше напоминала сорочье гнездо, он весь был засыпан безделушками: чернильницами, украшениями, сломанными перьями, стальными пуговицами, обрывками бумаг, накладными – и монетами: серебряными и медными, бронзовыми и золотыми из самых разных стран.

– Ты предлагаешь мне *деньги*?!

– Я всегда плачу за удовольствие, – заметно удивился тот. – А ты что думала?

В каюте все казалось неестественно ярким, Брианна видела каждую деталь, каждую мелочь – будто во сне, который вот-вот развеется.

– Ничего я не думала.

Шаль лежала на полу возле стола. Брианна подобрала ее, стараясь не думать о вязкой жидкости, стекающей по бедрам.

– Я ведь честный человек... для пирата, – рассмеялся Боннет. Он встал, надел башмаки, прошел мимо Брианны и одним движением открыл

защелку.

– Не стесняйся, милая, – небрежно указал он стол. – Заработала.

Брианна слышала, как удаляются его шаги, потом до нее донесся взрыв мужского смеха и пара грубых одобрительных реплик, затем голос Боннета изменился, посуровел; капитал отдал приказ, и над головой торопливо зашлепали босые ноги. С играми покончено, Боннет занялся делом.

Кольцо лежало в кубке из коровьего рога, в грудке костяных пуговиц, обрывков бечевки и прочей дряни. Такой же дряни, как и сам капитан.

Руки отчего-то тряслись, и кольцо ускользало из пальцев. Тогда Брианна взяла кубок и высыпала все его содержимое в карман.

Она шла по темному коридору, нащупывая в общей куче кольцо, цепляясь за него, словно за талисман. Мимо сновали моряки, слишком занятые, чтобы обращать на нее внимание, разве что кое-кто бросил похотливые взгляды. Ее ботинки стояли на краю стола; подбитые носы блестели в солнечном свете, проникавшем сквозь решетку.

Брианна обулась, ровным шагом вышла на палубу и спустилась по трапу. На губах стыл вкус крови.

– Я сперва думала, что смогу притвориться, будто этого не было, – тихо выдохнула она. Руки Брианна прижимала к животу, словно пряча. – Как видишь, не вышло...

Я на секунду задумалась.

– Когда? Сколько прошло времени после того, как Роджер?.. Ну, вы с ним?..

– Два дня.

– Тогда почему ты уверена, что это не он? – поразила я. – Ты же не пила таблетки, а Роджер вряд ли запасся в дорогу презервативами.

Брианна слегка улыбнулась, и на щеках у нее выступил румянец.

– Уверена. Он... в общем...

– Прервал половой акт?

Она кивнула.

Я протяжно выдохнула сквозь стиснутые зубы.

– Знаешь, что бывает с людьми, которые практикуют этот метод контрацепции?

– Что? – настороженно спросила Брианна.

– У них рождаются дети.

Глава 46

Появление чужака

Роджер опустил голову и поднес к лицу сложенные ладони. Большая удача, что он заметил среди деревьев зеленоватый блеск воды, иначе в жизни бы не нашел ручей.

Тот выбивался из трещины в камне, приятно освежая лицо и руки. Скала была гладкой, темно-зеленой, а земля вокруг – влажной, изрытой корнями и поросшей густым мхом, сверкающим не хуже изумрудов на полуденном солнце.

Мысль о том, что скоро (может, всего-то через час) он увидит Брианну, успокаивала досаду ничуть не хуже, чем холодная вода – пересохшее горло. Хоть у него и украли лошадь, по крайней мере, это случилось в самом конце пути.

Странно, что на эту дряхлую кобылу вообще кто позарился. Слава богу, хватило ума держать ценные вещи при себе, а не в седельных сумках. Роджер прижал руку к карману, чувствуя внутри успокаивающую тяжесть.

Собственно, кроме лошади он потерял разве что пистолет – столь же древний, как и это упрямое животное, – немного еды, да флягу с водой. Последняя утрата ощущалась особенно остро, пока он брел по пыльной дороге под жарким солнцем, но теперь и эту маленькую проблему удалось решить.

Роджер поднялся, и ноги увязли в сырой глине, оставляя на зеленом мху темные следы. Он вытер грязь о ковер из сухих листьев и хвои, потом, как мог, отряхнул пальто от пыли и расправил засаленный платок на шее. Костяшки пальцев царапнуло щетиной – бритва тоже хранилась в седельных сумках.

В общем, выглядел он как настоящий головорез. Не самый лучший вид для знакомства с родителями. Впрочем, Роджера мало заботило, что о нем подумают Клэр и Джейми Фрейзер. Сейчас его волновала только Брианна.

Ей удалось-таки найти родителей, и Роджер надеялся, что она, радуясь воссоединению с близкими, найдет в себе силы простить предательство. Боже, каким он был глупцом!

Настоящий дурак: недооценил ее упрямство, не был с ней до конца честен, пытался силой удержать ее в будущем – ради нее самой, конечно же... и, в общем-то, это было разумным решением, учитывая все, с чем он столкнулся за последние два месяца.

Роджер отвел низкую ветвь ладанной сосны – и с испуганным возгласом отпрянул, потому что перед самым лицом пронеслось что-то черное.

Хрипло-раскатистое «каррр!» обозначило, что противником его был ворон, и к нему, судя по хлопанью крыльев, прибыло подкрепление. Мимо уха просвистел еще один черный снаряд.

– Эй, пошли прочь!

Роджер увернулся от очередной взбесившейся птицы. Похоже, он набрел на гнездо, и воронам это не понравилось.

Первый ворон вновь атаковал и сбил шляпу в грязь. Птицы были на удивление злобны, они нападали, совершенно не смущаясь размеров противника. Еще одна пролетела мимо, зацепив когтями плечо и выдрав клоч ткани. Роджер подхватил шляпу и побежал.

Ядров сто спустя он замедлил шаг и оглянулся. Птицы его не преследовали, должно быть, он ушел от места их гнездования.

– Да уж, мистеру Хичкоку и не снилось... – пробормотал Роджер, пытаясь успокоить расшалившиеся нервы.

В густом лесу голос звучал глухо, словно в подушку. Вокруг было очень тихо, наверное, хищные вороны спугнули остальных птиц. Неудивительно, что шотландцы считали их вестниками беды: проводи Роджер в этих местах еще немного времени, и он сам уверует во все древние легенды, которые прежде считал не более чем красивыми сказками.

Несмотря на грязь, опасность и бытовые неудобства, Роджер не мог не признавать очарования нынешней жизни; особенно когда воочию видел, как люди непринужденно пользуются вещами, которые в его время считаются ценнейшими музейными экспонатами. Если бы не Брианна, он ни капельки не жалел бы о своем путешествии... пусть даже впечатление здорово подпортил Стивен Боннет и те мерзости, что Роджер наблюдал на борту «Глорианы».

Он снова прикоснулся к карману. Ему повезло, у Боннета был не один камень, а целых два. Неужто они и впрямь сработают? Роджер пригнулся и пару шагов проделал едва ли не на четвереньках – так низко переплетались ветки. Даже не верится, что эта тропинка ведет к жилью...

– Мимо не пройдет, – заверяла его девушка с мельницы, и Роджер теперь понимал, откуда такая уверенность. Он просто не сумел бы никуда свернуть.

Сосны и клены стояли стеной, лишь тропинка угадывалась тенистым тоннелем. Роджер понятия не имел, как далеко еще до гребня горы.

– До заката доберетесь, – говорила девушка, а день уже клонился к вечеру. Впрочем, тогда у него была лошадь. Не желая ночевать в лесу, Роджер ускорил шаг.

Мысли невольно убегали вперед.

Как прошла встреча Брианны с родителями? Что она думает о Джейми Фрейзере? Оказался ли он именно таким, как она представляла, или мать приукрасила образ своего возлюбленного шотландца?

Что ж, по крайней мере, она познакомилась с отцом...

А вот и конец пути! Сквозь зеленую завесу прорвалось солнце и пламенем заплесало по осенним листьям.

Ослепленный светом, Роджер вышел из темного тоннеля и оказался вовсе не на гребне, как ожидал, а на небольшой поляне, окруженной багряными кленами и золотыми дубами. Она чайным блюдцем лежала на солнце, окруженная непроницаемой стеной леса.

Озираясь в поисках тропинки, Роджер вдруг услышал лошадиное ржание и увидел свою дряхлую кобылу, которая мотала головой, пытаясь освободиться с привязи.

– Чтоб меня! – изумился он. – Ты-то какого черта здесь делаешь?

– Это тебя надо спросить, – ответили вдруг ему.

Из-за дерева, к которому была привязана кобыла, показался высокий парень. Он нацелил на Роджера пистолет... между прочим, его собственный. Роджера это крайне возмутило, а еще вызвало нехорошие подозрения. Он глубоко вздохнул, пряча страх.

– У тебя мой конь и мой пистолет. Что еще от меня ты хочешь? Мою шляпу?

Он протянул парню потрепанную треуголку. Грабитель не догадывается, что зашито у Роджера в кармане, он никому не говорил о камнях.

Парень – скорее даже подросток – шутку не оценил. Он взглянул на кого-то за спиной Роджера. Тот обернулся... и замер, словно пораженный громом.

Странно даже, что он не заметил этого мужчину сразу; похоже, тот давно стоял там, на краю поляны. На нем был выцветший килт в малиново-зеленую клетку, теряющуюся на фоне деревьев; ярко-рыжие волосы сливались с блестящими листьями. Мужчина выглядел так, будто он часть этого леса.

Впрочем, Роджера потрясло не столько внезапное появление незнакомца, сколько его внешность. Одно дело – знать, что Джейми Фрейзер похож на дочь. Совсем другое – видеть черты Брианны на суровом

мужском лице, отмеченном печатью лет.

Казалось, Роджер протянул руку погладить рыжего котенка – а взглянул в немигающие глаза свирепого тигра.

Похоже, Клэр ничуть не преувеличивала, описывая Джейми Фрейзера...

– Вы мистер Маккензи, – произнес мужчина, и это был не вопрос. Он говорил негромко; глубокий голос мог бы потеряться в шорохе листьев, но Роджер отчетливо слышал каждое слово.

– Да, это я, – шагнул он вперед. – А вы, видимо... Джейми Фрейзер?

Он протянул руку, но тут же под прицелом двух ледяных взглядов был вынужден ее опустить.

– Так вы обо мне слышали? – весьма недружелюбно осведомился тот.

Роджер вздохнул, проклиная свой потрепанный вид. Он понятия не имел, что Брианна рассказала отцу, но Фрейзер, судя по всему, ожидал увидеть кого-то более представительного.

– Ну, вы... вы весьма похожи на свою дочь.

Парень громко фыркнул, а вот Фрейзер и бровью не повел.

– А какое вам дело до моей дочери?

Он впервые шевельнулся, выходя из тени деревьев. Нет, Клэр ни капельки не преувеличивала – он настоящий великан, даже на пару дюймов выше самого Роджера.

Что, черт возьми, Брианна наплела отцу? Неужели она так сильно разозлилась и решила отомстить?.. Впрочем, он сам с этим разберется, как только ее увидит.

– Я пришел к своей жене, – заявил Роджер, и в глазах Фрейзера что-то мелькнуло. Роджер не понял, что именно, однако невольно уронил шляпу и выставил перед собой руку в защитном жесте.

– Не-а, это вряд ли, – на удивление довольным тоном протянул парень. Он сжимал рукоять пистолета так сильно, что побелели костяшки пальцев.

– Ты бы поосторожнее... Смотри не выстрели случайно, – опасливо предупредил Роджер.

Тот лишь оскалился в усмешке:

– Если и выстрелю, то вовсе не случайно.

– Иэн.

Фрейзер не повышал голоса, но парень тут же неохотно опустил оружие. Верзила подошел к Роджеру, не спуская с него темно-голубого чуть раскосого взгляда.

– Я спрошу только один раз и рассчитываю услышать правду, – негромко начал он. – Это ты лишил мою дочь невинности?

Роджер вспыхнул, заливаясь горячей краской до самой груди. Господи боже... Ему не хватало разве что разборок со свирепым горцем, решившим отомстить за поруганную честь дочери.

– Это... ммм... это не то, что вы подумали. Я... мы вовсе не собирались...

– Да или нет?

Фрейзер стоял на расстоянии вытянутой руки, совершенно бесстрастный, разве что в глазах у него пылал огонь.

– Послушайте... А, черт возьми, да! Она сама предложила...

Фрейзер ударил его под ребра.

Роджер согнулся пополам и попятился, хватая ртом воздух. Было не так уж больно, но он не понимал, что происходит, и его это злило.

– Стойте, – выдавил он. – Хватит! Ради бога, я же сказал...

Фрейзер ударил снова, в лицо. Костяшки горца содрали кожу, и челюсть обожгло словно огнем. Этот чертов придурок что, решил его убить?!

Горец снова занес руку, но Роджер увернулся. Ах, так?! Отпрыгнув назад, он сбросил пальто. Фрейзер, как ни странно, не стал его преследовать; он молча стоял на месте, сжимая кулаки.

Кровь стучала в ушах, Роджер не видел перед собой ничего, кроме Фрейзера. Что ж, если этот ублюдок хочет драки – он ее получит!

Слегка присев, он поднял согнутые руки. Первый раз его поймали врасплох, больше он этой ошибки не повторит. Роджеру доводилось участвовать в драках. Они с Фрейзером примерно одного роста и сложения, зато он на пятнадцать лет моложе.

Роджер вовремя заметил правый кулак и выставил блок, а сам что было силы нанес хук по ребрам... и пропустил другой кулак, прилетевший ему прямо в глаз. В голове вспыхнули кровавые звезды, и Роджер, взревев, ринулся на Фрейзера.

Он ударил его, почувствовал, как рука врезалась в живую плоть, но тот словно и не заметил. Здоровым глазом Роджер видел, что лицо Фрейзера оставалось совершенно спокойным. Он заехал кулаком ему в ухо, а тот ответил ударом в плечо, остановившим очередной замах. С трудом удержав равновесие, Роджер мотнул головой.

– Она... моя, – прохрипел он сквозь стиснутые зубы. Он обхватил Фрейзера, чувствуя, как под руками трещат ребра. Сейчас он переломает этому ублюдку все кости. – Моя... слышишь?!

Фрейзер подло рубанул его сзади по шее, удар пришелся вскользь, однако левое плечо и рука онемели. Роджер невольно разжал хватку, но тут

же толкнул противника, намереваясь сбить его с ног.

Тот вовремя отступил, и с его стороны прилетел очередной хук по ребрам. Роджер хрюкнул и согнулся, прикрывая живот.

Фрейзер боднул его лбом, и Роджер повалился на землю. По губам и подбородку побежала кровь, расплываясь темными пятнами по рубашке.

Роджер перекатился на бок, уворачиваясь от поднятой ноги. Пока он извивался ужом, в голову вдруг пришла странная мысль: похоже, пятнадцатилетняя разница в возрасте играет отнюдь не в его пользу. Видно, Фрейзер все эти годы отрабатывал навыки боя...

Он смог наконец-то привстать на четвереньки. С каждым вздохом в горле kloкотала кровь, на губах чувствовался ее металлический вкус.

– Хва... тит, – простонал он. – Все...

Его схватили за волосы и дернули голову вверх.

– Еще нет.

Колено врезалось в зубы, и Роджер покатился на земле. Перед глазамиплыли размытые цветные пятна, лишь инстинкт выживания заставлял его двигаться.

Роджер понимал, что борется за свою жизнь. Он вслепую бросился на маячивший впереди силуэт, схватил Фрейзера за рубашку и изо всех сил ударил в живот. Ткань треснула, и кулак встретился с костью. Фрейзер, изогнувшись змеей, схватил Роджера за мошонку и стиснул пальцы.

Тот замер и свалился на землю, словно ему переломили хребет. Боль нахлынула не сразу, и в голову Роджера еще успела проскользнуть последняя мысль, на удивление четкая и неотвратимая:

«Боже, кажется, я умру задолго до своего рождения».

Глава 47

Отцовская песнь

Давно уже стемнело, а Джейми все не было, и нервы мои звенели от напряжения; не представляю даже, каково приходилось Брианне. Мы поужинали – точнее, я накрыла на стол. Аппетита не было ни у кого – ни к еде, ни к разговорам, даже вечно голодная Лиззи уныло ковырялась в тарелке. Я переживала, здорова ли она: бледная и молчаливая, девочка вскоре пожаловалась на головную боль и ушла спать в сарай с травами. Впрочем, это даже к лучшему, мне не пришлось выдумывать предлог, чтобы отослать ее из дому.

Прошел час, как мы запалили свечи, когда я наконец услышала пугливое блеяние коз и шаги за дверью. Брианна обернулась на звук, и с ее лица отхлынула кровь.

– Все будет хорошо, – сказала я, и Брианна, заразившись от меня уверенностью, кивнула.

Жаль только, мое спокойствие было напускным. Нет, я и впрямь считала, что рано или поздно все наладится, но бог свидетель – сегодня нашу семью ждал непростой вечер. Как бы хорошо я ни знала Джейми, в некоторых случаях предсказать его реакцию не бралась – а новость о том, что его дочь беременна от насильника, могла спровоцировать горца на что угодно.

За эти часы я успела продумать все возможные варианты: как Джейми, например, будет орать во всю глотку и крушить мебель. Такое поведение и без того всегда меня расстраивало, а учитывая, что Брианна в гневе способна ответить тем же...

Пока она держала себя в руках, однако я знала, как легко нарушить это спокойствие. Стоит только Джейми повысить на нее голос – и она вспыхнет, как спичка. От отца она унаследовала не только рыжие волосы и рост. Еще ей достались его взрывной характер и неумение держать язык за зубами.

Я не была готова выступить в их споре переводчиком, адвокатом или судьей, так что открывала засов, чувствуя внутри неприятную пустоту.

Джейми умылся в ручье; волосы на висках были мокрыми, а лицо он вытер рубашкой, судя по влажным пятнам.

– Уже поздно, где ты был? – Я поднялась на цыпочки, чтобы его поцеловать. – И где Иэн?

– Приходил Фергус, попросил помочь ему с очагом, сам он боится не справиться с кладкой. Иэн остался у него, утром доделает.

Джейми чмокнул меня в макушку и похлопал по задку.

Должно быть, работа выдалась нелегкой: от Джейми пахло потом, хотя кожа была прохладной и свежей после умывания.

– О. Так Марсали уже накормила вас ужином?

Я вглядывалась в него при свете очага. Он выглядел как-то странно, хотя я никак не могла понять, в чем дело.

– Нет. Я уронил камень и, похоже, опять сломал чертов палец, так что решил вернуться домой, чтобы ты взглянула.

Точно. Он же облапил меня левой рукой, а не, как обычно, правой.

– Иди сюда, к свету.

Я подвела его к очагу и усадила на дубовую скамью. Брианна с шитьем сидела напротив; она встала и заглянула мне через плечо.

– Па, какой кошмар! – воскликнула она, увидев распухшие костяшки и содранную кожу.

– Пустяки, – отмахнулся он. – Разве что чертов палец... Ай, больно же!

Пропуская недовольные стоны Джейми мимо ушей, я ощупывала четвертый палец правой руки от основания до ногтя. Он покраснел и распух, хотя смещения вроде бы не было.

Вид этой руки всегда вызывал у меня мурашки. Давным-давно я, мало что смысля тогда в хирургии, собирала ее по косточкам, работая к тому же не в самых лучших условиях. Мне повезло, руку я спасла, и Джейми даже мог ею пользоваться, однако пальцы гнулись с трудом, потому что не все переломы срослись как надо, и сейчас, во время осмотра, я чувствовала под кожей неровности и уплотнения.

Впрочем, я была рада неожиданной отсрочке.

Закрыв глаза, я сосредоточилась. Безымянный палец всегда плохо двигался; средний сустав был полностью раскрыт и сросся неправильно. Мысленно я видела каждую косточку – не отполированные лабораторные образцы, а живые, мерцающие матовым светом жизни: каждую клетку-остеобласт, вырабатывающую матрикс.

Я снова ощупала палец и легонько сдавила его в середине, чувствуя темную болезненную трещинку перелома.

– Здесь? – спросила я, открывая глаза.

Кивнув, Джейми едва заметно улыбнулся.

– Здесь. Саксоночка, ты такая красивая, когда это делаешь...

– В каком смысле?

– Не могу объяснить... – Он склонил голову набок, пристально меня

изучая. – Ты похожа на...

– Точь-в точь мадам Ла Зонга с хрустальным шаром, – насмешливо подсказала Брианна.

Я даже опешила, увидев, как она взирает на меня сверху вниз, точно так же склонив голову.

– Была такая гадалка, – пояснила она Джейми. – Ясновидящая.

Он расхохотался.

– Похоже, ты права, *a nighean!*^[12] Правда, мне на ум пришел пастор – во время мессы они выглядят так же, когда смотрят на хлеб, а видят плоть Христову... Только не подумайте, я вовсе не сравниваю свой жалкий палец с плотью Иисуса Господа нашего... – скромно добавил он, кивком указывая на раненую руку.

Брианна засмеялась. Джейми смотрел на нее, улыбаясь уголками губ, и в его глазах, несмотря на усталые морщинки, мерцала любовь. Я что угодно отдала бы, чтобы продлить этот момент нежности.

– Вы два идиота, – фыркнула я и провела пальцами по больному месту. – Кость сломалась возле сустава. Ничего серьезного, просто трещина. На всякий случай наложим лубок.

Я залезла в сумку с медикаментами в поисках льняного бинта и длинной деревянной палочки, с помощью которой обычно осматривала горло пациента. Одним глазом я посматривала на Джейми. Сегодня он вел себя как-то странно.

Я заметила это сразу же, как только он вошел, а когда держала Джейми за руку, чувство это усилилось, – он словно кипел, пытаясь подавить в себе не то волнение, не то расстройство. Он всегда хорошо скрывал эмоции... Что, черт возьми, случилось в доме Фергуса?

Брианна что-то сказала Джейми – я не расслышала, что именно, – и, не дожидаясь ответа, подошла ко мне и заглянула в распахнутую сумку.

– У тебя есть какая-нибудь мазь от ушибов? – спросила она и, наклонившись ближе, тихо прошептала: – Может, не стоит говорить ему сегодня? Он устал, и рука болит. Пусть лучше отдохнет.

Я взглянула на Джейми. Откинувшись на спинку скамьи, он глядел на пламя в очаге... Однако расслаблен он не был, странная сила держала его в напряжении.

– Может, он и отдохнет, а вот ты – точно нет, – чуть слышно ответила я. – Иди и расскажи ему. Хотя нет, пусть сперва поест.

Плохие новости лучше воспринимаются на полный желудок.

Я перебинтовала палец, а Брианна тем временем нанесла мазь из горечавки на разбитые костяшки другой руки. Она выглядела совершенно

спокойной, никто бы не догадался, какая буря бушует сейчас в ее душе.

– Ты порвал рубашку. – Я завязала последний узелок. – Сними, я после ужина зашью. Ну, что теперь скажешь?

– Просто замечательно, мадам Ла Зонга. – Он пошевелил перевязанным пальцем. – Ты совсем меня избалуешь.

– Вот когда начну пережевывать тебе мясо – тогда волнуйся, – ехидно откликнулась я.

Он рассмеялся и протянул руку Бри, чтобы она смазала ушибы.

Я достала из шкафа тарелку, а когда вернулась к очагу, увидела, как пристально Джейми наблюдает за Брианной. Она наклонила голову, втирая мазь в мозолистую кожу. Я представила, как она сейчас подбирает слова, и сердце у меня заныло. Наверное, мне стоило сказать Джейми самой, удержать Брианну подальше от него, пока первая вспышка гнева не пройдет и он не возьмет себя в руки.

– *Ciamar a tha tu, mo chridhe?* – спросил он вдруг. Этой фразой Джейми всегда начинал урок гэльского, но сегодня он говорил тише и словно бы мягче. «Как у тебя дела, дочь моя?»

Джейми легонько сжал ее длинные пальцы.

– *Tha mi gle mhath, athair,* – удивленно отозвалась та – обычно урок был после ужина. «Все хорошо, отец».

А он медленно протянул руку и положил ей на живот.

– *An e'n fhirinn a th'agad?* – «Это правда?»

Закрыв глаза, я медленно выдохнула, только сейчас поняв, что затаила дыхание. Не надо ничего рассказывать. Теперь ясно, почему он так напряжен – Джейми уже все знает; какой бы ценой ни досталось ему это знание, самое страшное позади, и с Брианной теперь он будет ласков.

Брианна не настолько хорошо знала гэльский, чтобы ответить, но она поняла, о чем он спрашивает. Она потрясенно уставилась на него, а потом прижала перевязанную руку к щеке и опустила голову, пряча лицо за волосами.

– Да, отец, – прошептала она. – Прости.

– Ладно, *m'annsachd*^[13], – мягко сказал он, – все будет хорошо.

– Нет, не будет, – тихо, но отчетливо проговорила Брианна. – Ты же сам знаешь.

Джейми повернулся ко мне, однако понял, что я ничем не могу помочь. Глубоко вдохнув, он обхватил Брианну за плечи и легонько встряхнул.

– Я знаю лишь то, что мы рядом с тобой – я и твоя мать. И мы не дадим тебя в обиду. Никогда. Слышишь?

Брианна молчала; она сгорбилась, пряча лицо за распущенными

волосами. Джейми погладил Брианну по щеке, потом пальцы скользнули к подбородку и заставили ее поднять голову.

– Лиззи говорит правду? – тихо спросил он. – Тебя изнасиловали?

Брианна тут же отстранилась и отвела взгляд, невольно сжимая кулаки. Этот жест выразил больше, чем любые слова.

– Я не думала, что она знает. Я ей не говорила.

– Она сама догадалась. И ты ни в чем не виновата, не смей даже так думать! Иди сюда, *a leannan*^[14].

Он сгреб ее в объятия и неловко усадил себе на колени.

Дубовая скамья закрипела под двойным весом; впрочем, Джейми, как обычно, сделал ее на совесть – она выдержала бы и шестерых. Брианна, какой бы высокой ни была, в отцовских руках выглядела малюткой; она прижалась лбом к его плечу, а он принялся поглаживать ей волосы и ласково бормотать, перемешивая английские и гэльские слова.

– Я найду тебе хорошего мужа... и славного отца твоему *bairn*^[15]. Жизнью клянусь, *a nighean*.

– Я не хочу замуж, – сдавленно прошептала Брианна. – Я люблю Роджера, а он меня больше не захочет. Когда узнает...

– ...то ему будет все равно. – Джейми яростно прижал ее к себе. – Если он порядочный человек, ему будет все равно. А если нет... значит, он тебя недостойн. Я тогда его в клочья разнесу и найду тебе мужчину получше.

Брианна прыснула, но смех тут же сорвался в рыдание, и она зарылась лицом в рубашку отца. Он баюкал ее, укачивал, словно она была маленькой девочкой с разбитыми коленками, а сам смотрел поверх ее головы на меня.

Когда Брианна мне все рассказала, я не плакала. Мать должна быть сильной. Однако сейчас она меня не видела, а Джейми на время взвалил мой груз на свои плечи.

Брианна тоже тогда не плакала, а теперь она цеплялась за отца и отчаянно рыдала: не столько от горя, сколько от облегчения. Джейми держал ее, позволяя выплеснуть боль. Он гладил ее по волосам, а взглядом успокаивал меня.

Когда я промокнула щеки рукавом, он улыбнулся мне – чуть-чуть, краешком губ. Брианна тоже затихла, протяжно вздыхая. Джейми погладил ее по спине.

– Я голоден, саксоночка. И, думаю, нам всем не помешает немного выпить.

– Хорошо. – Я откашлялась. – Сейчас принесу молока из погреба.

– Я сказал выпить, а не попить! – притворно возмутился он.

Не обращая внимания на его вопли и смешок Брианны, я открыла дверь и вышла.

Ночь была холодной, над головой висели яркие осенние звезды. Я не накинула пальто, и руки тут же пошли мурашками, но я неподвижно стояла, позволяя ледяному ветру обдывать лицо, чтобы смыть напряжение последнего часа.

Царила тишина, сверчки и цикады утихли: то ли умерли, то ли уснули вместе с мышами, скунсами и опоссумами; те-то уже давно погрузились в зимние грезы, спрятав от мороза косточки под толстым слоем жирка. В такие ночи охотятся одни лишь волки; сегодня даже они молча рыскали по мерзлой земле.

– Ну и что нам делать? – спросила я у бескрайнего темного неба.

Молчание, только ветер стонал в еловых ветвях, да мои собственные слова звенели в ушах. Что ж, наверное, это и есть тот самый ответ, на который я рассчитывала: что бы ни случилось, очередной удар судьбы отныне мы встретим вместе.

Когда я вернулась, они все еще сидели рядом, склонив друг к другу ярко-рыжие головы. Запах мази смешался с едким дымом горящей сосны и ароматом рагу из оленины – и я вдруг поняла, что умираю с голоду.

Я тихонько притворила дверь и опустила засов. Потом перемешала в очаге угли и принялась снова накрывать на стол; достала свежий хлеб, затем прошла в кладовую за сливочным маслом. И замерла, глядя на заставленные припасами полки.

«Доверься во всем Господу и моли его подсказать правильный путь. А если преодолевают сомнения – поешь».

Этот крайне полезный совет дал мне один монах-францисканец. Я схватила банку со смородиновым вареньем, круглую головку козьего сыра и бутылку вина из бузины.

Комнату наполнял негромкий голос Джейми, и я позволила его звукам успокоить меня так же, как и Брианну.

– Когда ты была маленькой, я постоянно о тебе думал, – рассказывал он. – В той пещере все время представлял, как держу тебя на руках, такую крошечную, прижимаю к сердцу и пою песни.

– А что за песни?

Брианну едва было слышно за треском очага. Рука ее лежала на плече у Джейми, и указательным пальцем она изредка поглаживала длинную прядь его волос.

– Старые колыбельные, которые пела мне мама, а потом Дженни –

своим детям.

– Спой, пожалуйста, – выдохнула вдруг Брианна.

Он замешкался было, потом стал негромко напевать на гэльском ей на ухо. Увы, у Джейми начисто отсутствовал слух; голос его то взлетал, то падал, и мелодия получилась совершенно немзыкальной – но при этом отчего-то успокаивала.

Я разобрала большую часть слов. Это была песнь рыбака, который молил морских тварей отдать жизнь ради пропитания его дочери... охотника, который просил лесных зверей поделиться теплой шкурой. Песнь отца – молитва, оберегающая от всех бед...

Под ее звуки я на цыпочках ходила по комнате, доставала деревянные тарелки и чаши, резала хлеб и намазывала его маслом.

– Па, знаешь что? – сказала вдруг Бри.

– Что? – на секунду прервал свою колыбельную Джейми.

– Ты совершенно не умеешь петь.

Послышалось фыркание и шелест ткани, когда он подвинулся, устраивая их двоих поудобнее.

– Не спорю. Так мне перестать?

– Не-а.

Она прильнула к нему еще теснее.

– А хочешь, я тоже кое-что тебе скажу?

Глаза у Брианны были закрыты, тень от ресниц падала на скулы, но она улыбнулась.

– Что, па?

– Ты вешишь не меньше матерого лося.

– Так мне встать? – не шелохнувшись даже, спросила Брианна.

– Не вздумай.

Она погладила его по щеке.

– «*Mi gradhaich a thu, athair*». – «Моя любовь навеки с тобой, отец».

Джейми крепче обнял ее и поцеловал в лоб. В очаге вдруг рассыпалось искрами полено, и пламя взревело, высвечивая их лица. В этот момент они стали невероятно похожи, только Брианна выглядела более нежной, женственной копией Джейми. Они оба сильные и такие упрямые...

И, благодарение Господу, они мои.

После ужина измученная Брианна заснула. Я вымоталась, меня не оставляло жуткое ощущение, будто я нахожусь на поле боя, но никак не могу повлиять на исход битвы... И все же я должна что-то предпринять.

Однако решать мне ничего не хотелось. Мне хотелось забыть о

настоящем и будущем и просто вернуться в тихий вчерашний день.

Залезть в теплую постель, свернуться рядом с Джейми клубком и спрятаться под одеялом от холода. Смотреть, как гаснут в очаге угли, и тихо обмениваться глупыми сплетнями и шутками, постепенно переходя на язык страсти – когда слова сменяются прикосновениями и движением тел, а потом и этот разговор умолкает, и в комнате воцаряется сонная тишина.

Вот только сегодня в нашем доме было беспокойно.

Джейми волком рыскал по комнате, переставляя вещи с места на место. Наблюдая за ним уголком глаза, я убирала со стола. Мне очень хотелось поговорить – и в то же время я страшилась этого разговора. Я обещала Бри молчать о Боннете. Однако врать я не умела, и Джейми легко читал по моему лицу.

Я налила в ведро горячей воды и собрала тарелки, чтобы вымыть их за домом. Когда вернулась, Джейми стоял возле стола, где хранил бумагу и чернила. Спать он явно не собирался, но и писать раненой рукой все равно не смог бы, хотя задумчиво крутил в пальцах перо.

– Хочешь мне что-то продиктовать? – спросила я.

Он отмахнулся:

– Нет. Надо бы Дженни написать, да и других дел полно... но сейчас я не в состоянии сесть и сосредоточиться.

– Я тебя понимаю... – сочувственно кивнула я.

– Саксоночка, я и сам себя не понимаю, – со странным смешком ответил он. – Раз ты такая умная – скажи же, что я сейчас чувствую.

Я подошла ближе и положила руку ему на грудь.

– Ты устал... Злишься. Волнуешься... – Я покосилась на Брианну, тихо сопящую в кровати. – Возможно, у тебя разбито сердце...

– Все верно, – согласился он, рванув воротник рубашки, словно та его душила. – И не только. Не могу здесь оставаться. – Он взглянул на меня – я до сих пор не успела переодеться, так и ходила в дневном платье. – Пойдем прогуляемся немного?

Я торопливо бросилась за плащом. Снаружи темно, Джейми не увидит моего лица – а значит, не поймет, что я вру.

Мы неторопливо вышли из дома, миновали сарай и загон для скота. Я даже не представляла, с чего начать разговор. Хотя, возможно, сейчас лучше промолчать? Мы оба были вне себя, просто не показывали этого, чтобы успокоить Брианну.

Джейми ощутимо кипел от ярости. Понятная эмоция... увы, столь же нестабильная, как и керосин: тронь без лишней надобности бутылку – и она полыхнет, разнося все вокруг. Одного неловкого слова хватит, чтобы

Джейми взорвался. А если он на меня рявкнет, я либо разревусь, либо вцеплюсь ему в горло, потому что и сама сдерживаюсь из последних сил.

Мы долго бродили среди деревьев, окружавших мертвое кукурузное поле, не глядя перед собой и в то же время ступая осторожно, словно пробираясь сквозь мины.

– Джейми... – не вытерпела я в конце концов. – Так что у тебя с руками?

– Что? – удивился он.

Я взяла его за ладонь и поднесла к лунному свету.

– Эти ссадины – они ведь не из-за работы с камнем?

– А... – Он замер, позволяя мне гладить разбитые костяшки, и вдруг спросил: – Брианна... Она ничего не говорила о том мужчине? Ты знаешь, кто это?

Я замешкалась – и этим себя выдала.

– Так ты знаешь? – В голосе отчетливо прорезалась недовольство.

– Она просила тебе не рассказывать! Я ей говорила, что ты обо всем догадаешься, но, Джейми, я дала ей слово, умоляю, пожалуйста, не заставляй меня!..

Он то ли насмешливо, то ли презрительно фыркнул.

– О да, я хорошо тебя знаю, саксоночка, ты не умеешь ничего скрывать. Даже малыш Иэн читает тебя как открытую книгу. – Он успокаивающе похлопал меня по спине. – Не переживай. Скажет сама, когда будет готова. А я подожду.

Джейми неловко стиснул перебинтованную руку в кулак, и по спине у меня побежали мурашки.

– Так откуда ссадины?

Он глубоко вздохнул.

– Помнишь, саксоночка, когда мы только встретились, Дугал однажды довел меня так сильно, что я чуть было на него не кинулся? А ты сказала: «Ударь по чему-нибудь, станет легче». – Он криво усмехнулся. – И я поколотил дерево. Было больно, но ты оказалась права. Не то чтобы мне полегчало, но немного отпустило – это да.

– О.

Я с облегчением выдохнула. Все хорошо, Джейми, похоже, не собирается устраивать мне допрос. Что ж, пусть ждет. Он, кажется, еще не понял, что дочь унаследовала его же упрямство.

– Она... она рассказала, как это случилось? – Заминка выдавала испытываемые им чувства. – Я имею в виду... Ее сильно мучили?

– Нет. Физически – нет.

Золотое кольцо тяжелым грузом оттягивало мне карман. Брианна просила лишь не раскрывать имени Боннета и на этом все, но я не собиралась пересказывать Джейми подробности случившегося... да он и сам не спрашивал. Думаю, для него эта история стала бы худшим из кошмаров.

Джейми и впрямь промолчал – только пробормотал под нос гэльское ругательство и, опустив голову, зашагал дальше. Однако я не могла уже выносить это давящее молчание. Лучше взорваться, чем умереть от удушья.

– О чем думаешь?

– О том, как это ужасно... подвергнуться насилию... даже если без особой грубости...

Под курткой беспокойно заходили плечи, словно одежда вдруг стала ему тесна. Я отлично понимала, что сейчас у него на уме: тюрьма Уэнтворт и оставшаяся на память от нее паутина толстых шрамов.

– Думаю, это ужасно. Хотя, надеюсь, ты прав – это легче пережить, если нет явных последствий. Беда в том, что одно последствие у нас будет.

Джейми непроизвольно дернулся.

– Да. – Он странно посмотрел на меня – а может, просто кособокая луна так серебрила его лицо? – И все же... если он над ней не издевался, это одно. А вот если мучил... Тогда убить его мало! – резко закончил Джейми.

– Есть только один маленький нюанс: с беременностью уже ничего не поделаешь, – несколько язвительно сказала я. – Сломанные кости можно срастить, раны – залечить. А вот ребенок... он никуда не денется, и ты это знаешь.

– Да, знаю!

Я вздрогнула, и Джейми успокаивающе вскинул руки.

– Прости, не хотел кричать.

Я кивнула, и мы опять пошли бок о бок, больше не притрагиваясь друг к другу.

– Все я знаю! – начал было он, но тут же осекся, глядя на меня. Поморщившись, он попробовал снова, уже спокойнее: – Уж прости меня, саксоночка, в этом вопросе я разбираюсь лучше тебя.

– Не спорю. Но тебе не доводилось рожать, ты не представляешь, каково это...

– Ты все-таки споришь, саксоночка. Не надо. – Голос был шутливым, однако Джейми говорил серьезно. – Я просто пытаюсь объяснить тебе. – Он застыл, словно собираясь с силами. – Я уже давно стараюсь не вспоминать Джека Рэндалла... И сейчас не хотел бы. Приходится.

Пожав плечами, он провел рукой по лицу.

– Есть тело, саксоночка, а есть душа, – медленно произнес Джейми, тщательно подбирая слова, чтобы выразить свои мысли. – Ты врач, и о теле знаешь побольше многих. Но душа не менее важна.

Хотя с языка рвалась колкость, я промолчала. Джейми этого не заметил – так же как не видел темного поля и залитых лунным светом кленов. Перед его глазами стояла комнатуха с толстыми каменными стенами, где из мебели имелись лишь стол, пара стульев и лампа. И еще кровать.

– Рэндалл, – отстраненно заговорил Джейми. – Я смог выдержать почти все, что он делал. Да, я боялся, мучился от боли. Жаждал его убить. Но я сумел бы с этим справиться и жить дальше, не чувствуя себя грязным. Однако моего тела ему было мало – он хотел заполучить мою душу. И ему это удалось... А, ладно, ты и сама все знаешь.

Резко отвернувшись, он стремительно зашагал вперед. Я едва поспевала за ним.

– Вот об этом я тебя и спрашиваю... Тот человек, он взял ее просто из минутной прихоти? Если он всего лишь хотел насладиться женским телом... то, думаю, она переживет.

Джейми медленно выдохнул. Белое облачко пара окутало его осязательным свидетельством гнева.

– А вот если он хотел заполучить именно *Брианну*, а не любую женщину вообще – тогда, быть может, ему удалось затронуть ее душу, и это действительно страшно...

– А так, по-твоему, ничего страшного не случилось?! – возмутилась я. – Не важно, чего он хотел...

– А я говорю, важно. Это разные вещи!

– Нет, не разные. Я понимаю, о чем ты...

– Не понимаешь!

– Понимаю! Но почему...

– Потому что когда я беру тебя, саксоночка, то получаю не только твое тело. И ты прекрасно это знаешь!

Он вдруг сгреб меня в охапку и яростно поцеловал. Силой раздвинул мне губы и просунул в рот язык – настойчиво, жадно, грубо.

Я знала, чего он хочет – того же, что я надеялась получить от него: утешения. Однако сегодня на утешение рассчитывать не приходилось.

Пальцы впились мне в плечи, потом поднялись выше, к шее. Джейми прижал меня к себе, и по спине побежали мурашки. И вдруг он отстранился.

– Не могу... – Хрипло дыша, он убрал руки. – Не могу...

Джейми отвернулся, нащупывая возле себя изгородь, словно слепой, и плотно зажмурил глаза.

Меня трясло, ноги подкашивались. Обхватив себя руками, я села на землю у его ног. Кровь громко стучала в ушах. Ночной ветер шумел в деревьях на склоне горы, неясно бормотал в соснах. Откуда-то из темноты женским плачем донеслось мяуканье пантеры.

– Это не потому что я тебя не хочу, – выдавил наконец Джейми.

Тихо зашуршав одеждой, он повернулся ко мне. Мгновение стоял неподвижно, опустив голову; луна висела за его спиной, и волосы мерцали в ее свете, а лицо было сокрыто в тени. Потом все-таки протянул мне перебинтованную руку и помог встать.

– Я хочу тебя больше, чем когда-либо... Но, черт возьми, я не могу, Клэр! Не могу воспринимать себя сейчас как мужчину. Не могу прикоснуться к тебе, думая о том, как он... Просто не могу!

– Я понимаю.

Хорошо, что он не стал выпрашивать у меня подробности. Я и сама предпочла бы ничего не знать. Разве могли мы заняться сейчас любовью, невольно думая о другом акте, внешне ничем не отличимом, но совершенно ином по сути?

– Джейми, я понимаю, – повторила я.

Открыв глаза, он уставился на меня.

– Вот именно. Об этом я и говорил... Ты можешь одним словом вырвать мне сердце, Клэр, – прошептал он, привлекая ближе, – потому что ты меня знаешь. – Пальцы – холодные, негнущиеся – медленно скользили по моему лицу. – А я могу то же самое сделать с тобой.

– Можешь... Но я верю, что не станешь.

Улыбнувшись, он поцеловал меня, очень нежно и ласково. Мы стояли, едва касаясь друг друга одними губами и ловя чужое дыхание.

«Да, – словно говорили мы безмолвно. – Да, я все еще здесь».

Хотя бы соломинка легла через пропасть между нами. Я поняла, что имел в виду Джейми, однако так и не смогла объяснить ему, что ребенок в утробе матери всегда связывает тело и душу воедино.

Наконец я отстранилась и заглянула ему в глаза.

– Брианна очень сильная. Совсем как ты.

– Как я? – фыркнул он. – Тогда ей остается лишь уповать на милость Господа.

Он медленно пошел вдоль изгороди. Я последовала за ним.

– Этот мужчина, о котором она рассказывала... Роджер. Он ее не бросит? – спросил вдруг Джейми.

Я медленно выдохнула, не зная, что ответить. С Роджером я общалась всего ничего. Он мне нравился, даже очень. Молодой историк произвел впечатление весьма достойного человека – но я не могла даже смутно представить, что он подумает, сделает, скажет, узнав, что Брианну изнасиловали. И еще хуже, – что она беременна от насильника.

Не каждый мужчина может справиться с подобной ситуацией; за годы врачебной практики я не раз видела, как вроде бы крепкие семьи рушились из-за сущих мелочей. А те, что все-таки уцелели, были отравлены ядом недоверия. Я невольно накрыла ладонью карман, где лежало золотое кольцо. «Ф. – К. С любовью. Навеки».

– А ты бы остался? – спросила я в итоге. – Если бы это случилось со мной?

Джейми открыл было рот, но тут же его захлопнул и пытливо уставился мне в лицо.

– Я хотел бы ответить «да, конечно!», – медленно произнес он. – Но я обещал быть с тобой честным...

– Обещал, – отозвалась я, чувствуя на сердце камень вины. Как я могу требовать честности, когда сама не до конца откровенна? Ведь он тоже брал с меня клятву.

Джейми стукнул кулаком по изгороди.

– *Ifrinn!*^[16] Да, черт возьми, я бы остался. Ты все равно моя, даже если ребенок не от меня. И раз ты... да, я остался бы, – твердо повторил он. – Я принял бы тебя с чужим ребенком, а весь остальной мир пусть катится к чертям.

– И ни разу бы не пожалел? – не сдавалась я. – Никогда бы не подумал лишнего, ложась со мной в постель? Не искал бы в ребенке чужие черты? Ни в чем меня не упрекнул? И между нами все было бы по-прежнему?

Джейми все порывался перебить меня. И вдруг изменился в лице.

– Господи боже... Ты говоришь не обо мне. О Фрэнке!

Я кивнула, и он встряхнул меня за плечи.

– Что он с тобой сделал? Что?! Скажи, Клэр!

– Он тоже остался. – Голос звучал надрывно даже в моих собственных ушах. – Я умоляла его уйти, но он остался. А когда родился ребенок – когда родилась Брианна, – он ее полюбил. Джейми, он не верил, что сможет, и я тоже, но у него действительно получилось. Прости...

Джейми выдохнул и отпустил меня.

– Не жалею ни о чем, саксоночка. Никогда.

Он потер лицо, царапая ладонь отросшей щетиной.

– А ты, саксоночка? Когда он ложился в твою постель... Думала ли

ты?..

Джейми внезапно замолчал, однако вопрос повис в воздухе: незаконченный и все же заданный.

– Может, это была и моя вина, – помолчав немного, призналась я. – Я не смогла тебя забыть, как видишь. Если бы смогла... возможно, все вышло бы по-другому.

Слова рвались на волю, будто вода из прорванной плотины.

– Было бы проще, если бы меня изнасиловали. Ему ведь сперва так и сказали – врачи, – что меня похитили и все это время держали в плену, поэтому я немного тронулась умом. А я продолжала твердить правду. Спустя какое-то время он мне поверил... по крайней мере, отчасти. И для него это было хуже всего – знать, что мой ребенок не просто от другого... а от мужчины, которого я любила. А я не могла солгать. Просто не могла. – Голос мой становился все тише. – Фрэнк... он был лучше меня. Он сумел забыть о прошлом – по крайней мере, ради Бри. А вот ради меня...

Захлебнувшись словами, я замолчала.

Джейми долго смотрел на меня.

– То есть ты двадцать лет прожила с мужчиной, который так и не простил тебе проступка, в котором не было твоей вины? Ведь это я тебя заставил... Ох, саксоночка, что же я наделал...

Полувздых-полувсхлип вырвался у меня из груди.

– Ты сказал, что можешь вырвать мне сердце одним словом... так вот, ты чертовски прав!

– Прости, – прошептал он, хватая меня и тесно прижимая к себе.

– За то, что я тебя любила? Не извиняйся, – пробормотала я, уткнувшись носом ему в рубашку. – Не смей.

Он не ответил, только щекой прильнул к моим волосам. Было тихо, я слышала, как бьется его сердце и гудит ветер в деревьях. Я замерзла, слезы стыли на щеках.

Наконец я выпуталась из его объятий и отступила.

– Лучше бы нам вернуться. Уже совсем поздно.

– Да, наверное.

Я приняла протянутую руку, и мы молча свернули к краю обрыва над ручьем. Зима близилась, на скалах уже блеснул серебряный иней, однако ручей замерзнуть не спешил. Его журчание заполняло тишину, которая казалась уже не столь напряженной.

– Что ж, – сказал Джейми, когда мы миновали загон для свиней, – надеюсь, Роджер Уэйкфилд окажется лучше нас двоих – меня и Фрэнка. А если нет, я на нем живого места не оставлю, – подмигнул он.

Неожиданно для самой себя я рассмеялась.

– Уверена, это поможет делу.

Джейми фыркнул. Достигнув подножья холма, мы молча повернули к дому. У самых дверей я остановилась.

– Джейми... Ты веришь, что я тебя люблю?

Он долго глядел на меня, прежде чем ответить. Луна высветила его лицо, углубив все черты, словно их высекали из камня.

– Ну, саксоночка... Если ты решила сказать, что не любишь – знай, ты выбрала не лучшее время.

Я слабо хихикнула.

– Нет, вовсе нет. Но... – Горло сдавило, и я поспешно сглотнула. – Я... я ведь не часто об этом говорю. Может, потому, что так воспитана. Я росла с дядей, а он хоть и заботился обо мне... Я понятия не имею, как ведут себя женатые люди...

Джейми вдруг легонько коснулся моих губ.

– В общем... Если я не говорю о своих чувствах – откуда ты о них знаешь?

– Я знаю о твоей любви, потому что ты здесь, со мной, саксоночка. Ты ведь на это намекаешь? Что он отправился вслед за ней, этот Роджер, значит, он и впрямь ее любит.

– Так не поступают из одной лишь дружбы...

Джейми кивнул, однако я, запинаясь, продолжила, желая, чтобы он осознал всю значимость поступка Роджера.

– Я тебе не рассказывала о переходе, потому что... ну, я не знаю, как вообще его описать. Но... Некоторые остаются там, в кругу камней.

Джейми застыл.

– Ты о чем, саксоночка?

– Я... я слышала их. Их крики.

Меня трясло: и от холода, и от воспоминаний. Джейми притянул меня к себе. Осенний ветер тряс ивы у ручья, и они сухо шелестели, словно дребезжа старыми костями. Джейми держал меня, пока дрожь не утихла.

– Холодно, саксоночка. Пойдем домой.

Он повернулся было к двери.

– Джейми?

– Да?

– Мне... мне надо тебе об этом говорить?

Он глядел на меня сверху вниз. Луна озаряла его голову нимбом.

– Не надо, – тихо сказал он. – Но если у тебя вдруг возникнет такое желание, возражать не стану. Ни сейчас, ни когда-либо еще. Только не

слишком часто – не хотелось бы утратить новизну ощущений.

В его голосе слышалась улыбка, и я не смогла не улыбнуться в ответ, пусть даже он меня не видел.

– Если изредка – это ведь не так уж страшно?

– Ага.

Я шагнула к нему и положила руки на плечи.

– Я люблю тебя.

Он долго-долго глядел на меня.

– Я рад этому, Клэр. – Пальцы нежно скользнули по моей щеке. – Очень рад. Пойдем в постель, я тебя согрею.

Глава 48

В яслях

Крошечный загон для животных прятался в пещере под каменистым выступом, вход в которую преграждал частокол из необтесанных кедровых бревен, зарытых в землю на два фута и способных удержать самого наглого медведя. Сквозь открытую верхнюю половину двери лился свет, и розоватый дым рябью поднимался вдоль скалистой стены утеса.

– А зачем делать дверь из двух частей? – удивилась в свое время Брианна. – Лишняя работа...

– Животные должны видеть, что происходит снаружи, – пояснил ей тогда отец, надевая кожаный ремешок на деревянное крепление. Он взял молоток и встал на колени возле недоделанных ворот, чтобы закрепить петлю. – Так им уютнее.

Брианна не знала, уютно ли животным в загоне, но ей самой это место нравилось. Здесь было прохладно и сумрачно, пахло свежей соломой и травяным пометом. Удивительно тихий днем, когда его обитатели паслись на лугу, ночью или в плохую погоду загон превращался в надежное убежище. Однажды после заката Брианна проходила мимо и видела, как туманные облачка пара от звериного дыхания пробиваются в щели между древесиной и камнем – словно дышала сама земля, убаюканная осенью.

Сегодня было холодно, яркие звезды булавами висели в ясном небе. От дома до конюшни было всего пять минут ходу, но Брианна даже под плащом успела продрогнуть. Внутри в дальнем углу пылала маленькая жаровня, освещающая пещеру не хуже фонаря у дверей.

Отец сидел, завернувшись в плед, на охапке соломы рядом с пятнистой стельной коровой. Та изредка мычала; ее белая морда выглядела чрезвычайно сосредоточенной.

Услышав шаги, Джейми вскинул голову и потянулся за кинжалом на поясе.

– Это я.

Брианна вышла на свет, и Джейми расслабился.

– Мама еще не вернулась?

Он знал, что Брианна пришла одна, и все же смотрел ей за спину, словно ожидая увидеть, как из темноты материализуется Клэр.

Брианна покачала головой. Клэр, захватив с собой Лиззи, ушла принимать роды на одну из ферм с той стороны ручья. Если не успеют до

темноты, на ночь они останутся у Лахланов.

– Нет. Она просила принести тебе ужин, если задержится.

Встав на колени, Брианна принялась выкладывать содержимое маленькой корзины: ломти свежего хлеба с сыром и томатами, пирог из сушеных яблок и две глиняные бутылки: одну с овощным бульоном, вторую с сидром.

– Вот это здорово, *lassie*. – Джейми, улыбнувшись, взял одну из бутылей. – А ты-то сама поела?

– О да, – заверила Брианна, все же не сдержав плотоядного взгляда на пирог: недомогание, свойственное ранней беременности, ушло, сменившись чувством постоянного голода.

Джейми, заметив это, достал нож и разрезал пирог на две части, большую из которых предложил дочери.

Они принялись дружно жевать, сидя рядышком на соломе. Тишину нарушало только тихое фырканье и сопение обитателей стойла. В дальнем углу был огорожен загон для огромной свиньи с выводком поросят. Брианна смутно различала во мраке их розовые тельца, уже сейчас удивительно похожие на колбаски.

Оставшееся пространство было поделено на три части. В одной расположилась рыжая корова Магдалена, лениво вылизывающая месячного теленка, примостившегося у нее под боком. Вторая, пока что пустая, предназначалась для пятнистой коровы и ее потомства. В третьем стояла кобыла Иэна с круглыми боками – в ее чреве тоже рос малыш.

– Да здесь прямо-таки родильное отделение.

Брианна, стряхивая с одежды крошки, кивнула в сторону Магдалены. Джейми с улыбкой вскинул брови – он всегда так делал, если не понимал, о чем речь. Пришлось пояснить:

– Это специальное помещение в больнице, где находятся новорожденные. Мама иногда брала меня на работу и позволяла заглядывать в детскую палату.

В памяти вдруг всплыл запах больничных коридоров, едкий от дезинфицирующих средств и мастики. Младенцы, завернутые в розовые и голубые одеяльца, лежали в колыбельках, пухлые, как поросята. Брианна всегда внимательно разглядывала ряды кроваток, выбирая, кого из них она забрала бы домой.

Розовый или голубой?.. Впервые она задумалась, какие одежды доведется носить тому, кто зреет у нее внутри. Отчего-то ей совершенно не хотелось воспринимать это существо как мальчика или девочку, и она поспешила отогнать неприятную мысль.

– Младенцев держат за стеклянной стенкой, чтобы к ним не попали микробы.

Брианна покосилась на Магдалену, которая невозмутимо чавкала жвачкой, роняя зеленоватую струйку слюны прямо на голову теленка.

– Микробы... – задумчиво протянул Джейми. – Да, я о них слышал. Опасные мелкие твари, да?

– Еще какие опасные.

Недаром мать, собирая медицинский саквояж для визита к Лахланам, аккуратно наполнила большую стеклянную бутылку чистым спиртом из бочонка в кладовой. В памяти невольно всплыло давнее воспоминание: как мать рассказывала о жизни в прошлом Роджеру Уэйкфиду.

«В ту эпоху роды были самым опасным испытанием для женщины, – говорила Клэр, сосредоточенно хмуря брови. – Инфекции, разрыв плаценты, неправильное положение плода, выкидыши, кровотечения, родильная горячка... Смерть при родах была частым явлением».

Пальцы Брианны застыли, несмотря на трещащие в жаровне сосновые ветви, и волчий аппетит внезапно ее покинул. Девушка положила оставшийся кусок пирога на салфетку и с трудом сглотнула, чувствуя, что сухое тесто застряло в горле.

На колено ей легла теплая ладонь отца, согревая даже сквозь плотную юбку.

– Мама не допустит, чтобы с тобой что-то случилось, – хрипло сказал он. – Я видел, как она борется с микробами. Она не дала им добраться до меня, и к тебе их не подпустит. Она ведь очень упрямая, да?

Брианна рассмеялась, и комок в горле исчез.

– Она говорит, с кем поведешься...

– Что ж, надеюсь, она права.

Джейми подошел к пятнистой корове и заглянул ей под хвост. Покачав головой, вернулся к Брианне и поднял недоеденный ею кусок пирога.

– С ней все хорошо?

Зачерпнул горсть соломы, Брианна протянула ее корове. Та лишь тяжело вздохнула, игнорируя угощение. Темные глаза, обрамленные длинными ресницами, беспокойно двигались. По выпуклым бокам, лоснящимся в свете фонаря, изредка пробегала дрожь.

Джейми чуть поморщился.

– Думаю, справится. Хотя это ее первый теленок, а сама она мелковата. Ей всего-то чуть больше года, не стоило ее так рано сводить...

Он пожал плечами и откусил от пирога.

Брианна вытерла липкие от коровьей слюны пальцы о юбку. Чувствуя

странное беспокойство, она встала и подошла к свиарнику.

Огромное брюхо раздутым шаром выпирало из соломы, под редкой белой щетиной виднелась розовая плоть. Свинья возлежала в безмятежном спокойствии, не обращая внимания на голодный выводок, шебуршащий у ее бока. Один из поросят толкнул соседа, тот с пронзительным визгом выпустил сосок, и сильная струя молока с шипением впилалась в сено.

Брианна, сложив руки на изгороди, ощутила покалывание в собственной груди; она вдруг потяжелела и напряглась.

Это был не самый привлекательный образ материнства – отнюдь не Мадонна с младенцем, – но в беспечном оцепенении свиньи чудилось нечто успокаивающее: некая невозмутимость, слепая вера в природные процессы.

Джейми, снова проверив корову, встал возле Брианны.

– Она славная девочка, – одобрително сказал он, кивая свинье. Та в ответ шумно выпустила газы и сладко потянулась на своем ложе.

– Похоже, она знает, что делать, – согласилась Брианна, закусывая губу.

– А то. Характер у нее скверный, но мать она хорошая. Это уже четвертый ее помет, и еще ни одного поросенка она не задавила и не отказалась кормить. – Одобрително кивнув свинье, он повернулся к пятнистой корове. – Я лишь мечтаю, чтобы эта справилась так же успешно.

– А если нет? – выдохнула Брианна.

Джейми ответил не сразу, он облокотился на изгородь, глядя на извивающийся выводок поросят.

– Если она не сможет родить сама и мне не удастся вытащить теленка, значит, придется ее убить, – невозмутимо сказал он наконец. – Может, тогда теленок уцелеет, и Магдалена его выкормит.

У Брианны внутри все сжалось. Она видела кинжал на поясе Джейми, однако воспринимала его как часть костюма, не задумываясь, зачем он в этой пасторальной идиллии. Маленький груз в ее животе лежал неподвижно и тяжело – словно бомба замедленного действия.

Джейми присел на корточки возле пестрой телки и провел рукой по круглому боку. Потом почесал ей между ушами и пробормотал что-то на гэльском.

Как он может говорить с ней, зная, что уже через пару часов ему, возможно, придется взрезать ее живую плоть? Это казалось кошунством – все равно что мяснику нежничать со своими жертвами перед тем, как вскрыть им горло.

В желудок словно упала очередная ледяная капелька, присоединяясь к

уже имеющейся коллекции страхов и сомнений.

Джейми встал и потянулся, похрустывая костями.

– *Lassie*, тебя проводить до дома? Здесь еще нескоро.

Брианна подумала и покачала головой.

– Нет, я лучше побуду с тобой. Ты не против?

Сейчас, внезапно решила она. Она спросит его прямо сейчас. Брианна уже несколько дней ждала подходящего момента – и сегодня он настал. По крайней мере, они наедине, и им никто не помешает.

– Как хочешь. Буду рад компании.

Это ненадолго, мрачно подумалось ей.

Джейми отвернулся, роясь в корзинке с припасами. Брианна предпочла бы завести этот разговор в темноте – наверное, по дороге домой было бы удобнее. Но слов недостаточно, она должна видеть его лицо.

Во рту пересохло, и она с благодарностью взяла протянутую чашку с сидром. Он был крепким и ароматным и даже немного облегчил тяжесть в желудке.

Она отдала чашку Джейми, но не стала дожидаться, когда он тоже выпьет, опасаясь, что приданная сидром храбрость улетучится.

– Па...

– Да, *lass*?

Он наливал сидр, не отрывая глаз от прозрачной золотистой струйки.

– Мне надо кое-что у тебя спросить.

– М-м-м?

Набрав воздуха, она выпалила на одном дыхании:

– Ты убил Джека Рэндалла?

Джейми замер, держа бутылку над чашкой. Затем медленно перевернул ее и поставил на пол.

– Где ты слышала это имя? От отца? Тебе Фрэнк Рэндалл о нем рассказывал?

– Нет, мама.

У Джейми дергался уголок рта, выдавая его нервозность.

– Значит, мама...

Он ни о чем не спрашивал, но Брианна все равно ответила.

– Она мне рассказала. О том, что случилось. Что он с тобой сделал. В Уэнтворде.

Ее мужество уже иссякло, но это было не важно – отступить некуда. Джейми молча сидел и глядел на нее, забыв о тыквенной чашке с сидром. Брианне хотелось отобрать ее и выпить, однако она не осмеливалась.

Она запоздало сообразила, что Джейми мог воспринять это как

предательство со стороны Клэр – что та рассказала кому-то, тем более ей.

– Это было не сейчас, давно, – поспешно затараторила она. – Я тебя тогда еще не знала. Она ведь думала, мы никогда не встретимся. Я хочу сказать, она же не собиралась... Ну...

– Помолчи, а?

Брианна только рада была заткнуться. Она не могла выносить его взгляда, поэтому опустила голову, уткнувшись носом в колени и нервно теребя подол рыже-коричневой юбки. Тишина не кончалась, ее нарушали разве что пороссячьи визги да бурчание в брюхе Магдалены.

Брианна умирала от стыда. Надо было найти другой путь. *Наготы отца твоего не открывай...* Произнести вслух имя Джека Рэндалла – все равно что воскресить в памяти его злодеяния, – а Брианна не могла даже представить их масштабы. Надо было обратиться к маме, та сама спросила бы у отца...

Хотя нет, у Брианны не было выбора. Она должна выяснить все сама.

Поток мыслей прервал размеренный голос Джейми:

– А почему ты спрашиваешь?

Она вскинула голову, поймав на себе цепкий взгляд поверх полной чашки с сидром. Джейми не казался расстроенным, и давящие тиски страха потихоньку разжались. Она с вызовом посмотрела отцу прямо в глаза.

– Мне нужно знать, потому что я хочу его убить. Того мужчину... – Она указала на свой живот и с трудом сглотнула. – А если это не поможет...

Джейми невозмутимо поднес чашку ко рту.

– Хмм... А тебе уже доводилось убивать?

Уголки губ у него дрожали: он смеялся над ней. Ответ был очевиден. Брианна вскипела:

– Думаешь, не смогу, да? А я смогу. Еще как смогу!

Брианна и впрямь в себя верила, хоть и не совсем ясно представляла, как именно это провернет. Она неплохо обращалась с огнестрельным оружием, и, наверное, это наилучший выход... Однако мысленно увидев, как направляет пистолет на Боннета, она вдруг поняла смысл выражения «застрелить его мало».

Боннету, возможно, хватит одной пули, но Брианну такой исход не устраивал. Ночами, скидывая с себя одеяло, потому что даже его вес напоминал о невыносимой тяжести чужого тела, ей хотелось не просто убить Боннета – ей хотелось прикончить его медленно и мучительно, своими собственными руками.

Вот только... какой смысл его убивать, если потом он все равно будет

ее преследовать? Брианне не узнать этого наверняка, поэтому нужно любой ценой выяснить у отца правду.

– Так что? Ты убил его?.. И стало ли тебе легче?

Джейми медленно, прищурившись, скользил по ней взглядом.

– Чем тебе поможет убийство? Оно не уберет ребенка из твоего живота. И не вернет твою девственность.

– Знаю!

Щеки у нее вспыхнули, и Брианна отвернулась, злясь и на отца, и на саму себя. Они тут разговаривают об изнасиловании и убийстве – а она смущается упоминания о потерянной невинности?

– Мама рассказывала, как ты пытался убить Джека Рэндалла на дуэли в Париже. Чего ты хотел добиться?

Он потер подбородок и шумно втянул воздух носом, глядя на скалистый потолок.

– Я пытался вернуть свое мужество. Свою честь.

– А думаешь, мою честь возвращать не стоит? Или, по-твоему, женская честь – это и есть *девственность*?

Последнее слово она произнесла протяжно, передразнивая шотландский акцент.

– А для тебя это одно и то же?

– Нет, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

– Хорошо.

– Тогда ответь мне, черт бы тебя побрал! – Она стукнула кулаком по соломе. – Убийство вернуло твою честь? Тебе стало легче?! Скажи!

Тяжело дыша, она замолчала. Джейми осушил чашку одним залпом и поставил рядом.

– Правду, значит? Правда в том, что я не знаю, убил я его или нет.

– Как это «не знаешь»?! – разинула рот Брианна.

– А вот так! – Джейми раздраженно вскочил на ноги. – Рэндалл умер в Каллодене, и я был рядом. Вот и все, что я помню.

Он замешкался, словно сомневаясь, стоит ли продолжать, потом выставил перед собой ногу и поднял край килта.

– Вот, смотри.

Шрам был очень старым, – но вид его ужасал. Широкий и выпуклый, длиной не меньше фута, он спускался по внутренней стороне бедра, в самом низу заканчиваясь бугристым утолщением – точь-в-точь наверху булавы.

– Похоже, это был штык, – равнодушно произнес Джейми. – Я помню, как лезвие задело кость – и больше ничего, ни до, ни после этого момента.

Он опять глубоко вздохнул. Брианна поняла, как нелегко ему дается внешнее спокойствие.

– И за это я благодарю Господа – за то, что он уберег меня от воспоминаний, – наконец сказал Джейми, глядя мимо Брианны в темный угол загона. – На том поле погибло немало достойных мужчин, которые были мне дороги. Я не видел их мертвыми – а значит, для меня они остаются живыми. Может быть, это трусость с моей стороны. Возможно, я сам предпочел забыть тот день – а возможно, не смог бы вспомнить при всем желании.

Взгляд его стал мягче.

– И после этого... После этого мне было уже не до места. На том поле лежали тысячи трупов, и я думал, что скоро умру. Джек Рэндалл... – Джейми взмахнул рукой, словно отгоняя мысль о нем, как кусачего слепня. – Он тоже был среди них. И я решил оставить его на милость Господа. Вот так.

Брианна не знала, что и думать. Ее мучили любопытство и сочувствие, но более всего – невероятное разочарование.

– Ты... ты смог жить дальше... даже несмотря на то, что он с тобой сделал?

– От этого мало кто умирает, девочка, – иронично заметил Джейми. – Я не умер. И ты выживешь.

– Еще неизвестно, – она прижала к животу руку. – Через полгода увидим, умру я или нет.

Вот теперь Джейми окончательно потерял самообладание.

– Ничего с тобой не случится, – отрывисто бросил он. – У тебя задница шире, чем у этой коровы.

– Как и у мамы, да? Говорят, фигурой я в нее пошла. У нее тоже широкие бедра, но она все равно чуть не умерла.

Джейми вздрогнул – резко, будто она хлестнула его крапивой. И отчего-то Брианна вместо удовлетворения почувствовала панику.

Она понимала, что его обещание защиты ничего не стоит. Нет, конечно же, Джейми убьет ради нее кого угодно или с радостью сложит голову, пытаясь отомстить за ее честь... Однако отец не сможет уберечь ее от ребенка, который растет в утробе.

– Я умру, – прошептала она, и внутри все сковало ледяной уверенностью. – Я знаю, что умру.

– Не умрешь! – Джейми встряхнул ее за плечи. – Я тебе не позволю!

Брианна что угодно отдала бы, чтобы ему поверить. Губы у нее застыли, ярость уступила место холодному отчаянию.

– Ты ничем не поможешь... Ты не сможешь ничего сделать!

– Зато твоя мать – сможет.

Впрочем, Джейми и сам себе не верил. Брианна вырвалась.

– Нет, без больницы, без лекарств, без нужных инструментов у нее ничего не получится! Если... если что-то пойдет не так, все что она сможет – это с-спасти реб-бенка.

Взгляд невольно упал на кинжал, поблескивающий острой сталью.

Колени подогнулись, и Брианна грузно осела на пол. Джейми схватил бутылку, плеснул в чашку сидра и ткнул ей под нос.

– Вот, выпей. А то ты блее рубашки.

Брианна послушно сделала глоток, однако поперхнулась и оттолкнула отца.

– А знаешь, что хуже всего? – Она вытерла рукавом капли с подбородка. – Ты говоришь, я ни в чем не виновата, но это неправда.

– Не смей так думать!

Брианна взмахнула рукой, обрывая его.

– Ты тут говорил о трусости... Так вот, я трусиха. Я должна была сопротивляться ему, изо всех сил... А я испугалась. Будь я достаточно храброй, ничего бы не произошло, но я трусила. А теперь боюсь еще больше.

Она глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, и вцепилась руками в соломенную подстилку.

– Ты ничем мне не поможешь, и мама тоже. А Роджер... – Брианна закусил губу, сдерживая слезы.

– Брианна... *A leannan*...

Джейми потянулся к ней. Она отпрянула, прижимая к животу руки.

– Я все время думаю – может, убить его... Это ведь единственное, что в моих силах. Если... если я умру, то хоть заберу его с собой, а если все-таки выживу... тогда ничто не будет напоминать о случившемся, я смогу все забыть...

– Ты ничего не забудешь.

Слова Джейми падали тяжело, как комья земли на ее гроб.

– Хотя это уже неважно. – Он стукнул пустой чашкой о пол, словно принял некое важное решение. – Мы найдем тебе мужа, а после рождения ребенка у тебя не останется времени себя оплакивать.

– Что?! Какого еще мужа?!

– Ты не можешь растить малыша одна, – с легкой досадой пояснил Джейми. – Ему нужен отец. И раз ты не признаешься, кто сделал тебе ребенка, чтобы я заставил его выполнить свой долг...

– Думаешь, я бы вышла за него замуж?!

– Ну, я тут подумал... может, ты слегка приукрасила реальность, а, *lass*? Может, никакого насилия не было? Просто ты разочаровалась в своем мужчине и сбежала, а по дороге придумала эту сказку. В конце концов, ты цела и невредима... Трудно поверить, чтобы мужчина мог силой взять такую рослую девушку, если ты и впрямь того не хотела.

– Считаешь, я вру?!

Джейми скептически вскинул бровь. Брианна в ярости замахнулась, но он перехватил ее руку и с укоризной протянул:

– Да ладно. Ты не первая, кто потерял голову, не последняя, кто пытается себя выгородить...

Увернувшись от очередного удара, он поймал и второе запястье.

– Не понимаю только, зачем поднимать такую суету. Или дело в том, что ты его хотела, а он тебя бросил?

Используя весь свой вес, Брианна вывернулась в его руках и рывком вскинула колено – но вместо чувствительной плоти угодила в бедро.

Удар был нешуточным, однако Джейми даже не шелохнулся, и хватка его не ослабла. Брианна билась и вырывалась, проклиная свои юбки. Она пару раз что было силы пнула его в голень, а он лишь усмехнулся.

– Это все, на что ты способна, *lassie*?

Он наконец разжал пальцы... лишь затем, чтобы перехватить оба запястья одной рукой, а другой принялся ее щекотать.

– *На склоне гор жил старый вор; он день и ночь точил топор, а я свой дома позабыл и все ж его убил, убил, убил.*

С каждым слогом считалочки палец больно втыкался между ребрами.

– Ах ты чертов ублюдок! – заорала Брианна.

Она всем весом повисла на руке, норовя добраться до нее зубами. Однако укусить не успела – ноги вдруг оторвались от земли, и мир перевернулся.

Она очутилась на коленях, рука была заломлена за спину. Локоть свело мучительной судорогой. Брианна дернулась – но плечо прострелило болью. Тяжелая рука легла ей на макушку, вынуждая пригнуть голову: все ниже и ниже.

Подбородок уткнулся в грудь, Брианна не могла дышать. Колени сами собой поехали в стороны, и она почти что распласталась по полу.

– Х-хватит, – прохрипела она, с трудом проталкивая воздух в пережатую гортань. – Пр-рекр-р...

Джейми ослабил нажим, однако руку не убрал. Брианна чувствовала его невероятную, безжалостную силу. Она слепо потянулась назад, пытаясь

ухватиться за него, хотя бы оцарапать...

– Я могу сломать тебе шею, – тихо, очень тихо сказал отец. Тяжесть с макушки исчезла, хотя Джейми по-прежнему ее не отпускал, и Брианна стояла на коленях, подметая волосами пол. Рука медленно спустилась к ее горлу, большой и указательный пальцы сдавили артерию. Перед глазами заплескали черные пятна. – Могу тебя убить.

Рука невозмутимо заскользила дальше, по плечу, подбородку, щеке. Брианна отдернула голову, чтобы Джейми не почувствовал на ее лице влагу, не заметил беспомощных слез.

Он вдруг с силой надавил ей на спину, и Брианна, чтобы не сломать руку, с тихим хныканьем выгнулась и раздвинула ноги еще шире.

– Могу сделать с тобой все, что пожелаю, – холодно проговорил Джейми. – Ты сумеешь мне помешать, а, Брианна?

От ярости и стыда ей не хватало воздуха.

– Отвечай. – Он опять сдавил ей шею.

– Нет!

И Джейми отпустил ее – так неожиданно, что Брианна упала, чудом не разбив лицо.

Всхлипывая и задыхаясь, она лежала на соломе. Рядом тихо сопела разбуженная шумом Магдалена. Медленно, через силу, Брианна поднялась и села.

Джейми стоял над ней, скрестив руки.

– Будь ты проклят, – прошипела она, яростно стучая кулаком по соломе. – Боже, как бы я хотела тебя убить!

Джейми неподвижно глядел на нее сверху вниз.

– Верно, – тихо сказал он. – Но ты не можешь, правда?

Ничего не понимая, она уставилась на него. А он смотрел ей в глаза, без злости или насмешки – чего-то выжидая.

– Ты не можешь, – с нажимом повторил он.

И тут нахлынуло понимание, горячей волной смывая боль.

– Боже, – прошептала она. – Это правда. Я не могу. Не смогла бы. Даже если бы сопротивлялась... я бы не смогла.

Неожиданно для самой себя она разрыдалась, и напряжение внутри ослабло, тяжесть на сердце пропала. Нет, ее вины в случившемся не было, даже если бы она отчаянно дралась – как сейчас, – то все равно...

– Я бы не смогла, – всхлипывала она, хватая ртом воздух. – Я бы не смогла ему помешать. Я все думала, если бы сопротивлялась, то... это ничего не изменило бы. Он бы все равно со мной это сделал...

Джейми вновь коснулся ее лица – на этот раз легко и трепетно.

– Ты очень отважная, *lassie*. Ты станешь считать себя трусихой лишь потому, что не рискнула выйти против льва с голыми руками? Здесь то же самое. Не глупи больше.

Она вытерла нос тыльной стороной ладони и громко шмыгнула.

Джейми взял Брианну под локоть, помогая встать. Теперь его сила больше не злила и не пугала – она успокаивала и внушала доверие. Сбитые о каменный пол колени саднило, ноги подгибались, и Брианна послушно пересела на удобную охапку соломы.

– Мог бы просто сказать, – пробурчала она. – Что я ни в чем не виновата.

– Мог, – согласился Джейми. – Но ты бы не поверила, а так сама убедилась.

– Да... наверное.

Невероятная усталость навалилась ей на плечи шерстяным одеялом, но сбрасывать эту тяжесть Брианна уже не хотела. Не в силах пошевелить и пальцем, она сквозь опущенные ресницы смотрела, как отец смачивает в поилке платок, протирает ей лицо и расправляет измятые юбки.

Когда он протянул чашку с сидром, Брианна взяла его за руку. Под теплой кожей прощупывались твердые мышцы.

– А вот ты мог сопротивляться. Но не стал...

– Не стал, – подтвердил он. – Я дал слово в обмен на жизнь твоей матери.

Синие глаза – не лед, не сапфир, а ясная чистая вода – смотрели прямо на нее.

– И ни разу об этом не пожалел.

Обняв Брианну за плечи, Джейми уложил ее на соломенную подстилку.

– Отдохни, *a leannan*.

Брианна послушно легла, вцепившись при этом в Джейми и вынудив его встать возле нее на колени.

– Это правда – что я никогда не забуду?..

Джейми молча гладил ее по волосам.

– Да, – ответил он наконец. – Хотя со временем это перестанет иметь значение.

– Разве? – Брианна слишком устала, чтобы раздумывать над его словами. Она чувствовала себя невесомой, словно покинула брренное тело и воспарила в небо. – Даже если мне не хватит сил его убить?

Из открытой двери вдруг потянуло холодом; сквозняк развеял теплый туман в загоне, и животные раздраженно засуетились. Пятнистая корова

заерзала и жалобно замычала.

Бросив на нее взгляд, Джейми опять повернулся к Брианне.

– Ты очень сильная женщина, *a bheanachd*^[17], – ласково сказал он.

– И вовсе я не сильная. Ты только что это доказал...

– Я о другом... – Джейми задумался, поглаживая ей волосы. – Знаешь, ей было десять, когда умерла мама. Дженни. В день похорон я зашел на кухню и увидел, как она, забравшись коленями на стул, мешает суп. На ней был мамин передник. Она подвернула его и дважды опоясалась. Я видел, что Дженни тоже плакала, у нее все лицо распухло, глаза были красными. Но она посмотрела на меня и сказала: «Джейми, иди вымой руки, я сейчас вам с папой накрою на стол».

Зажмурившись, он сглотнул. А потом снова взглянул на Брианну.

– Так что я прекрасно знаю, какими сильными бывают женщины. И ты, *m'annsachd*, тоже выдержишь все, что бы ни произошло, уж поверь мне.

Он подошел к корове. Та беспокойно крутилась в тесном стойле, запутывая привязь. Джейми поймал конец веревки и принялся поглаживать телку по пятнистым бокам, что-то ласково бормоча. Брианна заметила, какой хмурый взгляд он бросил на кинжал, лежавший на охапке соломы.

Нет, Джейми вовсе не мясник. Скорее хирург, как ее мать. Брианна, все еще пребывая в том странно-отстраненном состоянии, вдруг поняла, насколько они разные – ее родители – и в то же время как они похожи. Оба удивительным образом сочетали в себе великое сострадание и граничащую с жестокостью решимость.

Однако и в этом они отличались. Клэр, проиграв очередной поединок со смертью, сохраняла бесстрашие; как врач, она должна была жить дальше, если не ради себя, так ради будущих пациентов. Отец же был безжалостен к самому себе – более, чем к кому-либо другому.

Джейми скинул плед и расстегнул рубашку, неторопливо, без лишних движений. Стянул ее через голову, аккуратно сложил в стороне и вернулся на свой пост, готовый помочь многострадальной корове.

Факел высветил белый округлый шрам возле его сердца. Как там: «наготы не открывай»? Джейми, если надо, готов обнажить свою душу – и сделать то же самое с другими, если сочтет необходимым...

Он положил руку у основания коровьего хвоста и что-то примиряюще сказал на гэльском. Брианна почти понимала смысл его слов.

Какой бы исход их не ждал, Джейми Фрейзер не отступит, он будет бороться до конца.

Джейми остановился возле изгороди на склоне. Было уже поздно, он изрядно устал, но мысли не давали ему уснуть. Корова благополучно отелилась, он отнес Брианну в хижину – девушка сладко посапывала на его руках, – а потом вышел, чтобы найти утешение в ночи.

Голень, куда пришелся удар, саднило, на бедре расплывался здоровенный синяк – все-таки для женщины Брианна была на удивление сильна. Ушибы, впрочем, мало тревожили Джейми; он испытывал странную гордость за дочь. С ней все будет хорошо. Обязательно.

Конечно, эта мысль подпитывалась скорее надеждой, нежели уверенностью. Однако бессонница мучила его из-за другого, и потому Джейми чувствовал себя страшным глупцом. Ему казалось, что старые раны давным-давно зажили, что он забыл о них... на деле же вышло по-другому, и его пугало, как близко к поверхности оказались похоронены воспоминания.

Если он хочет обрести сегодня покой, ему придется их извлечь, призвать своих демонов. Ну... он ведь сам говорил дочери, в чем заключается истинная сила. Джейми замер, сжимая перекладину изгороди.

Ночные шорохи утихли, а он все вслушивался в тишину, ожидая, когда опять зазвучит тот голос. Джейми уже много лет его не слышал – и вот сегодня в словах дочери прошелестело полузабытое эхо, и старое пламя ярости опять вскипело в груди.

Лучше шагнуть вперед и встретить противника лицом к лицу, чем ждать удара в спину. Если Джейми не справится со своими собственными демонами, как тогда он поможет Брианне? Он потер синяк на бедре, находя странное утешение в боли.

«От этого мало кто умирает, – сказал он ей. – Я не умер. И ты выживешь».

Голос все медлил, и на мгновение Джейми воспарил духом – быть может, уже прошло достаточно времени, чтобы... и вдруг он вернулся, словно никогда и не замолкал, этот ласковый шепот, хлещущий сильнее кнута.

– Сперва это будет нежно... Медленно. Деликатно, точно ты мое дитя... И так долго, что ты забудешь те дни, когда еще не принадлежал мне...

Время остановилось – как останавливалось всякий раз, когда Джейми балансировал на краю застарелого страха. Он ждал, что последует дальше, – знал, и все равно ждал этого.

– А потом, – с любовью продолжил шепот, – я причиню тебе невыносимую боль. А ты будешь умолять, чтобы я не останавливался.

Джейми запрокинул голову к звездам. Он душил в себе ярость, дрожал от собственной беспомощности, стискивал зубы, однако смотрел на немигающее небо, как молитву перечисляя имена звезд и пытаясь затеряться в их бесконечности.

Бетельгейзе. Сириус. Орион. Антарес. Небо огромное, и ты рядом с ним ничто. Пусть шепот льется сквозь него, и воспоминания уйдут, призраком растворяясь в темноте.

Плеяды. Кассиопея. Телец. Небеса вечны, а ты мертв – хоть и не утратил прежней силы... Джейми широко развел руки и покрепче ухватился за изгородь. Он тоже силен – достаточно, чтобы забить человека до смерти. Однако этого мало...

С невероятным усилием он разжал пальцы. Сдаваясь, перевернул руки ладонями кверху. И потянулся к звездам. Слова рождались сами собой, Джейми даже не сразу понял, что произносит их вслух:

– ...*И прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему...*

Он дышал медленно и глубоко. Отчаянно искал нужный образ, который положит всему конец.

– *И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого...*

Он ждал в окружавшей его пустоте. И милость снизошла, он увидел лицо Джека Рэндалла, каким тот был в Эдинбурге: растерянным и потрясенным смертью брата. В душу Джейми белой голубкой спустился еще один божий дар – жалость.

Джейми закрыл глаза, чувствуя, как струится из свежих ран кровь, потому что суккуб вырвал свои когти из его сердца.

Он вздохнул и снова взялся за изгородь; шершавое дерево привычно легло в ладони. Демона больше нет. Джек Рэндалл был всего лишь человеком, самым обычным. Стоило в это поверить – и страхи развеялись, словно дым.

Плечи Джейми поникли, сбрасывая тяжелый груз.

– Покойся с миром, – прошептал он и мертвецу, и самому себе. – Я прощаю тебе грехи.

Ночные звуки вернулись, в лесу пронзительно взвыла дикая кошка, прелые листья зашуршали под ногами, когда Джейми направился к дому. Шкура на окне пропускала золотой отблеск свечи, которую он оставил в надежде, что Клэр скоро придет. Клэр... его спасение.

Не рассказать ли о сегодняшней ночи Брианне? Впрочем, наверное, не стоит. Вряд ли ему удастся облечь в слова испытанную сегодня боль и милость – не говоря уж о том, чтобы поделиться ими с дочерью. Лишь

прощение дарует ей покой – но это дело не одного дня.

Возможно, она сама поймет когда-нибудь – вдруг Роджер Уэйкфилд станет для нее таким же спасением. При мысли о чужаке Джейми, как обычно, ощутил приступ ревности, к которой, впрочем, примешалось страстное желание, чтобы тот даровал его дочери то, чего не в силах дать ей сам Джейми. Лишь бы он поскорее объявился и оказался достойным человеком.

Были, впрочем, и другие вопросы, о которых следовало поразмыслить. Джейми медленно спускался по склону, не обращая внимания на ветер, треплющий килт и норовящий забраться под плед и рубашку. Приближалась зима, и Джейми не мог оставить своих женщин на милость одного лишь Иэна. Ему никак нельзя отправляться на поиски Уэйкфилда.

Что, если тот не придет? Ну, тогда есть и другие пути, он в любом случае защитит Брианну и ее ребенка. По крайней мере, теперь его дочери не надо бояться того мерзавца, который ее изнасиловал. Она в полной безопасности. Джейми потер лицо, все еще чувствуя на руках запах крови.

Прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему. А как быть с тем, кто посягнул на близкого тебе человека? Джейми не мог простить его от имени дочери – да и не стал бы прощать. Но если так... может ли тогда он рассчитывать на ответное прощение?

Он получил образование в лучших университетах Парижа, водил дружбу с королями и философами – а сам оставался горцем, воспитанным с твердыми представлениями о чести. Тело воина, разум джентльмена... и душа варвара, для которого священны лишь узы крови, и плевать на все людские и божьи законы.

Да, прощение важно, Брианна должна найти в себе силы простить того мужчину – прежде всего, ради себя самой. А все остальное достанется Джейми.

– *Я воздам, говорит Господь*, – прошептал он в темноту.

Потом поднял глаза к пылающей звездами громадине неба.

– Черта с два, – с вызовом сказал он. Да, это неблагодарно с его стороны. И может быть, неправильно. Но он не собирается лгать Господу и самому себе.

– Черта с два, – повторил он громче. – Если хочешь меня проклясть за то, что я сделал – значит, так тому и быть. Она моя дочь!

Звезды молчали. Поэтому Джейми кивнул, будто соглашаясь с ними, и стремительно зашагал к дому.

Глава 49

Выбор

Ноябрь 1769 года

Открыв саквояж Дэниэла Роулингса, я уставилась на выложенные рядами пузырьки: зеленые и коричневые с лекарственными травами, золотистые с настояками... Здесь не было нужного мне средства.

Я сняла ткань, прикрывавшую верхний отсек с хирургическими инструментами, и, чувствуя во рту холодный металлический привкус, подняла скальпель с изогнутой ручкой. Прекрасное лезвие, острое и надежное, удобно лежащее в руке и – я покачала его на кончике вытянутого пальца – отлично сбалансированное.

Я опустила скальпель и взяла со стола длинный толстый корень, на котором болтались остатки листьев, вялые и желтые. Корень был всего один. За последние две недели я обыскала чуть ли не весь лес... увы, осень близилась к концу, и я не могла распознать нужные мне растения по одним лишь пожухлым стеблям. И этот-то корень я нашла чудом – в укромном уголке, где с него еще не осыпались характерные ягодки. Синий кохош, это несомненно он.

Вот только одного корня мне мало...

Европейских трав под рукой тоже не было: ни черемицы, ни полыни. Хотя полынь, возможно, удастся раздобыть, на ней ведь настаивают абсент...

– Кто бы мог делать абсент на окраине Северной Каролины? – задумалась я вслух, поигрывая скальпелем.

– Насколько я знаю, никто.

Я вздрогнула, и лезвие вонзилось в подушечку большого пальца. На стол брызнула кровь, и я торопливо завернула раненую руку в передник.

– Боже, саксоночка! Ты как?! Я не хотел тебя напугать.

Ранка пока еще не болела, но от неожиданности я закусила губу. Не на шутку встревоженный, Джейми взял меня за руку, чтобы взглянуть на порез. Тут же хлынула кровь, и он поспешно вернул ткань на место.

– Все нормально, просто царапина. Ты откуда взялся? Я думала, ты еще на винокурне.

Отчего-то закружилась голова.

– Я и был там. Сусло пока что не готово для перегонки. Саксоночка, кровь хлещет, как из резаной свиньи. Ты точно в порядке?

Кровь и впрямь текла очень сильно; весь стол усеивали брызги, угол передника напился влагой.

– Да. Наверное, сосуд задела. Ничего страшного, это не артерия. Надо поднять выше. Поможешь?

Здоровой рукой я нащупала за спиной завязки передника. Джейми одним рывком сдернул его с меня, замотал пострадавшую кисть и поднял ее над моей головой.

– А что это ты тут делаешь? – поинтересовался он, глядя на скальпель, валявшийся возле кривого кохоша.

– А... Хотела корень нарезать, – отмахнулась я.

Джейми внимательно посмотрел на меня, потом на буфет, где лежал мой ножик для овощей, и выразительно поднял брови.

– Да ну? А я думал, ты этими штуками, – он кивнул на открытый ящик со скальпелями, – только людей кромсаешь.

Я непроизвольно дернулась, и Джейми крепче сжал пострадавший палец. Я зашипела от боли. Он ослабил хватку, при этом наградив меня хмурым взглядом.

– Саксоночка, ты какого черта тут затеяла? У тебя такое лицо, будто ты кого-то прирезала, а я застукал тебя над трупом.

У меня онемели губы. Я высвободилась и села, прижимая раненую руку к груди.

– Я... никак не могла решить, – неохотно призналась я. Не стоит ему врать, он все равно рано или поздно узнает правду.

– Что решить?

– Что делать с Бри. Надо выбрать самый безопасный способ.

– Для чего?

Он посмотрел на открытый медицинский саквояж, затем на скальпель, – и в его глазах вспыхнуло осознание.

– Ты собираешься...

– Если она сама захочет. – Я потрогала лезвие, залитое моей кровью. – Либо это, либо травы. Травы опаснее – могут начаться судороги, кровотечение... Впрочем, это не важно, у меня все равно их нет.

– Клэр... ты раньше этим занималась?

Подняв голову, я увидела на лице Джейми странное выражение, которого никогда не замечала прежде. В его глазах плескался ужас. Я положила руки на стол, чтобы скрыть их дрожь. С голосом, правда, ничего сделать не смогла.

– А если да – что тогда?

Он глядел на меня секунду-другую, потом опустился на скамью напротив, медленно, словно боялся что-нибудь сломать.

– Не делала, – тихо сказал он.

– Не делала, – подтвердила я. – Никогда.

Он расслабился и взял меня за безжизненно слабую руку.

– Я знал, что ты никого не можешь убить.

– Могу. Уже убивала, – прошептала я, глядя на столешницу. – Я убила своего пациента, ты же помнишь про Грэхема Мензеса.

Помолчав немного, он большим пальцем погладил мою ладонь.

– Думаю, это другое. Помочь умирающему, исполнить его последнюю волю... как по мне, это сострадание, а не убийство. И, наверное, даже долг.

– Долг?!

– Помнишь Фалкирк-Хилл и ту ночь, когда Руперт умер в часовне?

Я кивнула. Не смогла бы забыть даже при всем желании: темный холод тесной церквушки, завывание волюнок и выстрелы; тяжелый запах мужского пота, оторопелое молчание и Руперт, захлебывающийся кровью на полу у моих ног. Он попросил Дугала Маккензи, своего друга и вождя, ускорить его кончину... И Дугал это сделал.

– Я думаю, в этом тоже долг врача, – мягко сказал Джейми. – Тебе не всегда удается исцелять раны – но ты можешь избавить человека от страданий... Как и клялась.

– Да... Клялась. Для меня это не просто клятва врача. Джейми, Бри моя дочь! Неужели ты считаешь, что я не обдумала все тысячу раз? Что не представляю, какой это риск? Джейми, я ведь могу ее убить!

Я выпутала из передника раненый палец.

– Вот взгляни, кровь не должна идти так сильно, порез не такой уж глубокий. Но я нечаянно задела сосуд! И с Бри может случиться то же самое. Джейми, тогда я не смогу ничего сделать! Она истечет кровью у меня на руках, а я буду беспомощно стоять рядом!

– Как же ты можешь вообще об этом думать?!

Глаза у него потемнели от злости. Джейми отказывался меня понимать.

Я судорожно вздохнула. Мне никак его не убедить, совсем никак.

– Потому что я знаю и другое, – тихо сказала я, опуская взгляд. – Я знаю, каково это – носить ребенка. Когда тело, и разум, и душа вдруг начинают меняться против воли. Когда ты вырван из привычной обстановки и лишен малейшего выбора. Я знаю, каково это, слышишь? Знаю!

Я сжала раненую руку в кулак.

– А ты, видит бог, знаешь и другое: что значит подвергнуться насилию. Хочешь сказать, если бы я могла вырезать из тебя воспоминания об Уэнтворте, ты бы не согласился? Наплевав на всякий риск?! Джейми, это ребенок от насильника!

– Да, я помню... – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Однако... Я понятия не имею, кто его отец, но, Клэр, у этого ребенка есть дед! Это дитя моей крови!

– Твоей крови? – эхом повторила я. – Ты так сильно хочешь внука, что готов пожертвовать дочерью?

– Пожертвовать, значит? Неужто это я задумал хладнокровное убийство?

– В «Обители ангелов» тебя акушерки не смущали; ты даже жалел тех женщин, которые обращались к ним за помощью.

– Тем женщинам не оставалось другого выбора. – Джейми вскочил и принялся расхаживать по комнате. – Их некому было защитить, они не смогли бы прокормить ребенка. Что еще им оставалась, этим бедняжкам? Брианна другая! Я не допущу, чтобы она голодала и мерзла, не позволю обидеть ее или ребенка, никогда!

– Дело вовсе не в этом! Если она родит здесь, то не сможет вернуться, – выдавила я. – Она не сможет, это ее убьет...

– И ты решила прикончить ее сама?!

Я пошатнулась, словно от удара.

– Просто ты хочешь, чтобы она осталась! – мстительно огрызнулась я. – Тебе плевать, что там у нее была своя жизнь. Если она останется – а еще лучше, родит тебе внука! – ты будешь просто счастлив, а до нее тебе дела нет!

Теперь уже вздрогнул он – и все же посмотрел мне прямо в глаза.

– Нет, есть. И ты не имеешь права ее заставлять...

– Что значит заставлять? – К щекам прилила горячая кровь. – Ради всего святого, ты думаешь, я хочу это сделать? Нет! Но черт возьми, у нее должен быть *выбор*!

Руки тряслись, поэтому их пришлось сложить вместе. Передник упал на пол, весь залепанный кровью, как тряпки в полевом госпитале... напоминая о том, как ужасно мало у меня хирургического опыта.

Джейми испытующе жег меня взглядом. Похоже, сомнения мучили его не меньше моего. Он и впрямь переживал за Бри – и все же мои слова были правдой, и мы оба это знали. Прожив полжизни в одиночестве, ни разу не держав на руках собственного ребенка, он ничего не желал так отчаянно,

как иметь дитя своей крови.

Однако остановить меня он не мог – и прекрасно это понимал. Джейми не привык ощущать себя беспомощным, и это чувство ему не нравилось. Он подошел к буфету и уперся в него кулаками.

Еще никогда я не была так опустошена, не нуждалась в его поддержке. Неужели он не понимает, что одна мысль о предстоящей операции наводит на меня ужас? Мне придется куда хуже него, потому что моя рука будет держать скальпель.

Я подошла сзади. Он не шелохнулся, и я легонько погладила его по плечам, слегка утешаясь хотя бы тем, что он рядом со мной, такой сильный и уверенный в себе.

– Джейми... – От пальцев на рубашке остались красные мазки. – Все будет хорошо. Поверь мне.

Наверное, я убеждала саму себя.

Джейми не двигался, и я обняла его за талию и прильнула щекой к твердой спине. Мне хотелось, чтобы он повернулся и тоже меня обнял, заверил, что все обязательно наладится... или по крайней мере, он не станет потом ни в чем меня обвинять.

Джейми и впрямь повернулся – чтобы оттолкнуть.

– Ты такого высокого мнения о себе, да?

– О чем ты?..

Он схватил меня за запястья и прижал к стене. Пальцы защекотала струйка крови из вновь открывшейся ранки.

– Думаешь, тебе одной решать – жить ему или умереть?

Джейми так крепко стискивал мне руки, что трещали кости, и я заерзала, пытаясь высвободиться.

– Не мне. Решать Брианне. И если она захочет – да, я это сделаю! И ты бы на моем месте сделал!

Я закрыла глаза, отгоняя страх. Джейми, конечно же, меня не тронет... Это же Джейми!

А ведь он и впрямь может мне помешать – если сломает руку...

Он медленно опустил голову и прижался ко мне лбом, тихонько позвав:

– Клэр, посмотри на меня.

Его глаза были совсем рядом, я различала крошечные золотистые искорки в середине радужки, окруженной черным кольцом.

– Не надо... – чуть слышно прошептал он, отпуская меня, – чтобы тут же развернуться и выйти из дома.

Я медленно сползла по стене и уселась на полу в ворохе юбок,

чувствуя, как пульсирует порез в такт сердцу.

Ссора с Джейми здорово выбила меня из равновесия, поэтому я накинула плащ и отправилась бродить по горному склону, избегая тропинки, ведущей к хижине Фергуса и главной дороге. Упаси боже сейчас с кем-нибудь встретиться...

Было холодно и пасмурно, моросил дождь, без труда просачивающийся в переплетение полуголых веток. Висел густой туман; а если чуть похолодает, пойдет снег. Не сегодня, так завтра или через неделю... Скоро Фрейзер-Ридж будет полностью отрезан от долины.

Может, лучше отослать Брианну в Кросс-Крик? Решит она оставить ребенка или нет, там ей в любом случае будет безопаснее.

Я ковыряла носком ботинка слежавшиеся мокрые листья. Нет. Если цивилизация и имеет некоторые преимущества перед глушью, то не в этом случае. В Кросс-Крике никто не сумеет помочь Брианне, скорее уж наоборот: тамошние костоправы почти наверняка отправят ее на тот свет.

Что бы она ни решила, Брианна останется здесь, со мной. Я просунула окоченевшие руки под плащ и потеряла их друг о друга, пытаюсь согреть и вновь обрести гибкость пальцев, которая придавала мне уверенности в себе.

«Не надо», – сказал Джейми. Что не надо? Говорить Брианне? Делать то, о чем она попросит?

Клянусь Аполлоном врачом... не вручать никакой женщине abortивного средства... не делать сечения у страдающих... Однако Гиппократ не был ни хирургом, ни женщиной. Нет, к операции меня вынуждала не древняя клятва, а кровные узы, связующие мать и дитя.

Прежде я никогда не делала аборт, зато мне доводилось устранять их последствия. Если ко мне обращались с такой просьбой, я направляла пациентку к своим коллегам, хотя вовсе не была яркой противницей абортов, потому что слишком много видела женщин, которых рождение нежеланного ребенка лишало жизни как в прямом, так и переносном смысле. Если это и убийство – а это оно и есть, – то оправданное.

И в то же время я никак не могла решиться. Благодаря хирургическому опыту я чутко ощущала живую плоть – в том числе и комочек клеток в утробе матери. Положив руку на живот беременной женщины, я могла услышать биение второго сердца, проследить пальцами очертания конечностей и головы, внутренним взором увидеть змеиный завиток пуповины, в которой циркулирует кровь.

Разве можно уничтожить эту жизнь? Я никогда и не думала, что мне

придется... до сегодняшнего дня, когда зашла речь об убийстве моей собственной плоти и крови.

Все ли у меня есть для операции? Доктор Роулингс, судя по всему, подобными процедурами не занимался, у него не было ни гинекологической кюретки для выскабливания матки, ни стержней для расширения шейки... Впрочем, я справлюсь. Возьму затупленные спицы из слоновой кости и вон тот скальпель, его острое лезвие можно изогнуть и хорошенько отшлифовать для более тонкой смертоносной работы...

Когда? Как можно скорее. Бринна на третьем месяце, затягивать нельзя. К тому же я не смогу находиться в одной комнате с Джейми, пока вопрос не решен, потому что буду чувствовать его боль, которая только усугубит мои собственные переживания.

Брианна не было, они с Лиззи ушли к Фергусу. Лиззи останется там, поможет Марсали, которая разрывается между винокурней, малышом Жерменом и фермой, потому что от Фергуса с одной рукой толку мало. Ужасная нагрузка пала на восемнадцатилетнюю девушку, но она справлялась, причем с невероятным упорством и изяществом. Лиззи, по крайней мере, займется домашней работой и отвлечет маленького негодника, чтобы его мать немного перевела дух.

К ужину Брианна вернется. Изна сейчас нет, он со своим псом ушел на охоту. Джейми... в общем, его тоже какое-то время не будет. Мы с ней останемся одни.

Вот только... уместно ли задавать такой вопрос в момент, когда перед глазами Брианны все еще стоит ангельское личико Жермена? С другой стороны, общение с двухлетним разбойником наглядно продемонстрирует ей все сложности грядущего материнства.

Надо же, оказывается, я еще не полностью утратила чувство юмора... Слегка прибодрившись, я поглубже запахла плащ, потому что ветер усиливался, и принялась спускаться. В конюшне стояла лошадь Брианны. Значит, она уже здесь. Желудок скрутило – но я все равно зашагала к дому, чтобы предложить своей дочери выбор.

– Я и сама об этом думала, – призналась та. – Как только поняла.

– Операция предстоит непростая. Это будет опасно... и очень больно. У меня даже опиума нет, только виски. Но если ты хочешь, я все сделаю.

Я с трудом удерживала себя на месте, пока Брианна, сложив за спиной руки, мерила комнату шагами.

– Придется резать, – говорила я, не в силах молчать. – Нужных трав у меня нет, к тому же они не всегда помогают. Операция... надежнее.

Я выложила скальпель на стол – пусть Брианна четко представляет, *что именно я предлагаю*. Она кивнула – однако вышагивать не перестала. Ей, как и Джейми, лучше думалось на ходу.

По спине сбежала струйка пота, и я вздрогнула. В очаге жарко пылал огонь, но застывшие пальцы не собирались оттаивать. Боже, что, если она решится – а я чисто физически не смогу удержать скальпель?! Руки затряслись от напряжения.

Она наконец остановилась, чтобы взглянуть на меня из-под темно-рыжих бровей.

– А ты бы как поступила? На моем месте?

– Я?..

– Ты как-то призналась, что ненавидела меня до рождения. Что бы ты сделала, будь у тебя выбор?..

– Господи, нет! – в ужасе выпалила я. – Ни за что! Это...

Я сцепила трясущиеся руки и повторила, вкладывая все чувства, что только могла:

– Нет! Ни в коем случае. Я тебя не ненавидела.

– Ты сама так говорила. Когда рассказывала об отце.

Я закрыла лицо руками. Да, я и в самом деле это сказала. Вот идиотка!..

– Это было ужасное время. Настоящий кошмар. Шла война, мы голодали, весь мир трещал по швам. – *Как трещит сейчас мир Брианны?* – Мы думали, что надежды больше нет, мне пришлось бросить Джейми – и все остальное просто утратило для меня смысл. Но между нами с тобой есть одна разница...

– Какая?

– Меня не насиловали, – тихо сказала я, заглядывая ей в глаза. – Я любила твоего отца.

Слегка побледнев, она кивнула.

– Верно. Но это вполне может быть ребенок Роджера. Ты ведь так говорила?

– Да. Может. Тебе этого хватит?

Она положила руку на живот.

– Да. Хватит. Для меня он уже живой. – Брианна вдруг смущенно замолкла. – Не знаю, как объяснить... Через пару дней после того как... ну, все случилось, меня разбудила странная боль. Словно кто-то кольнул изнутри булавкой. Здесь.

Она прижала пальцы справа, чуть выше лобковой кости.

– Ах да, имплантация, – сообразила я. – Когда яйцеклетка внедряется в

стенку матки.

В этот миг впервые возникает связь между матерью и ребенком. Крошечный зародыш, результат слияния яйцеклетки и сперматозоида, завершает опасный путь и закрепляется в уютной гавани, чтобы приступить к тяжелой работе – бесконечному делению клеток, – подпитываясь от материнской плоти. И связь эту не могут разрушить ни рождение, ни смерть.

Брианна кивнула.

– Да, это было очень странное чувство. Я толком не проснулась, но... вдруг поняла, что больше не одна. – Губы сложились в мечтательную улыбку. – И я сказала... я сказала: «А, это ты». И тут же снова заснула.

Она погладила живот обеими руками.

– Я тогда решила, что мне приснилось. Я ведь узнала о беременности только потом. Но это не было сном. Я очень хорошо помню то чувство.

Я тоже его помнила. Опустив голову, я уставилась на свои руки, видя перед собой не блестящее лезвие скальпеля или вытертую деревянную столешницу, а тонкую полупрозрачную кожу и безупречное личико моей старшей дочери Фейт, чьи глаза так никогда и не открылись.

А теперь на меня с пониманием глядели точно такие же раскосые глаза. Моя вторая дочь родилась совершенно другой: сморщенной и розовой, полной жизни и не стесняющейся высказывать свое возмущение – но оттого она была не менее безупречна.

Два чуда, что мне довелось носить под сердцем и произвести на свет; они отделились от меня – и все же навсегда останутся моей частью. Ни смерть, ни время, ни расстояние не ослабят этой связи, потому что рождение ребенка мистическим способом что-то во мне изменяло.

– Да, я тоже... – медленно проговорила я и вдруг поняла, что решила моя девочка и как это решение изменит всю ее жизнь. – Но... Бри! Ты уверена?

Брианна тревожно нахмурилась, и я запоздало сообразила, что она может неправильно понять мои опасения: будто бы я жалею о принятом некогда решении... Будто я не желала ее появления на свет...

Ужаснувшись этой мысли, я выронила скальпель и потянулась к ней.

– Бри... – От паники слова застревали в глотке. – Брианна. Я люблю тебя. Ты веришь, что я тебя люблю?

Она молча кивнула и протянула мне в ответ руку. Я вцепилась в нее, как в спасательный круг, как в пуповину, что некогда нас связывала. Она закрыла глаза, и я только сейчас заметила серебряные капельки, поблескивающие на длинных ресницах.

– Я всегда это знала, мама... – прошептала она, крепко стискивая мне пальцы. Другую руку она прижимала к животу. – С самого первого дня.

Глава 50

На чистую воду

К концу ноября небо напрочь затянуло серым свинцом, а дни стали едва ли не холоднее ночей. Настроение у всех было препаршивым, но отнюдь не из-за погоды, а по другой, более очевидной причине: от Роджера Уэйкфилда до сих пор не было вестей.

Мы наперебой выдвигали разные предположения, но Брианна молчала. Она приняла решение, оставалось лишь ждать, чтобы Роджер тоже определился, чего хочет... если он еще этого не сделал.

И все же на ее лице изредка мелькал страх, приправленной злостью, и сомнения нависали над нами снежными тучами.

Где же он? И что будет, когда – если – он все-таки объявится?

Я решила отвлечься от всеобщего раздражения и навести порядок в кладовой. До зимы оставалось всего ничего, грибы и ягоды давно сошли, урожай в саду собрали, продукты заготовили. На полках выстроились мешки с орехами, тыквами и картофелем, горшочки с сушеными помидорами, персиками и абрикосами, головки сыра и корзины с яблоками. С потолка свисали связки лука и чеснока, вяленой рыбы; на полу громоздились мешки с мукой и бобами, глиняные банки с квашеной капустой, бочки с соленой говядиной и свининой...

Я пересчитывала запасы, словно белка – свои орехи, и душа моя радовалась изобилию. Что бы ни случилось, голодать нам не придется.

Выбравшись наконец из кладовой с куском сыра в одной руке и чашей бобов – в другой, я услышала тихий стук в дверь. Дверь приоткрылась, и в щели возникла голова Иэна. Он рассеянно осмотрел комнату.

– А Брианны нет?

Поскольку ответ был очевиден, Иэн вошел, приглаживая спутанные волосы.

– Тетушка, ты мне зеркало не дашь? И расческа не помешала бы...

– Да, конечно.

Я поставила продукты на стол и достала из буфета зеркальце и черепаховый гребень.

Иэн выглядел на удивление чистым, на щеках у него горели красные пятна, словно он не только побрился, но и отдраил кожу песком. Волосы, густые и вечно растрепанные, он зачесал и вдобавок намазал чем-то жирным. Непослушный чуб, напомаженный той же загадочной

субстанцией, топорщился иглами дикобраза.

– Иэн, что это такое у тебя на волосах?

Я принялась – запахшибанул в нос – и поспешила отойти.

– Медвежий жир. Он немного вонял, так что я добавил капельку душистого мыла, чтобы лучше пахло.

Иэн пристально изучил свое отражение и пару раз провел гребнем по волосам, что, впрочем, ничуть не улучшило их вид.

Сегодня он надел лучший сюртук, чистую рубашку и – вовсе неслыханно! – свеженакрахмаленный шейный платок, который, казалось, вот-вот его задушит.

– Прекрасно выглядишь, Иэн. – Я закусила щеку изнутри. – Ммм... Куда-то собрался?

– Вроде того, – неловко ответил он. – Я тут решил, что если уж буду ухаживать за девушкой, так надо хоть выглядеть прилично.

Ухаживать? А не слишком ли он торопится? Нет, он давно интересовался противоположным полом, и в округе кое-какие девушки отвечали ему симпатией, но черт возьми, парнишке только семнадцать! Некоторые мужчины, конечно, женятся в таком возрасте, к тому же у Иэна есть своя земля и доля в производстве виски... Неужто он успел в кого-то влюбиться?

– Ясно. А я... я знакома с этой юной леди?

Он потер подбородок, отчего красные пятна проступили еще ярче.

– Угу. Это... это Брианна.

Иэн старался не встречаться со мной взглядом, но щеки у него подозрительно вспыхнули.

– Что?! Ты сказал *Брианна*? – Мне, должно быть, послышалось.

Изучая рисунок на досках пола, он упрямо стиснул зубы.

– Да, Брианна. Я собираюсь сделать ей предложение.

– Иэн, ты же не всерьез!

– Еще как всерьез. – Он упрямо выпятил квадратный подбородок и, переступив с ноги на ногу, уставился в окно. – Как думаешь, она скоро придет?

К густому амбре медвежьего жира и мыла примешался запах нервного пота. Иэн так сильно сжимал кулаки, что на суставах выступили белые пятна.

– Иэн... – Я не знала, злиться мне или умиляться. – Ты это делаешь из-за ребенка?

Он удивленно округлил глаза, но все-таки кивнул, неловко поведя плечами под курткой.

– Конечно. – Похоже, его изрядно озадачил мой вопрос.

– Ты ведь в нее не влюблен?

Я и сама знала ответ, но пусть лучше Иэн скажет это вслух.

– Эээ... нет. Но я ни с кем не обручен. Так что все в порядке.

– Не в порядке, – твердо заявила я. – Иэн, с твоей стороны...

– О, не я это придумал. Так решил дядюшка Джейми.

– *Что?!* – раздался громкий вопль за моей спиной, и, обернувшись, я увидела в дверях Брианну. Она медленно прошла через всю комнату, не спуская с Иэна глаз. Тот так же медленно отступал, пока не уткнулся задом в столешницу.

– Кузина... – мотнул он головой, и густо намаженный чуб свалился на лоб. – Я... ммм... это...

Увидев выражение ее лица, он зажмурился и выпалил на одном дыхании:

– Я-прошу-оказать-мне-честь-и-разделить-со-мною-жизнь-в-счастливом-таинстве-брака... – Он прервался на миг, чтобы набрать воздуха. – Я...

– Заткнись!

Иэн захлопнул рот и опасливо приоткрыл один глаз, ожидая взрыва.

Бри переводила взгляд с Иэна на меня. Даже в полумраке комнаты было видно, как она поджимает губы, а на лице у нее расцветают алые пятна. Кончик носа порозовел не то из-за уличного холода, не то из-за злости.

– Ты знала? – ледяным тоном поинтересовалась она у меня.

– Нет, конечно же, – опешила я. – Бри, ради всего святого...

Договорить я не успела, потому что она развернулась на пятках и выскочила за дверь, только коричневые юбки мелькнули среди деревьев, когда она решительно рванула к загону для скота.

Сняв передник, я бросила его на скамью.

– Пойду-ка я за ней.

– Я с тобой, тетюшка, – предложил Иэн, и возражать я не стала. Подкрепление не помешает.

– Как думаешь, что сейчас будет?

Он шумно пыхтел у меня за спиной, пока мы спешно поднимались по крутому склону.

– Кто ее знает... Боюсь, сейчас сами увидим.

Мне не понаслышке было известно, что собой представляет Фрейзер в ярости. И Бри, и Джейми обычно держали себя в руках, зато рассвирепев, они совершенно теряли рассудок.

– Хорошо еще, она меня не поколотила, – с облегчением бормотал Иэн. – У нее был такой вид...

Он на своих длинных ногах опередил меня, хоть и я спешила изо всех сил. Из загона уже доносились истошные крики.

– Какого черта ты втянул в это малыша Иэна?! – раздраженно орала Брианна. – Ты, наглый, самовлюбленный...

– Какой я ей «малыш»? – обиделся парень.

– Ах, самовлюбленный?!

Джейми говорил сердито, но пока еще не злился по-настоящему. Возможно, я успела вовремя, и мне удастся предотвратить полномасштабные боевые действия. Я заглянула в приоткрытую дверь и увидела, как они взирают друг на друга поверх огромной кучи подсохшего навоза.

– А что, я мог найти тебе кого получше, ну-ка, ответь?! Знаешь, девочка, я перебрал все кандидатуры на пятьдесят миль вокруг, пока остановился на Иэне. Я же не хочу отдавать тебя какому-нибудь пьянице, или грубияну, или бедняку... или старику, который тебе в дедушки сгодится!

Джейми запустил руку в волосы, выдавая крайнюю степень душевного волнения.

– Послушай, я ведь даже Тэммиса Макдональда отверг, хотя у него прекрасный надел земли и неплохой нрав, и по возрасту он тебе подходит. Вот только он низковат, и я решил, что перед священником вы не будете смотреться. Уж поверь, Брианна, я сделаю все, чтобы ты удачно вышла замуж!

Брианну, похоже, его слова ни капельки не тронули; растрепанные волосы развевались вокруг ее головы языками пламени, как нимб архангела возмездия.

– А с чего ты решил, что я хочу замуж?

У Джейми отвисла челюсть.

– Что значит «хочу»? При чем тут твои желания?

– При том! – топнула она ногой.

– Вот здесь ты ошибаешься, девочка, – назидательно заявил Джейми, кивком указав на ее живот. – Твоему ребенку нужен отец. Не время быть разборчивой.

Он ловко подцепил вилами горку навоза и закинул в подготовленную загодя телегу.

– Иэн парень неплохой и работы не боится, – говорил он, не глядя больше на Брианну. – У него есть своя земля, и мою он со временем

получит, так что...

– Я не собираюсь выходить замуж!

Брианна выпрямилась во весь свой немаленький рост, сжимая кулаки. Голос прозвучал так громко, что перепугал летучих мышей, ютившихся в дальнем углу. Одна из них вылетела из тени и, хлопая крыльями, поспешила убратся подальше от криков.

– Ну ладно, выбирай мужа сама, – коротко бросил Джейми. – Надеюсь, ты не ошибешься.

– Ты... ты не слушаешь! – процедила сквозь зубы Брианна. – Я все решила. Я не хочу замуж. Вообще. Никогда.

Для большей убедительности она при каждом слове топала ногой.

Джейми в сердцах воткнул вилы в середину навозной кучи. Выпрямившись, он окинул Брианну взглядом.

– Вот, значит, как? Помнится мне, твоя мама говорила то же самое накануне нашей свадьбы, а ее все равно заставили. Я, правда, давненько не спрашивал, жалеет ли она о случившемся, но несчастной она не выглядит. Может, пойдешь, перекинешься с ней словечком, а?

– Это совсем другое, – фыркнула Брианна.

– Верно, другое, – согласился он.

Солнце медленно катилось за холмы, заливая конюшню мягким светом, в котором, впрочем, было видно, как покраснелось лицо Джейми.

– Твоя мать вышла за меня, чтобы спасти свою жизнь – и мою заодно. Это был очень храбрый и благородный поступок. Понимаю, в твоем случае вопрос жизни или смерти не стоит... но ты хоть представляешь, каково это – жить с клеймом распутницы или ублюдка?!

Заметив, как изменилась в лице Брианна, Джейми решил укрепить свои позиции. Он протянул ей руку и ласково произнес:

– Ну же, девочка... Разве ты не готова пожертвовать чем-то ради ребенка?

Брианна медленно попятилась.

– Нет, – тихо ответила она. – Не готова.

Джейми уронил руку. Я хорошо видела их лица и вовремя заметила первые признаки опасности: он прищурился и расправил плечи, словно готовясь к сражению.

– Значит, так тебя воспитал Фрэнк Рэндалл, да? Раз ты не понимаешь, что будет правильно, а что – нет...

Брианна затряслась всем телом, точно загнанная лошадь.

– Мой отец всегда знал, как будет правильно! И он бы ни за что не устроил ничего подобного! Никогда! Он заботился обо мне!

Терпение Джейми лопнуло.

– А я – нет?! Я, выходит, не забочусь? Хотя ты ведешь себя, как...

– Джейми, – решила я вмешаться, потому что глаза у него вконец почернели от гнева. – Бри, он вовсе не хочет... Ты должна понять...

– ...бессердечная глупая идиотка, которой на всех плевать!

– А ты ханжа и ублюдок!

– Ха, так я ублюдок, да? Ты называешь меня ублюдком, а у самой живот растет без мужа, и в твоего ребенка всю жизнь будут тыкать пальцем и говорить ему гадости...

– Никто не посмеет – иначе я им эти пальцы оторву и в глотку запихну!

– Безмозглая дрянь, ты хоть понимаешь, о чем говоришь! Да тебя саму в лицо будут называть шлюхой!

– Пусть только попробуют!

– Ах, попробуют?! И ты думаешь, я буду это терпеть?

– Не твоя забота!

Джейми весь побелел от ярости.

– Как это не моя? Черт возьми, женщина, а чья ж тогда?!

Иэн потянул меня за рукав.

– Знаешь, тетушка, у нас есть два варианта, – пробормотал он мне на ухо. – Или окатить этих двоих ледяной водой, или уйти – пусть сами разбираются. Я видел, как дядя Джейми скандалил с мамой. Уж поверь: между двумя разъяренными Фрейзерами лучше не становиться. Папа пытался пару раз, потом показывал мне шрамы.

Посмотрев на них еще раз, я сдалась. Иэн прав: они стояли нос к носу, сверкая глазами и рыча – точь-в-точь две бешеные рыси, которые сейчас вцепятся друг другу в горло и покатаются по земле. Хоть конюшню поджигай – они даже не заметят.

Снаружи на удивление царили мир и покой. В сосновой роще трещали козодои, ветер с востока доносил шелест водопада. Когда мы дошли до садика, стало и вовсе тихо, потому что крики Фрейзеров сюда не доносились.

– Не волнуйся, тетушка, – невозмутимо успокаивал меня Иэн. – Рано или поздно они проголодаются.

До этого, впрочем, не дошло; уже через пару минут широким шагом спустился Джейми, молча отвязал лошадь и без седла умчался галопом в сторону дома Фергуса. Пока я глядела ему вслед, появилась и Брианна, пыхтящая не хуже паровоза.

– Что значит «*nighean na galladh*»?^[18] – требовательно спросила она, увидев меня на пороге дома.

– Не знаю. – Вообще-то я знала, но благоразумно решила промолчать. – Уверена, он сказал это не всерьез...

Брианна лишь сердито фыркнула и, громко топая, зашла в дом, чтобы через минуту выйти с корзинкой для яиц. Не говоря больше ни слова, она ураганным ветром вломила в кустарник.

Я пару раз выдохнула и пошла готовить ужин, от души костеря про себя Роджера Уэйкфилда.

Занятие делом вроде бы несколько развеяло негативные эманации в нашем доме. Брианна выползла из кустов через час с двумя десятками яиц и более-менее бесстрастным лицом. В волосах у нее торчали листья и ветки, и, судя по состоянию ботинок, она отпинала все ближайшие деревья.

Не знаю, чем занимался Джейми, однако к ужину он тоже вернулся, весь пропотевший и растрепанный, но относительно спокойный. Они с Брианной нарочито не замечали друг друга – что было подвигом для двоих верзил в тесном помещении. Иэн возвел глаза к небу и помог мне водрузить котелок с супом на стол.

Разговор ограничился разве что просьбами передать соль, после чего Брианна убрала тарелки и уселась за прялку, с излишним рвением выжимая ногой педаль.

Джейми покосился на нее, махнул мне головой, и мы вышли.

– Что мне делать? – спросил он безо всяких предисловий.

– Извиниться перед ней, – ответила я.

– Извиниться? – От изумления у него волосы поднялись дыбом... хотя, конечно же, виной тому был ветер. – Я ни в чем не виноват!

– Тогда зачем просить у меня совет? – огрызнулась я. – Ты спросил – я ответила.

Он шумно выдохнул через нос, задумался на секунду, потом развернулся и решительно зашагал к дому – судя по расправленным плечам, не иначе как на казнь.

– Я прошу у тебя прощения, – сказал он, вставая перед Брианной.

От удивления та чуть было не упустила нить.

– О.

Она покраснела и убрала ногу с педали; колесо прялки с натужным скрипом замедлило ход.

– Я был неправ, – сказал Джейми, украдкой бросая на меня взгляд. Я ободряюще кивнула, и Джейми откашлялся. – Я не должен был...

– Все в порядке! – перебила Брианна. – Ты ведь не... ну, ты не хотел

ничего дурного. – Она не поднимала головы, глядя только на нить, медленно скользящую по пальцам. – Прости и ты меня – мне не стоило так злиться...

Джейми зажмурился, выдохнул, снова открыл глаза и повернулся ко мне, выразительно поднимая бровь. Улыбнувшись краешком рта, я продолжила толочь зерна фенхеля.

Джейми придвинул стул и сел рядом с Брианной, а она повернулась к нему, рукой останавливая колесо.

– Знаю, ты хотел как лучше. Ты и Иэн. Но, па, как ты не понимаешь? Я должна дожидаться Роджера.

– А вдруг с ним что-то случилось? Он ведь мог попасть в какую-нибудь беду...

– Он жив, наверняка жив! – с пылом воскликнула Брианна, готовая, если надо, подчинить реальность своей воле. – Он вернется! И как быть, если я к тому времени выйду замуж за Иэна?

Иэн встрепнулся, услышав свое имя. Он сидел на полу возле очага и выбирал из шкуры Ролло клещей и колючки, а тот, положив голову ему на колено, жмурил от удовольствия желтые волчьи глаза.

Джейми в жесте отчаяния запустил руку в волосы.

– Дочка, да ведь я уже везде о нем разузнавал! Посылал Иэна в Кросс-Крик, чтобы тот передал мою просьбу в «Горную реку», и просил капитана Фримана порасспрашивать речников. Дункан разнес весть по всему Кейп-Фиру до самого Идингтона и Нью-Берна. О наших поисках знают на любом паруснике от Вирджинии до Чарльстона! Что еще я могу сделать? Этого человека нигде нет. Если бы оставался хоть один шанс, что...

Он вовремя замолчал, прикусив язык.

Брианна опустила взгляд на пряжу и одним движением оборвала нить. Встала, ушла на другой конец комнаты и уселась спиной к нам.

– Мне жаль, *Iass*, – тихо проговорил Джейми.

Он подошел сзади и взял ее за плечи, осторожно, будто опасаясь укуса. Брианна замерла, но отталкивать его не стала – только руки, легонько сжав, убрала.

– Я понимаю. Спасибо тебе, па.

Она молча глядела в огонь, всей позой выражая отчаяние. Я обняла ее, но она под моими пальцами ощущалась мягкой восковой куклой, покорной и безжизненной.

Джейми несколько секунд испытующе глядел дочь, потом нахмурился и посмотрел на меня. Затем, будто бы приняв решение, подошел к столу и достал чернильницу и перья.

– Вот что я предлагаю. Давайте составим объявление, я отправлю его Джиллету в Уилмингтон. Тот сделает копии, и Иэн вместе с Линдсеем развезут их по всему побережью от Чарльстона до Джеймстауна. Может, кто не знает Уэйкфилда по имени, но угадает его по описанию внешности.

Он высыпал в половинку тыквы, что служила ему чернильницей, порошок из железного купороса и дубовых галл, налил воды из кувшина и хорошенько размешал стержнем пера. Положил на стол чистый лист бумаги и улыбнулся Брианне.

– Ну, *lass*, рассказывай, как выглядит этот твой мужчина?

Брианна встрепенулась и выпрямила спину.

– Высокий, – проговорила она. – Почти такой же, как ты. Он всегда выделяется в толпе. У него черные волосы и зеленые глаза – ярко-зеленые, их первым делом замечаешь. Правда, мама?

Иэн отчего-то напрягся и поднял голову.

– Да, – подтвердила я, присаживаясь на скамью рядом с Брианной. – Но у меня есть идея получше. Бри отлично рисует, – напомнила я Джейми. – Ты сможешь написать портрет Роджера по памяти, как думаешь, Бри?

– Да! – Она с пылом выхватила перо. – Да, смогу. Я уже рисовала его прежде.

Джейми подвинул к ней бумагу и чернильницу.

– В типографии ведь смогут сделать копии рисунка? – уточнила я, потому что вертикальная морщинка между его бровями вдруг стала глубже.

– Что?.. Ах, да, конечно. Если линии будут четкими, сделать ксилографическую гравюру не проблема, – рассеянно пояснил Джейми, не отрывая взгляда от листа перед Брианной.

Иэн спихнул Ролло со своих колен и подошел ближе, с непонятым волнением заглядывая Брианне через плечо.

Закусив нижнюю губу, Брианна накладывала на бумагу быстрые ровные линии. Высокий лоб, прядь густых темных волос, черные широкие брови. Она рисовала Роджера в профиль: крупный, но не крючковатый нос, чувственные губы, широкий квадратный подбородок. Густые ресницы, обрамляющие глубоко посаженные глаза со смешливыми морщинками в уголках. Волевое и привлекательное лицо. Добавив аккуратное ухо, Брианна перешла к линиям черепа. Еще пара штрихов – и портрет завершили длинные волнистые волосы, забранные в низкий хвост.

Увидев рисунок, Иэн сдавленно простонал.

– Что такое? – встревожилась я, но он уже смотрел не на портрет, а на Джейми, причем вид у него был на удивление затравленный: как у

поросенка, насаженного на вертел.

Я обернулась – и точно такое же выражение увидела на лице Джейми.

– Что, черт возьми, происходит?!

– Мм... ничего.

Он судорожно сглотнул и дернул уголком губ – раз, другой, словно у Джейми начинался нервный тик.

– Черта с два! – Я перегнулась через стол и схватила его за запястье, чтобы проверить пульс. – Джейми, что с тобой? Тебе плохо? В груди болит?

– Это мне плохо... – Иэна шатало. – Кузина... только честно. Вот этот парень, – он ткнул пальцем в набросок, – и есть Роджер Уэйкфилд?

– Да, – в замешательстве ответила та. – Иэн, ты в порядке? Ты что, отравился чем-нибудь?

Он тяжело рухнул на лавку рядом с ней, уронил голову на руки и застонал.

Джейми осторожно высвободился из моей хватки. Даже в красноватом свете очага я видела, как он бледен.

– Значит, мистер Уэйкфилд... А у него случайно нет другого имени?

– Есть, – хором ответили мы с Брианной. Я замолчала, предоставив право говорить ей, а сама пошла в кладовую за бутылкой коньяка: меня мучило страшное подозрение, что он нам пригодится.

– ...Его усыновили. А настоящая фамилия – Маккензи, – как раз говорила Брианна, когда я вернулась. Она хмуро переводила взгляд с отца на двоюродного брата. – В чем дело? Вы что-то знаете о Роджере Маккензи?

Джейми с Иэном обменялись потрясенными взглядами. Иэн громко закашлялся.

– Ну же? Что такое? Вы его видели? Где?!

Джейми стиснул зубы, явно подбирая слова.

– Ну да, – осторожно начал он. – Видели. На горе.

– Что?! На какой горе? На этой горе?! – Брианна вскочила, чуть не опрокинув скамью. В ее глазах лесным пожаром полыхали страх и волнение. – Где он? Он жив?!

– Э-э... – словно оправдываясь, заговорил Иэн. – Видишь ли, он сказал, что лишил тебя девственности...

– Он ЧТО? – Брианна изумленно вытаращила глаза.

– Ага, твой па спросил его, просто чтобы удостовериться, и он признался...

– Ты – спросил его?!

Брианна, упираясь кулаками в стол, одним движением развернулась к

Джейми.

– Ну да. Это... это было ошибкой.

– Да уж не сомневаюсь! А теперь отвечай, черт возьми, что вы с ним сделали?!

Щеки у нее побелели, в глазах засверкали горячие синие искры.

Джейми глубоко вздохнул и посмотрел Брианне в лицо.

– Это все твоя служанка. Лиззи. Она сказала, что ты ждешь ребенка и что над тобой надругался некий тип по имени Маккензи.

Брианна разинула рот, потом захлопнула его, так и не сказав ни слова.

Джейми продолжил, уже увереннее:

– Ты ведь и сама говорила, что тебя изнасиловали.

Брианна отрывисто, точно марионетка, кивнула.

– Ну так вот. Иэн с девочкой были на мельнице и слышали, как Маккензи о тебе расспрашивает. Они предупредили меня, и мы с Иэном перехватили его на поляне чуть выше ручья.

– Что вы с ним сделали. Что?.. – сдавленно, через силу, прошептала Брианна.

– Драка была честной, – встрял Иэн. – Я хотел его застрелить, но дядюшка запретил, он решил сам с ним разобраться.

– Ты его избил?

– О да! – уязвленно отозвался Джейми. – Ради бога, женщина, а что еще мне оставалось делать с мужчиной, который так с тобой обошелся? Да ты и сама, позволь напомнить, недавно жаждала его крови.

– Вдобавок он тоже неплохо отделал дядюшку Джейми, – услужливо подсказал Иэн. – Я же говорил, драка была честной.

– Иэн, сделай милость, помолчи! – Я плеснула в стакан коньяку и подвинула его Джейми.

– Но ведь он... он же не... – Брианна искрила, точно горящая петарда – и вот она взорвалась, грохнув кулаком по столу. – ЧТО ВЫ С НИМ СДЕЛАЛИ?!

Джейми моргнул. Иэн вздрогнул. Они обменялись испуганными взглядами.

Я положила руку Джейми на плечо и, не в силах скрыть дрожь в голосе, озвучила назревший вопрос:

– Джейми... ты его убил?

– О, нет. Я отдал его ирокезам.

– Успокойся, кузина, все не так страшно. – Иэн похлопал Брианну по спине. – Мы отдали его живым.

Брианна сдавленно всхлипнула и опустила голову к коленям. Лицо у

нее побелело и стало одутловато-влажным, как внутренняя сторона устричной раковины. Ее не тошнило, она не упала в обморок – но вид у нее был крайне нездоровый.

– Хотя мы собирались, – нервно признался Иэн. – Я уже приставил пистолет к его уху, а потом решил, что лучше пусть дядюшка Джейми сам вышибет ему мозги...

Брианна поперхнулась, и я торопливо поставила перед ней миску – на всякий случай, – а сама зло прищурилась, глядя на парня.

– Иэн, не думаю, что стоит рассказывать сейчас все подробности.

– Нет, стоит. – Брианна выпрямилась. – Я хочу знать, это мое право.

Она медленно, точно против воли, повернула голову к Джейми.

– Зачем? – прошептала она и сорвалась на визг: – **ЗАЧЕМ?**

Джейми отошел к очагу, словно пытаюсь очутиться как можно дальше от портрета Роджера Маккензи Уэйкфилда. Судя по лицу, ему очень не хотелось отвечать – и все же он проговорил, глядя ей прямо в глаза:

– Я собирался его убить. И остановил Иэна лишь потому, что смерть от пули показалась мне слишком легкой.

Джейми набрал полную грудь воздуха, а пальцы, цеплявшиеся за край каминной полки, побелели. Он неловко дернул кадыком.

– Поэтому я решил сперва все обдумать. Оставил Иэна сторожить его, а сам ушел в лес... Немного прогулялся, потом сел, чтобы успокоить сердце... Этот тип должен был осознать, что ему конец – но я бы не вынес, если бы он опять заговорил. Он и так сказал слишком много. Его слова все время крутились у меня в голове.

– И что он сказал?

– Он сказал, что ты сама... Что ты... – Он оборвал себя и яростно, до крови, закусил губу.

– Он сказал, что ты сама предложила лишить тебя невинности, – ледяным тоном договорил Иэн.

Брианна натужно выдохнула – словно кто-то разорвал лист бумаги.

– Так и было.

Джейми плотно зажмурил глаза, из прокушенной губы струилась кровь.

Иэн презрительно фыркнул, и Брианна, размахнувшись, влепила ему пощечину. Он отшатнулся и, потеряв равновесие, упал на скамью.

– Да как ты могла? – поднявшись, с неожиданной злостью заорал он. – Как ты только посмела?! А я еще уверял дядю Джейми, что ты в жизни не стала бы распутничать! А ты, выходит, та еще шлюха, да?!

Брианна взвилась дикой кошкой, на скулах у нее проступили яркие

пятна.

– Ах ты, мелкий лицемер! Кто дал тебе право называть меня шлюхой?

– Право? – Иэн запнулся, подбирая нужные слова. – Да ты... ты...

Прежде чем я успела вмешаться, Брианна врезала ему кулаком под ложечку. Иэн потрясенно выпучил глаза и свалился на пол, беспомощно разевая рот.

Я кинулась к ним, но Джейми был быстрее. Он мигом очутился возле Брианны и перехватил ее руку. Она извернулась; хотела и его ударить, однако застыла на месте, беззвучно двигая губами и глотая слезы потрясения и ярости.

– Успокойся! – велел он.

Пальцы с силой впивались в ее плоть. Брианна протестующе пискнула, но Джейми не обратил внимания.

– Я не хотел ему верить, – сказал он помертвевшим голосом. – Твердил себе, что он врет, пытается спастись. А выходит, что...

Джейми, кажется, понял, что причиняет ей боль, потому что разжал хватку.

– ...Я не мог лишиться этого человека жизни, сперва не удостоверившись в его вине.

Джейми буравил Брианну взглядом, словно пытаясь что-то увидеть в ее лице. Что именно – сожаление? Или раскаяние? Как бы там ни было, видел он только бурлящий гнев.

Наконец он не выдержал и отвернулся.

– Я ведь жалел о своем решении, – очень тихо сказал Джейми. – Когда вернулся тем вечером домой и увидел тебя – я жалел, что не убил его. Я держал его жизнь в своих руках и сгорал от стыда, что усомнился в добродетели дочери. А теперь мое сердце окончательно разбито. Не только потому, что ты запятнала свою честь, – но и потому что врала мне.

– Врала? – сорвалась она на шепот. – *Врала тебе?*

– Да, врала! – рявкнул Джейми. – Ты сама легла в постель к мужчине, а когда поняла, что беременна, начала плакать, что тебя изнасиловали! Ты хоть понимаешь, что я сущим чудом не взял на свою душу грех убийства – и все из-за тебя!

Брианна, собираясь ответить, яростно давилась словами, и я поняла, что мне нужно вмешаться, пока они не пересекли черту.

Горло, однако, у меня сдавило, поэтому я молча нащупала в кармане кольцо и бросила его на стол. Золотой ободок звякнул, крутанулся и с легким дребезжанием замер, отливая красным в свете очага.

«Ф. – К. С любовью. Навеки».

Джейми посмотрел на него – и смертельно побледнел. Брианна шумно всхлипнула.

– Тетушка, это твое кольцо... – ошеломленно произнес Иэн. Он наклонился над столом, не веря своим глазам. – То самое! Которое забрал Боннет на реке.

– Да.

Колени подгибались, поэтому я села и накрыла кольцо ладонью, словно намереваясь его забрать, стереть любой след существования. Джейми убрал мою руку и двумя пальцами, опасно, будто ядовитое насекомое, поднял кольцо.

– Где ты его взяла? – почти спокойно спросил он. Он посмотрел на меня – и от этого взгляда по спине бежали мурашки.

– Я принесла. – Слезы у Брианны уже высохли, испарились от жара злости. Она встала за мной и положила руки мне на плечи. – Не гляди на нее так. *Не смей!*

Джейми перевел взгляд на нее, однако она не дрогнула, только ухватила за меня еще крепче.

– Где ты его взяла? – повторил он чуть слышно. – Где?

– У него. У Стивена Боннета. – Голос Брианны дрожал, но не от страха, а от злости. – Когда он... он... изнасиловал меня.

Из Джейми будто вышел весь воздух. Я с тихим восклицанием потянулась к нему, однако он увернулся и отступил, повернувшись к нам спиной.

Я смутно чувствовала, как окаменела Брианна, как Иэн глупо переспросил «Боннет?», как тикали часы на шкафу, как тянуло от двери холодом... однако ничего из этого не воспринимала – потому что все мое внимание было приковано к Джейми.

Отодвинув скамью, я поднялась. Джейми неподвижно стоял в центре комнаты; он прижимал к животу руки, как человек, получивший смертельное ранение и отчаянно пытавшийся удержать внутренности, не дать им вывалиться из распоротой кожи.

Надо бы что-то сделать, что-то сказать... Я должна помочь им, как-то позаботиться о своей семье. Однако я была беспомощна – потому что помогая одному, я предаю другого... точнее, уже предала обоих. Пытаясь уберечь Джейми, я вынудила его пожертвовать своей честью – а в результате подставила Роджера и разрушила счастье Брианны.

Оставалось лишь смотреть на них, чувствуя, как сердце разлетается на мелкие осколки.

Брианна обогнула стол и встала перед Джейми. Белая и холодная, как

мраморная статуя, она заглянула ему в лицо.

– Будь ты проклят, – чуть слышно отчеканила она. – Будь ты проклят, ублюдок. Лучше бы я никогда тебя не встретила.

Часть одиннадцатая

Все не так

Глава 51

Предательство

Октябрь 1769 года

Роджер открыл глаза, и его вывернуло наизнанку. Впрочем, бурлящая в носу желчь и сбегавшие по волосам струйки рвоты не шли ни в какое сравнение со жгучей болью в голове и паху.

Мир раскачивался, и при каждом движении перед глазами вспыхивали цветные пятна. Сильно пахло мокрой парусиной. Вдруг послышался чей-то голос, и Роджера накрыло паникой.

«Глориана»! Он непроизвольно дернулся, виски прострелило болью, но Роджер успел почувствовать, что руки связаны. Он скручен, как сарделька, и валяется в трюме...

Это все Боннет! Поймал его, чтобы вернуть камни. И теперь убьет...

Стискивая от боли зубы, Роджер извернулся, пытаясь ослабить путы. Палуба со странным фырканием накренилась, и его сильно потрянуло.

Роджера снова вырвало, но уже на сухую, потому что желудок был пуст. Он давился спазмами, с каждым движением отбивая ребра о какие-то завернутые в парусину мешки, поверх которых его бросили. Нет, это не трюм. Это не «Глориана» и вообще не корабль. Он на лошади – связан и перекинут через седло.

Сделав еще несколько шагов, лошадь остановилась. Послышались голоса, чьи-то руки бесцеремонно его ощупали, после чего стянули с седла и поставили на ноги. Роджер тут же кулем свалился на землю.

Он лежал, сложившись пополам и дыша из последних сил. Никто его не трогал, без тряски немного полегчало, и постепенно Роджер начал воспринимать окружающий мир.

Под щекой лежали мокрые листья, холодные и пахнущие сладковатой гнилью. Он рискнул приоткрыть один глаз и увидел над собой небо: невообразимо глубокое, синее и наливающееся багрянцем. Где-то рядом журчал ручей.

Все вокруг покачивалось и было невыносимо ярким, до рези в глазах. Роджер зажмурился.

Господи боже, куда его занесло?.. Доносились чьи-то голоса, но слова терялись в топанье и лошадином ржании. Как Роджер ни прислушивался,

он не смог ничего разобрать. На секунду его охватил ужас – он не понимал даже, что это за язык!

За ухом набухла огромная шишка, еще одна – на затылке; в висках пульсировала боль. Его здорово избили... Что, если от удара в мозгу лопнул какой-нибудь сосуд, и Роджер утратил способность воспринимать человеческую речь?.. Он открыл глаза и с предельной осторожностью перекатился на спину.

Над ним нависло угловатое смуглое лицо, обладатель которого окинул его бесстрастным взглядом и занялся лошадью.

Индейцы. От потрясения Роджер на мгновение забыл о боли и резко сел – чтобы тут же задохнуться и прижать лицо к коленям, сдерживая очередной приступ рвоты, пока в раскалывающейся голове шумно стучала кровь.

Что происходит? Роджер впился зубами в колено, яростно жуя ткань и пытаясь вспомнить. Перед глазами заплескали обрывки воспоминаний, издевательски не желающие складываться в цельную картину.

Скрип досок и запахи трюма. Слепящее солнце. Лицо Боннета и дыхание китов в тумане, и маленький мальчик по имени... по имени...

Чужие объятия в темноте и запах хмеля. *«Беру тебя в жены, телом своим поклоняюсь тебе»...*

Бри. Брианна. Холодный пот заструился по щекам, а зубы заныли – так сильно он их стискивал. Видения скакали в голове, точно блохи. Ее лицо, лицо Брианны – нельзя упускать!

Резковатые, недевичьи черты. Идеально прямой нос и холодные синие глаза... нет, они вовсе не холодные...

Кто-то вдруг схватил его за плечо, выдергивая из омуты воспоминаний.

Индеец, мужчина средних лет, с торчащей из ирокеза костью, держал в руке нож. Он сграбастал Роджера за волосы и задумчиво ощупал голову. С того мигом слетело оцепенение – он понял, что с него вот-вот снимут скальп!

Роджер выбросил вперед ноги, попав индейцу по колену. Тот удивленно вскрикнул, и Роджер воспользовался заминкой, чтобы откатиться в сторону, вскочить и рвануть в кусты, спасая свою жизнь.

Конечности расползались, точно у пьяного паука, но Роджер бежал к деревьям – там тень, там спасение. За спиной послышались крики и шуршащий по листьям топот. А потом что-то выдернуло из-под Роджера ноги, и он упал, грохоча по земле костями.

Его подняли даже прежде, чем он успел перевести дух. Драться бесполезно – индейцев больше, к тому же тот, которого он пнул, тоже

хромал в их сторону, по-прежнему держа нож.

– Не трогать ты, – сердито сказал он, после чего несильно ударил Роджера по лицу и перерезал кожаный ремешок, удерживающий запястья. Громко фыркнув, он развернулся на пятках и отправился к лошадям.

Двое мужчин, что держали Роджера, тут же его отпустили, оставив покачиваться на ветру, точно молодое деревце.

Ладно, допустим, пока не убивают... Но что, черт возьми, происходит?

Не получив никакого ответа, он задумчиво потер лицо, обнаружив при этом еще пару ссадин, и огляделся.

Роджер стоял на небольшой поляне в окружении огромных дубов и полураздетого орешника. Землю усеивал толстый слой коричневых и желтых листьев, повсюду валялась скорлупа, за ненадобностью выброшенная белками. Так, значит, он находился где-то на горе, а, судя по жемчужному цвету неба и холодному воздуху, время близилось к закату.

Индейцы – их было четверо, все мужчины – молча разбивали лагерь, не обращая на пленника ни малейшего внимания. Облизнув пересохшие губы, Роджер нерешительно шагнул к ручью, журчащему в паре ярдов под обросшей мхом скалой.

Он вдоволь напился, хотя от ледяной воды заныли зубы; с левой стороны они все шатались, а длинный порез на щеке опять закровил. Роджер плеснул водой в лицо, чувствуя странное дежавю – совсем недавно он пил и умывался в точно таком же ручье под изумрудным камнем.

Фрейзер-Ридж... Роджер уселся на корточки, и воспоминания легли на свое место в цельную и откровенно неприглядную картину.

Брианна, и Клэр... и Джейми Фрейзер. Внезапно образ, который он так отчаянно искал, вернулся сам собой: лицо Брианны с высокими скулами, ярко-голубыми глазами и длинным прямым носом. Только она стала старше, загорела до черноты, ожесточилась – а глаза налились убийственной яростью Джейми Фрейзера.

– Ах ты ублюдок... – пробормотал Роджер. – Чертова гребаная сволочь. Ты пытался меня убить.

Первоначальное удивление стремительно перерастало в гнев.

Теперь он вспомнил все: и поляну, и яркие медовые листья, и стоящего среди них мужчину, и наглого парня – а он-то кто такой, черт побери? И драку (Роджер с гримасой коснулся синяка под ребрами), и то, что было после, когда он лежал лицом в траве, не сомневаясь, что сейчас умрет.

Странно даже, что он еще жив... Мужчина вроде бы спорил с подростком: один горел желанием его убить, второй возражал, – но будь он проклят, если знает, кто именно, потому что снова получил удар и очнулся

уже на лошади.

И вот куда его занесло... Роджер огляделся. Индейцы развели костер и установили на нем глиняный горшок. На Роджера никто не смотрел, но он не сомневался, что за каждым его движением следят.

Возможно, его отобрали у Фрейзера и того парня, но зачем? Скорее всего, Фрейзер сам отдал его индейцам. Для чего? Что с ним сделают?

Близилась ночь, тени под деревьями росли.

Попробовать сбежать? В ночном лесу? Куда? Единственный возможный вариант – вниз по склону. Индейцы потому и ведут себя так беспечно, что знают: никуда он не денется...

Стараясь не думать, чем вызвана их уверенность, Роджер встал. Сперва нужно решить более насущные проблемы, иначе мочевого пузыря вот-вот лопнет. Он с трудом принялся распускать завязки на штанах – опухшие пальцы совершенно не гнулись.

И все же он с облегчением выдохнул: руки пострадали не так сильно, как казалось. Отекли, конечно, но, судя по острому покалыванию, кровоснабжение восстанавливалось, и серьезных повреждений нет.

Однако облегчение тут же сменилось слепящим гневом, напроочь выжигающим боль и страх: на правом запястье Роджер увидел черный округлый синяк – отпечаток большого пальца, четкий, словно издевательская подпись.

– Убью, – пробормотал Роджер. Ярость бурлила в животе, он чувствовал во рту ее ядовитый привкус. Роджер посмотрел вниз по склону, не зная, в той ли стороне находится Фрейзер-Ридж. – Еще встретимся, ублюдок, – процедил он сквозь зубы. – Вы оба – ждите меня. Я вернусь.

Правда, будет это нескоро. Индейцы поделились с ним едой – каким-то тушеным мясом, которые они голыми руками доставали прямо из кипящего горшка, – но в целом по-прежнему игнорировали. Роджер пытался заговорить с ними на английском, и французском, и даже немецком (хотя знал всего-то пару слов), однако ответа не услышал.

После ужина его снова связали: скрутили лодыжки, а на шею набросили ремень, другой конец которого закрепили на запястье одного из похитителей. Одежда ему не дали – то ли не сочли нужным, то ли запасного просто не было, – поэтому Роджер всю ночь дрожал от холода, пытаясь как можно ближе подобраться к затухающему костру и при этом не затянуть петлю на горле.

Он не думал, что заснет, но, измученный болью, вскоре вырубился. Сон, впрочем, был беспокойным, полным бессвязных кошмаров; Роджеру

все время казалось, что его душат.

Следующим утром они отправились в путь. На сей раз Роджеру пришлось идти пешком: петлю на шее распустили, а вот веревка на руках другим концом теперь крепилась к лошадиной упряжи. Он изредка спотыкался, падал и вновь вставал на ноги, несмотря на ушибы и ломоту в костях. Было у него подозрение, что если он не поднимется, лошадь просто-напросто потащит его за собой.

Судя по солнцу, они двигались на север. Впрочем, это мало что ему говорило, ведь Роджер понятия не имел, откуда они начали путь. С другой стороны, вряд ли они далеко отошли от Фрейзер-Риджа – он был без сознания несколько часов, не дольше. Он смотрел на копыта лошади, мысленно прикидывая ее скорость. Входило две-три мили в час, такой темп он выдержит без особого труда.

Так, теперь ориентиры. Роджер не знал, откуда его забрали и зачем, но если он хочет вернуться, нужно запомнить дорогу.

Утес, футов сорок высотой, поросший косматой травой; с краю выглядывает кривая хурма с яркими рыжими плодами.

Они поднялись на вершину хребта, откуда открывался невероятный вид на соседнюю гору: в сверкающее небо вздымались три острых пика. Роджер запомнил, что левый выше других.

Потом ручей – или река? – на дне небольшого ущелья. Индейцы погнали лошадей вброд, и Роджер по пояс промок в ледяной воде.

Они все ехали и ехали, куда-то на север. Похитители с ним не разговаривали, и к концу четвертого дня Роджер понял, что утрачивает восприятие времени, впадая в транс, рожденный усталостью и молчанием гор. Он вытянул из кромки пальто длинную нить и принялся завязывать на ней узлы по количеству дней; эти крохотные узелки помогали ему удержаться в реальности и хоть как-то оценить пройденное расстояние.

Он вернется. Во что бы то ни стало он вернется во Фрейзер-Ридж.

На восьмой день ему улыбнулась удача. Они забрались высоко в горы; накануне миновали перевал и теперь спускались по крутому склону. Пони фыркали, осторожно переставляя ноги, потому что при каждом движении поклада на седле скрипела и опасно раскачивалась.

Потом дорога резко забрала вверх, и пони вовсе замедлили шаг. Роджеру удалось даже получить небольшую передышку; он поравнялся с лошадьёю и ухватился за кожаную упряжь, вынуждая животное волочь его на себе.

Индейцы тоже спешили. Роджер плелся в конце – и, прищурившись,

внимательно смотрел в спину тому, кто вел его лошадь. Держался он одной рукой, а второй, прикрываясь полой пальто, незаметно дергал узел на поводьях.

Прядь за прядью конопляная веревка понемногу ослабевала, пока наконец к лошади его не привязывала одна лишь тонкая нить. Роджер выжидал подходящий момент, обливаясь потом от страха – вдруг он выдаст себя, вдруг они решат сейчас разбить лагерь, вдруг кому-нибудь из индейцев взбредет в голову проверить пути?..

Однако они не остановились, и индеец не обернулся. Сейчас! Сердце Роджера радостно заколотилось, когда первый пони свернул на узкую оленью тропку. Земля там резко уходила вниз, футов на шесть, потом снова выравнивалась, переходя в пологий, заросший густым лесом склон. Идеальное место для побега.

Один пони уже перебрался через узкий участок тропы, за ним последовал второй. Потом третий – и настала очередь Роджера. Он прижался к лошадиному боку, сладковато пахнущему звериным потом. Шаг, другой – и вот он на тропе.

Роджер дернул за веревку, обрывая последнюю прядь, и прыгнул. Он больно ударился коленями, тут же вскочил и побежал, теряя башмаки. Ввалился в мелкий ручей, на четвереньках выполз на берег и рванул дальше.

За спиной раздавались крики; хотя вскоре они стихли, он знал, что за ним гонятся, просто не тратят зря дыхание.

Окружающий пейзаж сливался в мешанину веток и камней. Роджер закрутил головой, высматривая убежище. Он выбрал березовую рощу, промчался сквозь нее, очутившись на пологом лужке, и побежал дальше, скользя босыми ногами по мокрой траве и спотыкаясь о корни и камни. На дальнем краю он позволил себе оглянуться и увидел среди листвы два темных силуэта.

Он нырнул в другую рощицу и зигзагами помчался между обломками скал, надрывно, с хрипом, дыша. Оказывается, здесь, в этом чертовом прошлом, есть и свои преимущества: легкие очистились от всякой дряни и работают гораздо лучше. А потом времени на размышления просто не осталось, и Роджера погнал вперед слепой инстинкт.

Снова вниз, сползти по мокрой стене утеса, цепляясь за чахлые пучки трав, которые то и дело выдергиваются с корнем, и за невидимые трещины, покрытые склизкой грязью. В конце концов Роджер спрыгнул, чудом не подвернув ногу.

Один из преследователей показался над обрывом и тоже начал

спускаться. Роджер сорвал петлю, по-прежнему висевшую у него на шее, и сильно хлестнул индейца по рукам. Тот сорвался, заскользил вниз и тяжело упал на бок. Роджер накиннул петлю ему на шею, затянул и рванул прочь, пока индеец, задыхаясь, распутывал узел.

Деревья! Ему нужно укрытие. Он перепрыгнул через упавшее бревно, споткнулся и покатился по земле, и снова вскочил. Вон – чуть выше по склону растут ели! Роджер потащил себя к ним, чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди.

Он вломился в ели, продираясь сквозь тысячи острых игл, вслепую, чтобы не выколоть глаза. Земля вдруг ушла из-под ног, и Роджер полетел в никуда.

Его сильно ударило о камни, выбив из легких последний воздух, и в фонтане из еловых игл и грязи он покатился дальше, вовремя сообразив свернуться калачиком, чтобы не искалечиться об острые камни и торчащие обломки веток.

Наконец он влетел в клубок тонких древесных стеблей, повис на секунду и с грохотом упал. Одурелый и исцарапанный, он неподвижно лежал на земле, потом все-таки перекатился на бок и принялся вытирать с лица кровь и грязь.

А потом поднял голову и увидел их на козырьке уступа – двоих индейцев, которые уже осторожно спускались по склону.

Не желая сдаваться, Роджер встал на четвереньки и протиснулся между древесными стеблями. Острые ветки нещадно кололись, на голову падали дохлые цикады и сухие листья, но он упорно полз вперед, змеей извиваясь в лабиринте тесно растущих стволов.

Роджера не оставляло ощущение, что он продирается сквозь круги ада. Это и в самом деле было так – только ад оказался зеленым. Его угораздило попасть в заросли рододендрона. Запоздало сообразив, что происходит, он несколько замедлил темпы бегства – если таковым можно считать передвижение со скоростью десять футов в час.

Щель, в которую он угодил, была слишком узка, чтобы глядеть по сторонам; все же он с трудом вывернул шею и посмотрел назад. Там ничего не было, кроме затхлой душной темноты, где в редких лучах света плясали пылинки. Ничего: только стволы и гибкие ветки рододендронов.

Трясущиеся ноги вконец отказали, и Роджер растянулся на земле. Он лежал, скорчившись среди стеблей, и дышал запахами гниющих листьев и сырой земли.

– Ты ведь искал убежище, приятель... – пробормотал он.

Все тело нещадно болело, на Роджере не осталось живого места. В

тусклом свете ободранные пальцы выглядели кусками сырого мяса.

Ведя счет ушибам и ранам, Роджер краем уха прислушивался, нет ли погони. На удивление, было тихо. Он вспомнил, как в тавернах Кросс-Крика частенько рассказывали байки о рододендровых зарослях; почти всегда это были истории об охотничьих собаках, нырнувших в дебри вслед за белкой – да там и сгинувших.

Роджер убеждал себя, что рассказы по большей части были выдумкой, хотя обстановка вокруг едва ли обнадеживала. Куда ни посмотри – повсюду одно и то же: кожистые листья, тесно растущие стволы и ажурное сплетение гибких ветвей.

Его вдруг захлестнула паника: он понял, что не знает, с какой стороны приполз. Положив голову на колени, он задышал глубже, пытаясь очистить мысли.

Хуже всего обстояло дело с правой ногой – на краю стопы сильно кровил глубокий порез. Сняв изодранные чулки, Роджер кое-как замотал одним из них ногу. Остальные раны в перевязке не нуждались, кроме, разве что, дырки в голове, откуда до сих пор сочилась вязкая липкая кровь.

Трясущимися руками Роджер кое-как обвязал второй чулок вокруг головы, и это нехитрое действие, казалось, придало ему сил. Так, что дальше?..

В Шотландии он не раз участвовал в поисках пропавших туристов. Первый пункт памятки для заблудившихся гласил: оставайтесь на месте и ожидайте помощи. Правда, это не его случай – Роджер категорически не желал быть найденным.

Он посмотрел вверх сквозь мешанину веток. Между ними кое-где проглядывало небо, но рододендроны возвышались футов на двенадцать над головой. Встать Роджер не мог, он и сидел-то, почти распластавшись по земле.

Неизвестно было, как далеко простираются заросли. В пути через горы Роджер видел целые склоны, поросшие вереском, и необъятные долины, заполненные сочно-зеленым рододендроном, над морем которого возвышались лишь отдельные макушки деревьев. Иногда, впрочем, попадались и совсем крохотные, не больше сотни квадратных футов, островки лавра. Роджер понимал, что находится где-то с краю зарослей – вот только понятия не имел, в какой стороне этот самый край искать.

Стало холодно. Руки дрожали, должно быть, сказывался шок. Что нужно делать в таких случаях? Укрыться одеялом и выпить чего-то горячего. Может быть, бренди. Угу, самое то... Поднять ноги. Что ж, в его ситуации это единственный возможный вариант.

Роджер нащупал мелкую неудобную ямку и улегся в нее, засыпав липкими полусгнившими листьями грудь и плечи. Потом закрыл глаза, уперевшись пятками в раздвоенный ствол рододендрона.

Сюда за ним не полезут. Да и зачем? Лучше дожждаться, когда он сам выйдет. Нельзя оставаться здесь вечно.

Любое движение тут же всколыхнет листья наверху и выдаст похитителям его местонахождение. Впрочем, они и так знают, где он, просто им нет нужды искать. Небо над головой было густо-синим, сапфировым; должно быть, только-только перевалило за полдень. Надо дожждаться ночи и двинуться в путь под покровом тьмы.

Сцепив на груди руки, Роджер заставил себя расслабиться и подумать о чем-то другом. О Брианне. Лучше думать о ней. Без злости и растерянности, эти чувства оставим на потом.

Лучше представить, что между ними все по-прежнему, как в ту ночь – их ночь. Теплая кожа под его ладонями. Руки, без стеснения изучающие его тело. Щедрый дар ее наготы. И вера – пусть мимолетная, пусть ошибочная, – что в этом мире все будет прекрасно...

Дрожь понемногу утихла, и Роджер заснул.

Очнулся он вскоре после восхода луны; хоть серебряный шар и скрывался за листьями, его рассеянный свет заливал все небо. Роджер жутко замерз и ооченел. А еще он умирал от голода и особенно от жажды. Что ж, если удастся выбраться из этой западни, воду он найдет легко – в этих горах ручьи повсюду.

Чувствуя себя беспомощной неуклюжей черепахой, Роджер на четвереньках пополз вперед, выбрав направление наугад, ломая листья и проталкиваясь в щели между стволов. Он старался не сворачивать: страх заблудиться в этом лабиринте оттеснял на задний план даже мысли об индейцах. Роджер рисковал до конца жизни плутать кругами в этом зеленом аду. Истории о заблудившихся собаках уже не казались пьяными байками.

Какой-то зверек взбежал по руке, и Роджер дернулся, ударившись головой о низкую ветку. Стиснув зубы, он упрямо пополз дальше. Щебетали сверчки, постоянное шепотение вокруг подсказывало, как не рады местные обитатели вторжению. Вокруг здесь царила крошечная тьма. Впрочем, имелись и положительные моменты – постоянное движение согрело его, и теперь пот жалил рану на затылке и капал с подбородка.

Изредка останавливаясь перевести дух, Роджер вслушивался, нет ли погони. Однако было тихо, лишь ухали ночные птицы и шуршали листья.

Он полз, наверное, целую вечность, пока не наткнулся на скалу.

Причем наткнулся в самом прямом смысле – врезался в нее макушкой. Отшатнувшись, он схватился за голову и заскрежетал зубами, сдерживая крик боли.

Смаргивая слезы, Роджер принялся ощупывать неожиданное препятствие. Не валун – плоская скала. Высокая, к тому же; он не дотягивался до края. Придется ее обогнуть.

Роджер пополз вокруг скалы – и по-глупому застрял между двумя особенно толстыми стеблями. Он извернулся, навалился всем весом – и стволы вдруг хрустнули. Роджера бросило вперед, лицом в землю. Он упрямо приподнялся на руках и внезапно понял, что *видит их*. Роджер изумленно вскинул голову, потом посмотрел по сторонам: впереди стволы расступались.

Он затрепыхался, торопливо выбираясь из давящих тисков рододендрона, и наконец-то встал на ноги, опираясь о скалистый камень на краю небольшой поляны. В мягкой грязи под ногами не росла ни одна травинка. Роджер удивленно озираясь, хватая ртом холодный колющий воздух.

– Боже милостивый, – пробормотал он вслух.

Овальную поляну, одной стороной упирающуюся в высокий утес, окружали камни. Они стояли ровным кольцом, некоторые упали, какие-то сдвинулись с места под натиском растений. За ними темной стеной поднимались рододендроны – но ни один из них не рискнул прорасти внутри круга.

Чувствуя, как по спине бегает мурашки, Роджер медленно вышел в центр поляны. Невозможно... И все же вот она. Хотя почему бы и нет? Если Гейлис Дункан была права... Роджер обернулся и в лунном свете разглядел на гладком камне царапины.

Это были рисунки: одни размером с ладонь, другие в человеческий рост. Спиральные завитки и согнутая фигура – не то танцор, не то умирающий. Почти замкнутый круг, похожий на кусающую хвост змею.

Предупреждение...

Вздвогнув, Роджер прижал руку к карману штанов. Они все еще были там – два камня, которые он добыл с риском для жизни, гарантия безопасности (по крайней мере, он в это верил) для него и Брианны.

Здесь царила полная тишина: ни птичьего крика, ни гула насекомых. Холодный осенний ветер легонько шевелил листья рододендронов. Черт, какое же сегодня число? Он давно сбился с даты, еще в начале сентября, когда расстался с Брианной в Уилмингтоне. На поиски Боннета и драгоценных камней ушло куда больше времени, чем он рассчитывал.

Сейчас, судя по всему, конец октября; и Самайн, День всех святых, либо вот-вот наступит, либо только что миновал.

А может, этот круг действует в другие дни? Хотя вряд ли. Если энергетические потоки планеты зависят от оборотов вокруг Солнца, они должны открываться в одно и то же время.

Шагнув ближе, Роджер увидел отверстие у основания скалы, что-то вроде пещеры. По спине пробежал холодок, вызванный отнюдь не ночным ветром. Пальцы невольно сжались на округлой выпуклости камней. Ничего не слышно... Открыт ли проход? Если да...

Сбежать. Вот что нужно сделать. Но куда? И как? В голове зазвучали слова Гейлис: *«Гранаты любовно обвили мне шею. Я буду верен»*.

Верен. Сбежать сейчас – все равно что предать Брианну.

А разве она не предала тебя?

– Нет, будь я проклят! – прошипел Роджер. Наверняка у нее были какие-то на то причины.

Она нашла родителей, теперь ей ничто не грозит. *«Потому оставит женщина отца своего и мать свою и прилепится к мужу своему; и будут одна плоть»*. Безопасность не столь важна, как любовь... Если бы Роджер заботился о безопасности, не ввязался в эту безумную авантюру.

Ладони взмокли, он чувствовал под грубой тканью штанов твердые камни, и кончики пальцев словно горели огнем. Роджер шагнул к провалу в скале, не отрывая взгляд от черной бездны. Если не внутрь... тогда остаются два пути: либо вернуться в удушающие заросли рододендронов, либо попробовать залезть на скалу.

Он запрокинул голову, прикидывая высоту утеса. На фоне яркого неба вдруг мелькнул темный силуэт, и по плечам Роджера скользнула тугая веревочная петля.

Глава 52

Одиночество

Поместье «Горная река», декабрь 1769 года

Только что прошел дождь – и вот-вот польет снова. Капельки воды дрожали на мраморных лепестках роз, украшавших надгробие Гектора Кэмерона, а кирпичная дорожка потемнела от влаги.

«*Semper Fidelis*» гласила надпись под именем и датами жизни. *Semper Fi*. Брианна как-то встречалась с кадетом из морского корпуса, тот все порывался подарить ей кольцо с этой надписью. *Всегда верен*. Кому же был верен Гектор Кэмерон? Своей жене? Своему королю?

С тех пор она больше не разговаривала с Джейми Фрейзером. Тот с ней, впрочем, тоже. Ни разу с того самого момента, когда она в запале выкрикнула: «Мой отец никогда бы этого не сказал!»

Болезненная гримаса Джейми до сих пор стояла перед ее глазами. Он молча вышел. Иэн отправился вслед за ним, – и той ночью ни один из них не вернулся.

С ней осталась лишь мать; Клэр гладила ее по голове и что-то ласково бормотала, пока Брианна билась в истерике, то навзрыд рыдая, то проклиная всех подряд. Однако даже держа голову дочери на коленях и утирая ей слезы мокрым полотенцем, мысленно Клэр была с тем мужчиной. Брианна чувствовала, как ей хочется последовать за ним и унять его боль. И за это она ненавидела Джейми Фрейзера еще сильнее.

У нее постоянно болела голова, – требовались невероятные усилия, чтобы удержать на лице каменное выражение. Брианна не позволяла себе расслабиться ни на секунду, слишком боялась сломаться.

Однако истерик больше не было. Взяв себя в руки, она заверила мать, что все будет в порядке, и отправила Клэр в постель. А сама просидела до рассвета, глядя на портрет Роджера, и глаза жгло сосновым дымом и яростью.

Джейми Фрейзер объявился на рассвете. Не удостоив Брианну даже взглядом, он окликнул мать, и они о чем-то поговорили в садике. Затем Клэр, весьма встревоженная, вернулась в дом и стала собирать вещи.

Брианну привезли сюда, в «Горную реку». Она хотела поехать с ними, отправиться вслед за Роджером. Однако Фрейзер ничего не желал слушать

– и мать тоже.

Стоял уже конец декабря, и горные склоны укутало снегом. Брианна была на четвертом месяце, живот уже заметно округлился. Никто не знал, сколько времени займут поиски, и Брианна неохотно признала, что роженице не место в горных ущельях.

Она прижалась лбом к ледяному мрамору склепа. День был холодным и дождливым, но лицо у нее пылало, будто в лихорадке.

Из головы никак не шел его образ. Искажённое гневом лицо, заострившееся, точно маска дьявола. Голос, полный ярости и презрения, попрекающий ее – *ее!* – в том, что он утратил свою чертову честь!

– Твою честь? – переспросила она тогда, не веря собственным ушам. – Твою честь?! Да ты мне жизнь сломал из-за своего гребаного представления о чести!

– Не смей так со мной разговаривать! И раз уж ты...

– А ты не смей мне указывать! – заорала она и, зазвенев посудой, шарахнула кулаком по столу.

Они тогда много чего наговорили. Мать пыталась вмешаться (Брианна вздрогнула, вспомнив страдальческое выражение в золотых глазах Клэр), однако в тот момент им обоим было не до нее, они торопились выплеснуть друг на друга боль от взаимного предательства.

Мать однажды сказала, что у Брианны истинно шотландский нрав: она разгорается не сразу, зато пылает жарко и долго. Теперь она понимала, откуда это взялось, – но от этого было не легче.

Брианна сложила руки на могильном камне и уткнулась в них носом, втягивая слабый запах овечьей шерсти. Так пах любимый свитер ее отца... настоящего отца.

– Зачем ты умер? – прошептала она в сырую шерсть. – Зачем...

Если бы Фрэнк Рэндалл был жив, ничего этого не произошло бы. Клэр осталась бы с ним, в Бостоне; и они втроем жили бы прежней жизнью...

Однако отец умер, и его место занял незнакомец. Мужчина, похожий на нее внешне и совершенно не понимающий, что творится у нее в душе. Человек, который лишил ее дома и семьи, и, как будто этого мало, вдобавок безжалостно отнял у нее любовь и защиту.

Холодный воздух пробрался под платье, и Брианна, вздрогнув, поглубже закуталась в шаль. Следовало надеть плащ... Она поцеловала на прощание мать в бледные губы, развернулась и, ни на кого не глядя, поспешила укрыться в мертвом саду. Лучше она подождет здесь, даже если продрогнет до костей.

Услышав за спиной шаги по каменной дорожке, она застыла, не в

силах обернуться. Быть может, это Иокаста или кто-то из рабов, сейчас будут убеждать ее вернуться в дом.

Однако шаг был слишком широким и тяжелым – так мог идти лишь один человек. Брианна стиснула зубы. Она не обернется, ни за что.

– Брианна, – тихо окликнул он ее.

Она не шелохнулась.

Джейми Фрейзер шумно выдохнул: от гнева или раздражения?

– Я должен кое-что тебе сказать.

– Говори.

Слово больно, точно колючками, ободрало ей горло. Опять пошел дождь, ледяные капли разбивались о мрамор и струйками бежали по волосам.

– Я верну его тебе, – так же тихо поклялся Джейми Фрейзер. – Или не вернусь сам.

Она так и не заставила себя обернуться. За спиной послышался шорох, будто что-то положили на дорожку, затем – звук удаляющихся шагов, а перед ее глазами по каменным розам сбегали слезы дождя.

Когда наконец она повернулась, дорожка была пуста, только у ее ног лежал сложенный лист бумаги, придавленный камнем. Брианна подняла намокшее письмо, не решаясь заглянуть внутрь.

Февраль 1770 года

Несмотря на страхи и злость, Брианна вполне приспособилась к размеренной жизни «Горной реки». Двоюродная бабушка была весьма рада компании и всячески развлекала Брианну. Обнаружив, что она неплохо рисует, Иокаста отдала ей свой старый мольберт и краски и всячески настаивала, чтобы Брианна использовала их по назначению.

По сравнению с хижинкой в горах, жизнь в «Горной реке» была до неприличия роскошной, и все же Брианна по привычке просыпалась на рассвете. Она с наслаждением потягивалась и млела на мягкой перине, так непохожей на комковатый соломенный тюфяк, прикрытый колючим одеялом.

В камине горел огонь, а на умывальнике, сверкая начищенными боками, стоял медный таз, где плескалась горячая вода, туманившая блестящие стенки. В комнате было свежо, из окна струился по-зимнему холодный свет. Раб, который принес воды, должно быть, встал до рассвета, чтобы наколоть льда и растопить его.

Ей следовало бы чувствовать себя виноватой, что ее обслуживают рабы... Однако сейчас Брианна была слишком сонной, поэтому она помучается угрызениями совести как-нибудь потом. Она вообще старалась сейчас думать как можно меньше.

Издали доносился приглушенный шум: обычная домашняя возня. Саму же комнату окутывала тишина, которую нарушал разве что треск камина.

Брианна перевернулась на спину и, полусонная, стала заново знакомиться со своим телом. Она делала так каждое утро, уже очень давно, с подростковых лет, тогда еще неосознанно. Сейчас Брианна изучала себя намеренно, чтобы узнать и принять изменения, которые случились с ней за ночь, чтобы не взглянуть случайно в зеркало и не увидеть в нем незнакомку.

Одного незнакомца внутри уже хватит... Сбросив одеяло, она провела рукой по выпуклому животу. По коже пробежала легкая дрожь, потому что его обитатель толкнулся, медленно переворачиваясь на бок – точно так же, как она сама только что потягивалась в постели.

– Эй, привет, – прошептала она. Живот пару раз толкнуло, а потом все утихло – его житель вновь погрузился в свои загадочные сны.

Брианна медленно задрала сорочку из мягкой фланели – очередной подарок Иокасты, – изучая длинные стройные бедра и впадинку между ними. Провела руками по голому животу и груди. Здесь мягкое и гладкое тело, там – округлое и твердое...

Утром кожа казалась особенно нежной и светлой, словно Брианна, как змея, только что скинула старую шкурку. Позднее, днем, она будто грубела от ветра, превращаясь в обычную, хоть и более практичную оболочку для тела.

Комнату заливал свет. Дом давно бодрствовал, доносились голоса рабов, занимающихся своим делом. Этот звук здорово успокаивал; в детстве Брианна всегда просыпалась от стрекота отцовской газонокосилки – и чувствовала себя в безопасности, зная, что он там, рядом, обменивается приветствиями с соседом.

Позднее Брианну будил голос Джейми Фрейзера, мягко успокаивающего лошадей – и ее охватывало то же самое чувство покоя.

Хотя больше этого не будет...

Да, это правда – то, что сказала тогда мать. Брианна отделилась, стала другой, не желая того, – и только сейчас это поняла. Отбросив одеяло в сторону, она встала. Хватит валяться в постели, оплакивая свою потерю, ее некому больше защищать. Рассчитывать можно только на себя.

Ребенок ощущался с каждым днем все реальнее; и странным образом это успокаивало. Впервые она воспринимала его как благословение, а не угрозу, тем самым уравнивая чаши весов, потому что тело давным-давно приняло то, с чем поначалу не мог смириться разум. И здесь мама была права, когда повторяла: *«Слушай, что подсказывает тебе организм»*.

Брианна прислонилась к оконной раме, глядя на пятна снега в огороде. Закутанный в плащ раб стоял на коленях, выдерживая зимовавшую в грядке морковь. Вдоль изгороди росли высокие вязы, а за их обледенелыми ветвями, там, далеко, простирались горы.

Она долго стояла, прислушиваясь к ритмам своего тела. Захватчик в ее животе немного ерзал в такт биению крови... их общей крови. В стуке своего сердца Брианна слышала отзвук чужого ритма – и он дарил ей храбрость признать, что если вдруг случится самое страшное (она теснее прижалась к раме, и та протестующе скрипнула), если вдруг случится страшное, она хотя бы не останется в полном одиночестве.

Глава 53

Вина

Джейми всю дорогу молчал, разве что изредка обращался к Иэну. Я же за все время не удостоилась ни слова.

Очевидно, он злился на меня – не рассказала о Боннете. Теперь, оглядываясь назад, я и сама мучилась угрызениями совести. Золотое кольцо Джейми оставил себе, и я понятия не имела, что он с ним сделал.

С погодой не повезло. Тучи нависали над горами так низко, что мы по несколько дней дрейфовали в густом холодном тумане; по лошадиным шкурам и гривам то и дело сбегали капли. Ночевали мы в любом убежище, что только попадалось по пути; мы укутывались во влажные одеяла и лежали поодаль друг от друга возле тлеющего огня.

В Теннаго, деревне тускорара, нас приняли довольно тепло: некоторые индейцы раньше жили в Анна-Ука и потому нас знали. Кое-кто из мужчин косил взглядом на бочонки с виски, которые мы сгружали со спин лошадей, но просьбами нам никто не досаждал.

Виски везли два мула – десяток бочонков, выручка Джейми с винокурни, практически весь наш годовой доход. По местным расценкам, королевский выкуп. Я надеялась, этого хватит за одного молодого шотландца.

Один из бочонков Джейми преподнес старейшинам и вместе с Иэном вскоре исчез в длинном доме, где ожидался совет. Иэн отдал Роджера своим друзьям из тускарора, но не знал, куда тот подевался после. В глубине души я надеялась, что Роджер обнаружится в Теннаго. Это значило бы, что мы вернемся в «Горную реку» уже через месяц.

Впрочем, надежда была тщетной: в пылу той ссоры с Брианной Джейми признался, что велел Иэну упечь Роджера куда подальше. До Теннаго каких-то десять дней пути – сущая малость.

Я хотела расспросить о Роджере женщин, что толпились вокруг меня, но никто из них не понимал по-английски или по-французски, а я на наречии тускарора знала разве что пару слов. Лучше оставить дипломатические переговоры мужчинам. Джейми со своим талантом полиглота учил язык индейцев практически на лету, а Иэн проводил с ними немало времени на охоте и потому изъяснялся совершенно свободно.

Одна из женщин протянула мне деревянную тарелку с крупой и рыбой. Я наклонилась, и под рубашкой из оленьей кожи качнулся мешочек,

напоминая своей тяжестью о погибшей подруге и в то же время странным образом успокаивая.

Я захватила и амулет Найавенны, и найденный под красным кедром опал. Амулет – чтобы отдать кому-нибудь, правда, я не знала кому... А камень – как бонус к виски, если вдруг нашу цену сочтут недостаточно высокой. По этой же причине Джейми взял те немногие ценности, что у него были, за исключением отцовского рубинового перстня, которое Брианна привезла ему из Шотландии.

Рубин мы оставили Брианне на тот случай, если не вернемся. Такую вероятность тоже стоило учесть. Уж не знаю, права ли была Гейлис Дункан насчет драгоценных камней, но Брианне он все равно не помешает.

На прощание она крепко обняла меня и поцеловала. Мне не хотелось уезжать. Однако и остаться я не могла.

– Иди уже, – твердо сказала Брианна. – Со мной все будет хорошо, я здоровая, как лошадь. Ты вернешься раньше, чем потребуется твоя помощь.

Она бросила взгляд на отца. Тот стоял спиной, проверяя поклажу.

– Иди, мама, – повторила она. – Я верю, что ты найдешь Роджера.

Надеюсь, Джейми не слышал, как она выделила слово «ты»...

– Ты ведь не думаешь, что Джейми...

– Я не знаю, – перебила она. – Не знаю, что он сделает.

Спорить с ней в таком настроении бесполезно, однако я все равно твердо заявила:

– А я знаю. Ради тебя он сделает все, что угодно. К тому же он в любом случае отправился бы за Роджером. Так велит ему честь...

Я запоздало прикусила язык. Брианну передернуло.

– Честь! Вот единственное, что ему важно. Хотя сейчас это, наверное, даже к лучшему – ведь ради себя он постарается спасти Роджера.

Она отвернулась и опустила голову, пряча лицо от ветра.

– Брианна!..

Она лишь сильнее сгорбилась, запахивая шаль.

– Тетушка Клэр, мы готовы. – Появился Иэн. Он встревоженно переводил взгляд с меня на Брианну. Я замешкалась. Не стоит нам расставаться на такой ноте...

– Бри? – окликнула я снова.

Она повернулась, чуть не обронив шаль, и бросилась мне на шею.

– Только вернись! – судорожно шепнула она. – Mamochka, умоляю, вернись...

– Я не брошу тебя, Бри, ни за что!

Я крепко обнимала ее, такую сильную и хрупкую, мое вновь

обретенное дитя, ставшее теперь женщиной.

Брианна вдруг убрала руки и отступила на шаг.

– Тебе пора. – Маска безразличия слетела с ее лица, и по щекам текли слезы. Она посмотрела на Джейми за моей спиной. – Иди и верни его. Только ты можешь это сделать.

Она поцеловала меня и ринулась прочь, громко стуча каблуками по каменной дорожке.

Джейми тем временем вышел из конюшни и увидел, как она призраком несется в сумрачном свете. Он глядел ей в спину, и на его лице ничего не отражалось.

– Ты не можешь уехать вот так, – сказала я, вытирая слезы уголком платка. – Джейми, иди за ней. Прощу, хотя бы попрощайся.

Он стоял неподвижно, делая вид, что не слышит меня. Потом, однако, зашагал вслед за Брианной. На пыльный кирпич дорожки упали первые капли дождя.

– Тетушка?

Иэн легонько коснулся моего плеча. Я пошла вслед за ним и позволила посадить себя на лошадь. Спустя пару минут вернулся Джейми, не глядя на меня, вскочил на коня, кивнул Иэну и выехал со двора. Я оглянулась, но Брианны не было.

На деревню давно опустилась ночь, а Джейми все еще не вернулся с совета. Я подсказывала всякий раз, когда к нам кто-то входил, но то были лишь индейцы. Наконец большая шкура, служившая дверью, поднялась, и на пороге возник Иэн, а за ним – невысокая округлая фигура.

– Тетушка, у меня сюрприз, – объявил Иэн и отступил в сторону, пропуская в дом рабыню Поллианну.

Точнее, бывшую рабыню. Здесь она, конечно же, была свободна.

Поллианна, широко улыбаясь, села рядом со мной и распахнула накидку из оленьей кожи, показывая мальчишку с точно таким же круглым лицом.

Мы разговорились, то прибегая к помощи Иэна, то пользуясь теми немногими английскими и гэльскими словам, что она знала, но в основном на извечном женском языке жестов. Как и предполагал Майерс, индейцы хорошо приняли целительницу. Она выбрала себе мужа (тем более что после недавней эпидемии кори вдовцов в деревне было немало) и вскоре порадовала его прибавлением семейства.

Я была рада, что Поллианна нашла свое счастье. А еще ее пример несколько меня воодушевил: если тускара так хорошо обошлись с

рабыней, возможно, Роджеру приходится не очень уж туго.

Вспомнив внезапно об амулете Найавенны, я достала его из-под рубашки.

– Иэн, спроси, вдруг она знает, кому это можно отдать?

Поллианна с любопытством потрогала амулет, а потом затрясла головой, что-то сказав на удивление низким голосом.

– Она говорит, здесь его не захотят, тетушка, – пояснил Иэн. – Это узелок силы шамана, и он очень опасен. Его надо было похоронить с хозяином. Никто не должен его брать – это приманивает духа.

Я нерешительно взвесила в руке кожаный мешочек. После смерти Найавенны меня не оставляло чувство, будто он живой. Конечно, это всего лишь воображение, и амулет вовсе не шевелился в моей ладони...

– Спроси, что делать, если шамана не похоронили? Если тело так и не нашли?

– Она говорит, в таком случае призрак ходит за тобой, тетушка. А еще – что не стоит его кому-то здесь показывать, люди испугаются.

– Она же сама не боится?

Поллианна без перевода догадалась, о чем я спрашиваю, и замотала головой, касаясь своей массивной груди.

– Сейчас – индеец, – коротко ответила она. – Не всегда.

Она повернулась к Иэну и через него объяснила, что ее собственный народ почитает духов умерших; для них вполне естественно держать при себе череп и другие кости предков ради защиты. Так что призраки ее не пугают.

Меня, впрочем, тоже. Более того, в наших обстоятельствах незримое присутствие Найавенны скорее даже успокаивало. Я засунула амулет обратно под рубашку. Он мягко коснулся кожи, точно меня погладила дружеская рука.

Мы с Поллианной проговорили допоздна. Все прочие обитатели длинного дома давно разбрелись по своим углам, и дымный воздух задрожал от храпа. Появление Джейми застало нас врасплох.

Перед уходом Поллианна замешкалась, словно желая сказать что-то еще. Она взглянула на Джейми, пожала массивными плечами и все-таки пробормотала на ухо Иэну пару тягучих, будто мед, фраз, прижав к лицу растопыренные пальцы. Затем обняла меня на прощание и исчезла.

Иэн удивленно уставился ей в спину.

– Что она сказала?

– Просила передать дяде Джейми, что в ту ночь на лесопилке, когда умерла женщина, она кое-кого видела.

– Кого же?

– Она его не знает. Белый мужчина, грузный и не такой высокий, как я или дядя. Он вышел из лесопилки и зачем-то отправился в лес. Поллианна сидела возле двери хижины, было темно, так что он, скорее всего, ее не заметил – а вот она его хорошо разглядела, потому что он повернулся к костру. Она говорит, у него вся рожа в отметинах. – Иэн тем же жестом прижал руки к лицу. – Похож на свинью.

– Мурчисон?

Сердце у меня пропустило удар.

– На нем была форма? – хмуро спросил Джейми.

– Нет. Но ей стало интересно, что он там делал – ведь он не из надзирателей или управляющих. Так что она заглянула внутрь и сразу поняла, что там случилось что-то страшное. Сильно пахло кровью, и голоса слышались, так что она входить не рискнула.

Следовательно, это и впрямь было убийство, и мы с Джейми опоздали буквально на пару минут. В длинном доме было тепло, но при воспоминании о густом запахе крови и липком вертеле по спине побежали мурашки.

Джейми положил руку мне на плечо, и я невольно потянулась к нему. От прикосновения стало легче, и я вдруг поняла, что мы вот уже месяц не дотрагивались друг до друга.

– Погибшая девочка была армейской прачкой, – сказал Джейми. – А у Мурчисона в Англии жена. Беременная любовница могла доставить немало проблем.

– Неудивительно, что он объявил охоту на убийцу и поспешил свалить все на беззащитную рабыню. – Иэн кипел от гнева. – Если б ему удалось ее повесить, этому подонку все сошло бы с рук.

– Возможно, я потолкую немного с сержантом, когда вернусь, – задумчиво произнес Джейми. – Наедине.

Кровь застыла у меня в жилах. Говорил Джейми спокойно – но вот глаза его походили на два темных омота, пошедших рябью из-за брошенного камня.

– Ты не забыл, что мы сейчас как раз расхлебываем последствия твоей мести? – произнесла я резче, чем собиралась, и Джейми тут же убрал руку.

– Не забыл, – невыразительно бросил он и отвернулся к Иэну. – Уэйкфилд или как его там – Маккензи? – где-то на севере. Парня продали могавам, у них деревня в нижнем течении реки. Твой друг Онакара согласился нас проводить, выходим на рассвете.

Он встал и ушел в дальний конец дома. По всей его длине горело пять

костров, каждый с собственным дымовым отверстием, вдоль стен располагались отдельные помещения-клетушки для семей; все их убранство состояло из низкой лежанки, под которой хранились припасы.

Нам выделили самую последнюю, и я уже сложила там наши плащи и тюки. Джейми встал возле входа, снял ботинки и плед и, не удостоив меня взглядом, скрылся внутри.

Я тоже поднялась, однако Иэн вдруг схватил меня за руку.

– Тетушка... – нерешительно начал он. – Ты его так и не простила?

– Простила? – поразилась я. – За что? За Роджера?

– Нет, – поморщился Иэн. – Это была ужасная ошибка, но мы, в общем-то, по-другому поступить и не могли. Нет... За Боннета.

– За Стивена Боннета? С чего Джейми решил, что я его в чем-то виню, я же ему и слова не сказала?!

...Ведь была уверена, что Джейми проклинает за Боннета *меня*.

Иэн запустил руку в волосы.

– Тетушка, разве ты не понимаешь? Он же корит себя за все. За то, что этот тип ограбил нас тогда на реке и теперь вот... за то, что ну... случилось с кузиной. – Иэн передернул плечами. – Он и так с ума сходит, еще и ты на него злишься.

– Да я вовсе не злюсь! Я думала, это он на меня обижен, что я сразу не рассказала о Боннете.

– О! – Иэн не знал, смеяться ему или плакать. – Видишь ли... Молчать, конечно, не стоило, но вряд ли это что изменило бы. К тому времени, когда Брианна призналась, мы вашего Маккензи уже поколотили.

Я шумно выдохнула.

– Так вы решили, я на него сержусь?

– Тетушка, это всякому видно! – горячо заверил меня Иэн. – Ты на него не смотришь, не разговариваешь без крайней на то надобности и даже... – Он смущенно закашлялся. – Я за последний месяц не видел, чтоб ты с ним ложилась.

– Ну знаешь ли, он со мной тоже не ложится! – сгоряча выпалила я, прежде чем сообразила, что подобные темы не стоит обсуждать с семнадцатилетним юнцом.

– У него должна быть гордость, согласись? – Иэн взглянул на меня исподлобья.

– Да уж не сомневаюсь. – Я устало потерла лицо. – Ладно, Иэн, спасибо, что сказал.

Он одарил меня одной из тех улыбок, что совершенно преображали его длинное неказистое лицо.

– Мне ужасно неприятно видеть, как он мучается. Я очень люблю дядю Джейми.

– Я тоже, – сглотнула я комок в горле. – Спокойной ночи, Иэн.

Я на цыпочках прошла вдоль каморок, где спали целые семьи, и размеренные звуки их дыхания несколько успокоили биение моего сердца. Снаружи шел дождь, в дымовые отверстия залетали капли, чтобы с шипением испариться на углях.

Как я сама ничего не заметила? Ответ, впрочем, был прост – глаза мне застилала не злость, а чувство вины. Я умолчала о Стивене Боннете не только из-за Брианны. Да, она права: Джейми рано или поздно решил бы отомстить Боннету. Однако я, в отличие от нее, практически не сомневалась в успехе мужа.

Нет, дело в другом – я скрывала правду из-за золотого кольца.

Почему оно заставляло меня чувствовать вину? Я не знала ответа и кольцо прятала подсознательно, из чистого инстинкта. Я не хотела показывать его Джейми, открыто надевать на палец... И все же мне необходимо было держать его при себе.

Сердце сжалось при мысли, что последние несколько недель Джейми нес на себе двойной груз вины и одиночества. Поэтому-то я с ним и поехала – боялась, что он потеряет голову, ввяжется в какую-нибудь безумную авантюру и не вернется. Со мной он волей-неволей будет вести себя осторожнее.

...И все это время он думал, что его ненавидит тот единственный человек, который мог – обязан был – его утешить.

Перед нашей каморкой я замешкалась. Лежанка была футов восемь шириной, и Джейми сгорбился у самой стенки; я видела лишь смутные очертания его фигуры под одеялом из кроличьих шкурок. Он лежал неподвижно, однако я знала, что он не спит.

Я забралась на лежанку и, очутившись в тени, сбросила одежду. В доме было тепло, но по всему телу пробежали мурашки, а соски напряглись. Глаза привыкли к полумраку, и я разглядела, что Джейми приподнялся на локте и смотрит на меня.

Встав на колени, я скользнула под одеяло. мех мягко погладил кожу. Не оставляя себе времени на размышления, я подползла к Джейми и уткнулась носом ему плечо.

– Джейми, – прошептала я. – Холодно. Согрей меня. Пожалуйста.

Он повернулся ко мне молча, со свирепой одержимостью, которую можно было принять за неутоленное желание; на самом деле за ней скрывалось отчаяние. Я не искала удовольствия для себя, хотела только унять боль Джейми. Однако вскоре во мне самой проснулось темное чувство, которое заставило вцепиться в Джейми с неменьшей страстью.

Мы держались друг за друга, пряча лица, потому что не находили сил ни разжать руки, ни встретиться взглядом. И лишь когда спазмы наслаждения утихли, я понемногу стала осознавать, что мы, голые и беспомощные, укрытые лишь темнотой, лежим в окружении чужаков.

И все же мы были одни, как в библейском Вавилоне. С дальнего конца дома доносился чужой разговор, но смысла в нем было не больше, чем в гудении пчел.

Дым окруженного валом костра дрожал возле святилища нашей кровати, душистый и легкий. В клетушке было темно, точно в исповедальне, я почти не видела Джейми – только слабый отблеск света на его плече да мерцающие искорки в волосах.

– Джейми, – тихо сказала я. – Это не твоя вина.

– А чья тогда? – устало отозвался он.

– Всех сразу. И ничья. Во всем виноват Стивен Боннет.

– Боннет? – поразился Джейми. – А он-то здесь при чем?

– Ну... при том, – пришла я в замешательство. – Разве нет?

Джейми скатился с меня и откинул с лица волосы.

– Стивен Боннет – жалкий ублюдок, и я прикончу его при первой же возможности. Но я не понимаю, как он виноват в том, что я потерпел крах как мужчина.

– О чем ты вообще говоришь? Какой еще крах?

Он ответил не сразу, лишь склонил голову, нависнув надо мной горбатой тенью. Ноги его были спутаны с моими, и я чувствовала, как он напряжен.

– Никогда не думал, что можно так ревновать к мертвецу, – чуть слышно прошептал он.

– К какому еще мертвецу?! – И тут меня осенило: – Ты о Фрэнке?

– О ком же еще? Так и вижу перед глазами его лицо. Ты говорила, он похож на Джека Рэндалла, так ведь?

Я обхватила его руками, притянула к себе и судорожно зашептала на ухо:

– Как?! Как ты мог вообще такое подумать?

Джейми приподнялся, опираясь на локоть. Мне на грудь упали темные пряди, по которым бегали мерцающие золотые и алые искорки.

– А как иначе? Клэр, ты же слышала ее, слышала, что она сказала.

– Брианна?

– Она сказала, что будет рада увидеть меня в аду и что продала бы собственную душу, лишь бы вернуть отца – своего *настоящего* отца.

Джейми сглотнул, и этот звук заглушил треск костра.

– Я постоянно думаю, что он бы такой ошибки не совершил. Он доверял ей, он знал, что она... Наверное, он был лучше меня. Уж она-то, по крайней мере, в этом уверена. И я думаю... вдруг ты тоже так считаешь, саксоночка.

– Идиот, – прошептала я и, проведя руками по спине, обхватила твердые ягодицы.

Он уронил голову и сдавленно фыркнул мне в плечо.

– Согласен. Ты же ничего не имеешь против?

– Нет.

От него пахло дымом и сосновой смолой. Несколько иголок торчало в волосах, одна из них, гладкая и острая, покалывала мне губы.

– Она вовсе не хотела этого говорить, – добавила я.

– Хотела. – Джейми снова сглотнул. – Я же слышал.

– А я слышала вас обоих. – Я погладила ему спину между лопаток, чувствуя застарелые шрамы от кнута и более свежие выпуклые отметины, оставленные медвежьими когтями. – Она такая же, как ты: сгоряча вываливает все, чего никогда бы не сказала на холодную голову. Ты ведь тоже много чего на самом деле не хотел ей говорить?

– Не хотел. – Напряжение понемногу отпускало его. – Совсем не хотел...

– Вот и она тоже.

Я ждала, ласково поглаживая его – так же, как Брианну давным-давно, когда она была ребенком.

– Ты должен поверить мне... Я ведь люблю вас обоих.

Он глубоко вздохнул.

– Как думаешь... если я верну ей того мужчину, она сможет когда-нибудь меня простить?

– Обязательно. Не сомневаюсь.

Из-за перегородки донеслись тихие стоны и неразборчивое ласковое бормотание на языке, который был понятен без слов.

«Иди и верни его, – сказала мне Брианна. – *Только ты можешь это сделать*».

А вдруг она говорила не о Роджере?..

Это был долгий путь через горы, ставший еще длиннее из-за зимы. Случались дни, когда мы вовсе не могли тронуться с места, и тогда с утра до ночи просто сидели, спрятавшись под скалой или в какой-нибудь рощице, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы укрыться от ветра.

Когда самые высокие горы остались позади, ехать стало легче, но здесь, на севере, было гораздо холоднее. Иногда мы ужинали одной лишь солониной, потому что костер не удавалось развести из-за сильного снегопада. Однако каждую ночь я ложилась рядом с Джейми, и под общим меховым одеялом мы делились теплом.

Я считала дни, завязывая узелки на обрывке бечевки. Из «Горной реки» мы выехали в начале января, а в середине февраля Онакара указал нам на дымок, выдающий месторасположение деревни могавков, куда он с приятелями продал Роджера Уэйкфилда. «Змеиный город» – так он назвал это место.

Шесть недель – а Брианна уже на седьмом месяце. Если нам удастся по-быстрому выкупить Роджера (и если он в состоянии путешествовать), мы вполне успеваем вернуться до родов. Если же Роджера здесь не будет – вдруг могавки его кому-то перепродали... или он умер, – тогда мы сразу же отправимся в обратный путь.

Онакара отказался сопровождать нас до самой деревни, и это еще сильнее пошатнуло мою веру в благоприятный исход. Джейми от души поблагодарил его и отдал в качестве платы лошадь, хороший нож и флягу виски.

Остальные бочонки мы закопали неподалеку.

– Они вообще поймут, чего мы хотим? – спросила я, когда мы снова уселись в седла. – Их язык похож на наречие тускорара?

– Не совсем, – отозвался Иэн. Шел снег, и белые хлопья цеплялись за его ресницы. – Это... ну, допустим, как итальянский и испанский. Но Онакара упоминал, что некоторые старейшины знают английский, хотя говорят на нем редко, в самых крайних случаях. Могавки ведь сражались вместе с англичанами против французов; кто-нибудь нас да поймет.

– Ладно. – Джейми улыбнулся мне и поправил лежавший перед ним на седле мушкет. – Пойдем, попытаем счастья.

Глава 54

В плену, часть первая

Февраль 1770 года

Если верить нитке с узелками, в деревне могавков Роджер провел около трех месяцев. Сперва он не понял, где оказался, знал только, что это другое племя индейцев... и что его прежние хозяева их боятся.

Он стоял, оцепенев от изнеможения, пока индейцы тыкали в него пальцами и что-то обсуждали. Эти, новые, были совсем другими – с татуировками на лицах и одеты куда теплее, в шкуры и меха.

Один из них кольнул его лезвием ножа и заставил раздеться. Роджер голышом стоял в центре длинного дома, а мужчины и женщины пялились на него и презрительно фыркали. Правая нога ужасно распухла, в глубокий порез, видимо, попала грязь. К счастью, ходить он мог, правда, каждый шаг отзывался дикой болью, и изредка накатывали приступы жара.

Его толчками стали подгонять к двери. Снаружи доносился сильный шум, и Роджер скоро узнал причину: индейцы, вооруженные палками и дубинами, выстроились в два ряда. Кто-то несильно ткнул его в ягодицу ножом, по бедру побежала теплая струйка крови.

– *Cours!* – велели ему. *Беги!*

Земля была утоптана, снег укатался в грязный лед, обжегший ступни, когда очередной тычок в спину швырнул Роджера прямо в толпу.

На бока и плечи посыпались удары. Каким-то чудом Роджер устоял на ногах, хоть его шатало из стороны в сторону. Увернуться от палок он не мог, оставалось разве что бежать (точнее плестись) вперед.

Ближе к концу строя очередная дубина сильно врезалась ему в живот, Роджера согнуло пополам, и очередной удар обрушился на затылок. Он безвольно осел на снег, даже не замечая, как тот холодит голую спину.

Тонкая палка стегнула по бедрам, чудом не зацепив мошонку. Роджер рефлекторно поджал ноги, перевернулся и встал на четвереньки. Кровь из разбитых губ и носа капала на замерзшую грязь.

Он все же дополз до конца строя и, ухватившись за бревно на углу длинного дома, кое-как встал. Он повернулся лицом к индейцам – и им это понравилось, они засвистели и завопили, громко и пронзительно, как стая бродячих собак. Роджер отвесил им поклон, едва не упав, потому что

голова шла кругом. Они загоготали еще громче.

Роджер всегда умел угодить публике.

Его отвели в дом, дали немного еды и воды, чтобы смыть кровь, а еще вернули рваную рубашку и грязные штаны – но не ботинки или пальто. В доме горело несколько костров, и потому было довольно тепло. Роджер забился в угол и уснул, прижав руку к твердой выпуклости в кармане бриджей.

После столь радушного приема индейцы практически не обращали на него внимания. Он стал рабом и выполнял приказы любого обитателя длинного дома. Если Роджер не понимал, что от него требуется, ему показывали на примере – только один раз. Если же он отказывался или делал вид, что все равно не понял, его избивали, и всякое желание упрямствовать пропадало.

Кормили раба, впрочем, той же пищей, что ели сами, и выделили вполне приличное место для сна.

В основном Роджер собирал дрова и таскал воду, иногда его брали на охоту, чтобы он помогал разделять туши. Индейцы не стремились к общению с пленником, и все же Роджеру удалось немного освоить их язык.

Он стал практиковаться в произношении слов, выбрав одну девушку, которую счел наименее опасной. Сперва та удивленно захлопала глазами, потом расхохоталась, словно услышала говорящую птицу. Позвала подружек, и они втроем уселись вокруг Роджера, украдкой посмеиваясь и искоса бросая на него хитрые взгляды. Он перечислил все слова, которые знал, указывая на нужные предметы: *горшок, одеяло, огонь, кукуруза*, – потом ткнул пальцем в связку сушеной рыбы и замер, вопросительно подняв бровь.

– *Yona'kensyonk*, – тут же отозвались его новые знакомые и захихикали, когда он неумело повторил. За последующие недели девушки многому его научили. А самое главное, Роджер наконец-таки узнал, где он находится. Точнее, не где, а в чьих руках.

Они называли себя *ганьенгэхака* – так горделиво сообщили девушки, изрядно удивившись, что он этого не знал. Могавки, «хранители восточной двери» Лиги ирокезов. Роджер же был *гахонхоэрха*, «собачья морда». Девушки довольно долго объясняли, что это значит, пока наконец в качестве живого примера не притащили в дом дворняжку.

– Ну спасибо, – пробурчал Роджер, перебирая густую свалевшуюся бороду. Он оскалился и зарычал, и индианки шутливо взвизгнули.

Мать одной из девушек обратила на него внимание: промыла рану на распухшей ноге, чем-то смазала и наложила повязку из лишайника и

кукурузных листьев. Когда он приносил дрова или воду, она изредка перекидывалась с ним парой слов.

Бежать Роджер не пытался. В этих краях царила зима, снегопады и колючий ветер. Без оружия, теплой одежды, к тому же хромой, Роджер не ушел бы далеко. Он ждал. Ночами ему снились потерянные миры, и на рассвете он часто просыпался от запаха скошенной травы, чувствуя, как теплое семя выплескивается на живот.

Когда пришел иезуит, лед на реке еще не стаял.

Роджер в тот день был в лесу, собирал хворост, как вдруг собаки возвестили о появлении чужаков. Люди потянулись в деревню, и Роджер с любопытством пошел вслед за ними.

Оказалось, что прибыла большая группа могавков: и мужчин, и женщин, пеших и нагруженных тюками. Станным был уже сам факт их появления: прежде в деревню заглядывали разве что охотничьи отряды. Однако куда больше удивляло, что с ними был белый человек; тусклое зимнее солнце играло в светлых волосах.

Роджер пытался подойти ближе, но индейцы его отпихнули. Впрочем, он успел заметить, что тот человек был священником: из-под кожаной накладки выглядывали рваные края черной сутаны, надетой поверх штанов.

Священник не был связан, и все же Роджеру показалось, что тот путешествует с индейцами не по своей воле – слишком уж тревожное выражение застыло у него на лице. Священник и несколько его спутников скрылись в длинном доме, где проходил совет. Сам Роджер внутри никогда не бывал.

Одна из старух заметила, что он слоняется без дела, и сурово приказала ему принести хвороста. Роджер подчинился – и священника больше не видел, хотя постоянно замечал его спутников, которых гостеприимно расселили по всей деревне.

Что-то происходило. Чувствовалось нарастающее напряжение. Мужчины вечером, как всегда, расселись возле костров, а женщины что-то обсуждали за шитьем, однако Роджер не улавливал сути их разговоров, ему не хватало знания языка. Он спросил о гостях одну из девочек, но та смогла лишь ответить, что те пришли с севера, и их появление как-то связано с Черной Сутаной.

Спустя неделю Роджера взяли на охоту. Отряду удалось загнать лося, на удивление огромного и тупого. Индейцы отнеслись к добыче с презрением: не было особой чести в том, чтобы завалить эту махину. Зато мяса в нем было очень много... Роджера нагрузили не хуже мула, и к

возвращению в деревню он хромал так сильно, что отстал от охотников и плелся далеко позади, стараясь не потерять их из виду.

Как ни странно, возле окружавшего деревню частокола Роджера поджидали двое индейцев. Они схватили его, заставили бросить груз и потащили в деревню – не в длинный дом, а в маленькую хижину на краю центральной поляны.

Внутри горел костер, но света почти не давал, и Роджер слепо заморгал, вглядываясь в темноту.

– Кто вы? – послышался вдруг испуганный голос, говоривший на французском.

Роджер наконец-то различил очертания тощей фигуры на циновке возле огня. Священник.

– Роджер Маккензи. *Et vous?* А вы?

Роджера охватила внезапная радость оттого, что он произносит свое имя. Индейцы не особо им интересовались, обычно они звали его «Эй ты, собачья морда».

– Александр. Отец Александр Фериго. *Vous êtes anglais?* Вы англичанин?

– Шотландец, – ответил Роджер и опустился на землю, потому что больная нога отказывалась его держать.

– Как же вы здесь очутились? Вы солдат?

– Я пленник.

Священник присел возле него на корточки. Он был довольно молод – лет тридцати, не больше, – хотя бледная кожа пошла морщинами от ветра и мороза.

– Поужинаете со мной? – предложил он, указывая на глиняные горшочки с едой.

Разговор на родном языке, похоже, дарил ему не меньше радости, чем Роджеру – сама возможность говорить. К концу трапезы они расспросили друг друга о прошлом, не затрагивая, впрочем, обстоятельств, которые привели их обоих в деревню могавков.

– Зачем они притащили меня к вам? – поинтересовался Роджер, вытирая с губ гусиный жир. Вряд ли индейцы решили развлечь священника хорошей компанией. Как он успел заметить, подобного рода забота была им несвойственна.

– Не могу сказать. Сам удивился, увидев здесь белого.

Роджер посмотрел на шкуру, закрывавшую вход в хижину. Она колыхалась: за ней явно кто-то стоял.

– Так вы тоже пленник? – удивился он.

Священник задумался, потом с легкой улыбкой пожал плечами.

– Увы, и здесь я не знаю, что ответить. Для индейцев сегодня ты свой, а завтра – нет. Разница между гостем и пленником для них небольшая. Я, представьте себе, прожил с ними несколько лет и все равно остаюсь чужаком. – Закашлявшись, он сменил тему: – А как вы попали в плен?

Роджер не нашелся с ответом.

– Меня предали, – пробормотал он в конце концов. – И продали.

Священник сочувственно кивнул.

– Может, кто-нибудь заплатит за вас выкуп? Индейцы тогда вас не убьют.

Роджер покачал головой, чувствуя внутри ужасную пустоту.

– Нет, у меня никого нет.

Разговор угас, как и свет, льющийся в дымное отверстие, потому что на деревню спустилась ночь. У них не было дров, и костер тоже вскоре потух. В хижине, судя по всему, никто не жил, – она была совершенно пуста, не считая лежаков для сна, пары драных оленьих шкур и горки старого мусора в углу.

– Вы давно здесь... в этой хижине? – спросил наконец Роджер.

– Нет, меня привели незадолго до вас.

Священник кашлянул и заерзал на грязном полу.

Тревожный знак... Очевидно, Александр невольно пересек черту между «гостем» и «пленником». Интересно, что такого он натворил?

– Вы христианин? – неожиданно нарушил тот молчание.

– Да. Мой отец был пастором.

– Можно вас попросить? Когда меня заберут... помолитесь о моей душе?

По спине Роджера побежали ледяные мурашки.

– Да, – твердо сказал он. – Конечно. Если хотите.

Священник встал и начал беспокойно ходить из угла в угол.

– Возможно, все обойдется, – говорил он тоном человека, который пытается убедить самого себя. – Они ведь еще не решили.

– Не решили что?

Роджер скорее почувствовал, чем заметил, как священник пожал плечами.

– Оставить ли меня в живых.

На это нечего было ответить, и оба они снова замолчали. Роджер сидел возле остывшего кострища, баюкая больную ногу, а священник ходил взад-вперед, пока наконец не уселся рядом. Они молча прижались друг к другу,

делясь теплом – ночь обещала быть морозной.

Роджер задремал, закутавшись в одну из оленьих шкур, как вдруг раздался грохот.

В хижину ворвались четыре воина-могавка. Один из них кинул в кострище охапку хвороста и поднес к ней факел. Остальные, не обращая внимания на Роджера, вздернули на ноги отца Александра и сорвали с него одежду.

Роджера пинком опрокинули наземь. Священник уставился на него, беззвучно умоляя не вмешиваться.

Один из индейцев поднес горящую ветку вплотную к лицу Александра и гортанно задал какой-то вопрос. Не получив ответа, он провел факелом вдоль тела священника, так близко, что бледная кожа налилась красным.

Когда пламя лизнуло гениталии, на лбу Александра выступил пот, но лицо оставалось бесстрастным. Индеец ткнул в него веткой, и он невольно отшатнулся. Могавк загоготал и вновь махнул факелом. На этот раз священник устоял. Едко завоняло паленым волосом, однако отец Александр не шевелился.

Индейцам быстро наскучила эта забава, и они выволокли священника из хижины.

Когда меня заберут... помолитесь о моей душе.

Роджер медленно выпрямился, чувствуя, как волосы на теле встают дыбом. Снаружи доносились голоса индейцев.

Одежда Александра валялась на полу. Роджер поднял ее, отряхнул от пыли и аккуратно сложил стопкой. Руки тряслись.

Он пробовал молиться, но заученные фразы вылетели из головы. Одни и те же произнесенные им слова заглушал тихий равнодушный голос: *А кто помолится за тебя, когда настанет твоя очередь?*

Огонь ему оставили – и, наверное, это был хороший знак. Вряд ли он следующий... Ирокезы не из тех, кто заботится об удобстве осужденных на казнь. Роджер заполз под оленьи шкуры, свернулся клубком и смотрел в пламя, пока не провалился в тяжелый тревожный сон.

Его разбудили крики и громкий топот. Он вскочил и кувырком отлетел от костра, отчаянно озираясь в поисках хоть какого-нибудь оружия.

Шкура на двери поднялась, и в хижину швырнули обнаженное тело священника. Снаружи все затихло. Александр пошевелился и застонал.

Густо пахло свежей кровью; этот запах горячей меди Роджер помнил по недавней охоте на лося.

– Вы ранены? Что с вами сделали?..

Роджер перевернул священника и увидел, что лицо и шея залиты вязкой кровью. В поисках раны он раздвинул спутанные волосы... Правого уха не было; его срезали чем-то острым вместе с внушительным лоскутом кожи над челюстью.

Нервно сглотнув, Роджер прижал к кроващей ране обрывки сутаны, подтащил священника ближе к огню и укрыл его обеими шкурами и оставшейся одеждой.

Тот негромко застонал. Роджер умыл ему лицо и заставил выпить немного воды.

– Все хорошо, – бормотал он, не зная, слышит ли Александр. – Все будет хорошо, они вас не убьют.

А может, пусть лучше убили бы... Что значит отрезанное ухо – просто предупреждение или прелюдия к грядущим пыткам?

Костер прогорел, в тусклом сиянии углей кровь казалась черной.

Отец Александр то и дело дергался, тревожа рану. Уснуть он не мог, соответственно, не спал и Роджер, зная, что священнику каждая минута кажется вечностью.

Он клял себя за беспомощность, потому что даже на мгновение не мог успокоить чужие страдания. И дело было не только в сочувствии – от тихих стонов в темноте Роджера охватывал ужас. Если бы священник заснул, он, возможно, сумел бы немного успокоиться.

Наверное, впервые Роджер понял, что заставляло Клэр Рэндалл выходить на поля сражений и залечивать раны воинов: облегчать чужую боль – все равно что унимать свой собственный страх перед смертью...

Наконец, не в силах больше выносить невнятное бормотание, перемежаемое молитвой Всевышнему, Роджер лег рядом со священником и обхватил его руками.

– Шшш, – пробормотал он в уцелевшее ухо. – Успокойтесь. Отдохните.

От холода и боли священник содрогался всем тощим телом. Роджер растер ему спину, провел ладонями по застывшим конечностям и укрыл их шкурами.

– Все будет хорошо. – Роджер говорил по-английски: слова сейчас были не важны. – Слышите меня? Все в порядке.

Он успокаивал не только священника, но и себя самого: обнимать голого мужчину было довольно неприятно... хоть и не столь странно, как могло бы показаться.

Священник цеплялся за него, вжимаясь лбом в плечо. Роджер чувствовал, как по его груди катятся слезы. Он снова принялся растирать

Александру костлявую спину, стараясь думать лишь о том, что надо унять его дрожь.

– Представим, что ты собака. Забитая отощавшая дворняжка. Тогда я запросто мог бы тебя погладить. Хотя, наверное, не стал бы... Скорее позвонил в чертову службу отлова животных.

Он провел рукой по затылку Александра и запоздало ужаснулся, что заденет жуткую рану. Волосы священника слиплись от пота, хотя плечи и грудь были холоднее льда.

– Нельзя так обращаться с собакой, – шептал Роджер. – Гребаные дикари. Надо бы натравить на них полицию. Отослать фотографии их зверств в «Таймс». Нажаловаться властям.

Роджера трясло от нервного смеха. Он покрепче обхватил отца Александра, убаюкивая его в объятиях.

– Отдохните, друг мой. Все хорошо, все обязательно будет хорошо.

Глава 55

В плену, часть вторая

Поместье «Горная река», март 1770 года

Брианна провела мокрой кистью по краю палитры, снимая излишки скипидара, потом самым кончиком зачерпнула виридианово-кобальтовой краски и добавила тонкий штрих к тени над рекой.

За спиной послышались шаги, кто-то шел со стороны дома. Она узнала эту неровную двойную походку – по ее душу явился Смертоносный Дуэт. Брианне по-глупому захотелось схватить влажный холст и спрятать его за склепом Гектора Кэмерона. Против самой Иокасты она ничего не имела; та часто приходила посидеть с ней, пока Брианна рисовала. Они обсуждали разные техники смешивания красок и прочие нюансы живописи. Брианне даже нравилась компания тетюшки и ее задушевные рассказы о юности в Шотландии, о бабушке Эллен и прочих Маккензи из Леоха. Однако когда Иокасту сопровождал ее верный Пес-Поводырь...

– Доброе утро, племянница! Ты не замерзла?

Сама закутанная в длинный плащ, Иокаста улыбнулась Брианне.

– Нет, все хорошо. Стены... склепа закрывают меня от ветра. Впрочем, я уже все.

На самом деле картина вовсе не была закончена, однако Брианна опустила кисть в баночку со скипидаром и принялась чистить палитру. Будь она проклята, если станет рисовать, когда Улисс за спиной комментирует вслух каждый мазок.

– О, правда? Тогда оставь вещи здесь, Улисс сам отнесет их в дом.

Неохотно отойдя от мольберта, Брианна все же взяла альбом с набросками и сунула его под мышку. Она ни за что не оставит свои эскизы мистеру Везде Сую Свой Нос.

– У нас сегодня гости, – сообщила Иокаста, идя с ней под руку к дому. – Судья Элдердайс из Кросс-Крика и его матушка. Я подумала, ты захочешь переодеться к обеду.

Брианна закусила изнутри щеку, чтобы не съязвить в ответ. Опять визитеры...

Конечно же, отказаться нельзя: надо привечать тетюшкиных гостей и переодеваться ради них к столу... Однако лучше бы тетюшка не была столь

общительной. Поток гостей не иссякал: они заявлялись на обед, к чаю, поужинать, а то и вовсе переночевать, позавтракать с хозяйкой, купить лошадей, продать коров, сторговать лес, одолжить книгу, передать подарки, помузицировать... Они приезжали с соседних плантаций, из Кросс-Крика, даже из Идингтона и Нью-Берна.

Тетушкин круг знакомств потрясал воображение. Правда, Брианна заметила, что последнее время та все чаще приглашала в свой дом мужчин – причем холостых. Опасения подтвердила и Федра, как обычно, без умолку болтавшая во время утреннего туалета.

– В колониях мало незамужних женщин, – пояснила она, когда Брианна вскользь намекнула на странное совпадение. Федра бросила взгляд на животик, заметно проступавший под свободным муслиновым платьем. – К тому же молодых. Не говоря уж о наследнице, которой достанется «Горная река».

– Что достанется?.. – замерла Брианна, потрясенно глядя на горничную.

Распахнув глаза, Федра прижала к губам тонкую руку.

– О, так тетушка вам не сказала?! Я была уверена, что вы знаете, иначе ни за что бы рот не открыла...

– Раз проболталась, признавайся во всем. Что ты имела в виду?

Федра, прирожденная сплетница, не заставила себя упрасивать.

– Как только ваш батюшка уехал, и недели не прошло, как мисс Ио послала за судьей Форбсом и изменила завещание. Когда она умрет, вашему батюшке достанутся кое-какие деньги, мистеру Фаркуа и другим близким друзьям – некоторые памятные вещи, а остальное будет вашим. Плантация, лесопильня...

– Но мне они не нужны!

Федра скептически выгнула бровь, потом, видно, все же признала, что Брианна говорит искренне.

– Так ведь это не имеет никакого значения. Мисс Ио всегда добивается своего.

Брианна медленно опустила расческу.

– И чего именно она добивается, ты случайно не знаешь?

– Так это вовсе не секрет. Она хочет передать «Горную реку» кому-то своей крови. Как по мне, это разумно: у нее же ни детей, ни внуков. Кто еще позаботится о поместье после ее смерти?

– Ну... мой отец, например.

Федра разложила новое платье и нахмурилась, оценивающе глядя то на него, то на Брианну.

– Через пару недель уже не сойдется – животик-то растет... Ах да, ваш батюшка. Она пыталась объявить его наследником, но, как я слышала, он заупрямился. Такой упертый оказался – поехал куда-то в горы, в самую глушь, предпочел жить с краснокожими, лишь бы не идти на поводу у мисс Ио. Впрочем, мистер Улисс считает, что он поступил правильно. Если бы остался, они бы с мисс Ио бодались день и ночь.

Брианна заколола волосы с одной стороны, но непослушная шпилька выпала.

– Ой, давайте я сама вас причешу, мисс Бри. – Федра принялась ловко скручивать волосы в узел.

– А эти гости... мужчины...

– Мисс Ио выберет вам лучшего, – горячо заверила Федра. – Вы же не справитесь с плантацией одна, мисс Ио вон как тяжело приходится. Если бы не мистер Дункан, даже не знаю, что она бы делала...

– Она пытается найти мне мужа? – возмутилась Брианна. – Выставляет меня как призовую телку?!

– Ну да...

– Она же знает о Роджере... о мистере Уэйкфилде! Как она может выдать меня замуж, если...

Федра с некоторым сочувствием вздохнула.

– Вряд ли она верит, что он найдется. Мистер Майерс рассказывал нам об ирокезах...

В комнате повеяло холодом, но на лбу Брианны выступила испарина.

– Кроме того, – продолжала Федра, вплетая в волосы синюю ленту, – мисс Ио этого Уэйкфилда совсем не знает. Может, из него выйдет плохой управляющий. Лучше выдать вас за мужчину, который наверняка позаботится о плантации, а то и объединит ее со своей собственной, и тогда у вас будет ну просто шикарное имение.

– Не хочу я никакого имения! – запаниковала Брианна.

Федра завязала концы ленты пышным бантом.

– Так ведь важно лишь, чего хочет мисс Ио. А теперь давайте-ка примерим платье.

В коридоре послышались шаги, и Брианна торопливо перевернула в альбоме страницу, чтобы на виду оказался полузаконченный пейзаж. Кто бы ни был за дверью, он прошел мимо, и она расслабилась, вновь открывая предыдущий рисунок.

Портрет был полностью закончен, ей просто хотелось взглянуть на него еще раз.

Она нарисовала Роджера вполоборота: он чуть склонил голову набок, как всегда, когда настраивал гитару. Ей удалось на удивление точно запечатлеть контуры лица. Брианна смотрела на рисунок – и Роджер словно вставал перед ней во плоти.

Там были и другие его портреты, какие-то удачные, какие-то не очень. Некоторые были хороши сами по себе, но Роджер на них не казался живым. Лишь один или два эскиза из всех могли успокоить душу Брианны в вечерние часы, когда дневной свет угасал и в камине тихо трещал огонь.

Над рекой сгущались сумерки, яркое серебро воды наливалось свинцовой серостью.

В альбоме были и другие портреты: Джейми Фрейзера, матери, Иэна... Брианна начала рисовать их от одиночества и теперь глядела на страницы в страхе – вдруг это единственное, что осталось от ее семьи, которую она только-только обрела?..

«Вряд ли она верит, что он найдется...»

Ладони взмокли, и угольные линии в углу страницы смазались. Прямо за дверью зашелестели шаги, и Брианна захлопнула альбом.

Вошел Улисс с вощеным фитилем в руке и принялся зажигать свечи на огромном канделябре.

– Мне вовсе не нужно столько света, – запротестовала Брианна, не желая разрушать меланхоличную обстановку в комнате. – Пусть лучше будет темно.

Дворецкий улыбнулся одними губами и продолжил свою работу. Он касался каждой свечи, и на ней точно по мановению волшебной палочки вспыхивал огонек.

– Скоро спустится мисс Ио. Она увидит свечи, огонь в камине и поймет, где стоит ее кресло.

Он задул фитиль и почти бесшумно прошелся по комнате, прибирая легкий беспорядок, оставшийся после утренних гостей. Подбросил в камин дров и раздул мехами пламя. Выверенными движениями поправил на столе стаканы и графин с виски. Сколько раз он наводил здесь порядок? Расставлял каждую мелочь по своим местам, чтобы хозяйка сразу же, не мешкая, нашла нужный ей предмет?

Всю жизнь он посвятил другому человеку. Улисс мог читать и писать на английском и французском, петь, играть на клавесине... Все его умения были предназначены одной цели – развлекать старую властную леди.

«Принеси то, подай это» – и он покорно бежит выполнять ее приказ. А если Иокаста сделает по-своему... этот человек будет принадлежат и Брианне.

Ужасная мысль. Да еще такая дурацкая! Брианна заерзала в кресле, пытаясь избавиться от неприятного ощущения. Улисс, заметив это, повернулся к ней и вопросительно поднял бровь, ожидая какой-нибудь просьбы.

– Улисс, – выпалила вдруг она, – вы хотите получить свободу?

В тот же миг она прикусила язык и вспыхнула от смущения.

– Простите, – пробормотала Брианна, опуская взгляд и нервно теребя юбку. – Бестактный вопрос. Прошу меня извинить.

Дворецкий ничего не сказал, только посмотрел насмешливо. Коснулся парика, словно проверяя, на месте ли тот, и вернулся к работе, складывая разбросанные эскизы в одну стопку.

– Я родился свободным, – сказал он вдруг так тихо, что Брианна едва расслышала.

Голова его была опущена, он смотрел на свои длинные черные пальцы, собирающие с игрового столика фишки из слоновой кости.

– У отца была маленькая ферма. Когда мне было шесть, его укусила змея, и он умер. Мать не смогла справиться с фермой одна. Поэтому она продала себя в рабство, а деньги отдала плотнику, чтобы тот взял меня в ученики и я получил полезное ремесло.

Улисс спрятал коробку с фишками в выдвижной ящик и смахнул со столика крошки от пирога.

– А потом она умерла. И плотник, вместо того чтобы учить меня, объявил, что я сын рабыни, а значит, тоже раб. И продал меня.

– Но это же нечестно!

Улисс терпеливо улыбнулся. За него ответили темные глаза: «А что я мог поделать?»

– Мне повезло, – после паузы заговорил он снова. – Меня продали... очень дешево, кстати, потому что я был мелким и тощим. Так вот, меня продали учителю, которого нанимали плантаторы для своих детей. Он ездил из одного дома в другой, оставаясь в каждом на пару недель, а то и месяцев, и я повсюду сопровождал его, ухаживая за лошадью и выполняя всякие мелкие поручения. Поездки зачастую были долгими и скучными. Я сидел позади на лошадином крупе, и хозяин со мной разговаривал. Иногда пел – он любил петь, и голос у него был чудесный.

Как ни странно, взгляд Улисса заволокла пелена ностальгических воспоминаний, затем, опомнившись, он встряхнул головой и достал из кармана тряпку, чтобы протереть полки.

– Тот учитель и дал мне имя Улисс. Он знал греческий и немного латынь. Забавы ради он учил меня читать вечерами, если мы

останавливались на ночлег прямо у дороги. Когда он умер, мне было лет двадцать. Меня купил Гектор Кэмерон. Многие бы сочли мои таланты бесполезными для раба, но мистер Кэмерон был не из таких.

Улисс слабо улыбнулся.

– Он научил меня играть в шахматы и делал на меня ставки, когда я вел партии с его друзьями. Научил петь и играть на клавесине, чтобы я развлекал гостей. А когда мисс Йокаста стала терять зрение, сделал меня ее глазами.

– А как вас зовут? На самом деле?

Он задумался, потом одарил Брианну улыбкой, не затронувшей глаз.

– Боюсь, я уже не вспомню, – вежливо сообщил Улисс и вышел.

Глава 56

Исповедь плоти

Роджер проснулся незадолго до рассвета. Было еще темно, угли давно истлели, на лице ощущалось свежее дыхание леса.

Священник исчез. Роджер, вконец продрогший, лежал под рваной шкурой один.

– Александр? – хрипло позвал он. – Отец Фериго?

– Я здесь, – словно издалека отозвался тот.

Роджер привстал на локте, сморгнул остатки сна и смутно разобрал в темноте очертания священника, сидевшего по другую сторону кострища, скрестив ноги и запрокинув голову к дымовому отверстию в крыше.

– Вы в порядке?

На плече священника чернела кровь, хотя выглядел он совершенно безмятежным.

– Скоро меня убьют. Может, уже сегодня.

Роджер поднялся, прижимая к груди оленью шкуру. Он и без того замерз, но от слов священника по коже пробежал озноб.

– Нет. Нет, все будет хорошо.

Отец Александр не стал спорить. Совершенно голый, он сидел неподвижно, будто не замечая утреннего холода. Наконец опустил взгляд и повернулся к Роджеру.

– Вы выслушаете мою исповедь?

– Я же не священник... – Роджер встал на колени и пополз к нему, неловко протягивая шкуру. – Вот, возьмите, а то совсем заоченеете.

– Не важно.

Что именно «не важно» – что он замерзнет или что Роджер не священник?

Роджер положил руку Александру на плечо. Тот был холоднее льда. По коже там, где он коснулся другого мужчины, побежали мурашки, однако Роджер, не обращая внимания, прижался теснее, чтобы поделиться с Александром теплом.

– Ваш отец... – Глаза священника казались темными провалами. – Вы говорили, он был пастором.

– Да, пресвитерианским. Но я-то не принимал сан.

Александр вяло махнул рукой.

– В момент острой нужды любой человек может стать служителем

Господа Нашего. Вы выслушаете мою исповедь?

– Если так, то... да. Как пожелаете, – выдавил Роджер. Ему было не по себе.

Впрочем, вреда это не принесет, скорее наоборот, позволит успокоить чужую совесть... И в хижине, и во всей деревне было тихо, только ветер гудел в соснах.

Роджер откашлялся. Ему надо что-то сказать, или Александр сам начнет? Словно получив сигнал, француз повернулся к нему, склоняя голову. По волосам скользнули первые рассветные лучи.

– Благословите меня, брат, ибо я грешен, – тихо начал он.

Александр Фериго выехал из Детройта в сопровождении отряда гуронов и спустился по реке до миссии святой Берты Ронвальской, чтобы сменить старого священника, чье здоровье было совершенно подорвано.

– Те места были совершенно дикими, – рассказывал Александр с легкой ностальгией, свойственной воспоминаниям о давно минувших годах, – но я был молод и преисполнен веры. Трудности меня лишь привлекали.

Молод? Да он едва ли старше самого Роджера...

Александр повел плечами, словно сбрасывая груз прошлого.

– С гуронами я прожил два года. Многих удалось крестить. Потом я поехал с ними в форт Стэнвикс, где ожидалось собрание племен, и там встретил Кеньяниситьяго, вождя могавков. Он услышал мою проповедь, проникся верой в Святого Духа и пригласил в свою деревню.

Обычно могавки не любили проповедников, поэтому Александр счел, что ему улыбнулась удача. И отправился с Кеньяниситьяго и его воинами вниз по реке.

– Вот первый мой грех. Гордыня. – Он поднял один палец, словно предлагая Роджеру считать вместе. – И все же тогда Господь еще пребывал со мной.

В недавней войне с французами могавки сражались на стороне англичан, поэтому молодого священника приняли настороженно. Он стал упорно изучать их наречие в надежде, что сможет проповедовать на привычном им языке.

Кое-кто – хотя далеко не все – согласились принять крещение. Среди них был и сам вождь, так что Александр оказался под его защитой. К несчастью, старейшины племени его невзлюбили, и между крещеными и некрещеными возникла смута.

Облизнув пересохшие губы, священник отпил воды из кувшина.

– А потом, – глубоко вздохнув, продолжил он, – я впал в новый грех.

Он влюбился в одну из крещеных индианок.

– А у вас были женщины... прежде? – смутившись, пробормотал Роджер.

– Нет, никогда. – Александр горько рассмеялся. – Я-то был уверен, что в жизни не поддамся такому искушению. Увы, человек слаб перед уловками Сатаны.

Он прожил с девушкой несколько месяцев, а однажды утром подошел к ручью, чтобы умыться, и увидел свое отражение.

– Вода вдруг пошла рябью и всколыхнулась. И вместо лица моего разверзлась огромная пасть.

Это всего лишь форель выпрыгнула за стрекозой, но глубоко потрясенный священник принял сие за знак Господа: душу его готов поглотить ад. Он вернулся в дом, собрал вещи и обустроил себе скромное жилище за пределами деревни. Однако вскоре выяснилось, что его подруга беременна...

– Поэтому вас и привезли сюда? – спросил Роджер.

– Нет, не совсем. Индейцы иначе смотрят на брак, – пояснил Александр. – Женщина выбирает себе мужчину и нарекает его своим мужем. А потом, если им надоедает, она просто выгоняет его из своего дома или уходит сама. Дети, сколько бы их ни было, остаются с матерью.

– Но тогда...

– Беда в том, что я отказывался крестить детей, если не были крещены оба родителя. Вы же понимаете, это очень важно, чтобы дитя воспитывалось в истинной вере. А то индейцы зачастую считают, что крещение – это простой обряд вроде их языческих ритуалов.

Александр вздохнул.

– И, конечно же, этого ребенка я крестить не мог. Мой отказ обидел и даже ужаснул Кеньяниситьяго, и тот велел подвергнуть меня пыткам. Моя... та девушка вступилась за меня, ее поддержали мать и кое-кто из воинов.

Страсти в деревне накалились до предела, и старейшины решили отвезти отца Александра в Оньякерената, где беспристрастный совет решит, как вернуть утраченный мир и покой.

Роджер почесал бороду – та изрядно завшивела. Возможно, неприязнь индейцев к волосатым европейцам была в чем-то оправдана.

– Боюсь, я не совсем понял... – осторожно начал он. – Вы не стали крестить вашего ребенка, потому что его мать не была ревностной христианской?

– Нет, конечно же! – удивился Александр. – Она с каждым днем

укреплялась в своей вере... хотя, Господь свидетель, у нее был повод усомниться. Нет, я не мог крестить ребенка, потому что веры лишился его отец.

Роджер наморщил лоб, стараясь не выдать своего изумления.

– О. А почему тогда вы решили исповедаться? Чтобы вновь уверовать и...

Легким движением руки священник его прервал. Он тихо сидел, опустив тонкие плечи. Похоже, Александр разбередил рану, потому что подсохшая корка треснула и из-под нее сочилась густая кровь.

– Извините... Не стоило вас просить, просто я был очень рад, что вы говорите на моем родном языке, и не удержался от соблазна облегчить душу. Однако это нехорошо, все равно мне нечем искупить грехи...

Отчаяние его было столь очевидно, что Роджер положил руку ему на плечо, пытаясь хоть как-то успокоить.

– Вы уверены? Вы сами сказали, что в случае острой нужды...

Александр взял Роджера за руку, словно пытаясь зачерпнуть у него хоть немного сил, поднял голову и посмотрел ему в глаза. Косые лучи восходящего солнца лились в дымовое отверстие. Дыхание клубами белого пара взлетало под крышу.

– Даже если я исповедуюсь, мне не получить прощения. Отпущение грехов можно заслужить лишь истинным покаянием. Должно отринуть грехи. А я этого сделать не могу.

Роджер не знал, надо ли ему как-то ответить... Настоящий священник произнес бы что-нибудь вроде «Продолжай, сын мой». Однако Роджер не был священником, поэтому просто ободряюще стиснул пальцы Александра.

– Грех мой в том, что я любил ее, – чуть слышно сказал тот. – И все еще люблю.

Глава 57

Кровавая улыбка

– Два Копья согласен. Нужно изложить нашу просьбу совету, и там примут окончательное решение. Думаю, проблем не возникнет.

Джейми устало привалился спиной к сосне. В деревне могавков мы провели уже неделю, большую часть которой он с Иэном потратил на переговоры с вождем и шаманом. Виделись мы мельком, я почти все время проводила с женщинами, которые держались хоть и вежливо, но довольно холодно.

– Роджер все-таки у них?

– Насчет этого старый мошенник так и ничего и не сказал – видимо, боится, что мы просто-напросто выкрадем парня. Впрочем, думаю, он где-то тут. Если совет одобрит сделку, дня через три мы выменяем Маккензи на виски. – Джейми взглянул на серые тучи, укрывавшие дальние горы. – Господи, надеюсь, это дождь собирается, а не снег...

– А если совет будет против?

Джейми вздохнул и запустил руку в волосы. Они растрепались и теперь сосульками свисали на плечи – похоже, переговоры были не из легких.

– Да, такое не исключено... Они хотят виски и в то же время боятся, как бы не случилось беды. Кое-кто из стариков станет возражать. Молодые все будут «за», они любят выпить. Остальные... тоже, скорее всего, нас поддержат: виски – хороший товар, его всегда можно на что-нибудь обменять.

– Это тебе Вакатиснора рассказал? – удивилась я. Вождь, Стремительные Ноги, казался слишком хитрым для подобной откровенности.

– Нет, малыш Иэн, – коротко улыбнулся Джейми. – Из него выйдет отличный шпион. Он успел посидеть у каждого костра в деревне. А еще закрутил роман с одной девушкой, и та теперь рассказывает ему, что думает совет матерей.

Я поглубже закуталась в плащ. Мы разговаривали на скалах вдали от деревни; здесь нас никто не смог бы подслушать, но ценой за безопасность стал кусачий ветер.

– И что же думает совет матерей?

За неделю я успела убедиться, как важно для индейцев мнение

женщин: хоть те и не принимали непосредственных решений, мало что в деревне делалось без их ведома и одобрения.

– Они предпочли бы получить вместо виски что-нибудь другое. Кроме того, они сомневаются, что стоит расставаться с парнем: здешние дамы им просто очарованы.

Джейми скривил губы, и я, несмотря на тревоги, рассмеялась.

– О да, Роджер красавчик.

– Встречал я этого красавчика, – угрюмо ответил Джейми. – По здешним меркам просто волосатый урод... Я, впрочем, тоже.

Он криво усмехнулся и провел рукой по челюсти: зная, какую неприязнь питают индейцы к растительности на лице, Джейми каждое утро тщательно сбрасывал щетину.

– Как бы там ни было, это может сыграть в нашу пользу.

– Что, его внешность? Или твоя?

– То, что сразу несколько девушек проявляют к парню интерес. Иэн говорил, тетя его подружки опасается скандалов и драк: мол, лучше продать его нам, а то еще поубивают друг друга из ревности.

– А мужчины знают, что женщины готовы за него передрасться? – Я едва сдерживала смех.

– Понятия не имею. А что?

– Ну, тогда бы они отдали его нам задаром.

Джейми фыркнул и все же неохотно признал:

– Может быть. Скажу Иэну, пусть намекнет кому-нибудь из парней. Хуже не будет.

– Значит, женщины предпочли бы другой выкуп... Ты показывал шаману опал?

– Кстати!.. Они так всполошились, словно я вытащил из кармана ядовитую змею. Полагаю, меня могли и вовсе прибить, если бы я уже не обещал им виски. – Он достал из-под плаща опал и протянул мне. – Забери его, саксоночка.

– Странно. – Я глядела на камень, зачарованная игрой света на спиралях рисунка. – Можно подумать, он имеет для них какое-то особое значение.

– О да! – заверил Джейми. – Не знаю, правда, почему, но камешек им очень не нравится. Шаман чуть ли не с кулаками на меня бросился, желая узнать, откуда я взял эту штуку. Я сказал, что нашел. Это их немного успокоило, но они все равно кипели, как вода в котелке.

– Почему ты хочешь отдать опал мне?

Теплый камень удобно и почти привычно лежал в руке. Я невольно

очертила большим пальцем контуры рисунка.

– Когда они увидели опал, сперва потеряли дар речи, а потом словно с цепи сорвались. Кое-кто даже за оружие схватился. Я смотрел на них и вдруг понял, что они боятся этого камня. Поэтому и не рискуют ко мне подходить. Так что держи его при себе. Если вдруг что случится, сразу доставай.

– Тогда тебе он нужнее, – запротестовала я.

– Меня они все равно не тронут, пока не выяснят, где я прячу виски.

– Так ты думаешь, я могу оказаться в опасности?

Мне стало не по себе. Местные женщины ни разу не выказали враждебности, а мужчины и вовсе меня не замечали...

– Не знаю, саксоночка. Только я не раз охотился... и сам бывал добычей. Знаешь, каково это, когда птицы вдруг перестают петь, и в лесу все замирает?

Он кивнул в сторону деревни, всматриваясь в клубы дыма над крышами длинных домов, словно ожидая увидеть в нем нечто осязаемое.

– Там очень тихо. Что-то происходит, я пока не знаю, что именно. Не уверен, что это из-за нас, и все-таки... Мне беспокойно.

Иэн, который вскоре к нам присоединился, подтвердил догадки:

– Ага, все равно что держать край рыболовной сети. Чувствуешь, как в ней трепещется рыба, но не знаешь, где именно.

Ветер взметнул его русые волосы, которые, как всегда, выбились из-под ремешка. Иэн рассеянно заправил длинную прядь за ухо.

– Что-то случилось прошлой ночью в доме совета, какие-то разногласия, похоже. Эмили мне ничего не рассказывает, только отводит взгляд и говорит, что нас это не касается. Правда, я ей не очень-то верю...

– Эмили? – переспросил Джейми, и Иэн усмехнулся:

– Так я ее называю, для простоты. А на самом деле ее зовут Вакьотейеснонха, «Искусные руки». Она и впрямь ловко обращается с ножом. Вот, подарила...

Он вытащил из сумки крошечную фигурку выдры из белого камня. Зверек был словно живой.

– Прекрасная работа. – Джейми погладил изогнутое тельце. – Похоже, ты девушке глянулся.

– Ну, мне она тоже нравится, – словно невзначай обронил Иэн, однако на щеках его вспыхнул яркий румянец, который нельзя было списать на морозный ветер. Кашлянув, парень поспешил сменить тему: – Она сказала, что совет охотнее склонится на нашу сторону, если мы дадим им

попробовать виски. Если ты не против, я мог бы достать один бочонок, и мы устроили бы сегодня праздник. Эмили все организует.

Обдумав идею, Джейми одобрительно кивнул.

– Оставляю на твое усмотрение. Где – в доме совета?

– Нет, Эмили говорит, лучше в доме ее тетушки. Старая Тевактеньон – Красивая Женщина.

– Кто-кто? – удивленно переспросила я.

– Красивая Женщина, – повторил он, вытирая нос рукавом. – Самая влиятельная женщина деревни, которая решает, как поступить с пленными. Ее всегда называют Красивой Женщиной, какой бы старой и страшной она ни была. В наших интересах убедить Тевактеньон, что сделка будет выгодной.

– Полагаю, так ее прозвали пленники. Если твоя участь зависит от женской прихоти, эта особа наверняка покажется тебе красавицей, – иронично заметил Джейми. – Что ж, решено. Сам справишься?

Иэн кивнул. Я протянула ему опал.

– И спроси, пожалуйста, у Эмили, может быть, она знает, что это такое?

– Хорошо, тетушка. Ролло!

Он громко свистнул, и серый пес, подозрительно принохивающийся к большому камню, подбежал к хозяину. Джейми хмуро проводил их взглядом.

– Саксоночка, ты случайно не знаешь, где спит Иэн?

– В каком доме – знаю. В чьей постели – нет. Есть у меня одно подозрение...

– Хммм... – протянул он, откидывая с лица волосы. – Ладно, пойдем, саксоночка, провожу тебя в деревню.

Праздник Иэна начался с наступлением темноты. Старейшины по одному приходили в длинный дом Тевактеньон, выказывая уважение шаману. Два Копья сидел возле центрального костра между Джейми и Иэном; позади них на бочонке с виски пристроилась невысокая миловидная девушка, должно быть, та самая Эмили.

Кроме нее в праздновании принимали участие лишь мужчины. Впрочем, я все равно пришла – уселась в уголке возле костра поменьше, наблюдая, как две женщины заплетают связки лука в косы, и изредка перекидываясь с ними вежливыми фразами на дикой смеси английского, французского и наречия тускорара.

Мне предложили елового пива и какую-то кашу из кукурузной муки. Я

с радостным видом приняла угощение, хотя желудок скрутило тугим узлом, и я при всем желании не смогла бы проглотить ни крошки. От сегодняшней импровизированной вечеринки зависело слишком многое. Роджер где-то здесь, в деревне; он жив и, надеюсь, здоров. Я повернулась в сторону самого большого костра. Отсюда виднелся лишь седой затылок Тевактеньон, но меня все равно пробрало дрожью, и я поспешно схватилась за амулет, спрятанный под рубашкой.

Когда все гости собрались, в середину круга вынесли бочонок и сбили с него крышку. Эмили встала рядом, держа тыквенный черпак.

Два Копья произнес короткую речь, и празднество началось. Девушка стала разливать виски, и делала она это весьма необычным способом: набирая в рот и сплевывая в подставленные чаши, которые тут же расходились по кругу. Я перевела взгляд на Джейми – тот сперва опешил, потом взял свою чашу и без колебаний осушил до дна.

Интересно, как быстро опьянеет девушка, ведь спиртное легко проникает через слизистую? Вряд ли раньше мужчин; например, этому молчаливому старому ублюдку со сморщенным, точно чернослив, лицом, шаману, надо совсем немного.

Вечеринка только набирала обороты, когда я отвлеклась на мальчика, сына одной из женщин, что сидели рядом. Он тихонько подошел и опустил на шкуру возле матери. Та потрясенно вскрикнула, рассыпая лук, – мальчик странно корчился, прижимая к себе локоть.

Сдвинув корзину с луком в сторону, я встала возле него на колени и, взявшись за другую руку, развернула к себе. Левое плечо и впрямь было вывихнуто. Мальчик весь взмок, кусая от боли губы.

Я жестами пыталась успокоить мать, однако та подтянула к себе тихо скулящего сына и крепко его обняла. Я, сама не зная, что на меня нашло, достала из-под рубашки амулет Найявенны. Вряд ли женщина знает, чей он, но должна догадаться, что он символизирует. Так и вышло – при виде кожаного мешочка она изумленно распахнула глаза.

Мальчик молчал, по его груди стекали крупные капли пота. Я распустила шнурок и вытащила из мешочка синий камень. «*Pierre sans peur*» – называла его Габриэлла. *Камень бесстрашия*. Я взяла мальчика за здоровую руку и вложила в нее сапфир, заставив крепко сжать кулак.

– *Je suis une sorciere. C'est medecine, la,* – сказала я. «Я колдунья. А это – лекарство».

Хоть бы они мне поверили... Я улыбнулась как можно шире.

В кругу пьянствующих мужчин шел разговор на гэльском, кто-то, кажется, рассказывал старую легенду – слишком уж знакомо звучали

ритмичные фразы.

Женщины переглянулись, мать кивнула, и ее сестра торопливо направилась в дальнюю часть дома. Я не стала оборачиваться, спиной чувствуя любопытные взгляды, – все вокруг на нас пялились. Я же смотрела только на мальчика.

Наконец сестра вернулась, и мать неохотно выпустила ребенка из рук. Тевактеньон одобрила мое вмешательство.

Вправить сустав было минутным делом. Я ощупала пострадавшее плечо; косточки под моими пальцами казались невесомыми. Затем, улыбнувшись мальчику, подняла его руку, вывернула локоть и с силой дернула.

Готово.

Боль должна была стихнуть сразу же, и, судя по распахнутым глазам парнишки, так оно и вышло. Недоверчиво подвигав плечом, он улыбнулся и протянул мне камень.

Вокруг нас столпились женщины, они все принялись тискать мальчика и звать подруг, чтобы те тоже взглянули на чудесный сапфир... На все это ушло немало времени, и когда я снова повернулась к большому костру на той стороне дома, праздник был в самом разгаре. Иэн что-то распевал на гэльском, отчаянно фальшивя, двое мужчин совершенно не в такт отбивали ему ритм и изредка вскрикивали «Хэй-хэй!».

Точно так же делали когда-то в племени Найявенны...

Только я подумала о погибшей подруге, как почувствовала на спине взгляд. За мной наблюдала Тевактеньон. Я кивнула ей. Наклонившись, она сказала что-то девушке из своего окружения, и та подошла ко мне, осторожно обогнув пару возящихся на полу малышей.

– Бабушка просит тебя подойти.

Индианка на удивление неплохо говорила по-английски. Впрочем, ничего странного – Онакара предупреждал, что кое-кто из могавков знает наш язык.

Я перешла к костру Тевактеньон, гадая, чем же вызван интерес Красивой Женщины. Впрочем, мне это было лишь на руку.

Старуха указала на шкуру, предлагая сесть, и заговорила с девушкой, бросая на меня взгляды.

– Бабушка спрашивает, можно ли посмотреть на твой лечащий камень?

– Конечно.

Когда я вынимала сапфир, старуха пристально глядела на мой амулет. Кроме перьев дятла, что прикрепила к нему Найявенна, я добавила туда два длинных черных пера из крыла ворона.

– Ты жена Убийцы Медведя?

– Да. Тускорара называют меня Белый Ворон.

Девушка испуганно вздрогнула и торопливо перевела мои слова бабушке. Та изумленно вытаращила глаза. Похоже, мне дали не самое приятное имя... Плотно сжимая губы, я улыбнулась. Индейцы почти не показывают зубы, только если смеются.

Старуха осторожно протянула мне камень и что-то сказала внучке.

– Бабушка слышала, у твоего мужчины тоже есть цветной камень, – перевела та. – Она хочет узнать о нем: что это и откуда он у вас?

– Она может даже на него взглянуть.

Я вытащила из сумки опал и протянула его старухе. Та подалась вперед и внимательно уставилась на камень, но притрагиваться не стала.

Смуглые руки Тевактеньон были голыми и сплошь изрезанными морщинами, как кора шелкового дерева. Будь на них волоски, они поднялись бы дыбом, а так лишь кожа пошла острыми мурашками. Старуха уже видела камень. Или, по крайней мере, знает, что это такое.

Встретившись с ней взглядом, я отчетливо разобрала в ее глазах вопрос, хоть формулировка его и была весьма странной.

– Как он пришел к тебе? – спрашивала она, и девушка эхом повторила ее слова.

Я держала ладонь раскрытой. Камень казался на удивление тяжелым, потому что из-за переливчатой окраски он больше походил на невесомый мыльный пузырь.

– Он пришел ко мне во сне, – сказала я наконец, не зная, как еще это объяснить.

Старуха шумно выдохнула. Теперь к ее страху примешалось любопытство. Она бросила отрывистую фразу одной из сидевших неподалеку женщин, та достала что-то из-под лежанки в каморке за ее спиной и протянула Тевактеньон.

Красивая Женщина начала петь; ее голос был хриплым из-за возраста, но на удивление сильным. Она простерла над пламенем руки, и в огонь посыпалась мелкая коричневая крошка, чтобы тут же взметнуться густым табачным дымом.

Ночь была тихой. До нас доносились громкие разговоры и смех с другого конца дома, где продолжался праздник. Среди них я даже разобрала голос Джейми – он говорил по-французски.

Я глубоко вдохнула. Дым поднимался тонким белым столбом, и сладковатый запах табака ярко окрасил холодный воздух, отчего-то воскрешая в памяти школьные футбольные матчи Брианны: уютный аромат

шерстяных одеял и какао в термосе, клочья сигаретного дыма, витавшие над толпой... За этим последовали и другие, более страшные воспоминания: молодые мужчины в форме, мерцающие на взлетном поле огни и втоптаные в землю окурки перед тем, как отправиться в очередной бой, оставив после себя лишь облачко табачного дыма.

Тевактеньон что-то сказала, и тихий голос ее внучки вернул меня в реальность.

– Расскажи мне о том сне.

Был ли это и впрямь сон или мимолетное воспоминание, принесенное на крыльях дыма? Не важно, здесь все мои воспоминания стали снами.

Я рассказала обо всем, не делая различий между видениями и явью: о буре, об убежище в корнях красного кедра, о черепае среди камней... о светящейся горе и мужчине с разрисованным лицом.

– Ты видела Несущего Огонь? – вырвалось у девушки.

Она отпрянула от меня, как от ядовитой змеи.

Старуха что-то властно бросила ей, потом ткнула девушку пальцем и нетерпеливо повторила вопрос.

– Бабушка спрашивает, можешь ли ты его описать? Как он был одет?

– Он был голым. В одной набедренной повязке. А еще весь разрисован.

– Как именно?

Я описала рисунки на теле. Это было нетрудно: зажмурившись, я видела призрак столь же отчетливо, как в тот день, когда он появился передо мной на склоне.

– А лицо у него было черным ото лба до самого подбородка, – закончила я, вновь открывая глаза.

Переводчицу мои слова явно расстроили: с дрожащими губами она то и дело испуганно озиралась на бабушку. Старуха слушала внимательно; она вперилась в меня взглядом, словно разглядывая описываемый мною образ прежде.

Я давно договорила, а старуха все молчала, по-прежнему буравя меня взглядом. Наконец она кивнула и морщинистыми пальцами погладила ожерелье из пурпурных раковин, висевшее на ее груди. Майерс рассказывал мне о таких штуках – они назывались вампум. Это была летопись ее семьи и в то же время знак статуса: держаться за ожерелье – все равно что клясться на Библии.

– Это случилось в день Зеленой Кукурузы, много лет назад. – Она четырежды сомкнула и разогнула пальцы. – К нам пришел человек с севера. Хотя речь его была странной, мы могли его понять. Так говорят

онондага или кананга, но он не назвал ни своего племени, ни своей деревни – лишь свой клан, клан Черепахи. Он был храбрым. Хорошим охотником и воином. И красивым – многим женщинам нравилось на него смотреть, хотя подойти мы боялись.

Тевактеньон ненадолго замолчала, и в ее глазах вспыхнуло мечтательное выражение. Я мысленно прикинула: сорок лет назад она была зрелой женщиной, однако достаточно молодой, чтобы впечатлиться таинственным незнакомцем.

– Наши мужчины, как всегда, забыли об осторожности. – Она неодобрительно покосилась в сторону большого костра: там шумели все сильнее. – Они садились с ним и курили, пили пиво и слушали. А он говорил, с полуночи до заката, и потом, при свете костров. И лицо его всегда было злым, потому что говорил он о войне.

Она вздохнула, крепче сжав красные ракушки.

– Только о войне. Не против пожирателей лягушек из соседней деревни или тех, кто ест лосиный помет. Нет, мы должны были поднять томагавки на осерони – французов. *«Убейте их всех, – говорил он, – от старого до молодого, от границы до большой воды. Идите к сенека, отправьте человека к кайюга, пусть Лига Ирокезов выступит как одно племя. Нападите, пока не слишком поздно»*, – говорил он.

Тонкое плечо приподнялось и тут же упало.

– *«Поздно для чего? – спрашивали мужчины. – Почему мы должны воевать просто так? У нас все есть, зачем нам драться?»* Это было еще до того, как пришли французы, ты поняла, да? А он говорил: *«Это ваш последний шанс. Потом будет поздно. Они соблазнят вас своим металлом, выманят, обещая ножи или ружья, и уничтожат за кухонные горшки. Оглянитесь, братья, – твердил он. – Вы столько лет шли своим путем, что сосчитать нельзя. Вернитесь же на него – или погибните. Ваши легенды забудут. Убейте их сейчас – иначе вас сожрут»*. И мой брат, тогда он был вождем, и другой мой брат, шаман, сказали, что это глупо. *«Уничтожат нас? Сожрут нас? Белые ведь не едят сердца своих врагов, никогда, даже в бою»*. А вот молодые слушали. Они всегда слушают тех, кто говорит громко.

– Он знал... – сказала внучка, и старуха, кивнув, заговорила еще быстрее. Девушка едва успевала переводить. – Он знал, что случится – британцы и французы начнут воевать, и каждый будет просить нас о помощи. Он сказал, что придет время, и они станут драться, и тогда мы должны встать и убить их всех. Тавинеонавира, Зуб Выдры – так его звали – сказал мне: *«Ты живешь одним днем. Ты знаешь о прошлом, но не*

глядишь в будущее. Ваши мужчины говорят «Нам ничего не нужно» и сидят на месте. Ваши женщины думают, что в железном котле готовить легче, чем в глиняном горшке. Вы все не видите, что случится из-за вашей лени». «Неправда, – отвечала я. – Мы вовсе не ленивые, мы чистим шкуры, сушим мясо и кукурузу, выжимаем из подсолнечника масло и лепим для него кувшины. У нас всегда есть запасы на зиму. При чем тут железные котлы и глиняные горшки?» А он рассмеялся, хотя глаза его были печальны. Он никогда мне не грубил, как остальным.

Девушка бросила взгляд на бабушку и тут же потупилась.

– Он сказал: «Женщины, вы только и думаете что о еде и тряпках. Это все мелочи. Мужчины не должны о них заботиться». «Ты ходинокхони, ирокез, и так думаешь? Откуда же ты пришел, раз считаешь женские заботы мелочью?» А он покачал головой и сказал: «Вы не смотрите дальше». Я спросила, как далеко глядит он сам, но он не ответил.

По моим рукам побежали мурашки, несмотря на тепло огня, потому что я поняла, о чем именно говорил Зуб Выдры.

– Все мои слова были зря, – продолжала индианка. – И слова моих братьев тоже. Зуб Выдры лишь больше сердился. Однажды он встал и начал танец войны. Он был весь разрисован, руки и ноги в красных полосах, и он пел и кричал на всю деревню. Все вышли посмотреть на него, узнать, пойдет ли кто за ним. И тогда он воткнул томагавк в дерево войны и крикнул, что идет к шауни, отберет у них лошадей. Кое-кто из молодых мужчин отправились вслед за ним. Они ушли на рассвете и вернулись с луной, привели лошадей и принесли скальпы. Скальпы белых людей, и мои братья очень рассердились. «Теперь к нам придут солдаты из форта, – сказали они, – или люди с той стороны границы, чтобы отомстить». А Зуб Выдры сказал, что именно этого он и хочет – тогда нам придется драться. А еще он сказал, что будет делать так снова и снова, пока вся земля не восстанет, и мы не поймем, что он прав: или мы должны убить осерони, или они – нас. Некоторые из мужчин с горячей кровью его поддержали. И тогда мой брат шаман поставил целебный вигвам и призвал Большую Черепаху. Он провел внутри весь день и всю ночь. Вигвам трясся и раскачивался, из него слышались разные голоса, и люди боялись. Когда мой брат вышел, он сказал, что Зуб Выдры должен покинуть деревню. Пусть делает, что делал, но не навлекает смерть на наши головы. Он вызвал среди нас раздор и должен уйти. Зуб Выдры разозлился как никогда. Встал в центре деревни и закричал так, что вены на шее распухли, а глаза покраснели от ярости.

Голос у девушки дрогнул.

– Он выкрикивал злые слова, и нам стало страшно. Он говорил такое, отчего наши сердца замирали. Даже те, кто следовал за ним, испугались. Он не спал и не ел. День за днем, ночь за ночью ходил по деревне, останавливался у дверей и говорил, пока люди его не прогоняли. А потом он ушел. Он прятался в лесу, а ночью, когда зажигали костры, выходил, тощий и голодный, с горящими, как у лисицы, глазами. И говорил. Каждую ночь его голос слышался по всей деревне, и люди не могли уснуть. Мы решили, что в него вселился злой дух. Может быть, сам Ататархо, с чьей головы Гайавата вычесывал змей. Наконец мой брат вождь сказал, что это нужно прекратить. Или Зуб Выдры уйдет, или мы его убьем.

Тевактенъон замолчала. Она непрерывно поглаживала вампум, словно черпая из ракушек силу для своего рассказа, и та теперь иссякла.

– Он был чужаком, – тихо сказала она. – Только он не знал, что он нам чужой. Наверное, он этого никогда не понимал.

На том конце длинного дома становилось все веселее, мужчины гоготали, радостно покачиваясь. Эмили громко смеялась вместе с ними.

По моей же спине словно бегали мыши с острыми коготками. Чужак. Индеец со странной речью и с серебряными пломбами в зубах. Нет, он не понимал. Он считал, что они его люди. Он знал, какое их ждет будущее, и пытался спасти свое племя. Разве мог он поверить, что они готовы его убить?

Однако чужака раздели, привязали к столбу в центре деревни и замазали ему лицо краской из чернильных орешков.

– Черный – цвет смерти. Так разрисовывают всех приговоренных к казни, – пояснила девушка. – Ты знала это, когда встретила на горé того мужчину?

Я молча покачала головой. Теплый опал грел скользкую от пота ладонь.

Они пытали его. Протыкали обнаженное тело заостренными палками. Жгли раскаленными углем, отчего кожа вздувалась и лопалась, повисая клочьями. Он выдержал, не издал ни звука, – и это порадовало племя. Казалось, он еще полон сил, и на ночь его оставили привязанным к столбу.

А наутро он исчез.

На лице старой женщины ничего не отражалось. Не знаю, порадовал ее побег пленника или, напротив, огорчил.

– Я сказала, не стоит его преследовать, однако мой брат решил иначе.

Отряд воинов отправился по следу Зуба Выдры. Тот истекал кровью, и найти его было несложно.

– Они шли за ним на юг. Думали, вот-вот поймают, но он всякий раз ускользал. Четыре дня его преследовали и наконец загнали в осиновую рощу, засыпанную снегом. Голые ветки торчали как кости скелета.

Увидев вопрос в моих глазах, Тевактеньон кивнула.

– Мой брат вождь был там. И потом мне все рассказал.

Зуб Выдры был один и без оружия. Никаких шансов. И все же он встретил их лицом и лицу – и опять заговорил. Даже после того как один из воинов ударил его дубиной по лицу, он продолжал говорить, выплевывая обломки зубов.

– Он был храбрым, – задумчиво бормотала индианка. – И не умолял, нет, он говорил то же, что и прежде, но мой брат сказал, что в этот раз было иначе. Прежде Зуб Выдры был пылким, как огонь. Умирая, он стал холоден, как снег... и его ледяные слова повергли воинов в ужас. Даже когда чужак лежал на земле мертвым, его речь по-прежнему звенела в головах воинов. Они легли спать, однако голос не утихал и во сне. *«Вас забудут, – говорил он. – Лига Ирокезов перестанет существовать. Никто больше не расскажет ваши легенды. Все, чем вы были, исчезнет»*. Они повернули домой, но голос их преследовал. Они не могли заснуть, потому что в ушах гремели злые слова. Потом они услышали позади крики и шепот. Кто-то сказал, что это вороны, но остальные ему не поверили. Нет, это был он. Наконец мой брат понял, что тот человек был колдуном.

Проклятье, я ведь тоже совсем недавно сказала, что я колдунья... Сглотнув, я потянулась к амулету на шее.

– Мой брат решил, что нужно отрезать ему голову, тогда он замолчит. Поэтому они вернулись и привязали голову к вершине ели. А когда воины легли спать, голос снова заговорил, и они проснулись с трепещущими от страха сердцами. Вороны выклевали ему глаза, но Зуб Выдры по-прежнему разговаривал.

И тогда один мужчина, самый храбрый, сказал, что возьмет голову и похоронит ее где-нибудь очень далеко. – Тевактеньон коротко улыбнулась. – То был мой муж. Он завернул голову в оленью шкуру и побежал, а голова продолжала говорить у него под мышкой, так что ему пришлось сделать для ушей затычки из воска. Наконец он увидел большой красный кедр и понял, что это лучшая могила для колдуна, потому что дерево имеет целебную силу. Поэтому он закопал голову между его корней, а когда вытащил из ушей воск, то услышал лишь шум ветра и реки. Он вернулся домой, и имя Зуба Выдры больше никогда не произносили в этой деревне. До сегодняшнего дня.

Судя по лицу переводчицы, прежде она и впрямь никогда не слышала

эту историю. Я сглотнула. Дым уже не поднимался вверх, он стелился по полу, окутывая нас пьянящим туманом.

Веселье на том конце дома затихло. Один из мужчин встал и, шатаясь, поплелся к выходу. Еще двое в полудреме разлеглись возле костра.

– А что с этим? – спросила я, поднимая опал. – Вы видели его прежде? Он принадлежал тому человеку?

Тевактеньон потянулась было за ним, но тут же отпрянула.

– Есть одна легенда, – начала девушка, не отрывая глаз от опала. – Говорят, у волшебных змей в голове есть камень. Если убить такую змею и забрать ее камень, он даст тебе великую силу.

Она беспокоило заерзала. Да уж, немаленьких размеров должна быть змея, чтобы в голове у нее поместилась такая штуковина...

Старуха вдруг заговорила, кивком указывая на опал. Девушка вздрогнула, но послушно перевела ее слова.

– Да, это его камень. Он называл его гара-ти.

Я непонимающе уставилась на переводчицу.

– Гара-ти, – повторила она, четко выговаривая слоги. – Это разве не английское слово?

Я пожала плечами.

Старуха поудобнее устроилась на своих мехах.

– Почему он с тобой разговаривал? И зачем дал тебе это?

– Не знаю, – ответила я.

Тевактеньон поняла, что я вру, и вперила в меня хищный взгляд.

Ладно, раскусила... но как же рассказать правду? Как рассказать, кто такой Зуб Выдры (интересно, как его звали на самом деле)?..

– Я думаю, он был из моей... семьи, – призналась я наконец, вспоминая, что Поллианна говорила о духах предков. Не знаю, откуда и из какого времени пришел тот человек, но мы с ним явно были одной крови. Не в прямом – так в фигуральном смысле.

Тевактеньон изумленно вздрогнула.

– Он прислал тебя ко мне, чтобы ты это услышала. Узнала, что он ошибся, – горделиво заявила она. – Мой брат сказал, что мы не должны о нем говорить, пусть его забудут. Однако человека нельзя забыть, пока под этим небом есть двое: один, чтобы рассказать историю, второй – чтобы выслушать ее. Вот так.

Она коснулась моей руки, стараясь не задеть камень. Черные глаза влажно блестели – должно быть, от табачного дыма.

– Я – первая. Ты – вторая. Его не забыли.

Она махнула девочке, которая тихо поднесла нам еду и напитки, а я

посмотрела на пьяную компанию. Опустевший бочонок валялся в стороне, пол был усыпан храпящими телами. Два Копья лежал на спине, и на его морщинистом лице расплывалась блаженная улыбка. Девушка, Иэн и Джейми исчезли.

Джейми ждал меня снаружи. Его дыхание вырывалось белым морозным облачком, от пледа пахло табаком и виски.

– Вы, похоже, неплохо повеселились. Как думаешь, польза есть?

– Надеюсь. Вроде все прошло неплохо, Иэн был прав, благослови его Господь. Теперь они увидят, что от виски нет вреда, и, пожалуй, согласятся на сделку.

Я окинула взглядом ряд длинных домов, над которыми клубился дым, озаренный светом костров. В каком из них прячут Роджера? Я, как всегда, мысленно подсчитала дни. Семь месяцев. Земля уже оттаивает. Если часть пути мы проделаем по реке, то уложимся в месяц, максимум полтора. Если выдвинемся в ближайшее время, успеем.

– А как ты, саксоночка? Ты мило поболтала с той старой леди. Она что-то знает о камне?

– Да. Пойдем в дом, расскажу.

Опал оттягивал мне руку. Индейцы не поняли, почему он так назывался, а я поняла. Мужчина по имени Зуб Выдры, желавший развязать войну и спасти нацию... человек с серебряными пломбами... Да, я знала, почему он называл камень гара-ти.

Гарантия. Залог успешного возвращения. Мое наследство.

Глава 58

Возвращение лорда Джона

Поместье «Горная река», март 1770 года

Федра принесла очередной подарок Иокасты – платье из желтого шелка с невероятно пышной юбкой.

– Сегодня у нас компания получше, чем мистер Купер или судья Форбс, – радостно трещала горничная. – К нам приедет самый настоящий лорд, представляете?

Она разложила огромную грудку ткани на кровати и принялась распутывать завязки, отдавая Брианне приказы.

– Так, раздевайтесь и натягивайте вот тот корсет. Нужно затянуть его потуже, чтоб животик спрятать. Без корсета никак нельзя, вы ж не голодранка какая-нибудь... Ваша тетушка хоть и слепа как летучая мышь, а все-все заметит, все-все... Еще чулочки и подвязки – выберем самые миленькие, да? Мне всегда нравилась та пара с вышитыми листочками... Так, юбку надо завязать вот здесь, а потом...

– Что еще за лорд? – Брианна взяла протянутый корсет и нахмурилась. – Господи боже, да из чего он сделан – из китового уса, что ли?!

– А то. Это вам не какое-нибудь дешевое олово или железо, уж будьте уверены... Да куда же подевались подвязки?.. – Федра, как терьер, зарылась в вещи.

– Мне не нужен корсет. Так что за лорд приезжает?

Федра круглыми глазами уставилась на Брианну поверх горы желтого шелка.

– Как это не нужен? На шестом-то месяце?! Вы что удумали, барышня, – что заявитесь в столовую как есть, а его светлость будет давиться супом, глядя, как в животе крутится ребеночек?

Брианна не сдержала улыбки – уж больно живой образ описала Федра, – но все равно ответила весьма резко:

– А какая разница? Все и так знают, что у меня будет ребенок. Не удивлюсь, если местный священник – мистер Армстон, да? – костерит меня в своих проповедях.

Федра тихонько фыркнула.

– О да, было дело. Две недели назад. Майки и Друсус все слышали, им это показалось смешным, а вот вашей тете – не очень. Она хотела, чтобы судья Форбс обвинил его в клевете, но преподобный Армстон сказал, что никакой клеветы нет, ведь ребеночек-то у вас и впрямь будет.

– И что именно он обо мне говорил?

Горничная мрачно покачала головой.

– Ничего хорошего. Как бы там ни было, одно дело – что все знают о вашей беременности, и совсем другое – когда вы нарочно выпячиваете живот перед его светлостью. Так что быстренько надевайте.

Брианна неохотно втиснулась в корсет и еле вытерпела, пока Федра его зашнуровывала. Талия все еще оставалась тонкой, а выпуклость живота спрячется под пышной юбкой.

Она взглянула на себя в зеркало. Внизу маячила голова Федры – горничная в который раз расправляла невидимые складочки на чулках. Брианне нечем было дышать, живот сдавило. Это наверняка вредно для ребенка. Слава богу, корсет застегивался спереди – как только Федра уйдет, Брианна его распустит. И к черту эту «светлость», кем бы он ни был.

– Так что за господина мы ждем к ужину? – в третий раз спросила она, покорно позволяя горничной напялить на себя накрахмаленные нижние юбки.

– Лорд Джон Уильям Грей из Вирджинии, – церемонно произнесла Федра, хоть и не без некоторого сожаления: уж больно простое имя было у его светлости. Ей больше пришлось бы по душе, если б его звали «лорд Фицджеральд ван-Лэндингэм Уолтемстид».

– Он друг вашего батюшки – так мисс Ио сказала, – добавила она уже более буднично. – Ну вот и все. Отлично сидит!

Лишь бы платье не сползло в самый неподходящий момент: корсет заканчивался как раз под грудью, вздымая ее так высоко, что она больше походила на тесто, упрямо лезущее из кадки. Сквозь сорочку просматривались соски, темные, словно малиновое вино.

Впрочем, Брианну волновала вовсе не выставленная напоказ грудь. Нет, в голове крутилось случайно оброненное Федрой замечание: «Он друг вашего батюшки».

Гостей было не так уж много. Иокаста редко собирала толпы, поскольку при большом скоплении народа становилось слишком шумно, и она не могла положиться на слух. И все же в гостиной было больше людей, чем обычно. Судья Форбс (конечно, со своей незамужней сестрой), мистер Макнейл с сыном, судья Элдердайс с матушкой и двое холостых сыновей

Ферхарда Кэмпбелла. И никого, хоть отдаленно напоминающего «светлость».

Брианна кисло улыбнулась.

– Ну что ж, пускай любуются, – пробормотала она, гордо выставя перед собой животик, прорисовывающийся под блестящим шелком. – Вперед, малыш, знакомься с местной элитой.

Ее появление встретили удивленными возгласами, отчего Брианне стало чуточку стыдно. Все они, в конце концов, были добры к ней, особенно Иокаста, и никто из них не виноват в сложившейся ситуации.

И все же ее порадовали выражения их лиц: потрясение, которое пытался скрыть судья, чересчур сладкая улыбка его матери, миготавшей столь вопиющее нарушение приличий... Что бы там ни задумала Иокаста, мать судьи все устроит по-своему – это факт. Брианна смело встретила взгляд миссис Элдердайс и мило ей улыбнулась.

Мистер Макнейл удивленно вскинул брови, но без особого смущения поклонился и вежливо справился о здоровье. Что же до судьи Форбса, если он и заметил некоторые странности ее внешнего вида, то скрыл это за маской профессионализма и приветствовал Брианну с обычной учтивостью.

– О, мисс Фрейзер! – воскликнул он. – Мы с мистером Элдердайсом завязали одну дискуссию. Вы с вашим чутьем прекрасного могли бы высказать чрезвычайно ценное для меня мнение – если, конечно, согласитесь оказать такую услугу.

Взяв Брианну за руку, он увлек ее подальше от Макнейла, который недовольно повел густыми бровями, но вмешиваться не стал.

Форбс подвел ее к столу, где лежали четыре деревянные коробочки. Торжественно сняв крышки, адвокат продемонстрировал драгоценные камни, каждый размером с крупную горошину. Темно-синий бархат выгодно оттенял их сияние.

– Я подумываю купить один из них, – пояснил Форбс, – чтобы заказать кольцо. Мне прислали их из Бостона.

Он усмехнулся, чувствуя, что обходит конкурентов. Судя по недовольному лицу Макнейла, так оно и было.

– Скажите, милая моя, какой камень вам по душе: сапфир, изумруд, топаз или бриллиант?

Форбс качнулся на каблуках, ужасно довольный своей находчивостью.

Впервые за всю беременность Брианну замутило. Голова пошла кругом, кончики пальцев онемели.

Сапфир, изумруд, топаз, бриллиант. И рубин из отцовского кольца.

Пять камней, пять основ для пентаграммы, гарантия безопасного перехода... Она невольно прижала руку к животу.

Брианна сразу догадалась, в какую ловушку заманивает ее Форбс. Она сделает выбор – и он тут же, при всех, преподнесет ей этот камень, вынуждая либо принять его предложение, либо отвергнуть, устроив некрасивую сцену. Джеральд Форбс и впрямь совершенно не разбирается в женщинах.

– Я... ммм... я не смею высказать свое мнение, не выслушав сперва миссис Элдердайс, – нашлась Брианна.

Она выдавила широкую улыбку и кивнула судейской матери. Та хоть и удивилась, но заминка, судя по всему, ее порадовала.

Брианна украдкой вытерла взмокшие ладони о юбку. Вот они – в одном месте все четыре камня, которых она и не чаяла найти за свою жизнь.

Миссис Элдердайс ткнула скрюченным из-за артрита пальцем в изумруд, поясняя свой выбор, однако Брианна ее не слушала. Она взглянула на судью Форбса, лоснящегося от самодовольства. И внезапно ее охватил странный порыв.

Если она согласится – прямо сейчас, когда у него все четыре камня?.. Хватит ли ей сил? Чтобы охмурить его, зацеловать, усыпить бдительность... и украсть драгоценности?

Да хватит... но что потом? Бежать в горы? Оставить опозоренную Иокасту расхлебывать скандал? Успеет ли она вовремя добраться до Вест-Индии, ведь до родов осталось всего ничего? Брианна принялась мысленно подсчитывать дни, даже зная, что это полное безумие.

Камни мерцали, словно подмигивая, искушая и обещая спасение. Все склонились над столом, восхищенно вздыхая и на время забыв о Брианне.

У нее же перед мысленным взором во всех деталях разворачивался план. Украсть лошадь, укрыться в неприступных скалах... Брианна задрожала, думая о долгом путешествии сквозь снег. Мысли тем временем бежали дальше.

Она могла бы спрятаться в горах – в хижине родителей, например, и дожждаться их возвращения с Роджером. Если они вернутся. И если привезут Роджера. И роды могут начать раньше, когда она будет там совершенно одна, безо всякой помощи, лишь с горсткой краденых камней?..

Или лучше сразу направиться в Уилмингтон и найти корабль до Вест-Индии? Если Иокаста права, Роджера уже нет в живых. Готова ли она пожертвовать своим единственным шансом на спасение ради мужчины...

либо мертвого, либо способного отвергнуть ее из-за чужого ребенка?

– Мисс Фрейзер?

Форбс ждал, в предвкушении затаив дыхание.

Брианна набрала полную грудь воздуха. Под ослабленным корсетом стекал пот.

– Они все такие красивые, – выпалила она, удивляясь, что вообще способна говорить. – Увы, я не могу определиться... Видите ли, я не очень люблю драгоценности. Боюсь, мои вкусы слишком просты...

Мистер Макнейл украдкой ухмыльнулся, а Форбс пошел красными пятнами. Вежливо кивнув, Брианна повернулась к ним спиной.

– Думаю, не стоит откладывать ужин, – прошептала Иокаста ей на ухо. – Раз его светлость задерживается...

Словно по заказу на пороге возник Улисс, облаченный в парадную ливрею. Однако вместо того чтобы прекрасно поставленным голосом доложить, что стол накрыт, он провозгласил: «Лорд Джон Грей, мадам!» – и отступил в сторону.

Облегченно выдохнув, Иокаста подтолкнула Брианну к невысокому мужчине в дверях.

– Прекрасно. У тебя будет пара за столом, дорогая моя.

Брианна оглянулась, но камни уже исчезли.

Лорд Джон Грей изрядно ее поразил. Мать много рассказывала о нем: о солдате, политике, дворянине, – и Брианна ожидала увидеть кого-то высокого и внушительного. Однако Джон Грей оказался на шесть дюймов ниже нее, худощавым и довольно хрупким, с большими красивыми глазами и светлой кожей. Он и вовсе бы походил на девушку, если бы не твердая линия рта и крепкий подбородок.

Увидев Брианну, он явно поразился – многих смущал ее рост, – но тут же взял себя в руки и совершенно очаровал ее и прочих гостей. Джон Грей охотно рассказывал о своих путешествиях, отвечивал остроумные комплименты висевшим на стенах картинам Иокасты, делился новостями о Вирджинии.

Ее отца он, слава богу, не упоминал.

С отсутствующей улыбкой Брианна вполуха слушала дифирамбы, которые мисс Форбс пела своему брату. Почему ее просто не оставят в покое? Неужели Иокаста хотя бы ради приличия не может выждать пару месяцев?

– ...Да еще та лесопилка, что он купил возле Аверасборо. Святые небеса, не представляю, как он со всем этим управляется!

Нет, они ни за что не отстанут... Они ведь шотландцы – люди добрые, но ужасно расчетливые и всегда уверенные в собственной правоте. Именно из-за упрямства половина их слегла на поле Каллодена.

Да, Иокаста любит ее – и при этом считает, что ждать Роджера глупо. Стоит ли упускать выгодную респектабельную партию ради призрачного огонька надежды на какую-то там любовь?

А самое ужасное, что Брианна и сама начала сомневаться в разумности ожидания. Эта мысль теперь засела в голове свербящей занозой.

Слишком много «если». Если они вернутся, если Роджер жив... Если, если и если. Родители могут и не привезти Роджера. Они могут не найти купивших его индейцев, заблудиться в снежной пустыне. Или найдут – и узнают, что Роджер мертв: погиб в дороге, при побеге, от ран...

Или он будет жив и откажется ехать к Брианне, не желая больше ее знать. Или вернется лишь из-за этой проклятой чести горцев, а сам будет ее ненавидеть. Или узнает о ребенке и...

А может, и она и вовсе никого из них больше не увидит. *«Я верну его тебе или не вернусь сам»*, – так сказал отец. Тогда Брианна останется здесь одна, захлебываясь собственной виной, болтаться в океане благих намерений, прикованная гниющей пуповиной к ребенку, чье мертвое тело утянет ее на дно...

– Мисс Фрейзер! Мисс Фрейзер, вам дурно?!

– Нет, вовсе нет, – пробормотала она. – Просто сейчас я упаду в обморок.

Качнув стол, она свалилась на пол в мешанине китайского фарфора и белоснежных салфеток.

«Когда же все закончится?» – думала она, лежа на диване в крошечной гостиной и утопая в чужой доброте. Вокруг суетились люди, вразной предлагая то теплые напитки, то горячий кирпич под ноги, то подушечку, то нюхательные соли, то мягкий платок укутать колени...

Наконец, все разошлись. Теперь, ясно сознав истину, Брианна могла оплакать свои потери: отца и возлюбленного, семью, мать, привычное время и родные места – все, что когда-то у нее было и чего она по глупости лишилась.

Оплакать?

Брианна пыталась воскресить в себе то чувство ужаса, которое окутало ее в столовой, в окружении чужих людей. Сейчас, когда она была наедине с собой, страх, как ни парадоксально, ушел.

Одна из рабынь заглянула в приоткрытую дверь, но Брианна отослала

ее взмахом руки.

Что ж, она тоже шотландка, хоть и наполовину, поэтому имеет право на упрямство. Они вернутся: и мать, и отец, и Роджер. Пусть эта вера была сродни тонкой соломинке, Брианна все равно цеплялась за нее – и будет цепляться, пока пальцы не ослабнут, отправив ее на дно.

Дверь открылась, и на пороге в свете канделябров из коридора возник тонкий силуэт Иокасты.

– Брианна?

Она смотрела прямо на диван. Знала, куда ее положили, или слышала дыхание?

– Я здесь, тетушка.

Иокаста вошла, за ней лорд Джон. Процессию замыкал Улисс с дымящимся чайником.

– Как ты, дитя мое? Может быть, вызвать доктора Фентимана?

– Нет! – Брианна встречала доктора Фентимана – маленького страшилку с потными ладонями, свято веровавшего в целительную силу щелока и пиявок. От одного его вида по спине бежали мурашки. – Благодарю. Со мной все хорошо, просто голова закружилась.

– О, ну и славно. – Слепые глаза Иокасты теперь смотрели на лорда Джона. – Его светлость завтра утром уезжает в Уилмингтон. Он желал бы засвидетельствовать свое почтение... если тебе и правда уже лучше.

– О да, конечно.

Брианна села, свесив ноги на пол. Значит, лорд решил не задерживаться... Иокаста наверняка разочарована, а вот Брианна – не очень, так что вполне можно проявить немного учтивости.

Поставив поднос, Улисс тихонько вышел вслед за ее тетушкой, оставляя Брианну наедине с его светлостью.

Лорд Джон уселся на вышитый пуфик, не дожидаясь приглашения.

– Вам правда лучше, мисс Фрейзер? Не хотелось бы снова видеть, как вы падаете лицом в чашки.

Он улыбнулся краешком губ, и Брианна покраснела.

– Все хорошо, – коротко ответила она. – Вы что-то желали мне сказать?

Ее прямота ничуть не смутила лорда.

– Да, но я подумал, вы не захотите обсуждать это при всех. Как я слышал, вы интересуетесь местонахождением человека по имени Роджер Уэйкфилд?

Тошнота вновь подкатила к горлу.

– Да... Вы знаете, где он?!

– Нет. – Заметив, как Брианна изменилась в лице, Грей взял ее за руку. – Увы, простите... Ваш отец писал мне три месяца назад, рассказывал о поисках. Он подумал, что мистера Уэйкфилда могли схватить в порту вербовщики, и просил воспользоваться моими связями в военно-морских кругах, выяснить, вдруг он сейчас на каком-нибудь из судов королевского флота.

Нахлынул новый приступ дурноты, и теперь к нему прибавились угрызения совести – вот как, оказывается, далеко зашел отец в поисках Роджера...

– Он не на судне.

– Вы уверены? – удивился лорд Джон. – Да, я не нашел никаких его следов от Джеймстауна до Чарльстона. Однако есть вероятность, что его поймали перед самым отплытием, тогда имя зарегистрируют в списках экипажа лишь в ближайшем порту. Поэтому-то я и еду в Уилмингтон, чтобы проверить...

– Не стоит. Я знаю, где он.

Несколькими словами Брианна, как могла, обрисовала ситуацию.

– Джейми... ваш отец – то есть ваши родители – отправились спасать его из рук ирокезов?!

Вконец потрясенный, лорд Джон повернулся к подносу, вслепую налил две чашки и протянул одну Брианне, даже не поинтересовавшись, желает ли она чаю.

Она стиснула чашку в ладонях, несколько успокаиваясь ее теплом. Слава богу, хоть с кем-то можно поговорить откровенно!

– Да. Я хотела отправиться с ними, но, как видите...

– Хмм. – Бросив взгляд на ее животик, лорд Джон закашлялся. – Полагаю, Роджера Уэйкфилда надо доставить к вам как можно скорее?

– Я подожду, – невесело рассмеялась Брианна. – Можно кое о чем вас спросить? Вы что-нибудь слышали об обручении?

Грей недоуменно сдвинул светлые брови.

– Да... Это шотландская традиция, временный брак.

– Именно. Хотелось бы знать, здесь это законно?

Он задумчиво потер подбородок. Или он недавно побрился, или борода у него тоже была светлой; даже в столь поздний час Брианна не видела ни малейших признаков щетины.

– Не могу сказать, – ответил Грей наконец. – При мне никто не обсуждал юридическую силу такого брака. Хотя по местным традициям, любая живущая вместе пара считается супругами. Возможно, и обручение подходит под эти законы.

– Возможно... Не считая того, что мы с Роджером вместе не живем, – вздохнула Брианна. – Я считаю, что замужем, а тетушка с этим не согласна. Она твердит, что Роджер не вернется, а если и вернется, то нас с ним ничего не связывает. Даже по шотландским обычаям наш брак должен продлиться всего лишь год и один день. Поэтому тетушка хочет найти мне мужа... да, черт возьми, она мне проходу не дает! Я сперва решила, что вы тоже очередной кандидат в женихи.

– Правда? – развеселился лорд Джон. – Тогда это объясняет столь разношерстную компанию за столом. Я заметил, что тот румяный джентльмен – судья Элдердайс? – проявляет к вам весьма неоднозначное внимание, выходящее за нормы приличия.

– Толку-то! – фыркнула Брианна. – Вы же видели, как миссис Элдердайс весь ужин сверлила меня взглядом. Она в жизни не позволит своему ягненочку – господи, да ему лет сорок, не меньше – жениться на местной блуднице. Удивлюсь, если она разрешит ему еще хоть раз переступить порог этого дома. – Она похлопала себя по животу. – Уж об этом мы позаботились.

Грей криво усмехнулся, поставил свою чашку и взял графин с хересом.

– Да? Увы, хоть я и восхищен вашей смелостью, дорогая мисс Фрейзер, – вы же позволите так себя называть? – вынужден разочаровать, что в сложившихся условиях подобная стратегия бесполезна.

– Это почему?

Лорд Джон откинулся на спинку стула, держа в руке стакан, и насмешливо взглянул на Брианну.

– Дело в миссис Элдердайс. Я не слеп, хоть и не столь проницателен, как ваша тетушка, потому и впрямь заметил, как она на вас смотрит. Однако, боюсь, вы неправильно истолковали ее взгляды. Это не оскорбленная невинность, вовсе нет. Это жажда внуков.

– Что-что? – подскочила Брианна.

– Жажда внуков, – повторил лорд Джон и тоже сел прямо, болтая по стенкам стакана золотистый алкоголь. – Ну, вы поняли – желание старой женщины нянчить внуков, пичкать их конфетами, ужасно баловать и всячески портить. – Он поднес стакан к носу, благоговейно вдыхая пары алкоголя. – О, райский нектар... Я не пил приличный херес уже года два, не меньше.

– Вы хотите сказать, миссис Элдердайс думает... раз я показала им, что у меня могут быть дети... то она обязательно когда-нибудь дождется от меня внука?.. Это же смешно! Судья может выбрать себе любую девушку... с более покладистым характером, и почти наверняка зачать с ней ребенка.

Лорд Джон пригубил херес, покатал жидкость на языке, наслаждаясь вкусом, и наконец сглотнул.

– Ну... Вряд ли. Думаю, она понимает, почему это невозможно. – Бледно-голубые глаза, не мигая, уставились на нее. – Вы же сами сказали: ему сорок, и он до сих пор не женат.

– Вы намекаете, что он... Он ведь судья!

Брианна и сама сообразила, как это глупо, и поспешно зажала рот ладонью. Лорд Джон рассмеялся, хоть и довольно горько.

– Тем более. Вы совершенно правы, он мог выбрать любую девушку. Раз он этого не сделал... – Грей деликатно замолчал, потом насмешливым жестом поднял стакан. – Думаю, миссис Элдердайс сочла, что ваш брак с ее сыном исполнит ее мечту и наконец-таки обеспечит ей столь желанного внука.

– Проклятье! – Куда ни ступи, повсюду ловушки! – Что бы я ни делала, все напрасно. Я обречена. Меня выдадут замуж, хочу я того или нет!

– Позвольте в этом усомниться, – одними губами улыбнулся лорд Джон. – Как я вижу, вы унаследовали прямооту матери и отцовское чувство чести. Этого хватит, чтобы уберечь вас от западни.

– Не говорите мне об отцовской чести! – резко ответила Брианна. – Именно из-за него все и случилось.

Лорд Джон саркастично уставился на ее живот.

– Да неужели?! – с нарочито потрясенным видом воскликнул он.

У Брианны жарко запылали щеки.

– Вы прекрасно поняли, о чем я!

– Прощу прощения, мисс Фрейзер. – Он спрятал улыбку за стаканом. – Так о чем вы?

Чтобы скрыть смущение, она сделала большой глоток чаю, и теплая жидкость приятно согрела грудь.

– Я о том, что здесь происходит, – процедила она сквозь зубы. – Что меня выставляют на торги как жеребую кобылу. Таскают за шкурку, как бездомного котенка – вдруг кто-нибудь да приютит? Что меня... меня все бросили совершенно одну.

На последней фразе голос предательски дрогнул.

– А почему вы одна? – мягко спросил лорд Джон. – Ваша мать вполне могла бы...

– Она хотела. Я ей запретила. Потому что она должна... то есть он должен... А-а, как же все чертовски запуталось!

Брианна уронила голову на сложенные руки. Она не плакала, но слезы уже подкатывали к глазам.

– Понятно. – Грей поставил стакан на поднос. – Уже поздно, а вам, дорогая мисс Фрейзер, не сочтите за грубость, надо отдохнуть.

Он поднялся и положил руку ей на плечо – чисто дружеским жестом, отнюдь не снисходительным, как это делают многие мужчины.

– Раз в моей поездке в Уилмингтон отпала надобность, пожалуй, я приму любезное приглашение вашей тетушки и немного задержусь. Поговорим позже, вдруг вашу беду можно как-то облегчить.

Глава 59

Шантаж

Стульчак для ночного горшка был великолепен. Из лесного ореха, сплошь покрытого резьбой, он идеально сочетал изящество и практичность, что особенно радовало в такие дождливые и холодные ночи. В темноте, изредка подсвечиваемой молниями, Брианна нащупала крышку, села и довольно выдохнула, когда давление в мочевом пузыре ослабло.

Обрадовавшись, что места стало больше, ребенок пару раз лениво кувыркнулся, отчего по животу под мягкой фланелевой рубашкой пробежала рябь. Брианна медленно встала – последние дни она все делала медленно, будто пребывая в приятной полудреме.

Возле смятой постели она остановилась, глядя в окно на пики гор и мокрые деревья. Стекло под рукой было ледяным, на горных вершинах пузатились черные тучи, утробно рыча громом. Снег уже не шел, но ночь казалась до мерзости противной.

Каково сейчас там, в горах? Успели ли они добраться до деревни? Нашли ли Роджера? Брианна вздрогнула, хотя в камине горели угли и в комнате было тепло. Постель манила к себе, обещая уют и, может быть, сны, позволявшие ненадолго сбежать от вечного страха.

Однако Брианна повернулась к двери и сдернула с вешалки плащ. Может, беременность и вынуждала ее пользоваться ночным горшком, однако, пока Брианна держится на ногах, рабы не будут его выносить. Завернувшись в плащ, она вытащила из-под стульчака оловянную емкость с крышкой и шагнула в коридор. Дверь кухни оказалась незаперта, и Брианна мысленно поблагодарила забывчивого повара, что ей не пришлось одной рукой возиться с тяжелым засовом.

Ледяной дождь хлестнул по лицу и кусачими зубами вцепился в ноги. Брианна задыхнулась от неожиданности; но, когда шок спал, ей даже понравилась свирепость ветра, который забирался под плащ и сорочку, позволяя впервые за долгие месяцы ощутить всем телом свежесть.

Она добежала до нужной постройки, сполоснула горшок под струей из водосточного желоба и замерла посреди мощеного двора, позволяя холодному дождю омыть ей лицо. Она не знала, что это: искупление или восторг... или потребность разделить то неудобство, что испытывали сейчас ее родители, а может, языческий ритуал, позволяющий забыть о себе и слиться с бушующей стихией. Это все было не важно.

Брианна решительно шагнула под желоб, и на голову и плечи ей обрушился ледяной водопад.

Задыхаясь и трясая волосами, как собака, она отступила – и застыла на месте, краем глаза заметив вспышку света. Не молнию, а ровный огонек, который мерцал несколько секунд, а потом исчез.

Скрипнула дверь, ведущая в помещение для рабов, и тут же захлопнулась. Кто-то вышел? Да, Брианна отчетливо слышала хруст гравия под ногами и потому поспешно отступила в тень, не желая объяснять, чем она тут занимается.

Молния высветила мужской силуэт. Лорд Джон в наспех наброшенной рубашке и с непокрытой головой. Ветер трепал ему волосы, а он словно не замечал ни дождя, ни холода. Грей прошел мимо нее и скрылся за кухонной дверью.

Испугавшись, что он задвинет засов, Брианна неловко бросилась вслед за ним. Она залетела в кухню, едва не зашибив лорда Джона дверью. С плаща потоками стекала вода, заливая пол. Лорд Джон изумленно вытаращил глаза.

– Прекрасная ночь для прогулок, не правда ли? – запыхавшись, пробормотала она.

Брианна откинула с лица волосы и, любезно кивнув его светлости, проскользнула мимо него. Босые ноги оставляли мокрые следы на полированном дереве лестницы. Возле своей комнаты Брианна прислушалось. Никто ее не преследовал.

Плащ и сорочку она повесила возле камина, чтобы те просохли, вытерла лицо и волосы полотенцем и нагишом нырнула в постель. Мягкое прикосновение хлопка к голой коже уняло дрожь. Она потянулась, пошевелила пальцами ног и свернулась калачиком вокруг нового центра тяжести, чувствуя, как изнутри по всему телу растекается тепло.

Брианна промотала в памяти недавнюю сцену во дворе... и вдруг смутные подозрения, которые уже несколько дней ее не оставляли, облеклись в конкретный образ.

Лорд Джон относился к ней уважительно, иногда с восхищением или иронией, и все же что-то в нем казалось странным... Брианна не понимала, в чем дело, но теперь все детали мозаики прочно заняли свои места.

Будучи женщиной весьма эффектной, она привыкла к мужскому восхищению – и лорд Джон вроде бы тоже проявлял к ней интерес... Однако, как правило, под внешним восторгом крылось нечто более тонкое: неуловимые жесты, взгляды, душевная вибрация вроде звона далекого колокола, которые позволяли ощущать свою женственность. При первой

встрече Брианне показалось, что от лорда Джона тоже это исходит, однако позднее она поняла свою ошибку.

Следовало бы раньше догадаться; в университете она ведь не раз сталкивалась с парнями, демонстрировавшими подобное равнодушие к ее прелестям. Впрочем, лорд Джон хорошо скрывал свое истинное я. Брианна в жизни не узнала бы правду, если бы не сегодняшний случай. С нею он всегда был холоден – а сегодня, выходя из помещения для рабов, пылал страстью.

Интересно, знал ли ее отец?.. Вряд ли. После того что он пережил в Уэнтворде, Джейми в жизни бы не завязал столь теплую дружбу с человеком, склонным к такого рода связям.

Она перевернулась на спину. Мягкий хлопок, ластясь, прильнул к голой коже. Соски невольно затвердели, и Брианну накрыл внезапный прилив желания. Она провела по груди, вспоминая о больших теплых ладонях Роджера. Однако в памяти всплыли чужие руки – грубые, бесцеремонные, жадно терзающие ее тело, и желание сменилось яростью. Перекатившись на живот, Брианна уткнулась лицом в подушку, стиснула ноги и сжала зубы, пытаясь с собой совладать.

Ребенок уже подрос, и лежать так Брианна больше не могла. Тихо ругнувшись, она выпуталась из предательских простыней.

Она прошла по темной комнате и остановилась у окна, вглядываясь в дождь. На спину свисали мокрые волосы, из створок тянуло холодом, по рукам и ногам бежали мурашки. Брианна, впрочем, не шелохнулась – лишь стояла, ладонью придерживая живот, и смотрела в окно.

Скоро станет совсем поздно. Брианна с самого начала знала, что они опоздают. Мама – тоже. Они обе не желали признать правду, наивно веря, что Роджер прибудет вовремя, они сядут на корабль до Эспаньолы и сквозь камни вернутся домой... вместе.

Она прижала ладонь к створке, и стекло вокруг пальцев затуманилось. Уже начало марта, до родов всего три месяца, а то и меньше. Неделью, может быть, две займет дорога до побережья. В марте, впрочем, ни одно судно не рискнет заходить в коварные Внешние отмели. Значит, они отплывут в лучшем случае в начале апреля... Сколько до Вест-Индии – две недели, три?

Итак, конец апреля, не раньше. И еще бог знает сколько времени пробираться сквозь джунгли до пещеры. На восьмом-то месяце беременности?..

И все это – лишь в том случае, если Роджер сейчас был бы здесь. А его нет... И, скорее всего, уже не будет, хотя эту мысль Брианна всячески от

себя гнала. Если не думать о его смерти, он выживет. Она свято верила в это, как и в то, что мать успеет вернуться до родов. Что же до отца... В ней вновь вскипела ярость, как и всякий раз, когда она вспоминала о Джейми Фрейзере... или Боннете. Поэтому о них Брианна старалась не думать.

Конечно, она молилась, горячо и страстно, но Брианна была рождена для действий, а не для молитв и ожидания. Если бы она только могла поехать вместе с ними!

Однако выбора у нее не было... Стиснув зубы, Брианна прижала руку к животу. От нее вообще мало что зависело. Только одно – она решила оставить ребенка и жить с последствиями этого решения.

Брианна вздрогнула от холода и, отвернувшись от окна, подошла к камину. На черных поленьях плясали маленькие языки пламени, прогоревшие угли тускло светились белым и золотым.

Она легла на ковер и закрыла глаза. Тепло жаркими ладонями заскользило по коже. На этот раз Брианна выбросила Боннета из головы, целиком отдаваясь драгоценным воспоминаниям о Роджере.

..Держи руку на моем сердце... Скажи, если оно остановится...

Брианна почти слышала, как он прерывисто шепчет ей, задыхаясь от смеха и страсти.

Откуда это, черт возьми?.. Грубые волоски под ее ладонями, изгиб твердых плеч, пульсирующая жилка на горле, когда Брианна привлекла его к себе и прижалась губами, мечтая укусить, попробовать на вкус, ощутить солоноватую пыль на его коже...

Потаенные места его тела, которые она знала лишь на ощупь... Эта мягкая округлая тяжесть, охотно сдававшаяся ее любопытным пальчикам («Господи боже, не останавливайся!.. только осторожно, ладно?.. Ах!...»), странный морщинистый шелк, который расправлялся, рос, наполнял ладонь, становился упругим и гладким, как бутон ночного цветка, распускающийся прямо на глазах.

Его нежные, почти робкие прикосновения («Боже, как я хочу видеть твое лицо... знать, что тебе это тоже нравится... Вот так хорошо? А так?.. Скажи, Брианна, ну же, говори со мной»)...

Она толкнула его, опрокинула на спину и прижалась губами к плоскому соску. В этот момент на Роджера что-то нахлынуло, он утратил всякую сдержанность, схватил ее, поднял как пушинку, уложил на солому и овладел – сперва нерешительно, помня о только что утраченной невинности, а потом, когда Брианна вонзила ему в спину ногти, жадно и яростно, заставляя забыть о девичьем страхе и иступленно двигаться навстречу, пока последний барьер между ними не рухнул под натиском

семени, крови и пота.

Брианна застонала и, содрогнувшись, замерла, совершенно опустошенная и обессиленная. Сердце медленно стучало. Живот стянуло, как барабан, но последние спазмы уже стихали, позволяя расслабиться. Она лежала на ковре, наполовину озаренная жарким светом камина, наполовину утопающая в ледяной тьме.

Наконец она перевернулась на четвереньки и поползла к кровати, раненым зверьком залезла в постель и застыла, не замечая коварной игры холода и тепла.

Потом все-таки зашевелилась, набросила на себя одеяло и легла, сложив на выпуклом животе руки и глядя в потолок. Поздно. Все свои чаяния и надежды пора забыть вместе с яростью и любовью. Надо отвлечься от эмоций и принять верное решение.

Потребовалось три дня, чтобы убедить себя в надежности плана, избавиться от сомнений и, наконец, найти подходящее место и время, чтобы застать нужную персону в одиночестве. Впрочем, Брианна была терпелива и осторожна.

Удобный случай подвернулся во вторник. Иокаста уединилась с Дунканом Иннесом и бухгалтерским книгами; Улисс (бросив мимолетный невыразительный взгляд на запертую дверь кабинета) ушел на кухню, чтобы организовать очередной роскошный обед в честь его светлости; от Федры удалось избавиться, отослав ее на соседнюю плантацию за обещанной Дженни Кэмбелл книгой.

Нарядившись в бледно-голубое шерстяное платье, по цвету подходящее к глазам, Брианна отправилась на охоту. Намеченную жертву она застала в библиотеке – он читал «Размышления» Марка Аврелия, устроившись под французским окном, сквозь которое на светлую макушку карамелью лилось утреннее солнце.

Когда она вошла (с изяществом гиппопотама, от волнения зацепившись юбкой за угол стола), он поднял глаза, любезно отложил книгу и встал, чтобы поцеловать ей руку и предложить кресло.

– Нет, я не хочу садиться, благодарю, – покачала Брианна головой. – Я тут подумала... не прогуляться ли? Не составите мне компанию?

На стекле французской двери выступил иней, снаружи истошно завывал ветер, – а в библиотеке горел камин и возле мягкого кресла стоял графин с бренди. Однако лорд Джон был джентльменом.

– Вы просто читаете мои мысли, – галантно заверил он Брианну.

Закутавшись в толстые плащи, они свернули к кухонному огороду, чьи

высокие стены сулили хоть какую-то защиту от ветра. На ходу обмениваясь пустыми замечаниями о погоде и уверяя друг друга, что совсем не замерзли, они прошли сквозь низкую арку в садик, где выращивали пряные травы. Брианна огляделась. Здесь они были совершенно одни, и она сразу же заметит, если кто-то решит последовать их примеру и прогуляться.

Что ж, не стоит зря тратить время.

– Можно кое о чем вас попросить?

– С радостью исполню любое ваше желание, моя дорогая мисс Фрейзер, – с улыбкой ответил лорд Джон.

– Насчет этого – не уверена. – Брианна набрала полную грудь воздуха. – Ладно, к делу. Я хочу, чтобы вы на мне женились.

Грей все еще улыбался, восприняв ее слова за шутку.

– Я серьезно.

Брианна не поняла, то ли лорд поражается ее бестактности, то ли пытается сдержать смех. Скорее всего, последнее.

– Ваши деньги мне не нужны, – заверила она. – Я готова подписать любой контракт. И нам вовсе не обязательно жить вместе, хотя я предпочла бы уехать с вами в Вирджинию на первое время. Что же до того, чем вам будет выгоден наш брак... – Она задумалась; это было самое слабое место ее плана. – Я сильная – хотя вам это ни к чему, у вас же есть слуги... Из меня может получиться хороший управляющий, я умею вести счета и вроде бы неплохо справляюсь с хозяйством на ферме. Я могла бы следить за вашим поместьем в Вирджинии, пока вы в Англии. И еще... у вас есть сын, верно? Я стану ему хорошей матерью.

На протяжении всей этой речи лорд Джон стоял как вкопанный. Когда Брианна замолчала, он подался назад, опираясь о каменную стену, и в безмолвной молитве возвел очи к небу.

– Боже милостивый! Чем я это заслужил! – Затем он опустил взгляд и уставился на Брианну. – Вы что, наконец с ума сошли?

– Вовсе нет. – Она всячески пыталась сохранить самообладание. – Это совершенно разумное предложение.

– Я слышал... – Грей покосился на выдающийся живот Брианны, – что некоторые женщины в положении бывают несколько возбудимы. Правда, боюсь, по личному опыту я судить не могу... Наверное, лучше послать за доктором Фентиманом?

Брианна выпрямилась во весь свой немаленький рост, уперлась рукой в стену и нависла над Греем.

– Нет, не лучше, – размеренно произнесла она. – Послушайте меня, лорд Джон. Я не сошла с ума. Я с вами не заигрываю. И мне правда не

хотелось бы доставлять вам неприятности... но я это сделаю.

Холод окрасил его бледную кожу румянцем. На кончике длинного носа поблескивала капля. Утерев ее воротником плаща, лорд уставился на Брианну с непонятым выражением: что-то среднее между любопытством и ужасом. Что ж, хотя бы смеяться перестал...

Ей было, мягко говоря, не по себе, но отступать уже некуда.

– Если вы на мне не женитесь – я вас выдам.

– Что?

С его лица слетела обычная маска учтивости.

Пальцы Брианны, несмотря на шерстяные варежки, заоченели... как и все остальное тело, не считая дремлющего в утробе ребенка.

– Я знаю, чем вы занимались той ночью в рабских помещениях. Я всем расскажу: тетушке, мистеру Кэмпбеллу, шерифу... Напишу письма. – Застывшие губы отказывались двигаться. – Здешнему губернатору, в Вирджинию. П-педерастов здесь ставят к позорному столбу. Мистер Кэмпбелл мне рассказывал.

Брови Грея – такие светлые, что почти сливались по цвету с кожей – сошлись у переносицы. Брианна отчего-то вспомнила о Лиззи.

– Будьте так любезны, не нависайте надо мной.

Он взял ее за руку и с неожиданной для его роста силой потянул на себя. Брианна запоздало испугалась последствий, которыми мог обернуться ее шантаж.

Грей потащил Брианну прочь от дома. Уж не собирается ли он отвести ее к реке, подальше от чужих глаз, и утопить? Вряд ли, конечно... но на всякий случай Брианна уперлась ногами и повернула обратно к огороду.

Грей не стал упрямствовать и пошел вслед за ней, хоть им и пришлось идти против ледяного ветра. Он молчал, пока они не добрались до укромного уголка возле грядок с луком.

– Знаете, я почти готов принять ваше возмутительное предложение, – заявил он наконец. Уголок рта у него дергался: не то от раздражения, не то от смеха. – Ваша тетушка наверняка будет в восторге. Матушку, боюсь, наш брак не обрадует. Зато вы поймете, каково это – играть с огнем...

Глаза у него лихорадочно блеснули. Уж не ошиблась ли она насчет его постельных предпочтений? Брианна отпрянула.

– О... Я не думала, что вы можете... ну, и с женщинами тоже.

– Я был женат, – не скрывая сарказма, напомнил он.

– Я предполагала, это был фиктивный брак. Поэтому-то я все и придумала, как только поняла, что вы... – Она нетерпеливо махнула рукой. – Так вам нравится делить постель и с женщинами тоже?

Грей выразительно поднял бровь.

– А что, это как-то отразится на ваших планах?

– Ну... Да. Отразится. Если бы я знала, ни за что бы не предложила.

– «Предложила», значит? – пробормотал он. – Посулив публичное осмеяние? И позорный столб?

Щеки Брианны пылали так сильно, что от лица, казалось, вот-вот повалит пар.

– Простите, – прошептала она. – Я бы все равно этого не сделала. Можете мне поверить – я бы никому и слова не сказала. Просто вы засмеялись, и я решила... А, ладно. Если вы захотите лечь со мной в постель, то я не смогу за вас выйти. Это будет неправильно.

Лорд Джон зажмурился и долго стоял неподвижно. Потом один голубой глаз приоткрылся и искоса взглянул на Брианну.

– Почему?

– Из-за Роджера.

Брианну взбесило, как плаксиво прозвучал ее голос, и еще больше – что по щекам сами собой потекли слезы.

– Черт! Будь оно все проклято. Не могу даже думать о нем! – Сердито смахнув слезы, она стиснула зубы. – Наверное, вы правы, это все из-за беременности. Я то и дело реву без всякой причины.

– Как по мне, причины у вас есть, и довольно веские, – иронично отозвался Грей.

Брианна глубоко вдохнула. Холодный воздух обжег грудь. Оставался последний козырь, настало время его выложить.

– Раз вам нравятся женщины... Я не стала бы возражать против любовниц... или любовников.

– Благодарю покорно, – отозвался он, однако Брианна, торопясь довести дело до конца, пропустила насмешку мимо ушей.

– Вдруг вы когда-нибудь захотите своего собственного ребенка. Было бы неправильно вам в этом препятствовать. Я, пожалуй, смогла бы его родить. – Брианна опустила взгляд. – Все говорят, я создана для деторождения. Мы бы могли... ну, пока я не забеременею. Включим это условие в брачный контракт. Мистер Кэмпбелл подготовит нужные бумаги.

Лорд Джон сосредоточенно потер виски, должно быть, страдая от невыносимой головной боли. Потом взял Брианну за руку.

– Давайте-ка сядем, дитя. И вы расскажете, какого черта творите...

Брианна набрала полную грудь воздуха.

– Я вам не дитя, – огрызнулась она. Грей посмотрел на нее и, казалось, насчет чего-то передумал.

– Нет, конечно же, нет – помощи нам Господь! Но прежде чем вы доведете Ферхарда Кэмпбелла до апокалиптического удара, прошу – давайте сядем, и вы изложите мне все, что творится в вашей миленькой головке.

Он увлек Брианну за собой в крохотный садик, невидимый из окон особняка.

Тот был пуст. Мертвые стебли срезали, клумбы укрыли прошлогодней листвой. Только возле сухого фонтана виднелись признаки жизни – из черной земли упрямо лезли крохотные ярко-зеленые шипы крокуса.

Они подошли к скамье, однако Брианна не могла ни спокойно сидеть, ни смотреть Грею в лицо. Она принялась нервно расхаживать – а он шел вслед за ней, рядом, но не дотрагиваясь, и внимал каждому ее слову, пока она не рассказала практически все.

– И вот я теперь думаю, думаю... – тоскливо закончила она. – А толку никакого. Вы же понимаете? Мама... и отец они где-то там. – Брианна махнула в сторону далеких гор. – С ними могло случиться что угодно, и с Роджером тоже. А я сижу здесь, толстею с каждым днем и ничего не могу поделать!

Она посмотрела на лорда Джона сверху вниз и вытерла рукавицей мокрый нос.

– Я не плачу, – пробормотала она, хотя на самом деле плакала.

– Конечно, – заверил он. Грей взял ее руку и водрузил на свой локоть. – И вновь мы вернулись к тому, с чего начинали, – пробормотал он, не отрывая взгляда от дорожки, по которой они бездумно кружили возле фонтана.

– Ага, *ровным кругом друг за другом...* – грустно согласилась Брианна, цитируя детскую песенку. – А мне осталось всего три месяца. Надо что-то предпринимать! – в полном отчаянии воскликнула она.

– Верите вы или нет, в вашем случае ожидание и есть наилучший выход... хоть вы со мной и не согласны. Почему бы просто не подождать – вдруг затея вашего отца увенчается успехом? Или честь не позволяет вам родить ребенка без отца?..

– Дело не в моей чести. В его – Роджера. Он... он бросил все, что у него было, и последовал за мной, когда я поехала искать отца. Я ведь знала, что он так сделает. И когда он узнает о нем... – Скривившись, Брианна погладила живот. – Тогда он на мне женится. А я этого не допущу.

– Почему нет?!

– Потому что люблю его. И не хочу, чтобы он женился исключительно из чувства долга. А еще... – Она поджала губы, чтобы не сболтнуть

лишнего. – В общем, не хочу, и все. Я так решила.

С реки донесся очередной порыв холодного воздуха. Пахнуло льдом, мертвой листвой и еще чем-то на удивление свежим. Приближалась весна.

– Ясно... Ладно, я согласен с вашей тетушкой: вам нужен муж. Однако почему я? – вскинул он бровь. – Из-за моего титула или богатства?

– Вовсе нет. Просто я была уверена, что вы не любите женщин, – совершенно искренне ответила Брианна.

– Я люблю женщин, – раздраженно парировал тот. – Я ими восхищаюсь, уважаю их, а к некоторым весьма привязан. К вашей матушке, например, хотя, боюсь, она не разделяет моих чувств. Однако я не ищу удовольствия в женской постели. Я достаточно ясно выразился?

– Да, – ответила она, и крохотная морщинка на переносице разгладилась. – Так я и думала. Видите ли, я не могу выйти за мистера Макнейла, или Бартона, или Маклахлана, или еще кого-нибудь, потому что пришлось бы пообещать им то, чего я не в силах дать. Но раз вам это не нужно – не вижу причин, почему бы я не могла выйти за вас.

Грей отчаянно захотелось стукнуться головой о стену.

– О нет, такие причины есть!

– Какие же?

– Начнем с того, что ваш отец свернет мне шею.

– Почему? – удивилась Брианна. – Вы с ним очень близки, он называет вас своим лучшим другом...

– И для меня это большая честь, – подтвердил тот. – Однако Джейми Фрейзер мигом забудет о нашей дружбе, как только узнает, что его единственная дочь служит прикрытием и племенной кобылой для ублюдка-содомита.

– А с чего бы он узнал? – возмутилась Брианна. – Я-то точно ему не скажу!

Грей взбешенно уставился на нее, – и она, залившись краской, вдруг захохотала. Ему оставалось лишь присоединиться к ней.

– Ох... получается, вы сами уже сказали... – простионала Брианна, садясь наконец и вытирая глаза полрой плаща.

– Да, черт возьми! Сказал. – Лорд Джон сердито стряхнул с лица мокрые пряди и снова вытер нос рукавом. – А, проклятье, и почему я не взял платок?.. Точнее, мне даже говорить не пришлось – он сам все понял.

– Правда? – поразились Брианна. – Я ведь думала, он никогда...

Она замолчала – среди деревьев мелькнуло желтое платье: одна из кухонных служанок направилась в садик за травами. Лорд Джон подал Брианне руку, она кое-как встала, и они побрели меж мертвых коричневых

клумб, шелестя на ветру плащами.

Каменная скамья под ивой в это время года выглядела не такой уж привлекательной, но здесь, по крайней мере, было теплее, чем у реки. Грей усадил Брианну, сел сам и оглушительно чихнул. Она тут же полезла под плащ и вытащила из кармана платья смятый носовой платок.

Он был теплым и пах ею – молодой женщиной в самом расцвете сил, с толикой гвоздики и лаванды.

– Так что там насчет игры с огнем? – спросила Брианна. – Что вы имели в виду?

– Ничего, – отмахнулся лорд Джон и густо покраснел.

– Разве? – расплылась она в ироничной улыбке. – А прозвучало это «ничего» как самая страшная угроза на моей памяти.

Вздохнув, Грей вытер лицо платком.

– Вы были со мной откровенны, как никто другой. Что ж... наверное, настал мой черед: да, это была угроза. – Он развел руками в знак капитуляции. – Видите ли, вы очень похожи на своего отца.

Брианна непонимающе нахмурилась. И тут ее осенило! Она встрепенулась и потрясенно взглянула на лорда Джона.

– Вы же не... Нет, только не он! Он бы ни за что!..

– Верно, – сухо отозвался лорд Джон. – Он – ни за что. Хотя ваше потрясение не очень-то мне льстит. И поясню сразу: вашим сходством я все равно бы не воспользовался, так что это тоже было пустой угрозой, как и ваша попытка шантажа.

– А где вы познакомились с моим отцом? – спросила Брианна: негодование уже сменилось любопытством.

– В тюрьме. Вы в курсе, что после восстания его арестовали?

Она кивнула.

– Ясно... Ладно, оставим эту тему, скажу только, что я много лет питаю к Джейми Фрейзеру определенного рода чувства. – С тихим вздохом Грей покачал головой. – И вот появляетесь вы... предлагаете свое невинное тело, столь похожее на его... обещаете ребенка, в котором смешается наша с ним кровь... и все это лишь потому, что честь не позволяет вам выйти за мужчину, которого вы любите – или полюбить будущего супруга... – Умолкнув на полуслове, Грей уронил голову на сложенные руки. – Дитя мое, вы бы и святого соблазнили – а я-то далеко не святой!

– А мама с вами не согласилась бы.

– Нежели?! – изумился он.

– Ну, может, она выразилась бы не столь пафосно, – уточнила Брианна, – но она считает вас очень хорошим человеком. Я думаю, вы ей

нравитесь, хоть она это всячески отрицает. Теперь я ее понимаю. Она ведь, наверное, знает... ну, что вы чувствуете...

Брианна смущенно закашлялась, пряча красное лицо под плащом.

– Черт... – пробормотал он. – Будь оно все проклято! Не стоило мне соглашаться на эту прогулку. Да, знает. Хотя я, право, не понимаю, почему она относится ко мне столь настороженно. Не ревнует же, в конце концов.

Брианна сосредоточенно закусилла нижнюю губу.

– Думаю, она боится, что вы его как-то обидите.

Грей потрясенно вскинул голову.

– Я? Обижу?! Это каким же образом? Она что, считает, я свяжу его и изнасилую?

Грей говорил в шутку, однако в глазах Брианны мелькнуло странное выражение, и слова застряли у него в горле. Он схватил ее за руку. Брианна закусилла губу и осторожно высвободилась.

– Вы когда-нибудь видели моего отца без рубашки?

– Вы о шрамах у него на спине?

Она кивнула.

Он забарабанил пальцами по колену, обтянутому тонким сукном.

– Да, я их видел. Это моих рук дело.

Брианна потрясенно выдохнула. Красный кончик носа ярко выделялся на фоне побелевшей кожи.

– Не все, – уточнил Грей, глядя на клумбу с засохшими мальвами. – Его пороли и раньше, причем куда сильнее, поэтому он знал, на что напрашивается.

– Как это – напрашивается?..

Брианна медленно подвинулась на скамье: не столько затем, чтобы приблизиться к Грею, сколько потому, что не могла спокойно усидеть на месте, словно облако, терзаемое ветром.

– Я был комендантом в Ардсмуре, он ведь вам рассказывал? – Грей вновь откинул с лица непослушные волосы. – А он был офицером, джентльменом, единственным на всю тюрьму. Он неофициально возглавил тамошних якобитов. Мы с ним не раз ужинали в моем кабинете. Играли в шахматы, говорили о книгах. У нас были общие интересы. Мы... стали друзьями. А потом... перестали ими быть.

Грей замолчал.

– Так вы хотите сказать... его выпороли, потому что он вас отверг?... – Брианна с презрением отшатнулась от него.

– Нет, черт возьми! Ни в коем случае! – Грей схватил платок, шумно высморкался и бросил его обратно на скамью. – Как вы смеее так

говорить?!

– Вы же сами сказали – «он знал, на что напрашивается»!

– Да, знал!

– Еще скажите, что он сам себя наказал! Это же невозможно!

Грей хотел было ответить, но лишь фыркнул. Он выразительно поднял бровь, понемногу успокаиваясь.

– Разве! Лично вы последние месяцы только этим и занимаетесь.

– Мы не обо мне речь ведем!

– Конечно же, о вас!

– Нет! – Брианна склонилась над ним, яростно сверкая глазами. – Поясните, что вы, черт возьми, имели в виду!

Ветер дул ему прямо в лицо, вызывая слезы. Грей отвернулся.

– Что я здесь делаю? – пробормотал он. – Я, похоже, сошел с ума, раз обсуждаю с вами такие темы...

– Да плевать мне, сошли вы с ума или нет. – Брианна ухватила за его рукав. – Вы расскажете, что у вас случилось с моим отцом.

Лорд Джон стиснул зубы, и Брианна решила уже, что он отмолчался. Однако он слишком долго держал это в себе.

Плечи Грея приподнялись под плащом и опали – он сдался.

– Мы были друзьями. Потом он узнал о моих чувствах. И нашей дружбе пришел конец. Однако этого ему было мало; он решил порвать любые наши связи окончательно и бесповоротно. Поэтому он соврал. Когда во время обыска у одного из заключенных нашли обрывок килта, Джейми Фрейзер при всех заявил, что эта вещь принадлежит ему. Тогда шотландцам было запрещено носить национальную одежду... да и сейчас тоже.

Грей набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Он смотрел вдаль, не сводя взгляда с рваной бахромы деревьев на том берегу, темнеющей на фоне бледного весеннего неба.

– Как комендант, я обязан был исполнять закон. Я должен был его наказать. И он прекрасно об этом знал.

Лорд Джон запрокинул голову, прижимаясь затылком к резной спинке скамьи, и зажмурился, пряча глаза от колючего ветра.

– Я бы простил его за отказ, – с тихой горечью сказал он. – Но не смог простить, что он меня использовал. Что заставил не просто причинить ему боль, но и унижить. Джейми Фрейзеру мало было отвергнуть мои чувства – он решил их растоптать. Это уж слишком.

Брианна невольно накрыла руку Грея своей ладонью. Она была большой и на удивление теплой.

– У него имелись на то свои причины. Дело не в вас. Однако он сам

должен рассказать, если захочет. Хотя вы все равно его простили... Почему?

Грей сел прямо и пожал плечами.

– Пришлось. – Он заглянул Брианне в глаза. – Сперва я ненавидел его всем сердцем. А потом понял, что любовь к нему – это часть моей души, может быть, даже лучшее, что во мне есть. И то, что он не разделяет моих чувств – не важно... Если бы я не простил его, если бы эта любовь погибла – тогда часть меня пропала бы. А я вдруг понял, что не хочу ее терять. – Грей слабо улыбнулся. – Как видите, я тот еще эгоист.

Он встал и потянул Брианну за руку, вынуждая тоже подняться.

– Идемте, дорогая. Мы вконец зачоченеет, если и дальше будем здесь сидеть.

Они направились к дому. Шли молча, держась за руку. А когда добрались до сада, Грей вдруг заговорил:

– Наверное, вы правы. Жить рядом с любимым, зная, что тебя лишь терпят из чувства долга – я бы тоже так не сумел. Совсем другое дело – взаимное уважение супругов, тогда да, такой брак имеет право на жизнь. Пока партнеры честны друг с другом...

Скривив губы в усмешке, он покосился в сторону помещений для рабов.

Брианна непонимающе уставилась на него, свободной рукой отведя с лица прядь медных волос.

– Так вы принимаете мое предложение?

В груди вместо ожидаемого облегчения обосновалась странная пустота.

– Нет, – ответил он. – Я-то, может, и простил Джейми Фрейзера, а вот он мне никогда не простит, если я на вас женюсь.

Грей усмехнулся и похлопал ее по ладони, лежащей на его локте.

– Однако я дам вам немного времени и избавлю от ухажеров и тетушкиных забот. – Он посмотрел на дом, чьи окна прятались под плотными шторами. – Как думаете, на нас кто-нибудь смотрит?

– Готова поклясться, что да, – хмуро ответила она.

– Вот и отлично.

Он снял кольцо с сапфиром, повернулся к Брианне лицом и взял ее за руку. Стянул перчатку и церемонно нацепил кольцо ей на мизинец (на другой палец оно не налезло бы). А потом приподнялся на цыпочки и легонько поцеловал в губы, после чего, не дав прийти в себя от удивления, подхватил под руку и потянул за собой к дому.

– Идемте же, дорогая моя. Расскажем всем о нашей помолвке.

Глава 60

Испытание огнем

Весь день они провели одни. Огонь давно потух, еды им не принесли. Впрочем, не важно – кусок все равно не полез бы в горло, и никакое пламя не растопило бы лед в душе Роджера.

Ближе к вечеру индейцы объявились – несколько воинов в сопровождении пожилого мужчины, наряженного в кружевную рубашку и самотканую накидку, с красно-желтыми полосами на лице. Шаман. Он принес горшочек с какой-то черной жидкостью.

Александр уже оделся и стоял, не шелохнувшись. Шаман приблизился к нему и запел что-то дребезжащим старческим голосом, после чего обмакнул кроличью лапку в горшок и разрисовал все лицо священника черным.

Затем индейцы ушли, а священник, зажмурившись, осел на землю. Роджер заговорил с ним, предложил воды – пытался хоть как-то выразить поддержку, но тот лишь молчал, застыв каменной статуей.

А когда солнце село, наконец прервал молчание:

– Уже недолго осталось... Я просил вас помолиться обо мне. Не знаю, зачем: то ли о спасении жизни, то ли о спасении души... Однако в любом случае это бесполезно.

Роджер открыл было рот, но священник резким жестом вскинул руку.

– Прошу вас лишь об одном: брат, молитесь, чтобы я умер достойно. Чтобы я смог умереть молча. – Он впервые за весь день посмотрел на Роджера. Глаза у него влажно блестели. – Я ни за что не опозорю ее криками.

Вместе с сумерками зазвучали барабаны. Прежде Роджер никогда не слышал их в деревне. Звук, казалось, шел отовсюду и пробирал до костей.

Могавки вернулись. Священник сам разделся догола и вышел, не обернувшись на прощание.

Роджер сидел, глядя на закрывавшую вход шкуру... и слушал.

Он понятия не имел, сколько времени просидел вот так, вслушиваясь в барабаны и другие звуки: топот, голоса, шум толпы... надеясь не услышать крики Александра.

Внезапно барабаны смолкли. Послышались крики, взорвавшиеся какофонией воплей. Роджер вскочил на ноги и захромал к двери. Ее,

конечно же, сторожили – охранник заглянул внутрь и грозными жестами велел пленнику уgomониться, красноречиво махнув дубиной.

Роджер замер. Пот лил с него ручьем, а он стоял в полутьме и вслушивался в шум. Казалось, снаружи беснуются черти. Что там творится? Какая-то драка?

Крики стали тише, хотя изредка то там, то здесь раздавались пронзительные завывания и визги – а еще какие-то глухие стуки, стоны и прочие звуки серьезной стычки. Что-то врезалось в стену хижины; она содрогнулась до самой крыши и треснула.

Роджер прижался к трещине глазом, пытаясь разглядеть, что происходит снаружи. Ему мало что было видно: лишь угол длинного дома напротив, полосу вытоптанной земли и отблески большого костра. Красно-желтые сполохи вились вперемешку с черными тенями, словно в воздухе плясали огненные демоны. Причем некоторые демоны были настоящими – два темных силуэта пронеслись мимо, будто сплетаясь в удушающем объятии. Еще несколько пробежали в сторону костра.

А потом Роджер застыл, вжимаясь лицом в древесину, – сквозь визги могавков он вполне отчетливо разобрал крики на гэльском.

– *Caisteal Dhuni!* – взревел кто-то, перекрывая истошный вой индейцев.

Шотландцы! Белые! Он должен добраться до них! Роджер заколотил по треснутой стене, пытаясь проломить себе выход.

Боевой клич раздался снова:

– *Caisteal Dhuni!*

Нет, это был уже другой голос! А первый отозвался:

– *Do mi! Do mi! Ко мне, сюда!*

В ответ поднялась новая волна визга – к мужчинам присоединились женщины, и оралы они куда громче.

Роджер врезался в стену плечом. Дерево хрустнуло, но устояло, хотя трещина заметно удлинилась. Роджер ударил снова – опять безуспешно. Тогда он в отчаянии ухватился за край одной из лежанок, зубами и ногтями выломал тонкое бревнышко и что было силы обрушил на поднятое колено. Бревнышко треснуло, и у Роджера осталась шестифутовая палка с заостренным концом. Зажав ее толстый край под мышкой и выставив перед собой наподобие копья, Роджер ринулся к выходу.

Он вылетел в мешанину тьмы и пламени, холодного воздуха и дыма, в шум, распаливший кровь. Увидел впереди темный силуэт и рванул к нему. Тот отскочил и поднял дубинку. Роджера влекло вперед, он не мог ни остановиться, ни ускользнуть, поэтому просто бросился наземь, и тяжелое

навершие пролетело в каком-то дюйме от головы.

Перекатившись на бок, он взмахнул копьем, попав индейцу по затылку. Тот пошатнулся и упал на Роджера.

От индейца разило спиртным. Виски! Впрочем, удивляться было некогда. Роджер кое-как выбрался из-под грузного тела, встал на ноги и поудобнее перехватил свой шест.

За спиной кто-то крикнул, и он повернулся. Ногу свело дикой болью, и руки дрогнули, чуть не выронив импровизированное копье. Индеец, валявшийся на земле, вцепился в нижний конец, пытаясь отобрать палку. Утомонить его удалось лишь еще одним ударом.

Роджера шатало, он еле стоял на ногах, но все же повернулся к костру – огромному пламени, алой стеной вздымавшемуся до самых небес. Поверх чужих голов Роджер видел в его сердце черную фигуру, жестом благословения раскинувшую руки – их на пылающем шесте удерживали кожаные ремни. Длинные волосы вились на ветру, взрываясь снопами искр; голову словно озарял золотой нимб Христа.

А потом Роджера что-то треснуло по макушке, и он камнем рухнул на землю.

Сознание он так и не потерял, хотя двигаться или говорить не мог, но все еще слышал, что происходит вокруг. Роджера подняли, и пламя костра стало жарче; оно ревело в ушах. Господи боже, его хотят бросить в огонь! Ему удалось дернуть головой, и сквозь сомкнутые веки проник свет, однако упрямое тело отказывалось слушаться...

Рев пламени ослаб, но по лицу, как ни странно, скользнул горячий воздух. Роджер ударился о землю, покатился и замер, уткнувшись носом в грязь и раскинув руки и ноги. Под пальцами была сырая глина.

Он дышал; грудная клетка мерно двигалась сама собой. Мир понемногу замедлял вращение.

Издалека по-прежнему доносился шум; здесь же было спокойно, тишину нарушало лишь его собственное рваное дыхание. Роджер очень медленно приоткрыл глаза. Отблески пламени плясали на бревенчатых стенах. Хижина. Опять.

Из-за бульканья в легких он ничего не слышал. Роджер пытался затаить дыхание, но хрип не утихал, – и вдруг стало ясно, что эти звуки издает кто-то другой.

Сам не зная из каких сил, он привстал и повернулся, жмурясь от невыносимой боли в висках.

– *Охренеть!* – вырвалось у него.

Он потер ладонью лицо и моргнул, но мужчина футах в шести от

костра никуда не делся.

На боку, запутавшись в малиновом пледе, с измазанным в крови лицом лежал Джейми Фрейзер.

Роджер тупо уставился на него. Последние месяцы он только и думал, что о встрече с этим ублюдком. А теперь вместо ожидаемого шквала эмоций испытывал лишь дикое недоумение.

Он снова с силой потер лицо, разгоняя туман страха. Что, черт возьми, Фрейзер здесь делает?

Когда мысли и эмоции пришли в единение, первым же осознанным чувством стала не ярость, не страх, а совершенно абсурдная, сумасшедшая радость!

– Это не Брианна... – бормотал он, и английские слова воспринимались до боли непривычно; он целую вечность не говорил на родном языке. – Господи боже, это не она!

Джейми Фрейзер мог оказаться здесь лишь по одной причине: он явился, чтобы его спасти. Потому что так велела ему Брианна. Что бы ни отправило Роджера в этот ад – случайная ошибка или козни врагов, – Брианна была совершенно ни при чем.

– Не она, – повторял он снова. – Не она...

Его трясло; сказывались и последствия удара, и испытанное облегчение.

Роджер уже думал, что опустошен навеки, как вдруг в сердце обнаружился мягкий теплый комочек. Брианна...

Снаружи донеслась новая череда воплей и улюлюканья, пронзая голову Роджера сотнями тупых булавок. Он вздрогнул, и новообретенная радость отступила под натиском других чувств.

Умереть с верой в любовь Брианны лучше, чем без нее... но лучше бы вовсе не умирать... Роджер вспомнил, что видел снаружи, и к горлу подкатила тошнота.

Он кое-как подполз к Фрейзеру, надеясь, что тот еще жив. Так и было – из раны на виске текла кровь, однако жилка на горле пульсировала ровно и размеренно.

Под сломанной лежанкой стоял кувшин с водой; Роджер смочил край пледа и принялся вытирать Фрейзеру лицо.

Тот заморгал, закашлялся и поперхнулся, повернул голову набок, и его стошнило. Потом вдруг распахнул глаза... Роджер не успел и шелохнуться, как над ним навис Фрейзер, стоя на одном колене и держась за кинжал, спрятанный за подвязку.

Роджер невольно вытянул перед собой руку. Фрейзер моргнул и,

застонав, тяжело осел на земляной пол.

– А, это ты, – буркнул он. И тут же снова вострепнулся. – Клэр! Моя жена, где она?

– Клэр?! Вы привели сюда женщину – в этот вертеп?!

Фрейзер наградил его неприязненным взглядом и, вытащив кинжал, посмотрел в сторону выхода. Тот, как всегда, был закрыт шкурой. Вопли окончательно стихли, хотя голоса по-прежнему гудели, словно снаружи шел оживленный спор.

– Там охранник, – предупредил Роджер.

Фрейзер снисходительно усмехнулся и одним гибким движением, как ягуар, поднялся на ноги. Из раны струилась кровь. Он на цыпочках пробрался вдоль стены и кончиком кинжала оттопырил край шкуры.

Затем, скривившись, опустив шкуру на место, вернулся к кострищу и сел.

– Там их с десятков, не меньше. Это вода?

Роджер молча отдал ему тыквенный черпак. Фрейзер напился, умыл лицо, остальное вылил себе на макушку. Смахнув последние капли, он наконец поднял налитые кровью глаза.

– Уэйкфилд, верно?

– Здесь я предпочитаю свое настоящее имя. Маккензи.

– Ага, я слышал, – невесело хмыкнул Фрейзер.

Рот у него был таким же широким, как у Брианны. А еще он точно так же поджимал губы.

– Я ошибся насчет тебя, Маккензи, – чтоб ты знал. И пришел сюда, желая эту ошибку исправить, хотя, может, такого шанса у меня не будет. – Он взмахнул рукой, указывая на дверь. – Пока прими мои извинения. Захочешь сатисфакции, я к твоим услугам. Только попросил бы тебя немного подождать, пока мы не выберемся отсюда.

Роджер изумленно вытаращил глаза. После всех этих бесконечных попыток мысль о дуэли с Фрейзером казалась бредом... хотя бы потому, что им отсюда не выбраться.

– Хорошо, – пробормотал он.

Какое-то время они сидели в тишине. Костер почти прогорел, но подкормить его было нечем – охранники на всякий случай вынесли все обломки лежанки.

– Что там произошло? – спросил наконец Роджер, кивая в сторону двери.

Фрейзер протяжно выдохнул. Роджер только теперь заметил, что тот с болезненной гримасой прижимает к себе правый локоть.

– Будь я проклят, если знаю.

– Они сожгли священника? Он мертв?

Все и без слов было понятно, но Роджер не мог не спросить.

– Так он был священником? – удивленно вскинул Фрейзер рыжую бровь. – Да, мертв. И не только он.

Фрейзер не понял, почему вдруг застучали барабаны, и все потянулись к большому костру. Индейцы что-то активно обсуждали, но он не так хорошо знал их язык, чтобы разобрать, о чем речь, а Иэн куда-то подевался.

Белых никто не приглашал, хотя и прогонять их не стали. Так вышло, что они с Клэр оказались в толпе, среди любопытных зевак, когда вперед вышли старейшины, и шаман что-то гневно заговорил.

– Они вывели белого, привязали его к шесту и принялись пытаться... – Джейми замолчал, и глаза у него потемнели. – Вот что я скажу, парень, – видел я, как французские палачи измываются над осужденным, а те молят о смерти. Так вот, им есть чему поучиться у дикарей. – Фрейзер жадно прильнул к черпаку с водой. – Я пытался увести Клэр. Кто знал, вдруг мы следующие на очереди.

Однако толпа плотно их обступила, не давая лишнего раз шелохнуться. Выбора не было – пришлось стоять и смотреть.

У Роджера пересохло во рту.

– Он... кричал?

– Нет, – тихо ответил Фрейзер. – Он умер достойно... по их меркам. Ты его знал?

Роджер кивнул. Трудно смириться, что Александра больше нет. Он умер... что же ждет его на той стороне? *«Мне не получить прощения»*. Нет, невозможно, Господь милостив...

Роджер тряхнул головой, отгоняя непрошеную мысль. Фрейзер не рассказал и половины увиденного, там явно творился суший кошмар. Горец по-прежнему с тревогой смотрел на дверь. Ждет подмогу?

– Сколько с вами человек?

– Мой племянник Иэн.

– И все?! – изумился Роджер.

– А ты чего ждал – что я приведу семьдесят восьмой гвардейский полк? – едко спросил Фрейзер. Он встал на ноги, по-прежнему баюкая руку. – Зато я привез виски.

– Виски? Уж не из-за него ли разгорелась свара?

Вспомнив, как несло спиртным от того индейца, Роджер кивнул в сторону треснувшей стены.

– Может, и так.

Фрейзер прижался к щели глазом, высматривая, что происходит снаружи. Там вроде бы все утихло.

Верзиле-горцу явно было плохо. Лицо под засохшей кровью побелело и лоснилось от пота. Роджер молча налил ему еще воды. Он знал, что Фрейзера мучат отнюдь не раны.

– Когда вы последний раз ее видели?..

– Когда началась драка.

Фрейзеру не сиделось, он вскочил и шальным медведем принялся расхаживать по хижине.

– Ты в курсе, из-за чего все случилось?

– Наверное.

Роджер вкратце пересказал Фрейзеру историю священника... и с удивлением обнаружил, что ему чуточку полегчало.

– Они ее не тронут, – заверил он Фрейзера, а заодно и самого себя. – Клэр ни при чем.

Тот лишь фыркнул.

– Да уж, ни при чем. – И вдруг в неожиданном приступе ярости грохнул кулаком по стене. – Черт бы побрал эту женщину!

– С ней все хорошо, – упрямо повторил Роджер. О другом он и думать не смел, хотя прекрасно понимал опасения Фрейзера: если Клэр жива, здорова и на свободе, никакая сила не удержала бы ее вдали от мужа. А еще пропавший племянник...

– Я слышал вашего племянника во время драки. Вроде он был в порядке.

Фрейзер кивнул, утыкаясь лицом в колени.

– Славный парень... У него есть друзья среди могавков. Бог даст, они его не тронут.

В Роджере вновь проснулось любопытство.

– Ваша жена... Как она во всем этом замешана? Что она сделала?

Фрейзер вздохнул и запустил здоровую руку в волосы, совсем их спутывая.

– Не стоило мне так говорить... В конце концов, она не виновата. Но если... нет, ее, конечно же, не убьют, но если кто хоть пальцем тронет!..

– Никто ее не обидит, – твердо заявил Роджер. – Так что случилось?

Фрейзер пожал плечами и зажмурился. Запрокинув голову, он принялся рассказывать: подробно, словно все еще видел сцену перед своими глазами. А может, так оно и было.

– Я ее толком и не разглядел в толпе – ту девушку. Не могу даже сказать, как она выглядела.

Клэр стояла рядом, бледная и напряженная, среди беснующихся индейцев. Закончив со священником, они отвязали его от шеста и прикрутили к высокому столбу, закрепив руки на горизонтальной перекладине над головой, чтобы в таком виде предать сожжению.

Фрейзер вытер ладонью губы.

– Мне доводилось видеть, как из человеческой груди вырезают сердце. Но еще ни разу – чтобы его прямо здесь и съели сырым.

Он говорил почти смущенно, словно извиняясь за свою брезгливость.

Фрейзер в потрясении повернулся к Клэр. И только тогда заметил рядом с ней девушку-индианку с ребенком на руках.

С величайшим спокойствием та сунула ребенка Клэр, повернулась и скользнула в толпу.

– Она не оглядывалась, не смотрела по сторонам – шла напрямик в огонь.

– Ч-что?! – У Роджера перехватило горло, так что получилось лишь хриплое карканье.

Пламя вмиг охватило девушку. Джейми, будучи на голову выше толпы, прекрасно все разглядел...

– Сперва одежда загорелась, потом волосы. Когда она добралась до мужчины, то пылала как факел.

И все же он видел, как темный силуэт приподнялся на цыпочки и обхватил мертвое тело священника. Вскоре уже было не различить, кто где; они слились в цельную фигуру, объятую пламенем.

– И вот тогда все словно с ума посходили. – Плечи Джейми чуть поникли, и он коснулся раны на виске. – Взыла какая-то женщина, и словно ад разверзся. Все заматались, начали колотить друг друга налево и направо...

Фрейзер ввязался в драку, пытаясь вывести Клэр с ребенком из мешанины взбесившихся тел. Однако индейцев было слишком много. Уйти не получилось, поэтому он толкнул Клэр к стене дома, схватил здоровенную палку и стал звать Иэна, молотя каждого, кто осмелился к ним приблизиться.

– А потом из дыма выпрыгнул какой-то мелкий гаденыш, размахивая своей дубинкой. Я треснул его в ответ, на меня набросились сразу трое...

Кто-то ударил Фрейзера по голове, и Джейми потерял сознание, очнувшись уже в хижине вместе с Роджером.

– Я не знаю, куда подевалась Клэр. И Иэна тоже не видел.

Угли остыли, и в хижине заметно похолодало. Джейми расстегнул брошь и как мог, одной рукой, укрылся пледом, спиной приваливаясь к стене.

Правая рука, скорее всего, была сломана – кто-то из индейцев попал дубинкой по плечу, и теперь при каждом движении ее простреливало дикой болью до самых пальцев. Хотя это пустяки, главное, чтобы Клэр и малыш Иэн были целы...

Прошло немало времени. Если Клэр не пострадала, она сейчас в безопасности. Старухи не станут ее обижать. Что до Иэна... На мгновение Джейми охватила гордость за парнишку. Тот прирожденный боец, он наверняка оправдал все его надежды.

Правда, индейцев было так много, а бой вышел жарким...

Джейми беспокойно заерзал, стараясь не думать, как сообщает сестре дурные вести о младшем сыне. Господи боже, скорее он вырежет себе сердце и сам его съест.

Пытаясь как-то отвлечься, он осмотрелся. Хижина была пуста: только кувшин воды, сломанная лежанка да пара шкур на земляном полу.

Маккензи сидел у кострища, словно не замечая холода. Он обхватил колени и склонил голову, погрузившись в мысли и не замечая на себе пристальный взгляд Джейми.

Жаль признавать, но парень неплохо сложен. Длинные ноги, широкие плечи. Из него вышел бы славный фехтовальщик. Высокий, как все Маккензи из Леоха... впрочем, чему удивляться? Он ведь прямой потомок Дугала.

Эта мысль одновременно и наводила ужас, и успокаивала. Джейми не раз доводилось убивать, и призраки редко тревожили его по ночам. Смерть Дугала, однако, он переживал не раз, просыпаясь в поту и слыша в ушах его последние слова, почти беззвучно произнесенные окровавленными губами...

У Джейми не было тогда выбора: или убить, или умереть самому. И все же... Дугал Маккензи стал его приемным отцом, и если уж быть до конца откровенным, в глубине души Джейми искренне его любил. Так что приятно сознавать, что частица его по-прежнему жива... Правда, другая половина наследия Маккензи изрядно смущала. У него были ярко-зеленые глаза, их Джейми заметил сразу же, как только очнулся. Они до омерзения походили на глаза Гейлис Дункан.

Его дочь связалась с ведьминским отродьем? Может, и к лучшему, что ребенок Брианны от другого?..

– Да, Брианна – где она? – очнулся вдруг Маккензи, поднимая голову.

Джейми вздрогнул и выругался, потому что руку будто пронзило раскаленным ножом.

– Где? – переспросил он. – В «Горной реке», со своей тетушкой. С ней все хорошо.

Сердце грохотало о грудную клетку. Господи боже, парень что, читает мысли? Или обладает даром предвидения?

Зеленые глаза едва заметно мерцали в тусклом свете.

– Почему вы взяли с собой Клэр, но не взяли Брианну? Почему она не поехала с вами?

Джейми наградил его холодным взглядом. Что ответить?.. Все зависит от того, есть ли у Маккензи мистическая способность читать мысли. Если нет, Джейми категорически не хотел говорить ему правду... по крайней мере, пока они не окажутся в безопасности.

– Клэр тоже не следовало брать. Вот только эта упрямая чертовка все равно бросилась бы за мной, даже если бы я связал ее по рукам и ногам.

В глазах Маккензи мелькнуло что-то странное... сомнение или, может быть, боль?

– Вот уж не думал, что Брианна такая послушная дочь, – отрывисто бросил он.

Да, точно, боль, даже ревность.

Джейми слегка расслабился. Никакой этот парень не колдун.

– Выходит, ты не очень-то хорошо ее знаешь, – сказал он вроде бы спокойно, но с налетом сарказма, который наверняка заставил бы многих несдержанных мужчин вцепиться ему в горло.

Маккензи, впрочем, оказался не из таких. Он расправил плечи и глубоко вздохнул.

– Я хорошо ее знаю. Она моя жена.

– Черта с два! – вскинулся Джейми.

Маккензи сдвинул темные брови.

– Мы с ней обручились. Она что, ничего не рассказала?

Нет, не рассказала... Впрочем, Джейми сам виноват, что не дал ей оправдаться. Слишком его взбесил тот факт, что дочь легла в постель с мужчиной, а потом якобы соврала об изнасиловании... Джейми кипел тогда от ярости – он-то хотел, чтобы Брианна была идеальной, а она оказалась обычным человеком, ничуть не лучше его самого.

– Когда?

– В начале сентября, в Уилмингтоне. Перед тем как я... покинул ее.

Последние слова Маккензи дались нелегко, он явно терзался чувством вины. Что ж, и поделом. Если бы этот трус не бросил ее одну...

– Она ничего не говорила.

Маккензи уже не мог скрывать свою боль. Он боялся, что Брианна его отвергла, в противном случае она сама бы за ним поехала. Она же вся в мать, а никакая сила на земле не сдержала бы Клэр, реши она, что Джейми в опасности.

При мысли о ней опять всколыхнулся страх.

– Наверное, Брианна решила, что в ваших глазах обручение не будет иметь законной силы, – тихо произнес Маккензи.

– Или потому, что сама так считала, – грубо ответил Джейми.

Он мог бы облегчить парню муки и сказать, что Брианна не поехала из-за беременности... Однако настроение было дрянь, и щадить чужие чувства не хотелось.

Даже в темноте он заметил, как Маккензи вспыхнул и сжал кулаки.

– Похоже, так и есть, – только и ответил он.

Закрыв глаза, Джейми промолчал. Угли остывали, и в хижине воцарялись тьма и холод.

Глава 61

В роли священника

Едко пахло паленым. Мы прошли мимо кострища, и я, не сдержавшись, бросила косой взгляд на обугленный непрогоревший хворост... По крайней мере, я надеялась, что это хворост, присыпанный белым пеплом. Вглядываться же не рискнула.

Я поскользнулась на мерзлой глине, и конвоир поймал меня за руку, не давая упасть, после чего толкнул в сторону хижину, вход в которую охраняло двое мужчин.

Из длинного дома доносились причитания, то и дело заглушаемые ритуальной песней смерти. Кого они оплакивают – ту девушку? Или кого-то еще?.. По спине побежали мурашки.

Взглянув на меня, охранники отступили в сторону. Я приподняла край шкуры и проскользнула внутрь.

Там было темно, костер давно погас; правда, в дымовое отверстие лился тусклый свет, выхватывая на полу большую гору шкур и одежды. В ней виднелся малиновый плед – и я с облегчением выдохнула:

– Джейми!

Зашевелившись, куча распалась надвое: рядом с потрепанным Джейми сидел странно знакомый бородатый мужчина. В темноте блеснули ярко-зеленые глаза.

– Роджер!

Он вскочил и сгреб меня в объятия, на радостях едва не задушив.

Роджер ужасно отощал, под кожей прощупывались все ребра. Впрочем, вряд ли его морили голодом – от парня нещадно воняло застарелым потом и грязью, но отнюдь не дрожжевой затхлостью измороженного тела.

– Роджер, ты как?

– Нормально, – хрипло отозвался он. – Что с Бри? Она в порядке?

– С ней все хорошо. Ты ранен?

Кроме рубашки на Роджере была лишь замусоленная тряпка, обмотанная вокруг правой ступни.

– Обычный порез, ничего страшного. Где она? – Он вцепился мне в руку.

– В поместье под названием «Горная река», у своей двоюродной тетки. Разве Джейми не сказал? Она...

– Ты цела, саксоночка? – перебил меня вдруг Джейми.

– Да, конечно... о господи, что с тобой?!

Разглядев получше мужа, я мигом забыла о Роджере. Вся рубашка Джейми была залита кровью, до сих пор струившейся из раны на виске, но более всего пугало то, как неестественно он держит руку.

– Сломал, похоже. Болит, аж выть охота. Взглянешь, что там?

Не дожидаясь ответа, он отошел и сел на край сломанного лежака. Я мимоходом погладила Роджера по плечу и поспешила за Джейми, гадая, что происходит. Мой муж в жизни не стал бы жаловаться на боль в присутствии Маккензи, даже если из открытой раны торчала кость.

– Ты что задумал? – пробормотала я, вставая возле него на колени и закатывая рукав.

– Я не рассказал о Брианне, – тихо ответил он. – И тебе, наверное, не стоит.

– Так нельзя! Он должен знать!

– Потихе, саксоночка. Да, о ребенке – должен. А о том типе, Боннете, лучше смолчать.

Я закусила губу, осторожно ощупывая предплечье. На коже проступал здоровенный пурпурный синяк, но дело ограничилось ушибом. В этом я была уверена.

А вот предложение Джейми вызывало у меня изрядные сомнения.

Он, должно быть, прочитал все по моему лицу.

– Еще не время. Не здесь. Давай сперва выберемся.

Разрывая рукав, чтобы сделать нечто вроде перевязи, я обдумывала его слова. Может, Джейми и прав – мы не знаем, как Роджер воспримет новость, что Брианна беременна, да еще и от насильника. Нам предстоит немалый путь до дома, и лучше бы проделать его на ясную голову. Поэтому я неохотно кивнула.

– Хорошо. – И добавила, уже громче: – На перелом не похоже, но с повязкой будет легче.

Оставив Джейми, я направилась к Роджеру, чувствуя себя шариком для пинг-понга.

– Как нога?

Я принялась разворачивать бог весть чем заляпанную тряпку, однако Роджер меня остановил.

– Что с Брианной? Я знаю, с ней что-то не так. Она...

– Она беременна.

Роджер замер с таким изумленным видом, будто его от души огрели по голове чем-то тяжелым. Да уж, эту возможность он явно не предусмотрел.

– Точно?

– Она на седьмом месяце. Представь себе, точно, – процедил Джейми. Он подошел так тихо, что мы оба не заметили его приближения.

– Беременна... Но, господи, как?!

Джейми насмешливо хмыкнул. Роджер тут же отвел глаза.

– Я о том, что никогда не думал...

– «Как» значит, да?! «Не думал»?! А моя дочь теперь расплачивается за твое удовольствие!

– Я же сказал, она моя жена! – Роджер вскинул голову и нагло уставился на Джейми.

– Жена?.. – глупо переспросила я, на мгновение забыв о повязке.

– Они обручились, – неохотно пояснил Джейми. – А девочка нам и слова не сказала. С чего бы?

Были у меня подозрения на сей счет... Однако в присутствии Роджера их лучше не озвучивать. Брианна ведь верила, что ребенок от Боннета. Потому и решила смолчать об обручении – чтобы дать Роджеру шанс уйти, если он того захочет.

– Она, наверное, посчитала, что для тебя это все равно не настоящий брак, – нашлась я. – Я же рассказывала ей о нашей свадьбе и о том, как ты настаивал на церемонии в церкви, со священником. Она испугалась, что ты не одобришь, а ей очень хотелось тебе угодить...

Джейми хватило актерского таланта, чтобы смущенно угукнуть, но Роджер все равно пропустил наш спектакль мимо ушей.

– Как она? – Он подался вперед, хватая меня за руку.

– Все хорошо, – заверила я, надеясь, что за это время и впрямь ничего не случилось. – Бри хотела поехать с нами, но мы ее, конечно же, не пустили.

– Правда? Она собиралась с вами? – вмиг просветлел Роджер, и радость на его лице не могли скрыть ни борода, ни грязь. – Так она не... – Он замолчал, переводя взгляд с Джейми на меня. – Когда я... встретил мистера Фрейзера, он дал понять, что она... э-э...

– Это было ужасное недоразумение, – поспешно перебила я. – Она не рассказывала об обручении, поэтому когда мы узнали о беременности, то предположили худшее...

Джейми думал о своем и не спешил приходить мне на помощь, пришлось ткнуть его локтем.

– Ах да, – неохотно кивнул он. – Мы ошиблись. Я уже принес мистеру Уэйкфилду свои извинения и обещал, что мы обязательно уладим этот вопрос. Пока, впрочем, есть проблемы и поважнее. Саксоночка, ты видела

Иэна?

– Нет.

Я только сейчас поняла, что Иэна с нами нет, и в животе похолодело. Джейми помрачнел.

– Саксоночка, а где ты была всю ночь?

– Я была с... О господи!

Увидев ногу Роджера, я мигом забыла обо всем остальном. Она раздулась, побагровела до самой щиколотки, на стопе был ужасный нарыв. Я надавила на распухшую плоть, и она прогнулась, выдавая, что под кожей залежи гноя.

– Что случилось?

– Порезался, когда пытался сбежать. Индейцы перевязали и дали какую-то мазь, но, должно быть, попала инфекция, и рана воспалилась. Иногда становится лучше.

Роджер пожал плечами – сейчас он думал отнюдь не о ране, в каком бы ужасном она ни была состоянии.

– Так Брианна не просила меня встретить – там, на горе? – взглянул он на Джейми. – Она не хотела... от меня избавиться?

– Нет! – поразился Джейми и коротко ухмыльнулся, вмиг помолодев. – То была моя собственная идея.

Роджер шумно выдохнул и закрыл глаза.

– Слава богу... Перед расставанием мы ужасно поссорились, и я решил... вдруг она не рассказала вам об обручении, потому что больше не хотела иметь со мной ничего общего.

На лбу у него выступил пот, то ли из-за тревоги за Брианну, то ли из-за моих манипуляций с его ногой. Он скорчил гримасу, пытаясь улыбнуться.

– Хотя как по мне, избить до полусмерти и продать в рабство – это слишком даже для женщины с ее характером.

– Хмм... – смутился Джейми. – Я ведь принес извинения.

– Да, верно.

Роджер долго глядел на него, что-то прикидывая в уме. Затем наклонился, мягко отвел мою руку и снова посмотрел Джейми прямо в глаза.

– Я должен кое-что вам рассказать. Из-за чего мы поссорились. Брианна говорила, почему отправилась вас искать?

– Из-за заметки о пожаре? Да, говорила. А ты думаешь, почему я взял с собой Клэр?

– Почему? – озадаченно спросил Роджер.

– Мы не можем умереть дважды. Так что индейцы нас не тронут – ведь

нам суждено погибнуть только через шесть лет.

Я пораженно уставилась на него. Кто бы мог подумать... Надо же, мы, оказывается, совершенно неуязвимы... на какое-то время. Однако в таком случае...

– Выходит, вы верите, что прошлое нельзя изменить, как ни пытайся?

– Да черт его знает, во что я верю, – фыркнул Джейми. – Ты-то сам как думаешь?

– Я – верю, – твердо сказал Роджер. – Прошлое не изменить. Поэтому я и решился на ту подлость.

– Какую еще подлость?!

Он облизал губы.

– Ту записку я увидел раньше Брианны. И решил, что бесполезно что-то предпринимать. Поэтому... я скрыл свою находку. – Он перевел взгляд на меня. – Так что знайте. Я не хотел, чтобы она вас искала. Я пытался ее удержать. Думал, это слишком опасно. И... я боялся ее потерять, – коротко закончил он.

Как ни странно, теперь Джейми смотрел на Роджера с большей приязнью.

– Ты пытался удержать ее... Зачем? Чтобы уберечь?

Тот кивнул и несколько расслабился.

– Так вы меня понимаете?

– О да. Впервые слышу о тебе что-то хорошее, парень.

Вот только я была с ним категорически не согласна. К щекам прилила горячая кровь.

– Ты нашел записку... и ничего не сказал Брианне?

Роджер взглянул на меня и тут же отвел глаза.

– Не сказал. Она... хм... боюсь, она подумала так же, как и вы. Что я ее вроде как предал, и...

– Так и есть! Предал и ее, и нас! Роджер, как ты мог?!

– Нет, он был прав, – возразил Джейми. – В конце концов...

Я в бешенстве повернулась к нему.

– Нет, не прав! Он скрыл от нее правду, пытался удержать... Ты хоть понимаешь, что мог никогда ее не увидеть?!

– Да! И тогда с ней ничего бы не случилось!

Я сглотнула гнев и обиду, пытаясь взять себя в руки и говорить спокойно.

– Вот только она была бы против... А решать все равно ей.

Ответить Джейми не успел, потому что Роджер вскочил на ноги.

– Вы сказали, с ней что-то произошло... То есть речь не только о

беременности?

Роджер, кажется, уже оправился от потрясения, и к нему вернулась способность мыслить ясно. Он быстро пришел к тем же выводам, что и я в свое время.

– Вы сказали, она на седьмом месяце. Она не сможет пройти сквозь камни!

– Уже не сможет, – горько подтвердила я. – Хотя успела бы. Я просила ее вернуться в Шотландию или поехать в Индию, там есть еще один проход. Однако она не слушала. Отказалась ехать, не выяснив сперва, что с тобой.

– ...что со мной, – медленно повторил Роджер и посмотрел на Джейми.

Тот окаменел и стиснул зубы.

– Да. Я виноват и свою вину не отрицаю. Она здесь застряла. А я не могу ничего сделать – только вернуть ей тебя.

Теперь я поняла, почему Джейми не желал рассказывать Роджеру всей правды: ведь осознав, что Брианне нет дороги обратно, он может с нами не поехать. Одно дело – последовать за ней в прошлое, совсем другое – остаться здесь на неопределенный срок. Вот что грызло Джейми всю дорогу! Да уж, спартанский мальчик, позволивший лисенку выесть себе внутренности, нашел бы в Джейми родственную душу...

Роджер не успел ничего ответить: за дверью раздался шум, шкура сдвинулась в сторону, и к нам один за другим вошла добрая дюжина моговков.

Мы в изумлении уставились на эту толпу. Здесь были и мужчины, и женщины, и даже дети, тепло одетые в кожу и меха. Одна из старух держала ребенка, привязанного к дощечке; она без колебаний шагнула вперед и сунула его под нос Роджеру, что-то велев ему на своем наречии.

Тот непонимающе нахмурился. Джейми наклонился к старухе и бросил ей несколько отрывистых слов. Она нетерпеливо повторила сказанное, потом жестом поманила парня-подростка.

– Ты... быть священник, – запинаясь, проговорил он Роджеру и указал на младенца. – Лей вода.

– Я не священник...

Роджер протянул ребенка женщине, но та сурово покачала головой.

– Свящ-щник, – твердо заявила она. – Лей.

Она махнула одной из девушек, и та поспешно выступила вперед, держа роговую чашу, до краев полную воды.

– Отец Александр сказать, ты священник, сын священника, – добавил

парень.

Роджер заметно побелел под своей бородой. Джейми, кажется, кого-то узнал в толпе, потому что отошел с ним в сторону и обменялся парой фраз на французском.

– Это все, что осталось от его паствы, – пояснил он нам. – Старейшины велели им уйти. Они отправятся в земли гуронов, в миссию святой Берты. И хотят крестить ребенка, вдруг тот умрет в пути. – Он посмотрел на Роджера. – Они решили, что ты священник?

– Судя по всему. – Роджер опасливо держал младенца на вытянутых руках.

Джейми задумался, глядя на индейцев. Они были совершенно спокойны, хотя я и предположить не могла, что ждет их впереди. Они пережили огонь, смерть, изгнание... что еще? Слезы были видны лишь на лице той старухи, что принесла ребенка, – должно быть, она мать погибшей девушки.

– В случае нужды любой человек может исполнить роль священника, – тихо проговорил Джейми Роджеру.

Не думала я, что можно побелеть еще сильнее. Роджер пошатнулся, и старуха вытянула руки, чтобы подхватить ребенка, если его вдруг уронят.

Однако Роджер устоял – и даже кивнул девушке с чашей, чтобы та подошла ближе.

– *Parlez-vous fran?..* – спросил он, и индейцы в большинстве своем закивали, хоть и не очень уверенно.

– *C'est bien*, хорошо. – Набрав полную грудь воздуха, он поднял младенца на вытянутых руках. Ребенок, очаровательный малыш с золотистой кожей и русыми кудряшками, сонно заморгал.

– Именем Господа Иисуса Христа, пребывающего с нами, – начал Роджер на французском, – мы крестим сегодня чадо Его.

Ну конечно... Роджер ведь сын священника и наверняка часто наблюдал за обрядами. Хоть он и не помнит точных слов, но общее представление имеет.

Он передавал ребенка из рук в руки, а сам проникновенно спрашивал каждого из индейцев:

– *Qui est votre Seigneur, votre Sauveur? Кто Господь твой и Спаситель?*

– *Voulez-vous placer votre foi en Lui? Сильна ли вера твоя?*

– Обещаешь ли ты донести до этого дитя Заветы Божии и вырастить его в вере христианской?

Индейцы слаженно кивали в ответ.

– *Oui, certainement. Je le promets. Да, конечно. Обещаю.*

Наконец ребенок очутился у Джейми.

– Кто Господь твой и Спаситель?

– Иисус Христос, – не задумываясь, ответил тот, и ребенка передали мне.

– Уповаешь ли на волю Его?

Я взглядела в милое невинное личико и твердо ответила:

– Да.

Роджер забрал у меня ребенка, отдал его бабушке, а сам окунул можжевелевую веточку в чашу с водой и сбрызнул младенцу голову.

– Я крещу тебя...

Он замолк и панически уставился на меня.

– Это девочка, – подсказала я, и он, кивнув, снова взмахнул веточкой.

– Я крещу тебя, Александра, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

После того как крещенные индейцы ушли, нас больше никто не тревожил, только один воин принес немного дров и еды, но все вопросы Джейми он пропустил мимо ушей.

– Как думаете, нас убьют? – поинтересовался вдруг Роджер. Он дернул уголком губ в слабой попытке улыбнуться. – По крайней мере, меня? Вы-то, похоже, в безопасности.

Говорил он совсем безразлично. Судя по черным теням под глазами, Роджер безмерно устал бояться.

– Они нас не тронут.

Я запустила руку в спутанные волосы, тоже чувствуя себя вконец вымотанной: в конце концов, я не спала уже почти двое суток.

– Не успела рассказать. Прошлой ночью я была в доме Тевактеньон. Там собирался совет матерей. Они что-то обсуждали и долго спорили. Что именно – не знаю, мне, конечно же, никто не переводил. Однако в самом конце, прежде чем меня отвели к вам, одна девушка, говорившая по-английски, вкратце пересказала самое важное. Дело в том, что молодые воины нашли наш тайник с виски и начали пить. Женщины не стали вмешиваться: они решили, что сделка уже заключена. Однако спьяну мужчины что-то не поделили, как раз перед казнью священника. Завязалась потасовка... и пошло-поехало.

Я с силой потерла лицо ладонями, чтобы прояснить мысли и завершить рассказ.

– Во время драки одного из мужчин убили. – Я посмотрела на Роджера. – Они решили, что виноват ты. Это так?

Он покачал головой, от усталости опуская плечи.

– Не знаю. Может, и я... Чего они хотят?

– Еще не решили. Им пришлось обратиться за помощью к совету, но шаман пока ничего не сказал. – Я глубоко вздохнула. – Вряд ли тебя убьют, потому что они уже забрали виски, а оно было ценой за твою жизнь. Вот только... если индейцы не могут отомстить за гибель своего сородича, обычно они требуют, чтобы кто-то из врагов занял его место в племени.

От потрясения Роджер аж задохнулся.

– Занял его место? Они хотят, чтобы я остался?

– Не обязательно ты, кто-то из нас. Точнее вас – я-то не воин и вряд ли им подойду.

Я пыталась улыбнуться, но лицо будто судорогой свело.

– Значит, я, – тихо ответил Джейми.

Роджер изумленно тряхнул головой.

– Ты сам сказал: прошлое нельзя изменить; ничего со мной не случится. Оставьте меня, я сбегу при первой же возможности и вернусь домой. – Он положил руку мне на плечо, обрывая мои протесты. – А вы с Иэном заберете Маккензи и доставите его к Брианне. В конце концов, вы двое сейчас ей нужнее.

Роджер начал было спорить, но я перебила:

– Ох, господи, избавь меня от этих упрямых тупоумных шотландцев!.. Ничего еще не решено! Я только рассказала, что думает совет матерей. Что толку спорить раньше времени! Лучше поговорим о другом, – сменила я тему, пытаясь их отвлечь. – Где Иэн?

Джейми нервно сглотнул.

– Не знаю. Надеюсь, спит в постели своей подружки.

Ночь прошла спокойно, хотя всем нам не спалось. Я дремала урывками, просыпаясь от каждого шороха, и снились мне на удивление яркие кошмары, полные крови и огня.

Ближе к полудню послышались голоса. Сердце у меня замерло, потому что один из них был нам знаком. Джейми вскочил прежде, чем сдвинулась шкура на двери.

– Иэн, это ты?!

– Да, дядюшка, я.

Говорил он как-то странно: неуверенно и будто запыхавшись. Иэн шагнул под луч света из дымового отверстия – и я выдохнула, словно меня с размаху пнули в живот.

Волосы на висках у него были сбриты, оставшиеся торчали густым

гребнем и свисали на спину хвостом. В только что проколотом ухе висела серебряная серьга.

А на лице была свежая татуировка. Двойная изогнутая линия из темных пятнышек, покрытых корочкой запекшейся крови, бежала по скулам, чтобы встретиться у переносицы.

– Я... я ненадолго, дядя Джейми. – Иэн был бледным, но твердо стоял на ногах. – Они сказали, я могу попрощаться, только быстро.

Джейми смертельно побелел.

– Господи боже... Иэн! – прошептал он.

– Сегодня будет обряд, мне дадут новое имя. – Иэн прятал глаза. – Они сказали, после этого я стану индейцем, и мне уже нельзя будет говорить на другом языке. А ты-то, дядюшка, их наречие почти не знаешь... – криво усмехнулся он.

– Иэн, так нельзя!

– Можно. Уже все решено, дядя Джейми, – тихо сказал Иэн и перевел на меня взгляд. – Тетушка... Ты скажешь маме, что я всегда буду ее помнить? Папа и так, наверное, знает.

– Ох, Иэн...

Я прижала его к себе, а он нежно обнял меня в ответ.

– Утром можете уежать, – сказал он Джейми. – Вам не станут мешать.

Я разжала руки, и Иэн прошел через всю хижину к Роджеру.

– Прости, что так вышло. Надеюсь, ты позаботишься о моей кухне и ребенке?

Роджер пожал протянутую руку и, прокашлявшись, обрел дар речи:

– Да. Обещаю.

Затем Иэн повернулся к Джейми.

– Нет, – затряс тот головой. – Господи, нет. Не смей. Пусть лучше это буду я.

Иэн улыбнулся, хотя глаза его были полны слез.

– Ты как-то сказал, что не стоит тратить жизнь понапрасну. Так вот, я и не трачу. – Он протянул руки. – И о тебе я тоже буду помнить, дядя Джейми.

Перед самым закатом Иэна отвели к реке. Он разделся догола и зашел в ледяную воду вместе с тремя женщинами, которые с громким хохотом принялись окунать его с головой и растирать мокрым песком. Ролло скакал по берегу, бешено лая, потом, желая присоединиться к общей забаве, тоже прыгнул в воду, едва не утопив при этом Иэна.

Зрелище получилось весьма занятным – только трое белых его не

оценили.

Когда ритуальное омовение завершилось и Иэна «избавили» от белой кожи, женщины вытерли его, одели в чистую одежду и повели в длинный дом старейшин для обряда наречения.

Там негде было и шагу ступить, в дом набилась вся деревня. Мы с Джейми и Роджером тихонько притаились в углу, глядя, как поет шаман под ритмичный бой барабана и ходит по кругу дымящаяся трубка. Девушка по прозвищу Эмили стояла рядом с Иэном, и глаза ее радостно сверкали. Он тоже поглядывал на нее с нежностью, и лишь это умеряло печаль в моем сердце.

Его нарекли Братом Волка. А сам волк, вывалив язык, сидел у ног Иэна, с любопытством наблюдая за происходящим.

В конце церемонии толпа на секунду затихла – и Джейми воспользовался моментом, чтобы выйти в центр. Воины с неодобрением уставились на него, украдкой сжимая кулаки.

А Джейми расстегнул брошь и накинул свой малиновый плед на плечи племяннику.

– *Cuimhnich!*.. – тихо велел он. *Помни!*

Следующим утром, спускаясь по узкой тропе, мы молчали. Иэн церемонно попрощался с нами в окружении своей новой семьи. Мне не хватило выдержки, и Иэн при виде моих слез закусил губу, с трудом сдерживая чувства. Джейми обнял его, поцеловал и отошел, не сказав ни слова.

Вечером Джейми, как всегда, принялся разбивать лагерь – но мыслями был где-то далеко. Неудивительно, я и сама думала только об Иэне и ожидавшей нас Брианне.

Роджер бросил у костра охапку хвороста и сел рядом.

– Я все пытаюсь решить, – тихо сказал он. – Как быть с Брианной.

– Да? Я тоже...

От усталости меня качало, казалось, еще чуть-чуть – и я упаду головой в костер, так и не дождавшись, когда закипит вода.

– Вы говорили, есть еще один круг... проход, или как его там... В Вест-Индии?

– Угу.

Я хотела рассказать ему о Гейлис Дункан и пещере, однако передумала. Силы вконец иссякли. В другой раз как-нибудь... И тут туман в голове развеялся, потому что до меня дошел смысл его слов.

– Еще один? Здесь?

Я огляделась, почти ожидая увидеть за спиной высокие камни.

– Не совсем. Ближе к Фрейзер-Риджу.

– Аа... Да, я в курсе, что здесь тоже есть круг, но... – Вдруг до меня дошло. – Хочешь сказать, ты знаешь, где он?!

– Так вы о нем слышали?

– Да. Вот взгляни.

Я достала опал, но не успела и слова сказать, как Роджер выхватил камень у меня из рук.

– Тот же символ, что вырезаны на скале. Где вы его взяли?

– Долгая история. Потом. Лучше скажи: ты знаешь, где круг? Ты правда его видел?

Услышав наши возбужденные голоса, подошел Джейми.

– Круг?

– Ну да, круг времени, проход... э-э... – принялась я путано объяснять, но Роджер меня перебил:

– Да, я был там. Случайно наткнулся, когда сбежал.

– А сможешь снова его найти? Как далеко от «Горной реки»?

Я мысленно принялась считать. Срок уже больше семи месяцев. Шесть недель на обратную дорогу – значит восемь с половиной. Успеем ли мы вовремя доставить Брианну в горы? И если да, что рискованнее: пройти сквозь камни накануне родов или навсегда остаться в прошлом?

Роджер вытащил из-за пояса длинную замусоленную нить.

– Вот, – показал он двойной узелок. – В восьми днях пути от того места, где меня забрали.

– И еще как минимум неделю от «Горной реки», – то ли разочарованно, то ли с облегчением выдохнула я. – Мы не успеем.

– Погода меняется, – веско заметил Джейми, кивая на голубую ель, с чьих игл уже сочилась капель. Когда мы ехали сюда, дерево было совсем обледенелым. – Дорога станет легче, мы можем добраться быстрее...

– Вряд ли, – неохотно покачала я головой. – Ты же сам знаешь, что такое весенняя слякоть. Идти по ней гораздо труднее, чем по снегу. – Я наконец осознала реальность, и сердце замедлило ход. – Нет, слишком поздно, слишком рискованно. Она должна остаться.

Джейми поверх костра взглянул на Роджера.

– А он – не должен.

Тот удивленно поднял брови.

– Я... – начал он и вдруг решительно стиснул зубы. – Я останусь. Вы же не думаете, что я ее брошу? Ее и своего ребенка?

Я открыла было рот, но Джейми хмуро уставился на меня.

– Нет, – твердо заявила я. – Нет. Нам придется ему сказать. Не нам – так Брианне. Пусть лучше узнает сразу.

Джейми недовольно поджал губы и все же кивнул.

– Ладно. Рассказывай.

– Что рассказывать?

Отросшие волосы Роджера трепало ветром. Сейчас парень выглядел куда более живым, чем в первый день. Должно быть, сказывалось волнение.

И я решилась...

– Может, это и не твой ребенок.

На его лице сперва не дрогнул и мускул... а потом Роджер осознал смысл моих слов. Он схватил меня за руку так стремительно, что я вскрикнула от неожиданности.

– Что это значит?!

Джейми бросился к нему и нанес сокрушительный удар в челюсть, распластав Роджера по земле.

– Это значит, что когда ты бросил мою дочь, потому что у тебя нашлись некие важные дела, ее изнасиловали! Через два дня после того, как вы переспали. Так что, может, ребенок твой, а может, и нет. – Он во весь рост встал над Роджером. – Ну, по-прежнему хочешь остаться?

Роджер, тряся головой, кое-как поднялся.

– Изнасиловали... Кто? Где?!

– В Уилмингтоне. Некий Стивен Боннет. Он...

– Боннет? – Судя по лицу Роджера, он слышал это имя и прежде. – Брианну изнасиловал Стивен Боннет?..

Вся ярость, которую Джейми сдерживал после отъезда из деревни, теперь вырвалась наружу. Он схватил Роджера за горло и приложил его спиной о дерево.

– А где в это время был ты, жалкий трус? Она на тебя накричала, и ты сбежал, да?! Если тебе так надо было уехать, почему ты сперва не привез ее ко мне?!

Я схватила Джейми за руку и попыталась оттащить от Роджера.

– Отпусти его!

Он послушно разжал пальцы и, тяжело дыша, отвернулся. Роджер, трясаясь от бешенства не меньше Джейми, сорвал с себя штаны.

– Я уехал не из-за ссоры. Я хотел найти это!

Он рванул шов бриджей, и на ладони сверкнула зеленая искорка.

– Я ради них жизнью рисковал, – чтобы Брианна могла пройти сквозь камни! Вы хоть знаете, каких усилий мне это стоило и где я их раздобыл? У

Стивена Боннета! Вот почему меня не было так долго – я мотался по всему побережью в поисках этого ублюдка!

Джейми застыл, глядя на блестящую стекляшку в руке Роджера. Я тоже.

– На корабле Боннета я приплыл из Шотландии. – Роджер несколько успокоился. – Он...

– Я знаю, кто он, – перебил Джейми. – А еще знаю, что он, судя по всему, отец моего внука... Спрашиваю еще раз, Маккензи, ты готов остаться с ней, зная, что ребенок не от тебя? Если не готов, скажи сразу. Иначе, клянусь, я тебя на месте убью, только попробуй косо взглянуть на нее или ребенка!

– Ради бога, Джейми! – сорвалась я. – Дай ему подумать. Ты что, не видишь, он еще ничего толком не понял!

Роджер, надрывно дыша, выронил изумруд.

– Не знаю, – бормотал он. – Не знаю...

– Тогда убирайся! – рявкнул Джейми. – Забирай эту проклятую вещь и проваливай в свой круг камней. Иди к черту, моей дочери не нужен трус!

Джейми до сих пор не расседлал лошадей, так что он просто подхватил нераспакованные сумки, отвязал двух коней и одним текучим движением взлетел седло.

– Ну же! – велел он мне.

Я беспомощно оглянулась на Роджера. Он смотрел на Джейми, сверкая зелеными глазами, такими же яркими, как изумруд на земле.

– Идите, – тихо сказал он мне. – Я приеду... если смогу.

На негнущихся ногах я подошла к лошади и забралась ей на спину.

А когда оглянулась, то не увидела даже света костра. Позади была лишь непроглядная тьма.

Глава 62

Призрак

Поместье «Горная река», апрель 1770 года

– Они схватили Стивена Боннета.

Брианна уронила коробку, и костяные фишки запрыгали по полу. Лишившись дара речи, она уставилась на лорда Джона, и тот, отставив стакан, поспешил ей на помощь.

– Что с вами?! Может, присядете на диван? Простите, мне не стоило вот так...

– Нет, стоило. И никакого дивана, я же в жизни с него не встану.

Отмахнувшись от протянутой руки, она вразвалку подошла к простому деревянному стулу возле окна и грузно опустилась на сиденье, после чего вперила в Грея долгий взгляд.

– Где? И как?

Тот не стал посылать слугу за вином или жечь перья, – судя по всему, Брианна падать в обморок не собиралась.

Грей сел было рядом с ней, затем вскочил и подошел к двери. Коридор оказался пуст, только служанка дремала на стуле возле лестницы на тот случай, если господам что-то понадобится. Услышав шаги, она подняла голову.

– Иди спать, – велел Грей. – Сегодня ты больше не нужна.

Рабыня кивнула и с явным облегчением встала. Было уже за полночь, а она наверняка поднялась еще до рассвета. Грей тоже изрядно устал с дороги, он ехал верхом от самого Идингтона, однако такие новости ждать до утра не могли.

Он закрыл двойные двери и поставил перед ними скамейку для ног, чтобы их точно никто не подслушал.

– Его привезли сюда, в Кросс-Крик. Попался на контрабанде. А когда выяснили, кто он такой, естественно, добавили и прочие обвинения.

– Контрабанда, значит? И что он перевозил?

– Чай и бренди. По крайней мере, в этот раз. – Лорд Джон потерял шею, нившую после долгих часов в седле. – В Идингтоне только о нем и говорят. Он весьма известная личность с той еще репутацией. Его знают все от Чарльстона до Джеймстауна... Боннета казнят. Повесят на следующей

неделе в Уилмингтоне. Думаю, вам стоит знать.

Брианна шумно выдохнула. Грей украдкой взглянул на нее, пытаясь не таращиться... Но господи, какая же она огромная! За последние пару месяцев стала толще раза в два!

Живот с одной стороны вдруг выпятился; Грей запаздало сообразил, что, наверное, не стоило вот так, без подготовки, вываливать на беременную женщину страшные новости. Он ведь себе не простит, если с ней или ребенком что случится. А Джейми – тем более.

– Спасибо вам, – сказала Брианна. – Когда именно его повесят?

Она подалась вперед, прижимая к животу руку. Тот словно бы в ответ отозвался очередной волной ряби.

Грей сел, тревожно на нее поглядывая.

– В следующую пятницу.

– Боннет сейчас в Уилмингтоне?

Несколько успокоившись – рожать она вроде бы не собиралась, – Грей потянулся к забытому стакану и сделал большой глоток. Алкоголь приятно согрел изнутри грудь.

– Нет. Он все еще здесь. Суда не будет, его давно приговорили к смерти.

– Значит, Боннета переведут в Уилмингтон перед самой казнью? А когда?

– Понятия не имею.

Взгляд Брианны вновь стал рассеянным, и на сей раз лорд Джон заподозрил, что причиной тому вовсе не материнская сосредоточенность, а холодный расчет.

– Я хочу с ним встретиться.

– Нет. Даже если бы вы могли выдержать поездку в Уилмингтон – что в вашем состоянии крайне сомнительно, – покосился он на грозно выдающийся живот, – зрелище казни не лучшим образом скажется на ребенке. Так что хоть я и понимаю ваши чувства, дорогая моя...

– Не понимаете. Ни капельки, – холодно осадил его Брианна.

Грей посмотрел на нее, потом, махнув рукой, встал и отправился за графином с виски.

– Я не хочу видеть, как он умирает, – сказала Брианна.

– И слава богу... – пробормотал он, делая большой глоток.

– Я хочу с ним поговорить.

Виски попало не в то горло, и Грей, закашлявшись, облил кружевной воротник.

– Может, вам лучше сесть? – прищурилась Брианна. – Что-то вы не

очень хорошо выглядите.

– Ума не приложу, с чего бы... – язвительно отозвался он и все же сел, вытирая платком подбородок.

– Я знаю, что вы скажете, – твердо заявила она, – так что не утруждайтесь. Вы можете устроить нам встречу перед его отправкой в Уилмингтон? И, прежде чем откажетесь, спросите себя, что я сделаю в таком случае.

Грей, открывший было рот для резкой отповеди, задумался.

– Неужто вы снова решили меня шантажировать? – недоверчиво спросил он.

– Нет, конечно же! – Брианне хватило совести покраснеть.

– Тогда, признаюсь, не вижу, что вы могли бы...

– Я расскажу тете, что Стивен Боннет – отец моего ребенка. И Ферхарду Кэмпбеллу. И Джеральду Форбсу. И судье Элдердайсу. Отправлюсь в казарму, где бы она ни была, и расскажу сержанту Мурчисону. А если он не отведет меня к Боннету, пойду к мистеру Кэмпбеллу и составлю официальное прошение о свидании с заключенным. Я имею право с ним встретиться.

Грей прищурился. Угроза, судя по всему, была не пустой. Брианна сидела, расправив плечи и застыв мраморной статуей, абсолютно глухая к увещеваниям.

– Хотите устроить скандал?

Вопрос был риторическим, Грей лишь надеялся выиграть время, чтобы найти наиболее разумный выход.

– Нет. Но что я теряю? – Она иронично приподняла бровь. – Помолвку, правда, придется разорвать. Впрочем, слухи о настоящем отце ребенка все равно отвадят даже самых смелых женихов.

– Ваша репутация... – в отчаянии пробормотал лорд Джон.

– О, позвольте, было бы о чем вести речь... И кстати, разве забеременеть после изнасилования пиратом хуже, чем считаться шлюхой, как любезно обозвал меня отец?

В ее голосе послышалась горечь, и Грей предпочел не развивать эту тему.

– В любом случае тетушка вряд ли от меня откажется, каким бы громким ни вышел скандал. Ни я, ни ребенок с голоду не умрем. А будет ли разговаривать со мной какая-нибудь миссис Макнейл, мне плевать.

Грей поднес стакан ко рту, опасливо поглядывая на Брианну – вдруг она снова выкинет что-нибудь эдакое. Интересно, что же произошло между ней и Джейми... Впрочем, ему хватило ума не спрашивать. Вместо этого он

поинтересовался:

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем вам встречаться с Боннетом? Вы говорите, мне не понять ваших чувств... Возможно, так и есть. И все же, почему вы готовы прибегнуть к столь радикальным мерам?

Легкая улыбка тронула ее губы.

– Мне нравится, когда вы изъясняетесь столь пафосно.

– Весьма польщен. Однако окажите честь – ответьте на мой вопрос.

Брианна вздохнула так глубоко, что затрепетало пламя свечи. Встала, опираясь на спинку стула, и вытащила из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, весь истрепавшийся по краям – видно, его не раз держали в руках.

– Читайте, – протянула она Грею письмо, а сама развернулась и прошла на другой конец комнаты, где в углу у камина стоял мольберт с красками.

Черные буквы оказались на удивление знакомы.

Дитя мое!

Не знаю, увидимся ли мы вновь. Искренне надеюсь, что да и что отношения наши наладятся, но на все воля Господа. И письмо это – на тот случай, если у Него другие планы.

Ты спрашивала как-то, не станет ли легче, если ты убьешь своего обидчика. Я отвечаю: нет, не станет. Ради своей души, ради собственной жизни ты должна найти силы его простить. Свободу обрести непросто, и путь к ней лежит не через убийство.

Не бойся, что он избежит возмездия. Подобный человек сам роет себе могилу. Если он умрет не от твоей руки – так от чьей-нибудь еще. Но пусть лучше в преисподнюю он отправится по чужой воле.

Молю, услышь меня – ради любви, что я к тебе питаю.

Чуть ниже было приписано: «Твой любящий отец, Джейми Фрейзер», однако эту строчку безжалостно вымарали, оставив лишь «Па».

– Я с ним так и не попрощалась.

Грей вздрогнул от неожиданности. Он поднял голову и увидел, что Брианна стоит лицом к мольберту, глядя на полузаконченный пейзаж, словно в окно.

Он подошел и встал рядом. Дрова в камине прогорели, и в комнате заметно холодало. Брианна поежилась.

– Я хочу свободы, – тихо сказала она. – Что бы ни случилось. Не важно, вернется Роджер или нет.

Ребенку не сиделось спокойно, тот пинался изнутри под скрещенными руками.

Грей вздохнул.

– Уверены, что готовы его видеть?

В ответ – долгий выразительный взгляд.

– Я должна его простить. Только ничего не выходит. Может, мне надо увидеть его лицом к лицу... В любом случае я должна попробовать.

Грей уронил плечи.

– Хорошо.

В глазах Брианны что-то вспыхнуло – облегчение? – и она слабо улыбнулась.

– Так вы согласны?

– Да. Бог знает как, но я попробую организовать вам встречу.

Он потушил в гостиной все свечи, кроме одной, чтобы не бродить впотьмах. Предложил Брианне руку, и они бок о бок пошли по пустому коридору. У подножья лестницы Грей остановился, пропуская «невесту» вперед.

– Брианна...

Уже поднявшись на первую ступеньку, она повернулась. Грей замолчал, сомневаясь, стоит ли продолжать.

– Можно мне...

Брианна, не сказав ни слова, прижала его ладонь к животу. Какое-то время они стояли неподвижно – а потом вдруг случилось *это*. Грей почувствовал легкий, но решительный толчок, и сердце его замерло от восторга.

– Господи... Он настоящий!

– О да. Я знаю.

В глазах Брианны сверкнула горестная насмешка.

В штаб-квартиру гарнизона они прибыли уже затемно. Это оказалось невзрачное здание, совсем крохотное на фоне складов ткацкой фабрики.

– Его что, держат прямо здесь?

У Брианны застыли руки, хоть она и прятала их под плащом.

– Нет.

Грей спешил, чтобы привязать лошадей. В окнах горел свет, но маленький грязный двор пустовал. Рядом не было ни жилых домов, ни торговых лавок, а служащие давным-давно разошлись.

Он помог Брианне спуститься на землю.

– Боннет в подвале под складами. Я подкупил солдата, нас проводят.

– Не нас, – уточнила Брианна. – Только меня. Я увижусь с ним наедине.

Грей недовольно поджал губы.

– Ладно, все равно Ходжепайль заверил, что тот в цепях. Иначе я бы вас не привез.

Раздраженно передернув плечами, он взял Брианну под руку и повел ее через изрезанный колесами двор.

– Ходжепайль?

– Рядовой Эрвин Ходжепайль. А что? Вы его знаете?

Брианна покачала головой, приподнимая юбки.

– Нет. Имя слышала, но...

В этот момент приоткрылась дверь.

– Это вы, ваша светлость? – выглянул во двор солдат.

Ходжепайль оказался до ужаса тощим, с крысиным лицом и длинными несуразными конечностями. Увидев Брианну, он испуганно подпрыгнул.

– О! Я не думал, что...

– Тебе и не надо думать, – ледяным голосом оборвал лорд Джон. – Будь добр, показывай дорогу.

Бросая опасливые взгляды на живот Брианны, рядовой достал фонарь и указал им на невысокую дверцу в складской стене.

Чтобы выглядеть выше, Ходжепайль изо всех сил вытягивал шею и расправлял плечи. Должно быть, это тот самый человек, о котором рассказывал Ронни Синклер. В конце концов, имя довольно редкое. Наверное, есть смысл поговорить с ним, после того как...

Додумать Брианна не успела, потому что Ходжепайль отпер дверь.

Апрельская ночь была свежей и прохладной, а вот внутри склада воздух оказался спертым и вонял скипидаром. Брианна задыхалась, чувствуя, как вокруг витают крошечные молекулы смолы, прилипая к коже.

Склад был забит почти до отказа, повсюду теснились громоздкие ящики и тюки. У дальней стены чернели липкие даже на вид бочки с дегтем, на деревянных стойках возле огромных двойных дверей высились пирамиды бочонков с бренди и ромом, ожидающие погрузки на баржу.

Тень рядового то росла, то укорачивалась, пока он шел между высокими рядами. Шаги гулко отзывались по усыпанному опилками полу.

– ...осторожнее с огнем, – донесся его высокий голос. – Смотрите, куда ставите фонарь, хорошо? Хотя там, внизу, все равно нечему гореть...

Склад построили на самом берегу, чтобы не таскать товары, и полы

были наполовину деревянными, наполовину кирпичными. Когда Брианна с Греем пересекли эту границу, шаги зазвучали звонче. Ходжепайль остановился у люка, вделанного в камень.

– Милорд, вы же ненадолго?

– Не дольше, чем потребуется, – коротко ответил Грей. Он взял у Ходжепайля фонарь, а тот приподнял тяжелую крышку люка. Сердце у Брианны застучало сильнее, напряженно пульсируя в груди.

Во мрак спускались ступеньки из красного кирпича. Ходжепайль выудил связку ключей и принялся перебирать их в свете фонаря. Наградив Брианну очередным неодобрительным взглядом, он жестом пригласил их с Греем последовать вниз.

– Хорошо, что лестница рассчитана на огромные бочки с ромом, а то я не пролезла бы, – пробормотала Брианна. Цепляясь за руку Грея, она медленно перешагивала с одной ступеньки на другую.

Теперь понятно, почему пожар здесь нестрашен – воздух был таким влажным, что повсюду росла плесень. Звонко падали капли, свет отражался от мокрых стен, по которым в панике разбегались тараканы. Пахло гнилью.

Брианна невольно вспомнила о пенициллиновой ферме матери и чуть не расплакалась от тоски. Однако они вдруг остановились – и мысли о предстоящей встрече вытеснили все прочие.

Ходжепайль зазвенел ключами, а Брианну внезапно охватил панический страх. Что она здесь делает, зачем пришла?!

Грей ободряюще пожал ей руку. Набрав полную грудь воздуха, Брианна расправила плечи и шагнула в камеру.

Заключенный сидел на скамье у дальней стены и не сводил с двери взгляда. Должно быть, услышал шаги. Кого он ждал? Уж конечно, не Брианну...

Он шевельнулся, тихо звякнули цепи. Набравшись смелости, Брианна взяла у Ходжепайля фонарь и закрыла за собой дверь.

Она молча изучала Стивена Боннета. Надо же, он ниже, чем ей запомнилось. Хотя, может, это она увеличилась в размерах...

– Знаешь, кто я?

Камера была тесной, с низким потолком. Голос Брианны прозвучал негромко, но вполне отчетливо.

Боннет склонил голову набок, окидывая ее взглядом.

– Не помню, чтобы ты представилась, сладкая моя.

– Не смей меня так называть! – вскипела Брианна и сжала кулаки, пытаясь унять злость. М-да, не лучшее начало для церемонии прощения...

Боннет равнодушно пожал плечами.

– Как пожелаешь. И нет, я не знаю, кто ты. Мордашка вроде знакомая, да и все прочее тоже. – Под щетинистой бородой сверкнули зубы. – А вот имя не помню. Впрочем, ты, наверное, и не назвалась тогда, а?

– Так ты меня узнаешь?

Он присвистнул сквозь сжатые зубы и вновь оглядел Брианну с головы до ног. Вид у Боннета был весьма потрепанный, хотя наглости это не умерило.

– Ой, и впрямь узнаю, – гадко засмеялся он.

Бринна еле сдержалась, чтобы не отвесить ему пощечину. Вместо этого она сделала глубокий вдох... Как оказалось, зря, потому что камера насквозь провоняла Боннетом.

Тошнота нахлынула внезапно: из-за знакомого запаха желудок взбунтовался. Она еле успела отвернуться, как ее вырвало, и полупереваренная пища расплескалась по сырому каменному полу.

Брианна прильнула лбом к стене, чувствуя, как ее бросает из жара в холод. Наконец она утерла рот и снова посмотрела на Боннета.

В свете желтого фонаря, стоявшего на полу, он походил на дикого зверя, пойманного в собственной берлоге, – так хищно сверкали бледно-зеленые глаза.

– Меня зовут Брианна Фрейзер.

Он любезно кивнул.

– Брианна Фрейзер. Какое очаровательное имя. И что дальше?

– Я дочь Джейми и Клэр Фрейзеров. Они спасли тебе жизнь, а ты их ограбил.

– Ну да, было такое, – равнодушно подтвердил он.

Брианна потрясенно на него уставилась. Боннет невинно глядел в ответ.

Ее вдруг охватило дикое желание рассмеяться. Чего она ждала: раскаяния? оправдания? От кого – от человека, привыкшего без зазрения совести брать все, чего только пожелает?

– Если ты надеешься вернуть камни, боюсь, чуток опоздала, – весело заговорил он. – Один я продал, чтобы купить корабль, а два других украли. Ты, наверное, скажешь, что меня настигла справедливая кара.

Брианна сглотнула комок с привкусом желчи.

– Украли? Когда?

«Не думай о том, где он взял камни, – сказал тогда Роджер. – Скорее всего, стащил где-нибудь».

– Месяца четыре назад. – Боннет пожал плечами. – А что?

– Не важно.

Значит, Роджеру удалось! Он добыл камни – гарантию безопасного возвращения домой. Слабое утешение...

– Помню, речь шла еще о какой-то безделице. О кольце, что ли? Ты за ним приходила.

Он усмехнулся, показывая зубы.

– И оно досталось мне высокой ценой.

Брианна невольно прижала руку к животу, сокрытому под широким плащом.

– И вот ты опять зачем-то явилась, а, сладенькая?

Она снова вдохнула поглубже, на этот раз через рот.

– Мне сказали, что тебя повесят.

– Ага, мне тоже так сказали. – Он заерзал на деревянной скамье и покрутил головой, разминая затекшую шею. – Непохоже, чтобы ты решила оказать последнюю милость.

– По правде говоря, – задумчиво протянула Брианна, – когда ты сдохнешь, мне станет легче дышать.

Боннет уставился на нее – и вдруг расхохотался, так сильно, что на глаза навернулись слезы.

– Чего ж ты от меня хочешь, милая? – все еще посмеиваясь, спросил он.

Она открыла было рот – и неожиданно поняла, что сковывающая их цепь ломается. Брианна не двигалась с места, но у нее возникло такое чувство, будто она только что перепрыгнула бездонную пропасть. Теперь она стояла на другом краю, в безопасности... совершенно одна. Боннету до нее не дотянуться.

– Ничего, – с удивлением сказала она, слыша, как звенит в ушах собственный голос. – Мне ничего от тебя не надо. Наоборот, это я хочу кое-что дать тебе напоследок.

Она распахнула плащ и обхватила руками выпуклость живота. Ребенок шевельнулся, отзываясь на материнскую ласку.

– Он твой.

Боннет уставился на живот, затем поднял глаза к ее лицу.

– Не в первый раз шлюха пытается навязать мне свое отродье.

Однако говорил он не злобно, а в настороженных глазах мелькнуло новое, невиданное прежде выражение.

– Думаешь, я шлюха? – Брианне, в общем-то, было все равно, но она сомневалась, что Боннет и впрямь считает ее распутной девкой. – Зачем мне врать? Я уже сказала, мне ничего от тебя не надо.

Она запахнула плащ, пряча живот, и выпрямилась. Напряжение

понемногу спадало. Дело сделано.

– Ты скоро умрешь, – сказала она и вдруг поняла, что испытывает к нему жалость. – Может, умирать будет легче, зная, что после тебя что-то останется. А теперь все, я ухожу.

Подхватив фонарь, Брианна повернулась... и с изумлением увидела, что дверь приоткрыта. Не успела она разозлиться – неужели лорд Джон самым бессовестным образом подслушивал?! – как дверь распахнулась полностью.

– Боже, мадам, какая проникновенная речь, – провозгласил сержант Мурчисон и с широченной улыбкой ткнул в нее стволом мушкета. – Вот только боюсь, я не могу вас отпустить.

Она отшатнулась и непроизвольно вскинула фонарь, пытаясь обрушить его на голову сержанта. Тот увернулся, а руку Брианны вдруг сковали железные пальцы.

– Ух ты, почти удалось! А ты шустрая девочка, чуть не прибила старину-сержанта.

Отобрав фонарь, Боннет ее отпустил.

– Так ты не скован... – тупо пробормотала она.

И, осознав, что происходит, рванула к выходу. Мурчисон взмахнул мушкетом, преграждая ей путь, но Брианна успела увидеть темный коридор и распростертое на полу тело.

– Вы убили его... – прошептала она непослушными губами, и из желудка поднялась новая волна тошноты. – Господи боже, вы его убили!

– Кого убили? – Боннет приподнял фонарь, вглядываясь в клубок светлых волос, запачканных кровью. – А это еще кто, черт бы его побрал?

– Лишний свидетель, – огрызнулся Мурчисон. – Давай быстрее! Времени нет. О Ходжепайле я позаботился, и фитили уже подпалил.

– Погоди-ка!

Боннет хмуро смотрел на Брианну.

– Я же сказал, нет времени! – Сержант поднял мушкет и проверил запал. – Не переживай, их никто не найдет.

Горько запахло порохом. Сержант повернулся к ней, но в камере было слишком тесно, еще и живот Брианны мешал, так что приклад ружья зацепился в стену.

Раздраженно крикнув, Мурчисон поднял мушкет, собираясь ударить ее по голове.

Брианна вцепилась в ствол, даже не осознав, что делает. Время словно замедлилось – Боннет и сержант стояли на месте, не пытаясь ей помешать. Она и себя ощущала словно со стороны.

Она выхватила мушкет и одним легким движением, точно орудуя метлой, огрела сержанта по голове. Все тело пробрало дрожью, казалось, кто-то включил рубильник и пропустил сквозь нее разряд тока.

Мурчисон замер, удивление в его глазах медленно сменилось ужасом, а затем – пустотой. Из-под жирных багряных губ скалились желтые зубы. На виске набухали ярко-алые капельки крови: будто японские водяные лилии расцветали на фоне синеющей кожи.

Брианна была совершенно спокойна, сейчас она стала всего лишь сосудом для той древней силы, что зовется материнством... которую мужчины наивно принимают за слабость. Она видела свои руки – торчащие костяшки пальцев, натянутые сухожилия, – ощущала энергию, струившуюся по всему телу, и медленно, очень медленно вновь занесла приклад – и обрушила его на Мурчисона, который не успел даже упасть.

Кто-то позвал ее по имени, однако голос доносился издалека, теряясь в окружавшем ее тумане.

– Хватит уже, бога ради! Женщина!.. Как тебя там... Брианна! Хватит!

Чьи-то руки вцепились в плечи и хорошенько трянули. Она вырвалась и снова взмахнула ружьем, рыкнув:

– Не трогай меня!

Боннет тут же отступил на пару шагов. В его глазах вспыхнуло удивление... и даже как будто страх? Он что, боится ее? Разве ее – Брианну – можно бояться?

Он что-то говорил, она видела, как открывается его рот, но слова слышались неясным гулом. Волна внезапной силы схлынула, оставив лишь головокружение и тошноту.

Время вернулось к обычному ритму, и секунды побежали с прежней скоростью. Брианну трясло, ноги не держали, словно из нее вынули все кости; пришлось опереться на окровавленный мушкет.

– Что ты сказал?

Он раздраженно выдохнул.

– Что нечего тратить время попусту! Ты что, не слышала – фитили уже подождли!

– Какие еще фитили? Зачем?

Боннет посмотрел на дверь за ее спиной, но не успел сделать и шагу, как Брианна подняла мушкет и нацелила на него ствол. Невольно отшатнувшись, он запнулся о скамью и упал, зацепив при этом кандалы. Они громко зазвенели по камню.

Потрясение уже сказывалось дрожью в руках, однако в организме еще бушевали отголоски недавней энергии.

– Ты же не станешь меня убивать, а? – криво усмехнулся Боннет, но глаза, в которых плескалась паника, его выдали. Брианна ведь говорила, что будет рада его смерти...

Да, свобода дорого стоит, но убийство – непомерная за нее цена. К тому же Брианна нашла свой выход, с Боннетом ее больше ничего не связывает, и она не собирается что-то менять.

– Не стану, – согласилась она, поудобнее перехватив мушкет. – Но видит бог, я прострелю тебе колено и брошу истекать кровью, если ты сию секунду не расскажешь, что здесь происходит!

Боннет переступил с ноги на ногу, что-то прикидывая в уме. Брианна стояла в дверях, полностью загораживая ему проход. Он двинулся было с места, и она громким щелчком сняла оружие с предохранителя.

Сейчас их разделяло футов шесть, дотянуться он не сможет, одно движение пальца, и все будет кончено. С такого расстояния Брианна не промажет.

Боннет сник.

– Склады набиты порохом, и фитили уже горят, – скороговоркой выпалил он. – Не знаю, сколько осталось времени, но взрыв будет тот еще. Ради бога, выпусти меня уже!

– Зачем? – Ладони взмокли. Ребенок шевельнулся, напоминая, что ей следует поторопиться. И все же Брианна рискнула потратить еще минуту. Она должна выяснить правду, ведь за ее спиной на полу лежало безжизненное тело Джона Грея. – Вы убили хорошего человека, и я хочу узнать, зачем!

Боннет развел руками.

– Все дело в контрабанде. Мы с сержантом были партнерами. Я привозил ему дешевый товар, он ставил на нем королевское клеймо. Он воровал запатентованные грузы, я их продавал. Прибыль делили поровну.

– Дальше.

– Тот солдат, Ходжепайль, что-то пронюхал и стал задавать вопросы. Мурчисон не знал, рассказал ли он кому еще, но когда меня схватили, ждать уже не мог. Он вывез со склада остатки спиртного, заменил его бочками со скипидаром и заложил заряды. После взрыва следов кражи не останется. Вот и все. Теперь отпусти меня!

– Хорошо. – Брианна опустила мушкет, но палец со спускового крючка не убрала. – А с ним что? – кивнула она на сержанта, который вяло заворочался на полу.

Боннет недоуменно моргнул, бочком пробираясь к двери.

– В смысле?

– Ты что, с собой его не берешь?

– Зачем он сдался? Христа ради, женщина, дай мне уйти и сама убирайся! Наверху двенадцать сотен баррелей скипидара и дегтя. Здесь все разнесет к чертям!

– Он еще живой! Мы не можем его бросить!

Боннет раздражено фыркнул и в два шага пересек камеру. Склонился над сержантом, выдернул из его ножен кинжал и чиркнул острием по горлу, аккуратно по кожистой складке. Взвился фонтан крови, заляпывая пол и стену.

– Ну вот, – выпрямился Боннет. – Уже не живой. Можем уходить.

Он бросил кинжал, отпихнул Брианну и ринулся в коридор. Сапоги гулко застучали по ступенькам.

Содрогаясь всем телом, Брианна молча стояла, глядя на лорда Джона. Живот мучительно схватывало; казалось, внутри напряглась каждая мышца, а желудок камнем провалился куда-то в ноги. Ей не хватало воздуха, она не могла даже пошевелиться.

«Нет, – мысленно возразила она ребенку. – Рожать я сейчас не буду. Не вздумай. Сиди смирно. Мне не до тебя».

Она сделала пару шагов по темному коридору и остановилась. Нельзя уйти просто так. Надо проверить... убедиться. Брианна опустилась на колени возле тела Грея. Он лежал в той же позе и выглядел совершенно мертвым.

Согнуться она не могла – мешал живот. Схватив Грея за руку, Брианна попыталась его перевернуть, но он, несмотря на хрупкое сложение и рост, оказался невероятно тяжелым. Кое-как она смогла приподнять вялое тело. Голова безжизненно болталась, из-под полуприкрытых век в пустоту тарасились слепые зрачки, однако Брианна, сцепив зубы, все равно стала нащупывать на шее пульс.

Да где же он, черт возьми, где его искать?! У матери получалось так легко... она говорила, что на шее пульс найти проще, чем на запястье...

Сколько осталось времени до взрыва? Вытерев краем плаща взмокшее лицо, Брианна попыталась мыслить логически.

Путь по лестнице предстоял неблизкий. До чего же рискованно!.. Вдруг она поднимется на склад – и именно в этот момент здание взлетит на воздух...

Брианна опустила голову, отчаянно ощупывая горло Грея. Вот! Тонкая синяя венка под челюстью – наверняка это тот самый пульс!

Сперва она решила, что ей показалось. Едва уловимое биение вполне могло быть стуком ее собственного сердца, отзывавшегося в кончиках

пальцев. Но нет, пульс и впрямь прощупывался: рваный и слабый. Грей был на грани смерти...

– Чуть-чуть не считается, – пробормотала Брианна.

Ей было слишком страшно, чтобы радоваться. Более того, теперь задача усложнялась: каким-то чудом надо вытаскивать отсюда и Грея. Она с трудом встала на ноги и ухватилась за него, собираясь волоком потащить к лестнице. И вдруг замерла на месте, потому что вспомнила кое-что важное.

Брианна поспешно бросилась в камеру, схватила фонарь, стараясь не глядеть на кроваво-черную лужу, и вынесла его в коридор, где подняла повыше, под самый свод низкого кирпичного потолка. Да, так и есть!

Каменные арки делили коридор на части, в которых располагались ниши-клетушки вроде камеры Боннета. Выше лежали прочные балки из восьмидюймовых сосновых бревен. На них – толстый дощатый настил, и уже на нем – слой кирпичей, служивший полом для склада.

Боннет сказал, «разнесет ко всем чертям» – но так ли это на самом деле? Да, скипидар и деготь хорошо горят, однако бочки ведь не под давлением. Дальше: фитили. Раз их несколько, значит, они длинные, и запал срабатывает от небольшого заряда пороха. Вот порох по милости Мурчисона и взорвется, но вряд ли взрыв будет таким уж сильным.

Итак, порох взрывается и поджигает бочки со скипидаром. Они будут гореть медленно; Брианна видела у Синклера заготовки – толщиной в полдюйма, не меньше. На складе сильно воняло дегтем; должно быть, Мурчисон открыл несколько бочек, чтобы жидкость разлилась по полу и склад быстрее вспыхнул.

Итак, бочки загорятся, но не взорвутся – по крайней мере, не все разом. Дышать сразу стало легче. Нет, там не бомба – скорее, взрывпакет.

Уже лучше. Даже если взрыв и будет, основной заряд примут на себя тонкие дощатые стены и крыша склада. Вряд ли мощности хватит, чтобы пробить пол. Брианна постучала по перекрытию, уверяясь в его прочности.

А затем в ворохе юбок взяла и уселась.

– Полагаю, все будет хорошо, – заверила она, сама не зная кого: не то лорда Джона, не то ребенка, не то себя.

Какое-то время она бездумно покачивалась из стороны в сторону, стараясь не расплакаться от облегчения, потом все-таки взяла себя в руки и стала перевязывать раны беспамятного Грея.

Увы, подол юбки не желал рваться на полосы. В пылу сражения с непослушной тканью она не сразу слышала шаги. Лишь когда они загрохотали совсем рядом, Брианна обернулась к лестнице, но там никого не было. Неожиданный гость подкрался с другой стороны.

Из темноты выступил Стивен Боннет.

– Беги! – рявкнул он. – Ради всего святого, ты почему до сих пор не ушла?!

– Потому что здесь безопасно, – огрызнулась Брианна, подтягивая к себе мушкет. – Проваливай!

У Боннета отвисла челюсть.

– Безопасно?! Женщина, да ты совсем идиотка! Ты что, не слышала...

– Все я слышала. Ты ошибаешься. Никакого взрыва не будет. А если и будет, сюда не достанет.

– Да черта с два! Даже если потолок не рухнет, что ты будешь делать, когда он загорится?!

– Не загорится, он каменный.

– Это здесь каменный, а со стороны реки деревянный! Вспыхнет мигом и обрушится, завалив выход. Представляешь, что тут будет твориться? Спасет тебя твой каменный потолок, когда все заполнится дымом?!

Брианну замутило.

– Так там открыто? Подвал не запечатан? Есть еще один выход?

– Есть! Идем же!

Он потянулся к ней, но Брианна отпрянула, вжимаясь в стену, и направила на Боннета ружье. Облизав пересохшие губы, она кивнула на Грея.

– Без него не уйду.

– Он мертв.

– Нет, жив! Поднимай его!

На лице Боннета отразилась целая гамма чувств: от ярости до крайнего изумления.

– Поднимай! – прорычала Брианна. Боннет замер, недоверчиво глядя на нее, потом очень медленно наклонился и взвалил Грея на плечо.

– Пошли уже, – бросил он и, не оглядываясь, исчез в темноте. Брианна, на секунду замешкавшись, подхватила фонарь и последовала за ним.

Шагов через пятьдесят запахло дымом. Кирпичный коридор не был прямым, он вился и разветвлялся, опутывая склады сетью. Пол тем не менее все время спускался вниз – значит, они шли к берегу. Спустя несколько поворотов запах стал гуще, в свете фонаря закружились серые клубы.

Брианна старалась дышать через раз. Боннет, несмотря на свою ношу, шел быстро; она едва поспевала за ним, таща тяжеленный фонарь и длинное ружье. Живот снова скрутило схваткой, перехватывая дыхание.

– Рано, я с-с-сказала! – прошипела она сквозь зубы.

Пришлось остановиться и переждать. Боннет исчез в тумане – но, должно быть, заметил, что фонарь больше не светит за спиной, потому что взревел:

– Женщина! Брианна!

– Иду! – отозвалась она и заспешила изо всех сил, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу. Дым стал гуще, послышался слабый треск. Где горит – над головой? Впереди?

Забыв про дым, она жадно хватала ртом воздух. Запахло водой. А еще – сырой глиной, палой листвой и свежестью.

Сквозь дым показался слабый свет, становившийся все ярче. Впереди вдруг замаячил темный провал. Боннет повернулся, схватил ее за руку и вытянул наружу.

Судя по всему, они оказались под пристанью; впереди плескала темная вода, на которой танцевали огненные блики. Над головой громко трещало пламя. Боннет даже не замедлил шаг, он потащил Брианну дальше, на берег, поросший высокой травой. Потом все-таки выпустил ее руку, и она последовала за ним сама, путаясь в юбках и поскальзываясь на мокрой глине.

Лишь добравшись до тени деревьев, он остановился, сбросил лорда Джона на землю, да так и замер – согнувшись и шумно дыша.

Брианна прекрасно видела их обоих – да что там, она могла различить на дереве каждую набухшую почку. Здание склада сияло изнутри, как тыквенный фонарь, из щелей в деревянных стенах вырывались языки пламени. Огромные двойные двери были приоткрыты – и взрывная волна вдруг распахнула их, выплескивая на пристань огонь, совершенно безобидный и игривый на вид.

Боннет вдруг взялся за ее плечо.

– Там, выше по реке, есть корабль. Меня ждет. Пойдешь со мной?

Брианна покачала головой. Ружье она так и не выпустила из рук; впрочем, сейчас оно было не нужно. Боннет уже не представлял для нее опасности.

А он почему-то не уходил, лишь хмуро переминался. На изможденном лице залегли тени, казавшиеся глубже в свете пожара. По реке то тут, то там плавали островки огня, лизавшего разлитый скипидар.

– Так это правда? – спросил вдруг он и без разрешения коснулся ее живота. Тот как раз скрутило очередной безболезненной схваткой – и Боннет изумленно вскинул брови.

Брианна отпрянула и поглубже закуталась в плащ. Не в силах сказать

ни слова, она лишь кивнула.

Боннет схватил ее за подбородок и, прищурившись, пытливо заглянул в глаза, словно проверяя, не лжет ли она. Потом засунул себе в рот палец, нащупывая что-то за щекой.

– Вот, в наследство, – сунул он какой-то твердый и влажный камешек ей в руку. – Уж позаботься о нем, красотка.

А затем развернулся и ушел, темным демоном шагая в россыпи ярких искр.

Скипидар вспыхнул, и в небо взлетел столб алого пламени, освещая ночь не хуже солнца.

Брианна подняла мушкет, держа палец на спусковом крючке. Всего двадцать ярдов, она не промажет.

...Не от твоей руки...

Она опустила ружье, позволяя Боннету уйти.

Склад пылал целиком, жаркий ветер сдувал упавшие на лицо волосы.

«Там, выше по реке, есть корабль» – так он сказал. Пламя уже дотянулось до другого берега, распускаясь диковинным пылающим садом. Никто не сможет перебраться через эту огненную стену.

Брианна разжала руку и взглянула на прощальный дар Боннета. На ладони лежал черный алмаз, в гранях которого отражались алые всполохи.

Часть двенадцатая

Я тебя люблю

Глава 63

Прощение

Поместье «Горная река», май 1770 года

– Нет, она самая упрямая женщина на свете!

Брианна ворвалась в спальню подобно фрегату под всеми парусами и рухнула на диванчик возле кровати.

Грей приоткрыл один глаз, выглядывая из-под повязок, увивавших голову пышным тюрбаном.

– Ваша тетя?

– Кто ж еще?

– Ну, вдруг вы в зеркало посмотрели... – улыбнулся он, и Брианна невольно последовала его примеру.

– Все ее чертово завещание! Я сказала, что не желаю получать в наследство «Горную реку». Мне не нужны рабы... А она меня не слушает! Просто улыбается, будто я капризный ребенок, и уверяет, что со временем я обязательно передумаю. Я! Передумаю! – фыркнула Брианна и заерзала, устраиваясь поудобнее. – Что же мне делать?..

– Ничего.

– Как это ничего?!

– Начнем с того, что я весьма удивлюсь, если ваша тетушка вдруг решит умереть. Как по мне, некоторые шотландские горцы владеют секретом бессмертия. Однако... – нетерпеливым жестом Грей велел Брианне молчать, – ...если миссис Кэмерон решит-таки перейти в мир иной, по-прежнему упорствуя в заблуждении, будто из вас выйдет хорошая хозяйка...

– А это не так? – оскорбилась Брианна.

– С плантацией подобных размеров без рабов не справиться, а вы не желаете владеть ими по неким этическим соображениям... На мой взгляд, это странно – на квакершу вы не похожи. – Он прищурился, окидывая взглядом необъятную фигуру Брианны, окутанную ярдами сиреневого муслина. – Впрочем, вернемся к теме... Раз вы не желаете иметь рабов, их всегда можно освободить.

– Только не в Северной Каролине. Местные законы...

– Верно, не в Северной Каролине, – терпеливо согласился Грей. – Если

вдруг выйдет так, что вам достанутся рабы, вы просто-напросто продадите их мне.

– Тогда...

– А я заберу их в Вирджинию, где законы не столь строги. После освобождения вы вернете мне деньги и останетесь совершенно без средств к существованию – что, похоже, является основной целью вашей жизни... не считая того, чтобы лишить себя семейного счастья, отказавшись выйти замуж за любимого мужчину.

Брианна хмуро сминала юбку, поглядывая на перстень с сапфиром.

– Обещаю, что сперва его выслушаю. Хотя... – она метнула на лорда Джона гневный взгляд, – это самый настоящий шантаж!

– О да, причем весьма эффективный. Пробитый череп – невысокая цена за усмирение кого-то из Фрейзеров.

– Только выслушаю! – продолжила она, пропуская ехидный комментарий мимо ушей. – Впрочем, вряд ли он согласится... Вот вы смогли бы? Воспитывать чужого ребенка как своего собственного?

– Из любви к его родителю? Полагаю, что да. – Грей вдруг открыл оба глаза и расплылся в широкой улыбке. – На самом деле у меня сложилось впечатление, что я последнее время только этим и занимаюсь.

Рассеянно моргнув, Брианна залилась краской до самых ушей. С румянцем она выглядела совершенно очаровательной.

– Вы обо мне? Ну... может, и так, но ведь я-то не ребенок, и вам не надо делать вид, будто я ваша дочь. – Она посмотрела Грею в глаза. – Надеюсь, вы пошли на это не только ради моего отца.

– Нет, не только, – помолчав немного, признался Грей и с тихим стоном упал на подушки.

– Вам плохо? – всполошилась Брианна. – Может, что-нибудь принести? Чаю? Или горячий компресс?

– Нет, от него головная боль лишь усиливается. Просто свет режет глаза.

Он снова зажмурился и после некоторой паузы продолжил:

– Скажите-ка... С чего вы решили, что мужчина не может заботиться о ребенке, даже если тот – не плод его чресел? И между прочим, дорогая моя, говорил я вовсе не о вас. Мой сын – точнее, пасынок – на самом деле племянник моей покойной супруги. По трагической случайности его родители умерли практически в один день, и мальчика воспитывала Изабель. Я женился на ней, когда Уилли исполнилось шесть лет. Как видите, кровные узы нас с ним не связывают – и все же если кто-то рискнет назвать его не моим сыном, я тотчас же брошу этому наглецу вызов.

– Понятно, – спустя мгновение пробормотала Брианна. – Простите, я не знала...

Она задумчиво покрутила кольцо на пальце.

– Я вот думаю... Наверное, меня больше волнует не то, как Роджер воспримет новость о ребенке. Если быть до конца честной...

– Опять честной. Смилуйся надо мной, Господь, – буркнул Грей.

– Если быть до конца честной, – с нажимом повторила Брианна, – я больше переживаю из-за того, что ждет нас – меня и Роджера. – Она замялась было, но все-таки рискнула признаться: – Я не знала, что Джейми Фрейзер – мой отец. После восстания Стюарта родители расстались. Мать снова вышла замуж. Так что отцом для меня стал Фрэнк Рэндалл. И узнала я правду лишь после его смерти.

– О... – Грегу становилось интереснее с каждым словом. – И этот Рэндалл – он плохо с вами обращался?

– Нет! Он был... замечательным. Он был лучшим отцом на свете! Просто... я считала, что у родителей счастливый брак. Они заботились друг о друге, уважали... Я думала, у них все прекрасно.

Лорд Джон почесал бинты. Врач обрил ему голову, и та теперь ужасно зудела, что еще больше уязвляло самолюбие.

– Простите, не вижу связи с сегодняшним днем.

Брианна вздохнула.

– Потом отец умер, и мы узнали, что Джейми Фрейзер жив. Мать поехала к нему. Я отправилась за ней. И у них... Знаете, у них ведь все иначе. Они так смотрят друг на друга... С папой такого не было.

– Ах да...

Грей помрачнел. Он и сам замечал эти взгляды. В первый раз он еле сдержался, чтобы не убить Клэр Фрейзер на месте.

– Вы же знаете, как редко это бывает? – тихо спросил он. – Вот такая взаимная страсть?

Безответная-то встречается куда чаще...

– Да.

Брианна сидела вполоборота, опираясь рукой о спинку дивана и глядя в высокие окна, за которыми цвели весенние клумбы.

– Дело в том, что... Мне казалось, у меня это тоже есть. Такая же сильная любовь, – сорвалась она на шепот. – Недолго, правда. Совсем недолго.

Она посмотрела на Грея, и он прочел все по ее глазам.

– И если этого больше не будет... я справлюсь. Но я не выдержу, если мне придется жить с пародией на былые чувства.

– Похоже, вскоре вы сможете подать на меня в суд, обвинив в неисполнении обязательств!

Брианна плюхнула поднос с завтраком лорду Джону на колени и села на диванчик, надсадно скрипнувший от тяжести.

– Не играйте в загадки с раненым человеком. – Грей взял поджаренный тост. – О чем вы?

– Друсус только что прибежал с летней кухни, сказал, что видел двух всадников. Один из них точно мой отец – здоровяк с рыжими волосами.

– Да уж, других таких в наших краях нет, – улыбнулся Грей, пристально на нее глядя. – Значит, всадников двое?

– Должно быть, отец с мамой. Выходит, Роджера они не нашли... или нашли, но он не захотел приехать. – Брианна крутанула перстень с сапфиром. – Хорошо, что у меня есть запасной вариант, правда?

Грей моргнул и чуть не поперхнулся тостом.

– Если вы столь витиевато намекаете, что все равно намерены выйти за меня замуж, то уверяю...

– Нет, – безжизненно улыбнулась Брианна. – Просто шучу.

– О, вот и славно.

Лорд Джон глотнул чаю и зажмурился, вдыхая душистый аромат.

– Всадников двое... А разве их не сопровождал ваш кузен?

– Да... Господи, надеюсь, с Иэном ничего не случилось!

– Возможно, ваша матушка с кузеном отстали и теперь едут следом.

Или вашим родителям не терпится вас увидеть.

Грей неопределенно взмахнул рукой: вариантов было немало.

Брианна выглядела печальной. Он мог утешать ее сколько угодно, однако холодные доводы рассудка все равно перевесят любые заверения... Впрочем, в чьей компании ни ехал бы сейчас Джейми Фрейзер, совсем скоро он будет здесь – вместе со всеми ответами.

Отодвинув поднос с недоеденным завтраком, Грей откинулся на подушки.

– Скажите, вы раскаиваетесь, что по вашей милости я чуть было не скончался раньше времени?

Брианна заметно смутилась.

– На что вы намекаете?

– Если я кое о чем попрошу, хватит ли вам чувства вины исполнить мою просьбу?

– О, снова шантаж? И чего же вы хотите? – настороженно поинтересовалась Брианна.

– Простите вашего отца. Что бы ни случилось.

Из-за беременности Брианна плохо владела эмоциями, и нежные персиковые щеки – казалось, тронь, и останется синяк – моментально вспыхивали.

– Не только ради него, но и самой себя.

– Уже простила.

Не поднимая ресниц, она глядела на сложенные руки. На мизинце поблескивал синий камень.

Из распахнутых окон доносился стук копыт.

– Тогда, дорогая моя, самое время спуститься и поскорее ему об этом сказать.

Брианна кивнула, медленно встала и поплыла к выходу, грозовой тучей исчезая на горизонте.

– Когда мы слышали про двух всадников, один из которых Джейми, то сразу испугались за вашего племянника или мистера Маккензи. Однако отчего-то нам и в голову не пришло, что могли пострадать вы.

– Я бессмертна, – пробормотала Клэр, вглядываясь Грею в глаза. – Разве вы не знали?

Она несильно надавила ему на веки, и он моргнул, все еще чувствуя ее прикосновение.

– Один из зрачков немного расширен, но ничего страшного. Сожмите мне пальцы изо всех сил.

Она протянула руку, и Грей подчинился, хотя собственная слабость безмерно его раздражала.

– Так вы нашли Маккензи? – не сдержал он любопытства, отчего разозлился на себя еще больше.

Сверкнув золотистыми глазами, Клэр продолжила осмотр.

– Да. Он скоро приедет.

– Правда?

Она, должно быть, расслышала сомнение, потому что вскинула голову и уставилась ему в лицо.

– Что вы знаете?

– Все.

Грей не без удовольствия отметил, как Клэр пораженно округлила глаза... а потом криво усмехнулась.

– Все, значит?

– Достаточно, чтобы спросить: ваше заявление о прибытии мистера Маккензи основывается на точных фактах, или это скорее мечты?

– Назовем это верой.

Безо всяких церемоний и прелюдий она вдруг распахнула на нем сорочку, обнажая грудь и живот. Скрутив лист пергамента, Клэр приложила импровизированную трубку к коже.

– Мадам, позвольте!..

– Тихо, я не слышу, – шикнула она, прикладывая трубку к разным местам и изредка простукивая грудь или надавливая на печень. – Вы опорожняли сегодня кишечник?

Клэр весьма фамильярно ощупала живот.

– Я отказываюсь отвечать! – Грей возмущенно завернулся в сорочку, а заодно и в простыню. Сегодня Клэр выглядела еще возмутительнее, чем обычно. Ей лет сорок, не меньше, а возраст выдают лишь крохотные морщинки в уголках глаз да серебряные нити в непослушной копне волос.

Кажется, она похудела, хотя под этой варварской кожаной рубашкой и штанами мало что можно разглядеть. А еще много времени провела на солнце: лицо и руки покрылись тонким золотым загаром, отчего глаза стали еще ярче.

– Брианна говорила, что доктор Фентиман сделал трепанацию.

– Мне тоже так сказали. Я-то самое интересное пропустил, потому как был без сознания.

– И я, получается, тоже... Можно взгляну? – с непривычной деликатностью попросила Клэр. – Мне очень интересно. Я никогда не видела, как делают трепанацию.

Грей покорно зажмурился.

– У меня нет секретов от вас, мадам, – за исключением состояния моего кишечника.

Он повернул голову, показывая, где располагается отверстие в черепе. Пальцы скользнули под повязку, и холодный воздух поцеловал разгоряченную кожу.

– Брианна с отцом? – не открывая глаз, спросил лорд Джон.

– Да. – Голос Клэр стал мягче. – Она рассказала мне – то есть нам, – что вы сделали. Спасибо.

– Рад был услужить. Подставить под удар голову и все такое.

Клэр слабо улыбнулась.

– Джейми вскоре зайдет вас повидать. Он в саду, разговаривает с Брианной.

– Они хоть не ссорятся? – встревоженно спросил Грей.

– Сами взгляните.

Она просунула ему под спину руки и с удивительной для столь

хрупкой женщины силой приподняла. Поверх балюстрады Грей увидел в дальней части сада две высокие фигуры. Как раз в этот момент они обнялись – и слаженно фыркнули над неуклюжестью Брианны.

– Думаю, мы как раз вовремя. – Клэр окинула дочь наметанным взглядом. – Уже совсем скоро.

– Весьма признателен, что вы не опоздали. Роль няньки стоила мне пробитой головы, а если бы пришлось еще и роды принимать, боюсь, это вовсе бы меня доконало.

– О, чуть не забыла. – Клэр вытащила из-под рубашки замусоленный кожаный мешочек. – Брианна просила вас передать – говорит, ей это больше не нужно.

В ладонь Грея упал перстень с синим камнем.

– Меня еще и бросили у самого алтаря, – усмехнулся он.

Глава 64

Конец игры

– Это как бейсбол, – сказала я. – Почти все время маешься от скуки, и только в самом конце начинается что-то интересное.

Брианна прыснула было со смеху, но тут же болезненно скривилась.

– Угу, интересное... Ффух! Во время игры в бейсбол можно хотя бы отвлечься на пиво и хот-доги.

– В кладовой есть кувшин с пивом, принести? – с готовностью предложил Джейми, ухвативший лишь самый конец разговора.

– Нет, – возразила я. – Если только себе. Ребенку алкоголь ни к чему.

– А, ясно, а что там за хот-доги?

Он вскочил, намереваясь во что бы то ни стало достать их хоть из-под земли.

– Это такая еда. – Я кусала губы, сдерживая смех. – Не волнуйся, ей сейчас вряд ли до ужина.

У Брианны на лбу вдруг выскочили крупные шарики пота, лицо позеленело.

– Твою ж... – чуть слышно ругнулась она.

Правильно разгадав реплику дочери, Джейми промокнул ей лицо и шею влажным полотенцем.

– Опусть голову между коленей, *lass*.

В ответ она свирепо уставилась на него и процедила сквозь зубы:

– Я не достаю... головой... до коленей!

Брианна медленно выдохнула, потому что схватка наконец-то ослабла. Джейми хмуро свел брови, посмотрел на меня и нерешительно шагнул к двери.

– Наверное, мне лучше уйти...

– Не смей!

– Но ведь... Здесь твоя мать, и...

– Не бросай меня! – Брианна судорожно вцепилась ему в руку и затараторила: – Ты сказал, я не умру. Если останешься, все будет хорошо. И я выживу.

У меня от страха вдруг свело живот похлеще родовых схваток.

Она крупная девушка, сильная и здоровая. Проблем быть не должно... Однако я тоже была здорова – и все же двадцать пять лет назад потеряла ребенка и сама чуть не погибла. Я не допущу инфекции и родильной

горячки, но буду беспомощна, если вдруг откроется кровотечение. В таком случае я смогу лишь путем кесарева попытаться спасти хотя бы малыша...

В медицинском саквояже зловеще блестели заточенные скальпели.

– Ты обязательно выживешь, Бри, – твердо заявила я и успокаивающим жестом похлопала ее по плечу.

Она, должно быть, разглядела под маской профессионализма мой страх. Изменившись в лице, Брианна схватила меня за руку и сжала так сильно, что кости затрещали.

Открытые глаза смотрели в пустоту, словно вглядываясь в будущее, которое было доступно лишь ей одной.

– Если я умру... – заговорила она, дотрагиваясь до распухшего живота, и замолчала.

Джейми помог ей подняться, и она, уткнувшись лицом ему в плечо, повторила.

– Не бросай меня, па, пожалуйста.

– Я никогда тебя не брошу, *a leannan*. Не бойся, я буду здесь.

Он обнял ее, беспомощно глядя на меня поверх рыжей макушки.

– Поводи ее по комнате, – предложила я и добавила: – Как лошадь, которая мается животом.

Он глупо моргнул, а Брианна фыркнула. С видом человека, державшего заведенную бомбу, Джейми обнял дочь за талию и повел по спальне. Учитывая его рост и размеры Брианны, казалось, что здесь и впрямь выгуливают лошадь.

– Все хорошо? – тревожно спросил он после первого круга.

– Да. Если что, я скажу, – заверила Брианна.

Стояла середина мая. Я распахнула окна, и в комнату вместе с влажной прохладой реки лились ароматы флоксов и аквилегий.

Дом замер в ожидании, воздух был напоен предвкушением вперемешку с легким страхом. Иокаста, не в силах усидеть на месте, прогуливалась взад-вперед по террасе. Каждые пять минут к нам заглядывала Бетти, спрашивая, не надо ли чего. Федра на всякий случай принесла свежей пахты; Брианна, думая о своем, покачала головой, и я сама осушила стакан, мысленно проверяя, все ли у меня готово.

Беда в том, что при обычных родах моя помощь не требовалась, а при осложнениях я мало что могла сделать. С кровати сняли простыни, матрас застелили старыми одеялами. Под рукой сложили чистые полотенца и поставили котелок с горячей водой, которую то и дело меняли (на кухне постоянно кипел чайник). Холодная вода для рук, пузырек масла, мой комплект для наложения швов – вдруг пригодится... Все остальное

зависело от Брианны.

Спустя полчаса она замерла на полушаге, цепляясь за Джейми и шумно дыша носом, точно загнанная лошадь.

– Хочу лечь.

Мы с Федрой раздели ее и помогли добраться до кровати. Я положила на огромный живот руки, в душе поражаясь чуду, которое нас ожидало.

Сильный спазм прошел, и под тонкой преградой кожи и мышц я чувствовала ребенка. Он был довольно крупным, но лежал, кажется, головой вниз, в нужном положении.

Обычно перед самими родами младенцы ведут себя тихо, напуганные внезапными переменами. Этот же беспрестанно ерзал; в ладонь мне уткнулся острый локоток.

– Папочка!

Новая схватка застала Брианну врасплох, и она слепо потянулась к Джейми. Тот поспешно схватил ее за руку.

– Я здесь, *a bheanachd*, я рядом.

Она тяжело задышала, лицо покраснелось.

– Долго еще?

– Не знаю. Скорее всего, нет.

Схватки были уже каждые пять минут, однако так могло продолжаться несколько часов кряду... или закончиться в один момент. Роды – действие совершенно непредсказуемое.

Из окна тянуло прохладой, но Брианна вся взмокла. Я вытирала ей лицо и плечи, ласково бормоча:

– Ты молодец, милая. Отлично справляешься... И ты, – посмотрела я на Джейми.

Он выдавил ответную улыбку. Джейми тоже заметно вспотел, а в лице у него не было ни кровинки.

– Поговори со мной, па, – попросила вдруг Брианна.

– О чем?

Он в панике уставился на меня.

– Не важно. Расскажи что-нибудь, просто чтобы она отвлеклась.

– Хм... Ну... А ты слышала о Габитрот, фее прялки?

Брианна хмыкнула. Опасливо покосившись на нее, Джейми начал рассказ:

– Так вот... На берегу реки стояла старая ферма, и жила в ней девушка по имени Мэйзи. У нее были ярко-рыжие волосы и синие глаза, и никто в деревне не мог сравниться с ней красотой. Однако женихи не торопились свататься, потому что...

Джейми в смятении замолк; я взглядом велела ему говорить дальше.

– ...потому что в те времена на хорошего мужа могла рассчитывать только опытная хозяйка и искусная рукодельница. А Мэйзи...

Брианна издала протяжный нечеловеческий стон. Джейми стиснул зубы и, держа ее за руки, продолжил:

– А Мэйзи только и знала, что гулять по округе да плести веночки.

В комнате темнело, и запах нагретых солнцем цветов сменялся ароматом влажной зелени с толикой древесного дыма, доносившегося с летней кухни.

Рубашка Брианны промокла насквозь и липла к коже. Я поддерживала дочь под спину, и она беспомощно билась в моих руках, пытаясь ослабить боль. Джейми же, опустив голову, продолжал рассказывать о силках и охотниках на тюленей, о волынщиках и эльфах, о великанах из пещеры Фингала, о черном дьявольском коне, что несется быстрее мысли.

Схватки следовали одна за другой. Федра по моему указанию принесла горящий фитиль и запалила свечи. По стенам плясали тени. Джейми вконец охрип, Брианна и вовсе давно онемела от боли.

Она вдруг выпустила его руки и села, цепляясь за колени.

– Тужься! – велела я, подкладывая под спину подушки. Федра поднесла мне лампу.

Смазав пальцы маслом, я приподняла Брианне рубашку и принялась массировать живот, все время тихо с ней разговаривая, пусть даже она не слышала ни слова.

Плоть под моими ладонями вдруг напряглась – раз, другой, и наружу вырвался поток околоплодных вод, заливая всю кровать и стекая на пол. Я ослабила нажим, молясь про себя, чтобы ребенок не торопился и дело обошлось без разрывов.

Тугое кольцо вдруг раскрылось, и мои пальцы нащупали что-то мокрое и твердое. Мышцы тут же ослабли, и это ощущение исчезло, хотя подушечки покалывало от осознания, что я дотронулась до чего-то совершенно нового. Очередная схватка – и вновь вперед и затем назад...

Я сильнее задрала рубашку, и при следующем сокращении мышц показалась лысая головка, вся покрытая слизью и кровью. На меня слепо уставилось восково-белое сморщенное личико, кривившееся в яростной гримасе.

– Кто там? Мальчик?

Хриплый голос Джейми привел меня в чувство.

– Надеюсь, что да, – ответила я, поспешно освобождая носик и рот от слизи. – Самый страшненький младенец на моей памяти; если это девочка,

ей очень не повезло.

Брианна издала какой-то звук, похожий на смех, перешедший в длинный утробный стон. Я едва успела развернуть младенцу плечики – и с громким чпоканием длинное мокрое тельце, извиваясь, как форель, выскользнуло на влажное одеяло.

Я торопливо завернула его в чистое полотенце (и да, это был мальчик, в складочке между бедрами виднелась круглая пурпурная мошонка). Судя по основным показателям – цвету кожи, дыханию, сердцебиению – малыш был в норме. Он сердито фыркал, но всерьез не плакал, только размахивал крошечными кулачками.

Положив его на кровать и придерживая одной рукой, я наскоро осмотрела Брианну. Бедра были измазаны красной слизью, кровотечения вроде бы не наблюдалось. Пуповина пульсировала, толстой змеей еще связывая мать с ребенком.

Брианна тяжело дышала, откинувшись на смятые подушки; спутанные волосы прилипли к вискам – но на лице у нее играла победная улыбка. Я положила руку ей на живот, ставший непривычно мягким, и ощутила, как внутри движется плацента.

– Еще разок, солнышко, – попросила я.

Схватка – и послед выскочил. Я перевязала пуповину, разрежала ее и вложила Брианне в руки увесистый сверток – ее сына.

– Он красавчик, – прошептала я.

Предоставив ребенка материнской заботе, я занялась более насущными вопросами – стала энергично разминать ей живот, чтобы матка лучше сокращалась, не допуская кровотечения. По всему дому возбужденно загомонили, Федра пронеслась по коридорам, разнося радостную весть. Я подняла глаза. Брианна светилась, Джейми тоже улыбался, щеки его были мокры от слез. Он что-то пробормотал на гэльском, поглаживая ей волосы, и нежно поцеловал в висок.

– Ребенок голоден?.. – надтреснуто прошептала Брианна и хрипло откашлялась. – Мне его покормить?

– Попробуй, увидишь... Иногда младенцы сразу засыпают, иногда требуют ласки.

Брианна нащупала на шее завязки и распустила их, обнажая высокую полную грудь. Она приподняла ребенка, и тот, громко фыркнув, с неожиданной силой впился в сосок.

– Он крепыш, правда?

Я только сейчас поняла, что плачу. На губах ощущался соленый привкус слез.

Чуть позже, когда спальню прибрали, Брианну переодели и принесли ей ужин, я в очередной раз убедилась, что с ней и ребенком все хорошо, и вышла в темный коридор. Казалось, что я парю, не касаясь ногами ступеней.

Джейми незадолго до этого спустился, чтобы рассказать Иокасте все подробности, и теперь ждал у подножья лестницы. Не сказав ни слова, он сгреб меня в объятия и поцеловал. Я успела заметить на его руках кровавые полукруглые следы, оставленные ногтями Брианны.

– Ты просто чудо!.. – шепнул он и вдруг расплылся в ехидной улыбке. – Бабуля.

– А он темный или светлый? – спросил Джейми, приподнимаясь на локте. – А то я забыл глянуть. Отвлекся, пересчитывая пальчики.

– Пока сложно сказать, – сонно потянулась я в постели. Пальчики я тоже пересчитала, но и об остальном не забыла. – Сейчас он весь красный, и только через пару дней кожа примет нормальный оттенок. Родился с темными волосами, но они еще могут сменить цвет.

Я снова потянулась, наслаждаясь приятной болью в ногах и спине. Роды – дело непростое, даже для акушерки.

– Да и родись он светленьким, это еще ничего не доказывало бы, – добавила я. – Брианна в детстве тоже была блондинкой, может, он пошел в нее.

– Ааа... Ну, будь он брюнетом, мы бы знали наверняка.

– Не обязательно. Твой отец был брюнетом, и мой тоже. Ребенок мог унаследовать от нас рецессивный ген, и тогда...

– Что унаследовать?

Я задумалась, вспоминая, когда Грегор Мендель ставил опыты с горохом, но от усталости мысли путались. Все равно Джейми о нем не слышал.

– У ребенка могут быть волосы любого цвета, и это ничего не докажет. – Я широко зевнула. – Мы узнаем, лишь когда он подрастет и станет похожим на отца... кем бы тот ни был. И даже тогда...

Я замолчала. Какая разница, на кого он похож, если отца у него все равно нет?

Джейми перекатился на бок и заключил меня в объятия. Мы спали раздетыми, и волоски на его груди щекотали мне кожу. Он нежно поцеловал меня в затылок.

Я парила на грани сна, слишком счастливая, чтобы полностью забыться. Где-то неподалеку послышался тихий недовольный вопль и

приглушенное бормотание рабынь.

– Ну и ладно, – вырвал меня из полудремы решительный голос Джейми. – Пусть мы не знаем, кто его отец, зато у него есть дед.

– И я знаю... дедуля, – похлопала я его по ноге. – Успокойся уже и спи. Каждому дню – свои заботы.

Джейми хмыкнул, но все-таки расслабился. Рука по-хозяйски легла мне на грудь, и через мгновение он уже крепко спал.

А я, открыв глаза, смотрела на звезды за окном. Почему я так сказала? Это ведь было любимое выражение Фрэнка; он всегда успокаивал нас с Брианной, когда мы нервничали из-за предстоящих событий: «*Каждому дню – свои заботы*»...

По комнате прошелся сквозняк; он шевельнул занавески и погладил меня по щеке.

– Ты ведь знаешь? – беззвучно спросила я. – Знаешь, что у нее сын?

В ответ – лишь тишина, однако на меня снизошел покой, и я погрузилась в глубокий сон.

Глава 65

Возвращение во Фрейзер-Ридж

Иокаста не желала отпускать своих новых родственников, но нам надо было возвращаться во Фрейзер-Ридж, на запущенную ферму, тем более что с весенним севом мы в этом году запоздали. Брианна же наотрез отказалась оставаться в «Горной реке» без нас. Впрочем, это было даже к лучшему – ума не приложу, что Джейми делал бы без внука.

Лорд Джон к тому времени полностью оправился от ранения; он проводил нас до Бизоньих Троп, поцеловал Брианну и ребенка, обнял Джейми и – с ума сойти! – даже меня.

– Надеюсь, вы о них позаботитесь, – кивнул он в сторону фургона, где две ярко-рыжие головы склонились над запеленованным свертком.

– Конечно. Благодарю за доверие.

Он поднес мои пальцы к губам, скупно улыбнулся – и уехал, не оглядываясь. В Вирджинии его ждал сын.

Спустя неделю по поросшей травой колее мы добрались до горного гребня, где всюду буйствовала земляника, вперемешку зеленая, белая и красная; сладкая и терпкая.

Хижина предстала перед нами грязной и заброшенной, в пустые сараи нанесло горы сухих листьев. Сад превратился в клубок ссохшихся путаных стеблей, конюшня была до уныния пустой. В стороне укоризненно чернел скелет нового дома.

Казалось, это место совершенно непригодно для жизни.

И все же я никогда не была так рада вернуться домой.

«Имя», – написала я и нерешительно опустила перо. Бог его знает... Тут с фамилией еще не решен вопрос, что уж говорить о христианском имени.

Я называла его «сладенький» и «мальчик мой», Лиззи – «парнишка», Джейми обращался к нему исключительно на гэльском, именуя «внук» или «*ruaidh*», рыжик, потому что темный младенческий пушок уже сменился ярко-пламенными волосками.

Брианне и вовсе не нужны были никакие прозвища, она просто не спускала сына с рук, свирепо ограждая его от чужих посягательств. Она заявила, что еще не определилась с официальным именем. Пока.

– А когда? – наивно спросила Лиззи. Брианна не ответила. Впрочем, я

и так знала: когда вернется Роджер.

– Если не вернется, боюсь, бедный парень так и проживет всю жизнь без имени, – пробормотал Джейми. – Черт возьми, эта девчонка такая упрямая!

– Она верит в Роджера, – парировала я. – Ты бы поучился у нее.

Джейми внимательно на меня посмотрел.

– Саксоночка, вера и надежда – отнюдь не одно и то же.

– Ну, значит, поучись у нее надежде, – огрызнулась я, стряхивая с пера излишки чернил.

У нашего безымянного малыша на попке выступила сыпь, отчего он – а заодно и весь дом – не спал всю ночь. У меня резало от недосыпа глаза, я была не в духе и не испытала желания проявлять терпимость.

Джейми обогнул стол и сел напротив, пристроив подбородок на сложенные руки.

– Обязательно. – Глаза у него насмешливо сверкнули. – Вот только определяюсь сперва, на что лучше надеяться: чтобы он пришел или чтобы заблудился на полдороге.

Улыбнувшись, я пощекотала кончиком пера ему переносицу и вернулась к работе. Джейми громко чихнул и склонился над столом, заглядывая в мои бумаги.

– Чем это ты занимаешься, саксоночка?

– Делаю малышу Джонни Доу свидетельство о рождении.

– Какому еще Джонидоу? – недоуменно переспросил он. – Это что, в честь какого-то святого?

– Вряд ли, хотя кто знает? Может, это имя навроде Панталеона или Онуфрия. Или Ферреола...

– Ферреол? Я о таком и не слыхал.

– Мой любимый святой, – пояснила я, аккуратно внося в нужную графу дату и время рождения. Хоть с этим все ясно. Два раздела я могла заполнить с чистой совестью: дату рождения и имя принимавшего роды врача.

– Ферреол, – с некоторой долей веселья пояснила я, – покровитель больной птицы. Христианский мученик. Он был трибуном римской армии. Когда выяснилось, что он тайный христианин, его схватили и посадили в тюремную выгребную яму. Должно быть, камеры были переполнены. Этот смельчак умудрился высвободиться из цепей и сбежать через канализацию. Однако его схватили и на сей раз отрубили голову.

– А при чем здесь больная птица?

– Понятия не имею. Напиши в Ватикан, поинтересуйся.

– Хм... Ну и ладно. Все равно мне больше нравится святой Гиньоль.
Вот понимала ведь, что здесь кроется подвох!..

– А он чему покровительствует?

– Говорят, он помогает импотентам. – Джейми уже не скрывал веселья. – Я как-то видел его статую. Поговаривают, ей тысяча лет и что она известна неким чудом. Представляешь, у этой статуи член размером с немаленькую такую дубинку, и...

– И что тут такого?..

– А то, что не в размере дело, – нетерпеливо взмахнул он рукой. – По крайней мере, не только. Поговаривают, за тысячу лет местные жители не раз отрезали щепку-другую... ну как реликвию, а член меньше не становится. – Он ухмыльнулся. – А еще говорят, если держать в кармане кусочек статуи святого Гиньоля, можно развлекаться без усталости день и ночь напролет.

– Ну, женщин, думаю, придется менять, – насмешливо отозвалась я. – А ты не интересовался, за какие такие подвиги он удостоился канонизации, а?

Джейми захохотал.

– А это, саксоночка, тебе расскажет любой, кто хоть раз ему молился.

Он взглянул в открытую дверь. Брианна с Лиззи, подобрав юбки, сидели на траве и нянчились с рыженьким, точно бабуин, ребенком, лежавшим на старой шали.

«Брианна Эллен», – вывела я в документе... и задумалась.

– Что лучше: Брианна Эллен Рэндалл? Или Брианна Фрейзер? Или и то, и другое?

Джейми неопределенно пожал плечами:

– А это важно?

– Может быть, да. – Я подула на бумагу, и глянцевые черные буковки, высыхая, потускнели. – Если Роджер вернется, ребенок будет носить имя Маккензи. Если нет – значит, фамилию матери.

Джейми молчал, глядя на двух девушек. Утром они искупались в ручье, и теперь Лиззи расчесывала длинные пряди Брианны, ярким шелком горящие в лучах летнего солнца.

– Она представляется как Брианна Фрейзер, – тихо сказал он. – Точнее, представлялась раньше.

Положив перо, я взяла Джейми за руку.

– Она простила тебя. Ты же знаешь.

Он повел плечами, выдавая душевное смятение.

– Это сейчас простила. А если парень не вернется?

Я не нашлась с ответом. Джейми прав – Брианна простила его за прошлую ошибку. Однако если Роджер не объявится в ближайшее время, она вновь обвинит в этом Джейми... и увы, не без основания.

– Пусть будут оба, – резко сказал он. – Пусть сама выбирает.

И, кажется, говорил он вовсе не об имени.

– Роджер скоро придет. Все наладится. – И, взявшись за перо, я чуть слышно добавила: – Надеюсь.

Он склонился над ручьем, бежавшим по темно-зеленой скале. Было жарко, стояло лето, а не осень, но изумрудный мох все так же пружинил под ногами.

Он давно позабыл, что такое бритва; борода и волосы свисали клочьями. Прощлым вечером он помылся в ручье и попробовал отстирать одежду – и все же не питал иллюзий по поводу своей внешности.

Впрочем, было бы о чем заботиться. Словно кому-то есть дело до его внешнего вида.

Хромая, он направился к лошади. При каждом шаге ногу пронзало дикой болью – и это тоже не имело никакого значения.

Он медленно пересек поляну, где впервые встретил Джейми Фрейзера. На сей раз листва была ярко-зеленой, откуда-то из сплетения ветвей хрипло каркала ворона. Между деревьями его никто не поджидал, только высокая трава колыхалась на ветру. Он глубоко вдохнул, когда воспоминание осколком прошлой жизни больно кольнуло сердце.

Он повернул к вершине хребта и легонько тронул лошадь здоровой ногой. Уже скоро. Неизвестно, как его встретят, – но это было не важно.

Все утратило смысл – кроме того факта, что Роджер был здесь.

Глава 66

Дитя моей крови

Ну вот, опять какой-то наглый кролик прорыл лаз в мой садик – капусту объели до самых корней. Вздохнув, я села на корточки и принялась закидывать дыру камнями и землей, как никогда скучая не только по Иэну, но и по его жуткой собаке.

Захваченная из «Горной реки» коллекция семян и саженцев неплохо пережила дорогу, так что сейчас, в конце июня, еще можно посеять морковку. Картофельные кусты и арахис, похоже, не пострадали, а травами кролики не интересовались, кроме разве что укропа, который они вместе с солодкой сгрызли почти полностью.

Правда, я хотела вырастить именно капусту, чтобы заквасить ее и разнообразить зимнее меню, а заодно пополнить запасы витамина С. У меня осталось немного семян, и я успела бы снять урожай до наступления холодов... вот только надо что-то делать с этими чертовыми кроликами! Я задумчиво забарабанила пальцами по ручке корзины. Индейцы, например, разбрасывают по полю срезанные волосы, но этим они отгоняют скорее оленей, нежели кроликов...

Придется просить о помощи Джейми. Найавенна как-то сказала, что кроликов отпугивает запах мочи хищного зверя. А мужчина, который до отвала наелся мяса, ничуть не хуже горного льва, только договориться с ним проще. Джейми как раз позавчера подстрелил оленя, и мясо до сих пор висело в кладовой. Надо будет к жареной оленине сварить побольше пива...

Я направилась в сарайчик подобрать приправы к мясу и вдруг краем глаза заметила возле изгороди темный силуэт. Решив, что это Джейми, я повернулась, чтобы поведать ему о новой обязанности – и замерла на полушаге.

С последней встречи Роджер сильно изменился, причем не в лучшую сторону. Он был без шляпы, волосы с бородой свалились в черный клубок, одежда висела клочьями, нога замотана в грязные тряпки. Он шел босиком и ужасно хромал.

– А я все гадал, кого первого встречу, – чуть слышно просипел он, будто после нашего расставания в горах не разговаривал ни с одной живой душой.

– Роджер, что у тебя с ногой?..

– Не важно. – Он схватил меня за руку. – Они в порядке?! Ребенок? И Брианна?

– Все хорошо. Они в доме.

Роджер повернулся в сторону хижины, и я добавила:

– У тебя сын.

Он потрясенно вздрогнул:

– Так он мой?! Точно?

– Конечно, твой. Раз ты здесь.

Изумление – а вместе с ним и надежда – в его глазах растаяли. Он посмотрел на меня и, догадавшись, что я чувствую, улыбнулся: чуть заметно, уголками губ.

Сквозь открытую дверь мы видели Джейми: тот, закатав рукава, сидел за столом рядом с Брианной и хмуро разглядывал ее чертежи дома. Как всегда, они целиком перемазались чернилами. Ребенок мирно сопел в колыбельке, которую Брианна рассеянно покачивала ногой. Лиззи пряла возле окна, напевая в такт незатейливую песенку.

– Как по-домашнему, – прошептал Роджер, вставая возле двери. – Не хочется им мешать.

– А что, у тебя есть выбор?

– Есть. Только я его уже сделал.

Он решительно шагнул через порог.

Увидев незнакомый мужской силуэт, Джейми тотчас вскочил, толкнул Брианну себе за спину и схватил с полки один из пистолетов. Он нацелил его Роджеру в грудь – и только потом понял, кто именно появился в гости.

– А, это ты... – скривил он губы, опуская оружие.

Ребенок, проснувшийся от грохота упавшей скамьи, завыл не хуже пожарной сирены. Брианна вытащила его из колыбельки и прижала к груди, безумным взглядом уставившись на пришельца.

Я и забыла, что она, в отличие от меня, весной его не видела, а наш молодой профессор сильно изменился за последний год.

Роджер шагнул к ней – она невольно попятилась. Он замер, глядя на надрывающегося от плача младенца. Брианна села на низкий стул, рукой прикрывая ребенка, натянула шаль на плечо и под ней дала сыну грудь. Тот сразу же замолк.

Джейми встал возле Брианны, пугающе расправив плечи и не говоря ни слова. Напряжение нарастало, будто у фитиля динамитной шашки держали зажженную спичку.

Брианна переводила взгляд с Роджера на отца: она тоже ощущала назревающую опасность, которая исходила от обоих мужчин. Никогда

прежде я не замечала между ними сходства; да и сейчас они отличались как день и ночь, пламя и тьма... И в то же время что-то их объединяло.

Верно, они оба Маккензи. Викинги, лютые воины-завоеватели... Наследие древнего клана отражалось и в глазах Брианны, яростно сверкавших на побледневшем лице.

Надо было сказать что-нибудь, нарушить жуткое молчание. Однако во рту у меня пересохло, да и слова на ум не шли.

Роджер вдруг протянул Джейми руку ладонью кверху.

– Вряд ли тебя это обрадует, – хрипло сказал он, – но ты мой ближайший родственник. Режь. Я дам клятву на нашей общей крови.

Не знаю, замешкался ли Джейми, или мне показалось: время словно замедлило ход и воздух в комнате сгустился. Кинжал прочертил линию на исхудалом загорелом запястье, и из раны потекла густая алая кровь.

Как ни странно, на Брианну Роджер не смотрел – только на ребенка. Он смочил в крови большой палец и шагнул вперед. Брианна отшатнулась, но Джейми положил руку ей на плечо, одновременно и суля защиту, и удерживая на месте.

Роджер опустил перед ней на колени, откинул шаль и двумя размашистыми мазками начертил на лбу ребенка алый крест.

– Ты кровь от моей крови. Плоть от моей плоти. Перед свидетелями нарекаю тебя своим сыном, с этого дня и во веки веков.

Он уставился в глаза Джейми, словно бросая вызов. Тот после некоторой паузы чуть заметно кивнул и отпустил Брианну.

– Как ты его назвала? – спросил Роджер.

– П-пока еще никак.

Брианна удивленно рассматривала его, словно незнакомца.

Роджер изучал ее с неменьшим интересом, не замечая, что из пореза по-прежнему капает кровь. Я вдруг поняла, что Брианна изменилась в его глазах не меньше.

– Он мой сын, – кивнул Роджер на ребенка. – А ты – жена мне?

– Не знаю. – У нее побелели даже губы.

– Этот мужчина утверждает, что вы обручились, – вступил в дело Джейми. – Это правда?

– Д-да, правда.

Роджер выдохнул, и я поняла, что он вот-вот упадет: не то от истощения, не то от потери крови. Я силой усадила его на стул, велела Лиззи принести из кладовой молока и достала бинты, чтобы перевязать запястье.

Суэта несколько ослабила напряжение, так что я откупорила бутылку

бренди (очередной подарок из «Горной реки»), наполнила стакан для Джейми и от души плеснула в молоко Роджера.

– Что ж, хорошо. Брианна, раз вы обручились, значит, по закону вы женаты, и этот мужчина – твой муж.

Щеки у нее вспыхнули.

– Ты говорил, что обручение действительно только один год и день.

– А ты говорила, что не признаешь временных обязательств.

Она вздрогнула и поджала губы.

– Верно. Но я же не знала, как все обернется. – Она перевела взгляд на Роджера. – Они рассказали, что ребенок не твой?

– О нет, теперь он точно мой, – удивленно вскинул тот брови и в подтверждение слов помахал перевязанной рукой.

Брианна вспыхнула.

– Ты знаешь, о чем я!

– Знаю, – тихо сказал он. – И прости меня за это.

– Ты не виноват.

– Нет, виноват... Я должен был остаться с тобой, убедиться, что ты в безопасности.

– Я сама велела тебе уйти. Впрочем, уже не важно. – Она передернула плечами и поудобнее перехватила ребенка. – Лучше скажи, зачем ты пришел?

Роджер не спеша поставил на стол опустевшую чашку.

– А ты против?

– Сейчас не обо мне речь. Я должна знать. Ты вернулся, потому что сам того захотел или потому что так велел тебе долг?

Повисла пауза. Роджер опустил взгляд.

– Может, и то, и другое. А может, и нет. Я сам не знаю, – тихо признался он. – Господь свидетель, я не знаю...

– Ты ходил в круг камней? – спросила она, и он, не поднимая головы, кивнул и выложил на стол большой опал.

– Да, я был там. Потому и задержался – не сразу его нашел.

– Значит, ты решил остаться, хотя мог уйти... Что ж, наверное, зря. Если ты вернулся из чувства долга, я не хочу с тобой жить. – Брианна мельком взглянула на меня, и в ее глазах отразилась странная затаенная боль. – Я уже видела, на что похож брак по обязательству и как он отличается от брака по любви. Если бы не это... я, пожалуй, смогла бы терпеть. А так – нет, ничего не получится.

Меня словно ударили под дых. Она говорит обо мне!.. Я перехватила взгляд Джейми. Он кашлянул, нарушая повисшее молчание, и спросил

Роджера:

– Когда именно вы обручились?

– Второго сентября, – тут же ответил тот.

– А сейчас середина июня... – Джейми хмуро забарабанил пальцами по столу. – Что ж, *to nighean*, раз ты обручилась с этим мужчиной, значит, вы женаты. Тут уж ничего не поделаешь. – Он окинул Роджера сумрачным взглядом. – До конца лета будешь жить здесь и считаться ее мужем. А третьего сентября она решит, поженитесь ли вы как подобает в церкви со священником или ты развернешься и уйдешь на все четыре стороны. У тебя достаточно времени, чтобы определиться самому и убедить ее.

Роджер и Брианна хором запротестовали, но Джейми уговорил их решительным жестом. Он взялся за кинжал и махнул им в сторону Роджера.

– Я сказал, будешь *считаться* ее мужем. Если тронешь мою дочь против ее воли, я вырежу тебе сердце и скормлю свиньям. Ясно?

Секунду-другую Роджер смотрел на клинок, почти уткнувшийся ему в грудь, но под густой бородой я не могла разобрать выражения его лица. Наконец он поднял голову.

– Думаете, я буду домогаться женщины, которая меня не хочет?

Довольно щекотливый вопрос – ведь именно за это Джейми его чуть не убил. Роджер отвел от себя кинжал, рывком отодвинул стул и вышел. Джейми, спрятав клинок, последовал за ним.

Брианна беспомощно заерзала.

– Они ведь не...

Ее прервало злобное рычание и глухой стук, словно кого-то с силой приложили о стену.

– Тронь ее хоть пальцем – я оторву тебе яйца и запихаю в глотку! – зычно предостерег на гэльском Джейми.

Брианна, кажется, уловила суть сказанного, потому что разинула рот и замерла.

С улицы донесся шум драки, хижина опять содрогнулась от очередного удара.

– Хватит махать кулаками, гребаный ублюдок, иначе я тебе башку сверну! Все равно ты ей не пользуешься! – Роджер был не столь громогласен, зато не менее искренен.

Снаружи все затихло, только Джейми хмыкнул в свойственной ему манере, после чего послышались шаги.

Брианна ошарашенно хлопала глазами.

– Переизбыток тестостерона, – прокомментировала я.

– Может, сделаешь что-нибудь?

У нее дергался уголок рта: то ли от смеха, то ли от назревающей истерики.

Я задумчиво запустила руку в волосы.

– Ну... У них есть два способа успокоить гормоны: или прибить друг друга...

– Хммм. – Брианна почесала нос.

– Или...

Мы обменялись понимающими взглядами.

– Об отце я позабочусь, – сказала я. – Но Роджер на твоей совести.

Жизнь на горе стала несколько напряженной: Брианна вела себя как испуганный кролик, Роджер – как загнанный в угол барсук; Джейми постоянно буравил зятя тяжелым взглядом и отпускал неодобрительные замечания на гэльском; Лиззи была готова расшибиться в лепешку, лишь бы загладить вину... а ребенок считал, что сейчас самое подходящее время для колик и бессонных ночей.

Последнее, судя по всем, убедило Джейми, что надо вплотную заняться строительством нового дома. Фергус с прочими арендаторами любезно засеял для нас небольшой участок кукурузой, и, хотя зерна не хватило бы на продажу, голод грядущей зимой нам не грозил. Избавившись от необходимости ухаживать за большим полем, все свободное время Джейми проводил на гребне горы с молотком и пилами.

Роджер тоже в меру сил помогал по хозяйству, хотя из-за больной ноги еле передвигался. Я не раз предлагала ему заняться лечением, а он только отмахивался, – и терпение у меня лопнуло. Спустя несколько дней, приготовив все необходимое, я твердо заявила, чтобы утром он первым же делом явился на осмотр.

Когда я размотала бесчисленные тряпки, в нос ударил сладковатый душок гнили; но, слава богу, не было ни красных отеков, выдающих заражение крови, ни черной гнили гангрены. Хотя и без того нога выглядела ужасно.

– У тебя глубокий хронический абсцесс. – Я с силой надавила на распухшую плоть, пружинившую от залежей гноя. Корочка на ране треснула, и из-под нее потекла мерзкая серо-зеленая жижа.

Под слоем загара Роджер побледнел и крепче вцепился в деревянную раму кровати.

– Однако тебе повезло. – Я покрутила стопу, ощупывая крошечные суставы плюсневых костей. – При ходьбе абсцесс то и дело вскрывался, и

гной вытекал. Поэтому инфекция не распространялась дальше, так что ногу ты не потеряешь.

– Вот и чудесно, – сдавленно пробормотал он.

– Бри, мне нужна помощь, – словно между делом позвала я. Та с ребенком на коленях сидела в дальнем углу за прялкой.

– Давайте я, – услужливо подскочила Лиззи.

Девочка сознала, что своими испытаниями Роджер обязан в первую очередь ей, и всячески старалась загладить вину, при любом удобном случае предлагая ему помощь, подсовывая разные лакомства... и доводя его до белого каления своим несчастным видом побитой собаки.

– Да, конечно, – улыбнулась я. – Пожалуйста, возьми малыша у Брианны, прогуляйтесь немного. Ему не помешает свежий воздух.

У Лиззи вытянулось лицо, но она послушно забрала ребенка и исчезла за дверью. Брианна подошла ко мне, всячески стараясь не глядеть на Роджера.

– Придется вскрыть рану и очистить ее от гноя. По возможности удалить некротические ткани, хорошенько продезинфицировать... Будем надеяться на лучшее.

– Эй, а что значит «удалить»? – встревожился Роджер.

– Это значит, убрать все омертвевшие мышцы хирургическим или консервативным методом. К счастью, до костей инфекция вроде бы не добралась, разве что хрящ между плюсневыми костями слегка поврежден... Не переживай, – похлопала я по ноге. – Это не больно.

– Разве?

– Угу. Вот промывать и дезинфицировать – другое дело. Бри, поддержи его, пожалуйста.

Она, почти не мешкая, подошла к изголовью и взяла Роджера за руки. Впервые за последний год они коснулись друг друга.

– Только крепко, – предупредила я. – Сейчас будет самое неприятное.

Не глядя на них, я вскрыла полузажившую рану скальпелем и принялась выдавливать гной. Роджер заметно напрягся – процедура была весьма болезненной, – но не проронил ни слова.

– Может, закусишь кожаный ремень? – спросила я, раскупоривая бутылку с разбавленным спиртом. – Сейчас будет зверски щипать.

Вместо него ответила Брианна:

– Все нормально. Давай.

Когда я плеснула на рану, он сдавленно замычал и невольно перекатился на бок, пытаясь отдернуть ногу. Я удержала его и торопливо завершила эту часть работы. Поставив опустевшую бутылку на стол, я

подняла голову. Брианна сидела на кровати, обхватывая Роджера за плечи, а он обнимал ее за талию, уткнувшись лицом в колени. Белая как простынь, Брианна через силу улыбнулась мне.

– Все?

– Да, самое страшное позади, – успокоила я. – Дальше так, мелочи.

Нужные препараты я заготовила два дня назад, летом это не составило особого труда. Я отправилась в копильню, где в клубах ароматного дыма от орешника висела оленья туша. Правда, интересовало меня другое мясо, не столь хорошо сохранившееся.

Отлично, все как раз созрело! Я взяла у двери небольшое блюдо и отнесла в дом.

– Фу! – тут же скривилась Брианна. – Это еще что за гадость? Воняет протухшим мясом.

– Это и есть тухлое мясо.

Точнее, останки кролика, угодившего-таки в мои силки.

Брианна еще держала Роджера за руки. Улыбнувшись про себя, я села на прежнее место, поставила рядом миску и потянулась за длинными щипцами.

– Мама! Ты что делаешь?!

– Это небольно, – заверила я, сдавливая стопу, чтобы приоткрыть один из разрезов. Выудив из вонючих кусков мяса маленькую белую личинку, я ловко вставила ее в рану.

Весь взмокший от боли, Роджер открыл глаза и приподнялся, пытаясь увидеть, чем я занимаюсь.

– Что там? Что вы делаете?

– Кладу в рану личинки, – пояснила я, не отрываясь от работы. – Меня научила одна индианка.

Со стороны изголовья послышался слаженный стон... но я крепко держала Роджера за ногу.

– Это очень эффективное средство. – Я запихнула в другой разрез сразу три извивающиеся личинки. – Иначе придется резать и все удалять вручную, а это не только зверски больно, но и рискованно – ты можешь остаться калекой. А так наши маленькие друзья съедят мертвую ткань, легко добравшись до самых дальних уголков.

– Наши маленькие друзья – личинки мясной мухи... – простонала Брианна. – Господи, мама!

– А что, собственно говоря, не даст им сожрать всю ногу целиком? – с нарочитым спокойствием поинтересовался Роджер.

– О, не переживай, на этой стадии личинки размножаться не могут. И

живые ткани они не едят, только мертвые. Если пищи им хватит, чтобы пройти полный цикл развития, они превратятся в крошечных мух и улетят. Если нет – сами выползут.

Роджер и Брианна позеленели, сдерживая тошноту. Я замотала стопу марлевым бинтом и одобряюще хлопнула Роджера по бедру.

– Вот и все. Не волнуйся, я уже видела, как это происходит. Индейцы говорят, совсем не больно, только немного щекотно.

Блюдец я отнесла на улицу, чтобы хорошенько вымыть. В саду я встретила Джейми, тот вернулся из нового дома, держа на руках Рыжика.

– Вот и наша бабушка, – сообщил он малышу, вытаскивая у него из рта палец и вытирая ниточку слюны краем килта. – Правда, она красивая?

– Гу, – согласился Рыжик и, уставившись чуть косящими глазками на пуговицу дедушкиной рубашки, принялся задумчиво ее посасывать.

– Смотри, чтобы не сглотнул, – предупредила я, поднимаясь на цыпочки и целуя Джейми, а потом ребенка. – А где Лиззи?

– Девочка сидела на бревне и плакала. Так что я забрал у нее парнишку и велел прогуляться.

– Плакала? Из-за чего?

На лицо Джейми набежала тень.

– Скучает по Иэну, да?..

Мы оба поспешили отделаться от этой мысли – слишком грустно было о нем вспоминать. Джейми взял меня за руку.

– Идем-ка, саксоночка, посмотришь, что я сегодня сделал. Я настелил полы в твоей операционной и временную крышу; в доме уже можно спать. – Он мельком оглянулся на нашу хижину. – Пожалуй, стоит отселить туда Маккензи.

– Отличная идея!

Хоть Джейми и пристроил комнату для Брианны и Лиззи, в хижине было тесновато. И раз уж Роджеру придется несколько дней соблюдать постельный режим, пусть лучше он лежит не в нашей кровати.

– Как у них дела? – с нарочитым равнодушием спросил Джейми.

– У кого? У Брианны и Роджера?

– У кого ж еще?! Отношения налаживаются?

– Похоже, что да. Им надо привыкнуть друг к другу.

– И получается?

– Ага. Его, например, только что стошнило прямо ей на колени.

Глава 67

Орел или решка

Роджер перевернулся на бок и сел. В окна еще не вставили стекла, да они, впрочем, и не были нужны – погода стояла теплая, а из операционной, которую приспособили под спальню, открывался чудесный вид на склон. Например, вытянув шею, он мог наблюдать за уходящей Брианной.

Коричневое платье последний раз мелькнуло среди каштанов, и она исчезла. Сегодня Брианна приходила без ребенка, и Роджер не понял, хороший ли это знак. Они хотя бы смогли поговорить, не отвлекаясь на мокрые пеленки, детский лепет и плач, кормление, срыгивание и прочую суету, что в их новых отношениях было большой редкостью.

Однако в этот раз она провела у него гораздо меньше времени, чем обычно, – ребенок тянул ее будто магнитом. Роджер твердил себе, что вовсе не обижается на маленького бандита. Разве что... немного завидует. Впрочем, это не значит, что мальчишка ему не нравится.

Он до сих пор не поел – не хотел тратить попусту ни одной минуты их редкого уединения. Открыв корзинку, которую принесла Брианна, Роджер вдохнул аромат тушеного беличьего мяса, хлеба со свежим сливочным маслом и яблочного пирога.

Нога пульсировала от боли, в голову то и дело лезли мысли о личинках, однако на аппетите это не сказывалось. Роджер принялся за еду, смакуя каждый кусочек, пока серые сумерки медленно заползли в гору.

Фрейзер знал, что делает, когда выбирал для дома этот участок. Отсюда открывался вид до самой реки. Туман заливал долину, темные пики протыкали усыпанное звездами небо. Это было самое величественное и романтическое место на свете...

И вот Брианна ушла, чтобы нянчиться с мелким паразитом, оставив Роджера в «приятной» компании личинок.

Опустевшую корзинку он поставил на пол, кое-как допрыгал на одной ноге до ведра в углу, затем вернулся в одинокую постель, расстеленную на хирургическом столе.

Какой черт дернул его за язык, когда она спросила, почему он вернулся? Хотя ладно, он и впрямь не знал ответа. Роджер несколько месяцев бродил по пустынному лесу, умирая от голода, одиночества и боли. Он не видел Брианну почти год и за это время прошел через ад. Целых три дня он просидел возле каменного круга без еды и огня, пытаясь решить,

что делать. И в конце концов просто встал и пошел, понимая, что это единственный выход.

Из долга? Или любви?.. Да, черт возьми, разве может быть любовь без обязательств?!

Он беспокойно перевернулся на другой бок, спиной к сладким ароматам ночи и горячему от солнца ветру. У выздоровления имелась и обратная сторона – некоторые некстати пробудившиеся части тела не давали теперь ему заснуть. Вряд ли в ближайшее время выпадет шанс снять напряжение: стоит только заикнуться Брианне, как она решит, что он вернулся исключительно развлечения ради. Кроме того, чертов громила-шотландец, скорее всего, не шутил насчет свиней...

Теперь-то Роджер знал правду. Он вернулся, потому что не смог бы жить по ту сторону времени. Может быть, из-за вины, что бросил их с ребенком... А может, потому, что понимал: без Брианны он умрет. В любом случае он сделал свой выбор. Осознанно, зная, на что идет...

Он перекатился на спину, уставившись в сосновый потолок. Сверху доносилось попискивание и легкий топот: по крыше резво скакали белки.

Боже, как сказать ей, чтобы она поверила? Брианна шарахается от него, стоит только руку протянуть... Не считая того дня, когда Клэр терзала многострадальную ногу – тогда Брианна была рядом, обнимала, удерживала изо всех сил. Он все еще чувствовал на себе ее прикосновения, и от этих воспоминаний все сладко сжималось внутри.

Лишь теперь Роджер заподозрил неладное. Да, операция была малоприятной, но он сумел бы перетерпеть боль, и Клэр со своим опытом военного хирурга, конечно, это знала...

Может, она сделала это нарочно? Дала Бри повод коснуться его? Позволила осознать, как сильно притяжение между ними?

Роджер улегся на живот, подсунув под подбородок сложенные руки, и уставился в темную даль за окном.

Если так – пусть режет и вторую ногу.

Клэр заглядывала каждый день, однако он дождался конца недели, когда она пришла снять бинты, потому что личинки должны были уже доделать грязную работу и – бог даст! – улететь.

– О, чудесно! – с врачебной безжалостностью потыкала она в ногу. – Гранулирование идет полным ходом, воспаление практически прошло.

– Здорово. Надеюсь, их там уже нет?

– Личинок? О, не переживай, они окуклились пару дней назад. А перед этим неплохо поработали, а?

Она щекотно провела тонкими пальцами по стопе.

– Поверю вам на слово. Так мне можно уже ходить?

Роджер на пробу подвигал ногой. Было больно, но не так, как прежде.

– Да. Правда, первое время обувь не надевай. И ради бога, не наступи на что-нибудь острое!

Клэр принялась собирать вещи, мурлыкая песенку. Она выглядела очень счастливой, хотя под глазами залегли круги.

– Малыш еще плачет по ночам?

– Да, бедняжка. А что, здесь тоже слышно?

– Нет, просто вы выглядите усталой.

– Неудивительно – мы всю неделю практически не спали. Особенно Бри, ведь ей приходится его кормить. – Клэр широко зевнула. – Джейми почти закончил настилать полы в задней комнате, он хочет перебраться сюда. Тогда у Бри с малышом будет больше места, и может, станет немного спокойнее...

– Хорошая идея. Кстати, о Бри...

– Ммм?

Роджер решил, что увливать нет смысла.

– Слушайте, я делаю все, что могу... Я люблю ее и пытаюсь ей это доказать, однако она не слушает. Она приходит сюда, мы разговариваем, и все замечательно. Но только я пытаюсь поцеловать ее или просто обнять, как она вскакивает и убегает на другой конец комнаты. Я делаю что-то не так?

В ответ Клэр наградила его прямым и безжалостным, как у ястреба, взглядом.

– Ты ведь был ее первым мужчиной, да? С кем она переспала?

Роджер залился краской.

– Я... хм... ну да.

– Ну так вот. Весь ее сексуальный опыт ограничивается потерей невинности – не важно, насколько ты был нежен, это в любом случае больно, – и изнасилованием. Плюс недавние роды. И ты всерьез рассчитываешь, что после этого она падет в твои объятия, требуя исполнить супружеский долг?

Спрашивал? Вот тебе ответ – как обухом по голове. Роджер был готов провалиться со стыда.

– Я никогда об этом не задумывался, – проямлил он, обращаясь к стене.

– Нисколько не сомневаюсь, – не то раздраженно, не то насмешливо отозвалась Клэр. – Поэтому тебе говорю я.

– И это все, что вы скажете?

– Она боится. – Клэр склонила голову набок, словно приглядываясь к нему. – И, кстати, боится она вовсе не тебя.

– Разве?

– Да. Бри убедила себя, что знает, почему ты вернулся. И она боится, что не сможет... ну...

Клэр многозначительно выгнула бровь.

– Ясно, – вздохнул он. – И что же вы предлагаете?

Она подняла свою корзинку.

– Не знаю. – Желтые глаза опять хищно сверкнули. – Думаю, тебе надо быть с ней нежнее.

Не успел Роджер осмыслить столь неожиданный совет, как в дверях возник темный силуэт очередного посетителя. Джейми Фрейзер, дары приносящий...

– Вот бритва. И горячая вода. – Фрейзер окинул его критичным взглядом.

Пару дней назад Клэр подстригла бороду хирургическими ножницами, однако Роджер был слишком слаб, чтобы бриться той острой штукой, которую не без причины именовали «опасной».

– Спасибо.

Фрейзер захватил и небольшое зеркало, и даже горшочек с мыльной пеной. Какой предусмотрительный... Роджер предпочел, чтобы тот вышел, а не подпирал стену, пристально наблюдая за каждым движением, однако обстоятельства не располагали к подобного рода просьбам.

Впрочем, он быстро забыл о нежеланном свидетеле, потому что бритье подарило невыразимое блаженство. Под бородой кожа адски чесалась, а еще он уже много месяцев не видел собственного лица.

– Как продвигается работа? – попытался завязать он светскую беседу, пока водил лезвием по щеке. – Я слышал, утром вы стучали молотком.

– О, полным ходом. – Фрейзер не сводил с него оценивающего взгляда. – Я настелил полы и почти доделал крышу. Думаю, сегодня мы с Клэр переберемся.

– А. – Роджер запрокинул голову, чтобы заняться шеей. – Клэр сказала, мне можно ходить, так что говорите, чем надо помочь.

– С инструментами обращаться умеешь?

– Дома строить не приходилось, – признался Роджер. – Школьный скворечник, скорее всего, не в счет.

– Про плуг и поросющую свиноматку, наверное, и спрашивать не

стоит?

В глазах Фрейзера плескалось веселье.

Здрав подбородок, Роджер снял с шеи последний мазок пены. Он уже и сам об этом думал. От его умений историка и барда впрямь мало толку на ферме восемнадцатого века.

– Верно. А еще я не умею доить коров, возводить очаг, класть черепицу, пасти лошадей, сражаться с медведями, разделять оленей или фехтовать.

– Да неужели?! – притворно поразился Фрейзер.

Роджер вытер лицо полотенцем, после чего взглянул на тестя.

– Да. Все, чем могу похвастать – это крепкие кулаки.

– Лучше бы я не спрашивал, верно? – Фрейзер криво усмехнулся. – Один конец лопаты от другого отличить сможешь?

– Думаю, разберусь.

– Вот и славно. Надо перекопать огород, переворошить ячмень на винокурне, а еще в конюшне давно ждет большущая куча навоза. А потом я покажу, как доить корову.

– Спасибо.

Роджер вытер бритву, вложил в футляр и протянул Фрейзеру.

– Мы с Клэр хотим вечером навестить Фергуса, – словно между делом обронил тот. – И малышку Лиззи возьмем, чтобы помогла Марсали по хозяйству.

– Да? Ну что ж... Желаю приятно провести время.

– Благодарю. – В дверях Фрейзер замер. – Брианна, скорее всего, с нами не пойдет. Малыш вроде бы успокоился, но она боится, что дальняя прогулка его опять растревожит.

Роджер заглянул ему прямо в глаза.

– Правда? Значит, они останутся одни? Хорошо, я за ними присмотрю.

– Да уж не сомневаюсь, – приподнял тот рыжую бровь, после чего вытянул руку и уронил что-то в пустой оловянный таз. На дне его свернула красная искорка. – Не забывай, что я сказал, Маккензи, – моей дочери не нужен трус.

Роджер не успел ничего ответить, потому что Фрейзер пронзил его синим яростным взглядом.

– Из-за тебя я потерял родственника, причем славного парня. Уж поверь, это веский повод тебя не любить... Хотя, возможно, тебе пришлось заплатить не меньше. Я бы решил, что мы квиты... или нет – как скажешь.

Пораженный до глубины души Роджер кивнул, потом все-таки обрел дар речи:

– Да, квиты.

Фрейзер исчез так же неслышно, как и появился, оставив Роджера бездумно пялиться на опустевший дверной проем.

Роджер поднял щеколду и толкнул дверь. Заперто. Вот вам и разбудил Спящую Красавицу поцелуем!.. Он занес было кулак, но вовремя спохватился. Нет, не ту героиню он себе представил. У Спящей Красавицы не спал в постели вспыльчивый гномик, готовый разорваться при малейшем шуме.

Он обогнул хижину, проверяя окна и невольно вспоминая гномов по именам. Ворчун, Чихун, Скромник... Интересно, как бы назвали этого – Вонючка или Крикун?

Оленьи шкуры были плотно натянуты на окна. Роджер, конечно, мог сорвать любую из них и забраться внутрь, но ему не хотелось неожиданным вторжением перепугать Бри до полусмерти.

Наверное, стоит вернуться к себе и отложить разговор до утра. Все лучше, чем поднимать ее с постели, а заодно разбудить ребенка. Можно попросить Клэр посидеть немного с маленьким уб... сорванцом, а они с Брианной уйдут куда-нибудь в лес и спокойно, наедине, поговорят. Точно. Так он и поступит.

Прошло десять минут. За это время Роджер еще дважды обошел вокруг хижины и теперь стоял напротив задней стены, глядя на сочащийся из-под шкуры свет.

– Да кем ты, черт возьми, себя вообразил?.. – прошипел он. – Долбаным мотыльком?

Тихий скрип уберег его от ответа. Роджер успел обежать дом вовремя, чтобы увидеть белую фигуру, плывущую в сторону уборной.

– Брианна?

Та с легким испуганным вскриком обернулась, прижимая к сердцу руку.

– Это я.

– Ты чего так подкрадываешься?! – тихо рявкнула она.

– Хотел поговорить.

Она не ответила, лишь развернулась и продолжила путь.

– Я сказал, что хочу поговорить! – повторил он уже громче ей в спину.

– А я хочу в туалет. Уходи!

Брианна решительно хлопнула дверью уборной.

Он отошел немного, дождавшись ее возвращения. Брианна замедлила шаг, но обойти Роджера можно было лишь по высокой мокрой траве.

– Тебе нельзя натруждать ногу.
– Все уже в порядке.
– Возвращайся в постель.
– Хорошо, – не стал он спорить. – А в какую?
– В какую? – переспросила Брианна, не пытаясь, впрочем, сделать вид, будто не поняла.

– В ту? – Он ткнул пальцем в сторону недостроенного дома. – Или в эту?

– Я...

«Будь нежнее», – сказала ее мать; «моей дочери не нужен трус», – предупредил отец. Наверное, стоило подбросить монетку, но сейчас Роджер жаждал последовать совету Джейми Фрейзера, и пропади оно все пропадом!

– Ты сказала, есть браки, заключенные по обязательству, а есть – по любви. Почему ты думаешь, что одно исключает другое? Слушай, я три дня просидел в том кругу камней. Думал, свихнусь, решая, уйти мне или остаться. И вот я здесь.

– Это пока. Ты еще не понял, что потеряешь, если останешься навсегда...

– Все я понимаю! А еще больше понимаю, что потеряю, если уйду! – Он схватил ее за плечи, сминая ткань сорочки. – Я не могу уйти и жить с мыслью, что отказался от ребенка, который может быть моим... который и есть мой! И я не могу жить без тебя.

Она отступила, пытаясь высвободиться из его хватки.

– Мой отец...

– Слушай, я не такой, как твой чертов отец! Что один, что другой! Уж позволь мне совершить собственные грехи!

– Нет за тобой никаких грехов, – дрогнув, прошептала она.

– И за тобой – тоже.

Глаза у нее влажно блеснули.

– Неправда...

– Правда! – решительно отмел Роджер все возражения. – Забудь, а? Не важно, что ты сделала в прошлом, или что сделал я. Я сказал, что не похож на твоих отцов – но ты их знала лучше меня. Разве Фрэнк Рэндалл не любил тебя как родную дочь? Принял тебя, даже зная, что по крови ты ему никто?

Он слегка встряхнул Брианну за плечи.

– И разве этот рыжий ублюдок не любит твою мать больше жизни? И тебя – так сильно, что готов пожертвовать даже этой любовью, лишь бы

тебе было хорошо?

Брианна сдавленно всхлипнула.

– И если ты веришь им, – чуть слышно прошептал Роджер, – то должна верить и мне... Потому что, клянусь, я такой же и до чертиков тебя люблю! Клянусь всем святым, что только есть на свете...

Она медленно подняла голову, и теплое дыхание согрело ему лицо.

– У нас есть время, – тихо сказал он, вдруг поняв, почему так важно было поговорить с ней именно сейчас, в темноте. Он взял ее за руку и привлек к себе. – Чувствуешь? Как бьется сердце?

– Да...

Брианна притянула их сцепленные руки к своей собственной груди, обтянутой тонкой тканью.

– Это время для нас двоих. И пока оно не закончится, мы должны быть вместе. Сейчас. Брианна, неужели ты позволишь страху стать сильнее тебя?

– Нет, – тихо, но очень твердо ответила она.

Из дома вдруг донесся пронзительный плач.

– Надо идти... – Брианна отстранилась. Она сделала два шага и повернула голову. – Идем же.

Она рысцой побежала по дорожке, смутно виднеясь в темноте белым призраком.

Когда Роджер догнал ее, она уже достала младенца из колыбели. Одеяло на кровати было отброшено в сторону, и на перине виднелась вмятина от ее тела. Полусмущенно Брианна протиснулась мимо него бочком и легла.

– Ночью я всегда кормлю его в постели. Он тогда сразу засыпает.

Роджер пробормотал что-то невнятное и придвинул низкий табурет к камину. В комнате было очень тепло, пахло едой, грязными пеленками, а еще Брианной. Ее аромат в последние дни стал другим, к нему примешались нотки чего-то сладкого... должно быть, молока.

Брианна склонила голову, и рыжие волосы рассыпались по плечам каскадом искр и теней. Платье она расстегнула до самой талии, и Роджер видел полную белую грудь целиком, только темный сосок терялся за головой ребенка. Послышалось тихое причмокивание.

Словно почувствовав его взгляд, Брианна подняла голову.

– Прости, – сказал он тихо, чтобы не отвлекать ребенка. – Не сдержался.

Она вроде бы покраснела, хотя, может, просто пламя из камина озарило голые плечи и лицо.

– Все нормально. Тут нет ничего такого...

Роджер молча встал и принялся раздеваться.

– Ты что делаешь? – потрясенно выдохнула она.

– Это нечестно, что я один на тебя гляжу. Тут в общем-то, не на что смотреть, но... – Он замолчал, сосредоточенно сражаясь со шнуровкой на штанах. – Но ты хотя бы не будешь чувствовать, что я на тебя пялюсь.

– О.

Судя по голосу, она улыбнулась. Роджер скинул рубашку – тепло камина приятно поцеловало голую спину – и во внезапном приступе застенчивости взялся за пояс штанов.

– Это что, стриптиз? – У Брианны дрожали губы; она сдерживала смех, чтобы не напугать ребенка.

– Не знаю, мне лучше отвернуться или нет... Ты как предпочитаешь?

– Отвернись... Пока что, – тихо добавила она.

Он послушался и неловко стянул с ног штаны.

– Постой так немножко, – попросила Брианна. – Пожалуйста. Я хочу посмотреть.

Роджер расправил плечи и уставился в пламя. Камин окатил его жаром, и он невольно отшатнулся, вспоминая об отце Александре. Господи боже, и о чем он только думает в такой момент?..

– Роджер, у тебя на спине шрамы, – мягче обычного произнесла Брианна. – Что случилось?

– Индейцы постарались. Не важно, все в прошлом.

Волосы он не стал стричь, и теперь они рассыпались по плечам и щекотали спину. Он почти что ощущал на себе ее взгляд, скользящий все ниже и ниже.

– Я поворачиваюсь. Готова?

– Не переживай, в обморок не упаду. Я видела фотографии голых мужчин.

При желании Брианна, как и ее чертов отец, умела прятать эмоции. Он не мог понять, что скрывают за собой кошачьи раскосые глаза. Потрясена ли она, испугана или испытывает веселье?.. Хотя с чего бы? Она же не узнала ничего нового – Брианна уже трогала его, ласкала с такой страстью, что Роджер терял голову.

Однако было это целую вечность назад, под надежным покровом темноты. А теперь он раздетый стоял перед ней при свете, а она держала на руках ребенка. Кто из них с той ночи изменился сильнее?

Брианна с явным любопытством разглядывала его, а затем, улыбнувшись, посмотрела в глаза. Она выпрямилась и небрежно

переложила ребенка к другой груди, отчего платье распахнулось еще больше, выставляя напоказ пухлые полушария.

Роджер уже не мог стоять на месте – волосы на заднице начинали тлеть от жаркого пламени. Он отошел от камина и сел.

– На что это похоже? – спросил он не столько из жгучего интереса, сколько желая нарушить молчание, прежде чем оно станет слишком тяжелым.

– Очень необычное ощущение. – Брианна склонилась над ребенком. – Он тянет и даже немного покусывает. Когда начинает пить, возникает такое чувство, словно все во мне устремляется ему навстречу.

– А ты не чувствуешь себя... опустошенной? Словно из тебя жизненные соки вытягивают?

– О нет! Вот, смотри. – Она сунула в рот ребенку палец и отстранила его от соска. Роджер успел разглядеть, как молоко бьет тонкой сильной струйкой, прежде чем малыш начал возмущенно причитать, и она поспешно приложила его обратно. Однако крохотные белые капельки уже осели на груди Роджера.

– Господи боже мой! – потрясенно пробормотал он. – Я и не думал... Напор как из водяного пистолета!

– Я тоже раньше не знала. – Брианна улыбнулась, поддерживая ребенку голову. Ее улыбка увяла. – Я много чего не знала, пока со мной это не случилось.

– Бри... – Забыв о наготы, Роджер потянулся к ней. – Бри, я знаю, тебе страшно. Мне тоже. Я не хочу, чтобы ты меня боялась, но, господи, я с ума схожу от желания!

Он положил руку ей на колено. Спустя секунду Брианна накрыла ее своей ладонью – легко, точно опустилась пугливая птица.

– Я тоже тебя хочу, – шепнула она.

Они долго сидели вот так: застыв в одной позе и не зная, что делать дальше. Роджер понимал, что торопиться нельзя. Надо быть нежнее.

Причмокивание утихло, и ребенок вяло раскинулся в ее руках.

– Уснул...

Осторожно, словно неся бутыл с нитроглицерином, Брианна сползла с кровати. Она собиралась вернуть сына в колыбельку, однако Роджер невольно протянул руки, и она, замешкавшись на миг, положила в них ребенка, задев при этом Роджера грудью.

Ребенок для такого маленького свертка оказался на удивление тяжелым. А еще очень теплым, даже горячим.

Роджер осторожно держал крохотное тельце; ягодички идеально

вписались в его ладонь. Надо же... хм... а он не такой уж и лысый – на голове проступал ярко-рыжий пушок. И ушки крошечные, почти прозрачные. Одно из них было красным и мятым.

– По его внешности пока ничего не скажешь, – выдернул его из раздумчивого созерцания голос Брианны. – Я уже пыталась.

Она прошла в глубь комнаты и открыла шкаф. В голосе слышалось сожаление, но лица ее Роджер не видел.

– Я не поэтому его рассматриваю. – Роджер бережно опустил ребенка на колени. – Просто... я впервые вижу сына вблизи.

Непривычные слова обдирали горло, зато Брианна немного расслабилась.

– А. Ну тогда вот он, весь какой есть.

Она сказала это с такой гордостью, что Роджер опять всмотрелся в младенца. Тот плотно сжимал маленькие кулачки. Роджер погладил один, и пальчики неохотно, точно щупальца кальмара, развернулись – чтобы тут же на удивление крепко вцепиться ему в мизинец.

Послышался тихий ритмичный напев – Брианна расчесывала волосы. Он хотел посмотреть на нее, но все внимание было приковано к чудному созданию на его коленях.

Ноги – как лягушачьи лапки: узкие в пятке, широкие в пальцах. Роджер погладил их, и те растопырились от щекотки. Что ж, хотя бы перемычек нет.

«Мой сын», – подумал он вдруг, сам не зная, что при этом испытывает. Надо привыкнуть.

Это ведь не только сын Брианны, но и его собственная плоть и кровь.

Неужели эта жизнь зародилась в ту самую ночь, горько-сладкую от боли и наслаждения?..

Роджер не знал наверняка – однако чертовски на это надеялся.

Ребенок был одет в какую-то длинную сорочку из тонкой ткани. Роджер приподнял ее и увидел совершенно очаровательный вытянутый пупочек над сложной конструкцией из пеленки. Движимый любопытством, он подцепил уголок, заглядывая внутрь.

– Я же сказала, весь какой есть, – возникла рядом Брианна.

– А, ну да. Вот только... он не слишком маленький? – с сомнением пробормотал Роджер.

Она весело фыркнула.

– Вырастет. Все равно эта штука ему пока не нужна.

Пенис Роджера при этом дернулся, напоминая о своем существовании.

– Давай заберу.

Брианна потянулась к ребенку, но Роджер покачал головой.

– Не надо.

Младенец пах молоком и какой-то сладковатой гнилью. И чем-то еще, совершенно незнакомым... Наверное, то был его собственный запах.

– Мама называет это детским парфюмом. Она говорит, это природная защита, чтобы родители не убили собственное потомство.

– Убили? Как это? Он же такой маленький и беззащитный, – запротестовал Роджер.

Она насмешливо вздернула бровь.

– Ты не жил с этим маленьким дьяволом весь последний месяц. Сегодня первая ночь за три недели, когда у него нет колик. Не будь он моим сыном, давно отнесла бы его подальше в лес.

«Не будь он моим сыном». На секунду Роджер позавидовал этой извечной материнской уверенности – Брианне не было причин сомневаться в происхождении ребенка.

Младенец шевельнулся и сдавленно гукнул, уткнувшись Роджеру в шею. Брианна тут же подскочила и забрала малыша, приподняла его и принялась поглаживать по спинке. Тот вяло отрыгнул и снова затих.

Она трепетно, словно запаленную динамитную шашку, уложила его в колыбельку на живот. В пламени камина под сорочкой высветились очертания ее тела.

– Ты могла вернуться сразу же, как только узнала. Времени было более чем достаточно. – Он не отрывал от нее взгляда. – Теперь, наверное, моя очередь спрашивать. Что заставило тебя ждать? Любовь – или чувство долга?

– Все сразу. – Глаза у нее потемнели. – А может, ничего. Я... я просто не могла уйти без тебя.

Он глубоко вдохнул, чувствуя, как тают последние сомнения.

– Теперь знаешь.

– Да.

Она повела плечом, и сорочка – единственная ее одежда – упала на пол. Черт возьми, они и правда рыжие! Не просто рыжие: еще и золотистые, и янтарные, цвета слоновой кости, и киновари... Он хотел ее так сильно, что мысли терялись.

– Ты сказал, что клянешься всем святым... А что свято для тебя, Роджер?

Он потянулся к ней – нежно, бережно. Прижал Брианну к груди и вспомнил вонючий трюм «Глорианы» и тощую запуганную женщину, пропахшую молоком и навозом. И бой барабанов, и огонь, и кровь, и

осиротевшее дитя, крещенное именем отца, который предпочел умереть, потому что боялся любить.

– Ты, – прошептал он ей в волосы. – Он. Все мы. А разве есть что-то еще?

Глава 68

Семейное счастье

Август 1770 года

Утро было на удивление спокойным. Ребенок проспал всю ночь, за что удостоился всеобщего восхищения. Две курицы услужливо снесли яйца в курятнике, а не как обычно, поэтому в поисках завтрака мне не пришлось продираться сквозь кусты ежевики.

Замешанное Лиззи тесто поднялось идеальным белым холмиком, а новая печь, заразившись общим духом согласия, запекла его до золотистой корочки, пропитав весь дом ароматом свежего хлеба. На сковороде задорно шипели ломтики пряной ветчины и индейки, примешиваясь к запахам полевых цветов, доносившихся в распахнутое окно.

Впрочем, сонная атмосфера, пронизывающая дом, была вызвана скорее ночными событиями.

Полная луна заливала светом все небо. Джейми потушил свечу и подошел задвинуть засов, а вместо этого вдруг облокотился о дверную раму, глядя вниз, на долину.

– Что такое? – спросила я.

– Ничего. Спи.

В призрачном бледном свете мир словно потерял глубину. Водопад вдали застыл хрустальным потоком, хотя ветер дул в нашу сторону, донося его глухой рев. Воздух сладко пах травой и водой, а еще сосновыми иглами с горных вершин. Я вздрогнула и прижалась к Джейми в поисках тепла. Его рубашка была распахнута почти до самого пояса. Я скользнула под нее ладонью и обхватила круглую горячую ягодицу. Напрягшись под моей рукой, Джейми повернулся.

Он отступил от меня – но лишь затем, чтобы стянуть рубашку.

Луна вычернила и высеребрила все его тело; я видела и длинные пальцы, и распушенные волосы столь же отчетливо, как темные кусты ежевики за его спиной. Вот только в обманчивом свете было не понять, как далеко он стоит – не то в миле отсюда, не то на расстоянии протянутой руки.

Я тоже спустила сорочку с плеч, переступила через нее и, оставив валяться у двери, шагнула к Джейми. Не говоря ни слова, мы пошли по

сырой траве, охлаждающей босые ноги, в лес, где так же молча обняли друг друга, растворяясь в царившем по ту сторону хребта безмолвии.

Проснулись мы незадолго до рассвета, все искушенные москитами и до самых костей заоченевшие от холода. Ничего не говоря, лишь громко хихикая, выбрались из вороха листьев и, пьяно спотыкаясь о корни и камни, побрели по безлунному лесу обратно и рухнули в постель, чтобы ненадолго забыться счастливым сном.

Поставив перед Джейми миску овсянки, я украдкой вытащила из его волос дубовый листик и положила на стол рядом с чашкой.

Улыбаясь одними глазами, он перехватил мою руку и нежно поцеловал костяшки, а потом вернулся к своей каше. Подняв голову, я увидела, что на меня понимающе смотрит Брианна, почти не скрывая усмешку. Она повернулась к Роджеру, который, ковыряясь в тарелке, не сводил с нее горящего взгляда.

Семейную идиллию нарушил зычный рев Кларенса. Жаль, что у нас больше нет Ролло, но Кларенс хотя бы не пытается запрыгнуть гостю на плечи и не гоняет его по всему саду.

За дверью оказался Дункан Иннес.

– Ваша тетушка приглашает вас осенью на Сбор в Мон-Геликон. Она говорит, два года назад вы ей обещали.

Джейми поставил перед Дунканом тарелку с яичницей.

– Пока об этом не думал. У нас чертовски много дел, и еще надо крышу доделать до первых снегопадов...

Кивком он указал на уложенные поверх стропил ветки, которые временно защищали нас от непогоды.

– Там будет священник из Балтимора. – Дункан старался не смотреть на Роджера и Брианну. – Мисс Ио подумала, вдруг вы захотите крестить малыша.

– О. – Джейми задумчиво закусил губу. – Да, это мысль. Ладно, Дункан, возможно, мы и приедем.

– Вот и славно, ваша тетушка будет очень рада.

Дункан вдруг закашлялся, заливаясь краской. Джейми прищурил глаз и подвинул к нему кувшин с сидром.

– В чем дело, приятель, поперхнулся?

– Хм... Нет...

Забыв о еде, все с любопытством уставились на Дункана. Он багровел на глазах, силясь выдать хоть слово.

– Я... это... э-э... прошу тебя, Макдью, благословить брак мистрисс Иокасты Кэмерон и...

– И кого? – поинтересовался Джейми, еле сдерживая смех. – Губернатора колонии?

– И меня!

Дункан схватил чашку и припал к ней с видом умирающего от жажды.

Джейми расхохотался во все горло, чем, конечно же, смутил Иннеса еще больше.

– Благословить? Я? Дункан, а тебе не кажется, что моя тетушка вполне самостоятельная, в ее-то годы? Да ты, пожалуй, тоже.

Тому дышалось уже легче, хотя румянец пока еще не сошел.

– По-моему, так будет правильнее, ведь ты ее ближайший родственник. И... – Он замялся. – Не очень-то хорошо, Макдью, что я претендую на твое наследство.

Джейми опять засмеялся и качнул головой.

– Оно мне не нужно, Дункан, я уже отказался от поместья. Хочешь жениться во время Сбора? Скажи Йокасте, что мы обязательно приедем сплясать на свадьбе.

Глава 69

Джеремая

Октябрь 1770 года

Роджер вместе с Клэр и Фергусом ехал верхом, а Джейми управлял фургоном, не доверив поводья Брианне – ведь внутри находился его внук, с которым нянчились Лиззи и Марсали.

До Роджера доносились обрывки спора, не утихавшего с самого его возвращения.

– Мне нравится имя Джон, – говорила Брианна, хмуро глядя на сына. – Правда, я не уверена... может, лучше Иэн? Это тот же Джон, только на гэльском... Правда, боюсь, тогда мы будем путаться, ведь есть еще наш Иэн и дядюшка Иэн в Шотландии...

– Здесь их нет, – веско заметила Марсали. – А ты не хочешь выбрать одно из имен отца?

– Какое? Джеймс – нельзя, тогда точно выйдет путаница. Малкольм мне не нравится. Маккензи... Ну, он и без того Маккензи... – Заметив взгляд Роджера, она улыбнулась.

– А может, Джеремая? Джон Джеремая Александр Фрейзер Маккензи? – на пробу произнесла Марсали.

– Мне нравится, – вставила Клэр. – Звучит очень по-старинному. Роджер, это ведь одно из твоих имен, да?

– А еще можно сократить его и называть ребенка просто Джемми. Или будет слишком похоже на Джейми?

У Роджера по спине пробежал озноб, потому что он вспомнил другого маленького Джемми... Он дождался, когда Брианна отдаст сына Лиззи и отвлечется на поиски чистых пеленок. Тронув коня пятками, он подъехал к Клэр и, понизив голос, спросил:

– Помните, как при нашей первой встрече в Ивернесе вы с Брианной изучали мое генеалогическое древо?

– Да, а что?

– Вы, может быть, тогда не заметили... – Роджер запнулся. – Вы показывали одну ветвь, где произошла подмена. Где вместо погибшего ребенка усыновили сына Гейлис Дункан от Дугала Маккензи и назвали его тем же именем.

– Вильям Баклей Маккензи, – тут же сказала она и криво усмехнулась, заметив его удивление. – Я это генеалогическое древо изучила вдоль и поперек. Помню каждую строчку.

– Правда? Тогда, может, вы знаете имя его жены – моей шесть раз прабабушки? Его на древе не было.

Опустив ресницы, Клэр задумалась.

– Да, – сказала она наконец. – Мораг. Ее звали Мораг Ганн. А что?

Роджер лишь покачал головой – от волнения перехватило дух.

Он посмотрел на Брианну. Полуголый малыш лежал у нее на коленях, рядом на сиденье валялась грязная пеленка – и в памяти опять всплыл другой ребенок в насквозь отсыревшей одежде.

– Их сына звали Джеремая, – чуть слышно пробормотал он.

– Верно.

Клэр с любопытством уставилась на него, потом повернула голову, глядя на извилистую дорогу, теряющуюся за высокими соснами.

– Я спрашивала ее, – сказала она вдруг. – Почему мы можем проходить сквозь камни.

– И что она ответила?

Роджер смотрел на шрам от пореза на своем запястье.

– Чтобы изменить ход вещей, – усмехнулась Клэр. – И я не знаю, так ли оно на самом деле.

Глава 70

Сбор

Последний раз на Сборе я была почти тридцать лет назад – в Леохе, на присяге клана Маккензи. Теперь Колум Маккензи был мертв, его брат Дугал – тоже, а с ними и остальные кланы; замок лежал в руинах и Сбор в Шотландии больше не проводился.

А здесь сплошь пестрели пледы, и завывали волынки, и горделивые шотландцы расхаживали по этим горам собственной персоной, как некогда у себя дома. Макнейлы и Кэмпбеллы, Бэхены и Линдсеи, Маклауды и Макдональды вместе со своими семьями, рабами и слугами.

Я всматривалась в суматоху спешно разбиваемых лагерей, выглядывая Джейми, и вдруг заметила в толпе знакомый силуэт. Я встала на цыпочки и замахала рукой.

– Майерс! Мистер Майерс!

Джон Квинси Майерс заметил меня и, просияв, подошел к нашей палатке.

– Миссис Клэр! – Он сдернул с головы издавшую виды шляпу и с обычной учтивостью приложился к моей руке. – Как же приятно вас видеть!

– Взаимно, – улыбнулась я. – Не ожидала, что вы здесь будете.

– О, я всегда стараюсь прийти на Сбор, если, конечно, успеваю спуститься с гор. Уж очень хорошо здесь продаются шкуры, расходуется все до последнего клочочка. Кстати... – Он стал сосредоточенно рыться в огромной сумке из оленьей кожи.

– Мистер Майерс, а вы далеко забираетесь на север?

– Еще как, миссис Клэр, еще как. Аж в земли моговков.

– Моговков?

Сердце у меня забилося быстрее.

– Угу... – Он наконец вытащил что-то из сумки, но, рассмотрев поближе, бросил обратно. – Представьте, миссис Клэр, мое удивление, когда я заглянул в одну из деревень на юге и увидал знакомое лицо.

– Вы видели Иэна? Как он?! – Я взволнованно вцепилась ему в руки.

– А, да-да. Мальчик прекрасно выглядит, хоть я и изрядно поразился, увидав его во всех этих индейских тряпках. Да и загорел он так сильно, что я принял бы его за одного из них, если бы парень меня не окликнул.

Судя по всему, Майерс нашел что искал – он протянул мне небольшой

пакет, завернутый в тонкую кожу и обвязанный ремешком, из-под которого торчало перо дятла.

– Иэн просил передать вам это. Вам и вашему супругу. – Майерс любезно улыбнулся. – Вы, наверное, захотите сразу прочитать... Так что до встречи, миссис Клэр.

Поклонившись, он ушел, то и дело кивая по пути знакомым.

Мне не хотелось читать письмо без Джейми. К счастью, тот вскоре объявился. Письмо было написано на вырванной из какой-то книги странице, а чернила наспех сделали из дубовых орешков: буквы были очень бледными, но вполне разборчивыми.

– *«Ian salutat avunculus Jacobus»*, – прочитал вслух Джейми, расплываясь в широкой улыбке.

«Ave! Этим мое знание латыни исчерпывается, и потому далее я продолжу на старом добром английском. Со мной все хорошо, дядюшка. Более того, я счастлив – и молю тебя мне поверить! Я женился по обычаю могавков и живу теперь в доме своей супруги. Ты, наверное, помнишь Эмили. Ролло наплодил щенят, так что по деревне теперь бегают десятки маленьких волков. Я на столь многочисленное потомство не рассчитываю, однако прошу тебя передать матушке добрую весть: скоро у нее появится еще один внук. Он должен родиться весной; если получится, я вам напишу. Смее надеяться, ты передашь от меня привет всему Лаллиброху, и «Горной реке», и Фрейзер-Риджу. Я всех вас помню – и буду помнить до конца дней. Поцелуй за меня тетушку Клэр и кузину Брианну. Твой любящий племянник, Иэн Мюррей. Vale, avunculus».

Джейми моргнул раз, другой, бережно сложил рванный лист и спрятал его в спорране.

– Правильно *«avuncule»*, неуч, – тихо сказал он. – Это же звательный падеж.

Судя по россыпи костров, здесь собрались все шотландцы от Филадельфии до Чарльстона, однако утром прибыла новая вереница фургонов.

Мы с Лиззи и Брианной болтали о детях с двумя дочками Кэмбелла, как вдруг, раздвинув толпу, к нам подошел Джейми.

– Лиззи, – улыбнулся он. – У меня для тебя сюрприз. Фергус!

Сияющий не меньше него Фергус подвел к нам худощавого мужчину с редкими светлыми волосами.

– Папа! – радостно завизжала Лиззи и бросилась ему в объятия.

Оглушенный Джейми затряс пальцем в ухо.

– Не припомню я, чтобы она кричала так прежде.

Он улыбнулся мне и протянул два клочка бумаги, судя по всему, ранее бывших одним документом.

– Контракт мистера Уэмисса. Убери куда-нибудь, саксоночка, вечером сожжем.

А затем снова исчез в толпе, отзываясь на очередной вопль с другого конца поляны.

К третьему дню уши у меня звенели от гэльского, потому что каждый спешил обменяться последними новостями, сплетнями и просто парой слов.

Все, кто не говорил – пели; и Роджер с восторженным видом бродил от палатки к палатке. Сам он давно охрип, потому что почти всю прошлую ночь пел, подыгрывая себе на позаимствованной у кого-то гитаре. Брианна с горделивым видом сидела у его ног. Вокруг толпились зачарованные слушатели.

– Он что, и правда так хорош? – прошептал Джейми мне на ухо, с сомнением оглядывая своего без пяти минут зятя.

– Не то слово! – подтвердила я.

Джейми поднял было бровь, затем пожал плечами и забрал у меня ребенка.

– Ладно, поверю на слово. Мы с Рыжиком пойдем поищем, где играют в кости.

– Ты что, собираешься приучать ребенка к азартным играм?!

– Конечно, – ухмыльнулся тот. – Раз не поет, как отец, пусть зарабатывает на ужин другими путями.

– Когда будете рубить репу для хаггиса, не выкидывайте ботву. Заварите ее и давайте понемногу детям. И сами пейте – молока будет больше.

Майри Бэкхем, прижимая ребенка к груди, кивнула, старательно запоминая рецепт. Я так и не смогла убедить шотландцев, что надо есть свежую зелень, но время от времени мне выпадал шанс добавить немного витамина С в чей-нибудь рацион, традиционно состоявший из овсянки и оленины.

Я даже заставила Джейми съесть у всех на виду целую тарелку помидоров. Впрочем, без особых результатов. Как мне кто-то признался,

легендарный Макдью запросто способен питаться любой отравой, которая тотчас убила бы простого смертного.

Попрощавшись с Майри, я улыбнулась следующей пациентке – женщине с двумя девочками, сплошь покрытыми сыпью. Сперва я решила, что опять-таки сказывается нехватка витаминов, однако на самом деле причиной тому был ядовитый плющ.

Услышав какое-то стальное лязганье, я обернулась, забыв о пациентах. Мужчины похватались за оружие.

Из леса под приглушенный бой барабанов строевым шагом выходили солдаты в алых мундирах и зеленых килтах. Их мушкеты указывали в небо, длинные сабли болтались скорпионьими хвостами, а они все шли и шли парами.

Четыре, шесть, восемь, десять... Я про себя считала вместе с остальными. Их оказалось сорок – мужчин в медвежьих шапках, которые, не глядя по сторонам, шагали в такт барабанному бою.

Краем глаза я заметила, как насторожился Макнейл, и его люди подошли ближе. Остальные тоже зашевелились – я спиной чувствовала, как собираются горцы возле своих лэрдов.

Рядом со мной будто из ниоткуда возникла Брианна с ребенком на руках. Она выглянула из-за плеча и тихо спросила:

– Кто они такие?

Вопрос эхом разнесся по всей поляне.

– Шотландский горный полк, – ответила я.

– Это я вижу, – едко отозвалась она. – Они друзья или враги?

Логичный вопрос; жаль только, что ответа, судя по растерянному бормотанию, никто не знал. Бывало, что войска разгоняли разные сборища, однако у нас ведь мирное собрание, не имеющее политической подоплеки... Впрочем, в свете недавнего восстания присутствие стольких шотландцев в одном месте могло быть воспринято превратно. Ропот нарастал, словно горы вздыхали перед бурей.

С одной стороны – сорок пехотинцев с ружьями и саблями. С другой – двести шотландцев, вооруженных до зубов... и обремененных женами и детьми.

Вспомнив Каллоден, я, не оборачиваясь, сказала Брианне:

– Если что, хватай ребенка и прячься в скалах.

Появился Роджер и встал плечом к плечу рядом с Джейми, загораживая нас с Брианной. То же самое происходило по всей поляне. Казалось, что женщины вовсе исчезли, испарились, оставив лишь длинные шеренги хмурых горцев.

Из тени деревьев вдруг выступили двое мужчин – офицер верхом на коне и адъютант, несущий знамя полка. Они миновали колонну солдат; адъютант повернулся и что-то спросил у командира, а тот кивнул в нашу сторону и отдал громкий приказ пехотинцам. Солдаты, прежде вытянутые по стойке «смирно», опустили мушкеты и расслабились. Офицер же, тронув пятками коня, направил его в неохотно расступавшуюся толпу.

Он двигался напрямик к Джейми, чья ярко-рыжая макушка заметно возвышалась над остальными.

Офицер снял шляпу с перьями, спешился, сделал два шага и коротко поклонился. Он был невысоким и коренастым, лет тридцати, с темными глазами, сверкавшими ярче стального горжета на шее. Вблизи стало видно, что красный плащ у него застегнут на плече медной брошью с вытертой позолотой.

– Меня зовут Арчи Хейс, – раскатисто сказал офицер, с надеждой глядя на Джейми. – Говорят, вы знали моего отца.

Глава 71

Круг замкнулся

– Я должен кое-что вам сказать... – начал Роджер.

Он еле дождался, когда Джейми Фрейзер будет один – все вокруг пытались перемолвиться с ним хоть словечком. Со временем, слава богу, наплыв почитателей схлынул, и тот наконец-таки остался в полном одиночестве.

Фрейзер, заметно удивившись, кивком предложил сесть рядом на высокое бревно.

Роджер держал на руках ребенка: Брианна и Лиззи готовили ужин, а Клэр ушла навестить Кэмеронов. Воздух терпко пах древесным дымом, а не торфяными лепешками, и все же здешние места удивительно походили на Шотландию.

Джейми посмотрел на спящего внука, чья рыжая головка сияла в свете костров, и Роджер незамедлительно отдал ему ребенка.

– *Balach Boidheach*^[19], – пробормотал Джейми, когда тот заворочался. – Шшш, все хорошо. Так что ты хотел сказать? – поднял он взгляд на Роджера.

– Ну, не то чтобы хотел... Я должен кое-что передать. А вы уже сами решите, стоит ли говорить остальным.

Джейми поднял бровь, совсем как дочь, и этот знакомый жест воодушевил Роджера.

– Я... хм... Ну, когда Брианна ушла сквозь камни Крэг-на-Дун, я не мог отправиться за ней сразу, пришлось ждать несколько недель.

– И? – насторожился Джейми, как всегда, если речь заходила о каменных кругах.

– Я поехал в Ивернесс, в дом своего отца, и стал приводить в порядок его бумаги. Он никогда не выбрасывал старые письма и прочий ненужный хлам.

Джейми кивнул, явно не понимая, к чему клонит Роджер.

– Я нашел одно письмо... И выучил его наизусть, чтобы пересказать Клэр, если ее найду. Вот только сейчас я не уверен, что о нем стоит говорить ей или Брианне...

– И ты спрашиваешь совета у меня? – удивился Фрейзер.

– Наверное. Хотя если подумать, это письмо больше для вас, чем для нее... Вы же знаете, мой отец был священником. Я так полагаю, письмо

было чем-то вроде исповеди... и, наверное, смерть автора позволяет раскрыть ее тайну.

Глубоко вдохнув, Роджер закрыл глаза и увидел перед собой косые строчки, написанные четким угловатым почерком. Он прочитал их более ста раз и, без сомнений, запомнил каждое слово.

– «Здравствуй, Редж!

Сердечные дела у меня обстоят неважно. И в этот раз Клэр ни при чем (уж прости за сарказм). Врач уверяет, я вполне протяну еще несколько лет, однако шансы мои невелики. Монахини в школе Бри запугивают детишек рассказами о страшных мучениях для тех, кто умер без отпущения грехов. Черт бы меня побрал (и снова прости), если я боюсь того, что ждет за гранью. Но... кто знает?

По вполне понятным причинам я не могу исповедаться приходскому священнику. Вряд ли он сочтет мой поступок грехом... скорее, украдкой вызовет по мою душу санитаров и отправит в психиатрическую лечебницу.

Однако ты, Редж, тоже священник, хоть и не католик. И что куда важнее – ты мой друг. Не надо мне отвечать, да и вряд ли ты найдешь нужные слова. Зато тебе по силам меня выслушать. Это твой величайший дар – умение слушать.

Ну вот, я все оттягиваю неизбежное...

Помнишь, несколько лет назад я попросил тебя об одной услуге – поставить то надгробие на кладбище Сент-Килда? Ты никогда не спрашивал, зачем мне это понадобилось, однако сейчас я все расскажу.

Одному богу известно, почему старина Черный Джек Рэндалл остался лежать на шотландских холмах, а не в родном Сассексе. Неужто некому было отвезти его тело домой?..

Как бы там ни было, похоронен он именно здесь. И если Бри когда-нибудь заинтересуется своими корнями, она легко найдет его могилу – та упоминается в семейных архивах. Поэтому-то я и просил тебя поставить рядом еще один камень. Она обязательно его заметит, ведь все остальные надгробия к тому времени уже рассыпятся от старости.

Быть может, ей станет любопытно, и она спросит о нем Клэр... В этом-то и есть смысл моих приготовлений. Я оставляю им подсказку, а остальное – воля судьбы.

Ты наверняка помнишь, какой бред несла Клэр после возвращения. Я всячески пытался выбить дурь из ее головы, но разве с этой упрямой женщиной можно справиться?

Когда я последний раз к тебе приезжал, то взял машину и отправился к тому проклятому холму – Крэг-на-Дун. Перед самым исчезновением Клэр мы видели танцующих в кругу ведьм. Вспоминая ту жуткую картину, стоя в окружении чертовых каменюк, я почти что ей поверил и дотронулся до камня. И ничего, конечно же, не произошло.

И все же тень сомнений осталась. Я стал искать того Фрейзера. И, кажется, нашел. По крайней мере, мужчина с таким именем действительно жил в то время, и он весьма подходит под описание Клэр. Уж не знаю, говорила ли она правду, или ее галлюцинации наложились на реальные факты... Однако Джейми Фрейзер и впрямь существовал.

Ты, должно быть, меня осудишь, но, стоя перед камнем, я мечтал только об одном – чтобы тот сработал и отправил меня прямиком к Джейми Фрейзеру. И тогда, кем бы он ни был, я бы его убил.

Я никогда не встречал этого типа, даже сомневался в его существовании, и все же ненавидел всей душой. Если Клэр не выдумывала, выходит, что я обманом удерживал ее все эти годы. Именно обманом – потому что я намеренно скрыл от нее правду. Наверное, я вроде как мстил им обоим.

Священники и поэты называют месть обоюдоострым клинком – и моя расплата в том, что я никогда не узнаю, осталась бы она со мной, будь у нее выбор, или же помчалась бы в Шотландию в тот же миг, как только узнала, что Фрейзер пережил битву при Каллодене?

Впрочем, она ни за что бы не бросила дочь. И я смею надеяться, что меня бы она тоже не оставила... однако полной уверенности нет, иначе, клянусь, я сразу бы ей все рассказал!

Что же до Фрейзера... Не знаю, проклинать мне его за то, что он украл мою жену, или благословлять за прекрасную дочь? Я иногда думаю об этом... и сразу прихожу в себя – неужто я и впрямь поверил в этот абсурд? И все же... порой мне чудится, что я знаком с Джейми Фрейзером, что где-то его видел... Скорее всего, сказывается ревность и бурное воображение – я прекрасно знаю, как выглядит этот ублюдок, ведь каждый день вижу его черты в своей дочери.

В общем, странное это чувство – будто мы с ним чем-то связаны. И дело не только в Бри. Как ни странно, иногда мне кажется, что он стоит рядом, и я вот-вот увижу его, только обернусь.

Я тут впервые подумал... может, мы с ним встретимся по ту сторону, если там что-нибудь есть? Было бы забавно... Вдруг, отринув желания плоти, мы с ним станем друзьями? Или, напротив, очутимся в кельтском аду, целую вечность пытаюсь убить друг друга?

Я плохо заботился о Клэр... Уж прости, не буду вдаваться в грязные подробности, они того не стоят.

Так что вот они – мои грехи, Редж. Ненависть, ревность, ложь, воровство, неверность... Наверное, их слишком много ради одной-единственной любви. Но я люблю их, моих жещин. Может, люблю неправильно или недостаточно сильно. Однако по-другому я не умею.

Я не хочу умирать, не исповедавшись, – и, быть может, ты отпустишь мне грехи. Я вырастил Бри в католической вере... как думаешь, она будет за меня молиться?»

– И еще подпись – «Фрэнк», конечно, – закончил Роджер.

– Конечно, – эхом отозвался Джейми. Он сидел неподвижно, и по его лицу нельзя было понять, о чем он думает.

Впрочем, Роджеру не надо было ничего понимать – он знал, какой шквал эмоций играет сейчас в душе Фрейзера, потому что испытывал то же самое, пока готовился к путешествию и искал Брианну по обе стороны океана, пока был в плену и, наконец, пока сидел в зарослях рододендрона, слушая пение камней.

Если бы Фрэнк Рэндалл предпочел сохранить тайну и не поставил в Сент-Килде тот могильный камень – узнала бы Клэр правду?.. Ведь именно из-за могилы она рассказала Брианне о настоящем отце и попросила Роджера заняться изысканиями в старых архивах, что в конце концов привело их всех сюда.

Именно фальшивое надгробие подсказало Клэр путь в объятия ее любимого шотландца – и, быть может, к скорой смерти. Именно оно позволило дочери Фрэнка Рэндалла узнать своего настоящего отца... и застрять в чужом времени. Именно благодаря ему на свет появился рыжеволосый мальчишка, ставший продолжением рода Фрейзеров. Уж не судьба ли взыскивает свой долг?..

А может, и тот, другой мальчик тоже не родился бы, если бы не подсказка Фрэнка Рэндалла. Мораг и Уильям Маккензи на Сбор не приехали, и Роджер не знал, радоваться ему или огорчаться.

Джейми Фрейзер наконец ожил, хотя по-прежнему глядел только в огонь.

– Англичанин, – зачарованно прошептал он, словно заклинание, и Роджеру почудилось в языках пламени движение.

Джейми нежно баюкал внука. В волосах у него плясали огненные искры.

– Англичанин, – повторил он, обращаясь к тому, кого видел в костре. –

Хотел бы я с тобой встретиться... Надеюсь, не придется.

Роджер, затаив дыхание, ждал. Глаза Фрейзера подернулись дымкой, лицо застыло. Наконец он вздрогнул, тряхнул головой, точно пытаюсь избавиться от некоего видения, – и только сейчас понял, что Роджер все еще здесь.

– Так мне сказать Клэр о письме? – спросил тот.

– А Брианне рассказал?

– Пока нет, но расскажу. – Роджер спокойно выдержал цепкий взгляд Фрейзера. – Она моя жена.

– Надолго ли?

– Навсегда. Если она захочет.

Фрейзер посмотрел в сторону стоянки Кэмеронов. Гибкий силуэт Клэр заметно выделялся на фоне большого костра.

– Я обещал ей быть честным... Так что да, скажи.

К четвертому дню на горе не осталось свободного места. Ближе к сумеркам люди стали складывать дрова на пепелище у подножия склона. У каждой семьи был свой костер, но здесь по вечерам разводился один огромный, возле которого собирались все, чтобы узнать, кто приехал за день.

Темнота сгущалась, на горном склоне повсюду распускались огни. Я вдруг вспомнила о символе клана Маккензи – «горящая гора» – и только сейчас поняла, что он обозначает. Не вулкан, нет. Сбор вроде этого: сотни горящих в ночи костров, знаменующие собрание всего клана. А еще я впервые со знала смысл их девиза: *«Luceo non uro»* – «Сияю, но не горю».

Вскоре запылала вся гора, и глава каждой семьи поджигал факел и сносил его вниз, чтобы добавить толику пламени к и без того жарко полыхающим дровам. На фоне огромного костра темные силуэты мужчин казались крохотными. Издалека слышались крики: негромкие, но ясные.

– Макнейлы из «Ягодной поляны» здесь!

– Лахланы из Глен-Линна здесь!

Пока Джейми беседовал с Джеральдом Форбсом, о своем прибытии объявили десятки семей. Наконец Джейми поднялся, отдал мне сладко спящего даже в этой суматохе ребенка и подпалил смоляную ветвь.

Вскоре раздался его зычный голос, разнесшийся далеко в осенней ночи:

– Фрейзеры из Риджа здесь!

За этими словами последовал свист и аплодисменты – то подали знак приехавшие с нами арендаторы.

Я тихо сидела, наслаждаясь тяжестью вялого тельца в своих руках. Малыш доверчиво расслабился, приоткрыв красный ротик. Дыхание влажно щекотало мне грудь.

Вскоре вернулся Джейми, весь пропахший дымом и виски. Он обнял меня за плечи, и я благодарно приникла к нему. По ту сторону костра что-то обсуждали Роджер и Брианна, близко склонив друг к другу головы. В свете пламени их лица будто сияли.

– Надеюсь, они не собираются опять сменить ему имя? – пробурчал Джейми.

– Вряд ли, – отозвалась я. – Ты же знаешь, священники не только крестят детей...

– И что?

– А то, что третье сентября уже прошло. – Я запрокинула голову, глядя ему в лицо. – Ты сам велел ей решать.

– Да, помню.

В тусклом свете ущербной луны его лицо стало мягче.

– А что бы выбрала ты? – спросил он вдруг и разжал кулак. На ладони лежало золотое кольцо. – Хочешь получить его обратно?

Я замерла, глядя Джейми в глаза и выискивая в них хоть малейшую тень сомнения. Однако там было одно лишь любопытство.

– Это все в прошлом, – тихо ответила я.

– Да, в прошлом. Я ревнив, отрицать не буду, но мести не ищу. Я могу украсть тебя, моя саксоночка, но никогда не сумею вырвать его из твоего сердца.

Он замолчал, глядя, как пламя играет на золотом ободке.

– Это ведь тоже часть твоей жизни, да? Так ты хочешь получить его обратно?

Я протянула руку, и он нацепил теплый металлический ободок мне на палец.

«Ф. – К. С любовью. Навеки».

Джейми произнес что-то на гэльском, но я не разобрала слов.

– Что ты сказал?

– Я сказал *«покойся с миром»*, – перевел он. – И говорил я это не тебе, саксоночка.

По ту сторону костра сверкнула алая искра. Я повернулась – Роджер как раз подносил к губам руку Брианны, на которой пылал рубиновый перстень ее отца.

– Похоже, она решила, – тихо вынес вердикт Джейми.

Улыбнувшись, Брианна поцеловала Роджера и встала. Она стряхнула с

юбок песок, подобрала увесистую ветку и протянула ему.

– Иди, – громко произнесла она, чтобы мы тоже услышали. – И скажи всем, что Маккензи здесь.

Благодарности

Автор признателен:

– моему редактору, Джеки Кантор, которая сказала: «И почему я не удивлена?», когда услышала, что в серии действительно будет очередная книга;

– Сьюзен Шварцц и ее верным подчиненным – корректорам, наборщикам и художникам-оформителям, – без которых книга бы не увидела свет; надеюсь, они придут в себя после подобного опыта;

– мужу, Дугу Уоткинсу, который сказал: «Не знаю, как тебе это до сих пор сходит с рук, ты же ничегошеньки не знаешь о мужчинах!»;

– дочери, Лоре, которая щедро позволила мне стащить две строчки для пролога из ее сочинения; сыну, Сэмюэлу, который сказал: «Ты вообще когда-нибудь эту книгу закончишь?»; дочери Дженнифер, которая сказала: «Ты ведь переоденешься для выступления перед моим классом, правда? Не волнуйся, мамочка, я уже выбрала тебе наряд»;

– неизвестному шестикласснику, который вернул тестовую главу, переданную классу для обсуждения, и сказал: «Это как-то мерзко, но захватывает. Люди ведь на самом деле так не делают, правда?»;

– Иэну Маккиннону Тэйлору и его брату Хэмишу за переводы на гэльский, идиомы и красочные ругательства; Нэнси Буши за гэльские записи; Карлу Хагену за общие советы по латинской грамматике; Сьюзен Мартин и Рейду Снайдеру за греческие сентенции; Сильвии Петтер, Элизе Скидмор, Джанет Киффер Келли и Карен Першинг за помощь с французским;

– Джанет Макконнахи и Кейту Шеппарду за латинскую любовную поэзию, смешанный язык и первоначальный текст песни «К Анакреону в рай»;

– Мэри Кэмпбелл Торнел и Руби Винсент за неизданную историческую рукопись о горцах, живших в долине Кейп-Фир; Клэр Нельсон за Британскую энциклопедию 1771 года; Эстер и Билле Шиндлерам за книги о восточных лесах;

– Рону Водаски, Карлу Хагену, Брюсу Вудсу, Риду Хэмперу, Элдону Гарлоку, Дину Куоррелу и еще нескольким джентльменам за экспертное мнение о том, какие ощущения вызывает удар между ног;

– Марте Бренгл за подробные описания церемоний в парных и

предложений касательно спортивных машин; Меррилу Корнишу за восхитительное описание цветущего багряника; Арлен и Джо Маккреа за имена святых и описание пахоты на мулах; Кену Брауну за подробности пресвитерианского обряда крещения (порядком сокращенного в тексте); Дэвиду Стэнли, будущему лучшему писателю Шотландии, за советы про анораки и куртки;

- Барбаре Шнелль за переводы на немецкий, проверку ошибок и чтение из сострадания;

- доктору Эллен Манделл за советы по медицинской части, вдумчивое чтение и полезные предложения по поводу паховых грыж, абортов и иных телесных повреждений;

- доктору Розине Липпи-Грин за подробности о жизни и традициях могавков, а также заметки о лингвистике гэльского и грамматике немецкого;

- Маку Беккету за знания о современных и древних духах;

- Джеку Уайту за воспоминания о жизни в качестве исполнителя шотландских народных песен, включая правильные ответы на шутки о килте;

- Сьюзан Дэвис за дружбу, безграничное рвение, десятки книг, описание, как она снимала с детей клещей, – и за землянику;

- Уолту Хону и Гордону Фенвику за объяснение длины фарлонга; Джону Рейвенскрофту и различным пользователям *UKForum* за увлекательное обсуждение подштанников времен Второй мировой войны; Еве Акерман и пользователям *CompuServe SFLIT Forum* за даты издания книг о Конане-варваре;

- Барбаре Рейсбек и Мэри М. Роббинс за помощь с целебными травами и ранней фармакологией;

- безымянному другу из библиотеки за массу полезных отсылок;

- Арнольду Вагнеру и Стивену Лопэту за обсуждение того, что как взрывается;

- Маргарет Кэмпбелл и прочим пользователям из Северной Каролины за различные описания их чудесного штата;

- Джону Л. Майерсу за рассказ о призраках и щедрое разрешение использовать определенные черты своей внешности и характера в образе Джона Куинси Майерса, человека-горы. А грыжа – чистая выдумка.

Я благодарю многих пользователей *CompuServe SFLIT Forum* и *Writers Forum*, чьи имена я, к сожалению, не запомнила, за полезные советы и оживленные беседы.

Особую благодарность я выражаю Розану Мадрид Гатти за огромный

труд по созданию и поддержке моего официального веб-сайта.

Также благодарю Лори Массер, Дон ван Винкль, Кэйру Халлаган, Вирджинию Клоу, Элейн Фэксон, Эллен Стэнтон, Элейн Смит, Кэти Кравитц, Ханнеке (чью фамилию я, увы, никак не могу разобрать), Джудит Макдональд, Сьюзан Хант и ее сестру Холли, а также многих других за заботу и подаренные вина, рисунки, четки, шоколад, кельтскую музыку, мыло, скульптуры, вереск из Каллодена, носовые платки с ехиднами, ручки маори, английские чаи, садовые лопаточки и прочие мелочи, призванные поднять мой боевой дух и придать сил для творчества. Это очень мне помогло.

И, наконец, спасибо маме, которая мимолетно меня касается.

notes

Примечания

1

Beaucoup (*фр.*) – многие.

А leannan (гэл.) – милая, солнышко (обращение к дочери или девушке, младшей по возрасту).

Bon voyage (фр.) – Счастливого пути!

Passionnément (*фр.*) – страстно, пылко.

«Один сказал, что слон высок и прочен, как стена» – цитата из стихотворения С. Маршака «Ученый спор», которое является переводом стихотворения английского поэта Д.Г. Сакса «Слепцы и слон».

Salud (*фр.*) – ублюдок, мерзавец.

Crottin (*фр.*) – кусок навоза.

Никто не ждет испанскую инквизицию! (англ. *Nobody expects the Spanish Inquisition!*) – цитата из британского юмористического телевизионного шоу «Летающий цирк Монти Пайтона». Вторая серия второго сезона под названием «Испанская инквизиция» пародирует реальную испанскую инквизицию. Основная фраза этих скетчей: «Никто не ждет испанскую инквизицию!» стала крылатой в английском языке.

Девочка (гэльск.).

Стихотворение У.Б. Йейтса «Остров на озере Иннисфри», в переводе С. Сухарева.

Благодаренье Господу (*лат.*).

Дочка (гэльск.).

Сердце мое (гэльск.).

Милая (гэльск.).

Малыш (гэльск.).

Черт (гэльск.).

Счастье мое (гэльск.).

Сучье отродье (гэльск.).

Славный мальчик (гэльск.).